

Андрэ НОРТОН

НЕТ НОЧИ
БЕЗ ЗВЕЗД

НОРТОН

АНДРЭ

НЕТ НОЧИ БЕЗ ЗВЕЗД

100

100

100

100

100

100

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

том одиннадцатый

*Зеркало Мерлина
Нет ночи без звезд*

романы

Издательство «Зеленоградская книга», г. Зеленоград
«Амбер Лтд», г. Ангарск
1993г.

ББК 84. 7 США
Н49

Нортон Андрэ

Нет ночи без звезд. / Перевод с английского.

Зеленоград: Издательство «Зеленоградская книга».

1993г. — 352 стр. «С» — 9.

*Право на издание предоставлено автором
при содействии ЛИА «БАЗИАТ», г. Волгоград*

В связи с получением разрешения автора на издание ранее не переводившихся произведений, издательство «Зеленоградская книга» не ограничивается выпуском десяти томного издания. Читатели получают полное собрание сочинений Андрэ Нортон на русском языке.

В одиннадцатый том собрания сочинений вошли ранее не переводившийся фантастический роман «Нет ночи без звезд» и историко-фантастический роман «Зеркало Мерлина».

Н $\frac{4701000.000 - 12}{480 (03) - 93}$ Без объявления

ББК 84. 7 США

ISBN 5 — 86314 — 014 — 3

© Издательство «Зеленоградская книга». 1993г

© Перевод — Д. Арсеньева. 1992г.

ЗЕРКАЛО МЕРЛИНА

Глава 1

Маяк продолжал звать из глубины каменной пещеры. Правда, теперь его зов звучал слабее. С годами механизм постепенно изнашивался, хотя создатели и пытались создать его вечным. Они считали, что могут предвидеть любую случайность. И действительно, предусмотрели всё, кроме собственной слабости и природы мира, в котором действовал маяк. Время накатывалось, уходило, а маяк продолжал выполнять своё задание; за пределами пещеры поднимались и гибли народы, сами люди всё изменялись и изменялись. Всё, что застали создатели маяка, исчезло, уничтоженное самой природой. Моря затопляли землю и откатывались назад, их волны сносили целые города и страны. Поднимались горы, и останки некогда гордых портов оказывались в разреженном воздухе больших высот. Пустыни напоздали на зелёные поля. С неба упала луна, другая заняла её место.

А маяк всё звал и звал, призывая тех, кто исчез, оставив за собой лишь легенды и странные, искажённые временем предания. В жизни людей наступил новый тёмный период. Под собственной тяжестью и давлением времени рухнула великая империя. На её границы, как стервятники, набросились варвары. Огонь и меч, смерть и рабство — живая смерть — шли по земле. А маяк продолжал звать.

Огонь в сердце маяка тускнел. Время от времени его зов прерывался — так человек даже в смертельной опасности переводит дух между криками о помощи.

И вот этот зов, такой слабый теперь, был услышан в далёком космосе. Металлическая стрела уловила импульс, в сердце корабля заработали молчавшие много столетий механизмы. Стрела изменила курс, следуя зову маяка как указателю направления.

На борту корабля не было никого живого. Он был создан существами, увидевшими гибель всего, что они считали важным, гораздо более важным, чем их собственная жизнь. Они послали шесть таких стрел в небо, надеясь, что хоть одна отыщет цель. И погибли, побеждённые врагом.

Стрела приближалась к Земле, и со щёлканьем пробуж-

дались одно реле за другим. Корабль представлял собой результат тысячелетнего опыта, высочайшее достижение расы, некогда путешествовавшей меж звёздами с лёгкостью, с какой человек идёт по знакомой тропе. Теперь он должен выполнить задание, для которого предназначался.

Стрела мягко перешла на околоземную орбиту и приготовилась спуститься в ответ на зов маяка. Внизу люди с первобытным страхом следили за её огненным полётом. Некогда принадлежавшие им знания давно уже были погребены в мифах.

Одни племена забивались в кожаные палатки, а шаманы били в барабаны и выкрикивали странные гортанные заклинания. Другие смотрели широко раскрытыми глазами на падающую звезду, которая могла быть как добрым, так и дурным предзнаменованием. Стрела приблизилась к пещере с маяком и раскололась.

Корпус, который пронёс через пространство драгоценный груз, раскрылся, из него вылетели разнообразные машины. Они не погрузились в море, пронесившееся под стрелой, а полетели дальше, как бы по собственной воле, направляясь к горному хребту.

Несколько мгновений машины висели в воздухе, затем легко опустились на землю. И если кто-то наблюдал их спуск, то не рассказывал об этом. Машины были скрыты искажающим полем. Создатели их приняли все возможные меры предосторожности, чтобы защитить свой проект.

На земле машины вырастили многочисленные придатки и начали настойчиво пробиваться к слабющему маяку. Они пробирались в пещеру.

В некоторых местах приходилось расширять туннель, но это было предусмотрено. Наконец машины добрались до маяка и продолжили работу. Одни из них высекли в скале основание и сели на него, глубоко внедрив в камень провода, от которых их уже нельзя было оторвать. Другие поднялись к потолку пещеры и летали там, как огромные безмозглые насекомые; только эти насекомые соединяли проводами установленные внизу механизмы.

Спустя какое-то время, которое механизмам не нужно было измерять, создание коммуникационной сети завершилось. Механизмы были готовы к работе, для которой их запрограммировали. Если бы этот мир не отвечал необходимым требованиям, маяка здесь просто не было бы. В памяти механизмов хранилась информация, которую следовало использовать при отборе образцов.

Один из механизмов выбрался из отверстия пещеры и улетел. Ночь была безлунная, небо затянули облака. Летящий механизм был размером с орла; его искажающие поля исчезли. Он летал расширяющимися кругами, посылая в пещеру сведения непрерывным потоком.

Шёл снег, дул резкий холодный ветер. Но температура для механизма означала лишь один из параметров среды.

Ярко горел огонь в центре дома клана. С высокого балкона, примыкавшего к спальням, Бригитта смотрела на мужчин, сидевших внизу у огня. Смешанные запахи конюшни, хлева, древесного дыма, пищи и питья густо, как туман, висели в воздухе. Но когда дом клана закрыт на ночь от тьмы, когда гул голосов плывёт из комнаты в комнату и поднимается вместе с дымом вверх, в такую ночь чувствуешь себя здесь в безопасности.

Бригитта вздрогнула и плотнее запахнулась в плащ. Наступил Самейн — время между концом одного года и началом следующего. Время открывания дверей между этим миром и миром тьмы, и злобные демоны могут пробраться и напасть на людей. В весёлом пламени, в голосах мужчин, в ржании лошадей, доносившемся из внешнего кольца конюшен, звучала сама безопасность. Бригитта взяла кубок, стоявший рядом с ней на скамье, и отхлебнула ячменного эля, слегка скривившись от горечи, но радуясь разливающемуся по телу теплу.

На балконных скамьях сидели и другие женщины, но поодаль от Бригитты. Она дочь вождя и пользуется особым почётом. Пламя отражалось в золотом браслете на её руке, в широком ожерелье из бронзы с янтарём на груди. Тёмно-рыжие волосы спадают свободно, чуть не касаясь пола за скамьёй, их цвет составляет приятный контраст с тёмно-синим цветом плаща и алым платьем под ним.

Бригитта готовилась к пиру, но это не настоящий пир. Она с негодованием встретила новости, из-за которых мужчины собрались на совет, а женщины вынуждены только смотреть, зевать и немного сплетничать. Но даже сплетничали они лениво: они уже так давно живут вместе, что ничего нового нельзя сказать ни о событиях, ни друг о друге.

Бригитта беспокойно зашевелилась. Война, война с крылатыми шлемами — больше ни о чём мужчины не могут думать. Так мало стало обручений и свадеб. А она с каждым месяцем становится старше. Но отец всё ещё не выбрал для неё мужа. Бригитта хорошо знала, что сплетничают и об этом. Если не сейчас, то позже эти сплетни могут отпугнуть возможных поклонников.

Война. Бригитта недобро усмехнулась, и в её взгляде, устремлённом на собравшихся внизу, сверкнула злоба. Мужчины всегда сначала думают о войне. Какое им дело, если захватчики проникли в долины за много миль от них? Какая разница людям Найрена, которым нечего бояться в горной крепости? И ещё эта болтовня о злых делах верховного короля. Она снова глотнула эля.

Итак, он бросил жену, чтобы жениться на дочери саксонского повелителя... Интересно, как выглядит новая королева. Вортиген стар, у него взрослые сыновья, которые поднимут меч на защиту опозоренной матери. Вестник сообщил, что они собирают для этого близких и дальних родичей. Но саксы защитят новую королеву. И опять война! Бригитта не могла вспомнить, когда в доме клана не звенело бы оружие. Ей стоило чуть поднять голову, и она видела белеющие под карнизами крыши черепа — трофеи войн и прошлых набегов.

Причём она не думает, что Найрен испытывает симпатию к верховному королю. Десять дней назад прибыл другой вестник и был принят гораздо радушнее, стройный смуглый мужчина с чисто выбритым лицом, в латах и шлеме — форме императорского войска. Императора давно не стало, хотя говорят, что за морями империя ещё существует. Но на этой земле имперские орлы не появлялись со времён молодости её отца.

Похоже, что по крайней мере один вождь ещё верит в императора. Смуглый вестник прибыл от него призвать людей Найрена под боевые знамёна империи — как и вестник, из-за которого сегодняшний сбор. У того, первого, двойное, трудное для произношения имя в стиле римлян. Бригитта произнесла его вслух, гордясь тем, что хорошо владеет древней речью и может произнести его правильно.

— Амброзиус Аврелианус. — И добавила не менее странный титул: *Dux Britanniae*. Лугейд сказал, что на чужом языке это значит — Вождь Британии. Слишком громкий титул: ведь половина земли полна новыми родственниками Вортигена — крылатыми шлемами из-за моря.

Отец её в старину учился в Акве Сулис, когда император Максим правил не только землями за морем, но и Британией. Он помнит, что тогда следовало опасаться только набегов шотландцев и пограничных стычек. Он преклонялся перед римлянами, и в числе других Вортиген изгнал его из городов, потому что верховный король опасался влияния таких людей.

Тогда Найрен вернулся в край своих отцов и собрал вокруг себя родственников. Может быть, он лишь выжидал... Бригитта снова отпила эля. Отец всегда сам принимает решения.

Она посмотрела на отца. Вон он сидит на высоком сидении в центре. Одет не так ярко, как окружающие. Рубашку ему она сшила сама, украсив её рисунками со старой вазы — переплетением зелёных и золотых листьев. Брюки тёмно-красные, плащ того же цвета. Лишь широкое золотое ожерелье, браслеты на запястьях и кольцо на пальце соответствовали великолепию украшений остальных. И всё же именно он здесь главный. Человеку, вошедшему в дом клана и увидевшему Найрена, не нужно спрашивать, кто здесь вождь. Глядя на отца, Бригитта почувствовала гордость. Найрен, не проявляя никаких чувств, вежливо слушал посланца верховного короля. А тот склонился вперёд, явно желая произвести впечатление на мелкого вождя, каким считает Найрена верховный король.

Но влияние вождя клана выходит далеко за пределы его дома, и многие в горах внимательно прислушиваются к его словам. Мудрость Найрена известна, он удачно воюет и хорошо руководит набегам. Он мог бы провозгласить себя королём, как многие окружающие, но предпочёл не делать этого.

Бригитта снова нетерпеливо шевельнулась. Ей хотелось, чтобы отец поскорее отослал посланца высокого короля и чтобы они могли спокойно пировать.

Сквозь гул голосов она слышала рёв ветра. Снаружи буря. А в такую ночь буря может принести войско тьмы.

Бригитта взглянула на Лугейда, сидевшего рядом с её отцом. Он владеет древними знаниями и установил защиту на эту ночь. Хотя борода его седа, худое тело не согнуто и вообще признаков старости не видно. Ярким пятном выделяется его белая одежда. С отсутствующим видом поглаживая бороду, Лугейд тоже слушал посланца Вортигена.

Римляне пытались уничтожить древние знания, и пока они были у власти, люди, подобные Лугейду, скрывались. Теперь они снова пользовались почётом, и к их словам прислушивались. Бригитта сомневалась в том, что Лугейд на стороне верховного короля: он и ему подобные обладатели древних знаний любили крылатые шлемы не больше, чем римлян.

От крепкого эля у Бригитты слегка закружилась голова. Отставив в сторону кубок, она сонным взглядом смотрела на игру пламени в очаге внизу. Языки пламени подпрыгивали, извивались, танцевали быстрее и грациознее, чем любая девушка на лугу в канун Белтейна — праздника огня. Вверх и вниз... Ветер загудел так громко, что Бригитта с трудом слышала голоса внизу.

Скучно. Пир, который обещал быть таким весёлым, испорчен глупой войной. Бригитта широко зевнула. Она была разочарована. Вчера съехались отдалённые родственники, и у Бригитты появилась надежда, что среди них отец найдёт наконец поклонника, которого одобрит.

Она попыталась рассмотреть внизу лица незнакомцев. Но все они виделись ей лишь смутными пятнами, покрас-

невшими от близости пламени; кричащая расцветка пледов и костюмов сбивала с толку. Хотя среди них есть и юноши, и опытные воины, ни один из них не привлёк вчера её внимания. Но, конечно, она в любом случае послушно пойдёт с тем, кого назовёт отец.

Её постоянная печаль в том, что он не называет никого. Они уйдут на войну, все эти возможные поклонники, многие погибнут, и выбор станет меньше. Печальная утрата. Бригитта покачала головой, затуманенной элем, загипнотизированная игрой огня. И вдруг поняла, что больше не выдержит.

Бригитта встала и пошла в свою комнату. Вторая дверь её спальни выходила на парапет стены — внешней защиты крепости. Дверь плотно закрыта, но свист ветра слышался сквозь неё ещё отчётливее. В дальнем углу тускло горела лампа. Бригитта сняла платье и, завернувшись в плащ, легла на кровать у стены. Она дрожала не столько от холода, шедшего от камня, сколько от страха перед ветром, перед тем, что могут принести его порывы в такую ночь. Но Бригитта хотела спать, глаза её сонно закрылись, лампа затрещала.

Внизу у очага рука Лутейда неожиданно застыла. Он повернул голову и больше не смотрел ни на Найрена, ни на человека, так красноречиво упраскивавшего вождя о поддержке. Казалось, жрец Древних прислушивается к чему-то иному.

Его удивлённые глаза широко раскрылись. Но тревожный рог часового не гудел, а если сигнал тревоги и зазвучал, то его услышал только Лутейд. Рука его придвинулась к эмблеме, вышитой на груди, — золотой спирали. Жрец провёл пальцем по спирали от внешнего конца до самого центра. Он полусознанно искал ответа на какой-то важный вопрос.

Подняв взгляд к балкону, на котором сидели женщины, Лутейд принялся их разглядывать, пока не обнаружил, кого недостаёт. Тут он перевёл дыхание. Быстро посмотрел направо и налево. Возможно, он опасался, что привлёк к себе внимание, но все напряжённо слушали незваного гостя. Лутейд слегка отодвинулся назад, закрыл глаза, и

его бородатое лицо приобрело выражение глубокой сосредоточенности.

Время ничего не значило для механизмов. Летающие аппараты возвращались, сведения, доставленные ими, сортировались, классифицировались; на основе информации уточнялись детали проекта. Решение было принято, дважды проверено. Затем была подготовлена самая хрупкая и сложная часть оборудования.

Ещё раз в воздух поднялся механизм. Включив искажающее поле, он полетел по широкой спирали. На самом дальнем витке спирали он перевалил через горный хребет. Маяк, вызвавший механизмы из времени и пространства, смолк. Но теперь, далеко и глубоко в скалах, проснулся к жизни новый сигнал. Не отмеченный летающим механизмом, он запульсировал; энергия, породившая его, росла.

В исбо ударил новый луч и улетел к звёздам. Пройдёт много лет, прежде чем его уловят те, кто поставил маяк. Но луч нельзя погасить. И могут начаться новые битвы, не такие страшные, как в древности, потому что силы соперников в тысячи, миллионы раз меньше тех, которыми они обладали когда-то. Но время не ослабило их ожесточения и решимости. Они непримиримы, как всегда.

Механизм повернул, порыв ветра подбросил его, как листок. Но ничто не могло помешать ему выполнить задачу.

Бригитта крепко спала, но ей казалось, что она проснулась. Её больше не окружали стены родного дома. Она стояла на тропе, которую хорошо знала. Тропа ведёт к ручью пророчеств, где богиня благословит того, кто делает ей подношение. И теперь совсем не ужасная ночь Самейна, когда злобные силы охотятся на людей. Бригитту окружала зелёная свежесть ранней весны, праздник Белтейна, когда пылают костры, а юноши и девушки прыгают через них, рука об руку, молясь тем богиням, которые способствуют увеличению племени.

Золотой свет шёл не от солнца. Луч, как золотое копье, коснулся её ног, поднялся выше, она радостно засмеялась, побежала сквозь сияние, охваченная сильным возбуждением. Никогда она не чувствовала себя такой живой, свободной и счастливой, как в этот момент.

И тут она увидела его. Он ждал её приближения. И она сразу поняла, что именно его она ждала, именно его высматривала среди посетителей или гостей. Именно его Великая Мать дала ей для полного счастья.

Он весь состоял из света, одетый сиянием и теплом. Она подбежала к нему, и сияние и тепло окружили их, отгородили от мира. Никто теперь не мог найти их. Она стала частью его, а он — частью её, и они стали единым целым.

Их окружал золотой мир, он пел, как будто все птицы запели лучшие свои песни. И Бригитта погрузилась в тепло, забыла всё, и осталось только поле, засеянное зерном, готовое принести обильный урожай.

В доме клана Лугейд откинулся в тень. Тело его слегка раскачивалось, лицо стало похоже не маску, лишённую всякого выражения. Он всем существом сосредоточился на чём-то, слышном только ему. Его замешательство росло. Он был похож на человека, который ежедневно проходит мимо храма давно забытого бога и вдруг слышит из заброшенного святилища призыв к поклонению.

Но вскоре замешательство сменилось возбуждением. Маска сползла с лица, и Лугейд превратился в человека, который после долгих лет борьбы вдруг понял, что он победил. Поглаживая рукой спираль на груди, он шептал слова не на языке окружающих его людей, не на языке римской империи, превратившейся в ничто, а на гораздо более древнем наречии. Даже для тех, кто знал, что эти слова пришли из невероятно далёкого прошлого, они потеряли всякий смысл.

Наверху Бригитта улыбнулась, застонала и вытянула руки, чтобы обнять стоявшего перед нею во сне. Летающий механизм над крышей начал опускаться. Пробрав-

пнись в отверстие, он безошибочно отыскал дверь в комнату, где лежала девушка.

Механизмы в пещере загудели громче, потом снова стихли, слышалось только сонное ворчание, будто зверь истратил силы и теперь нуждался в отдыхе. Но работа установки в другом — далёком — утёсе не прервалась. Сигнальный луч усилился, уходил всё дальше и дальше как манящий палец, который должен привлечь помощь в древней, древней войне.

Лугейд открыл глаза и посмотрел на дверь комнаты Бригитты. Он мог лишь догадываться о том, что произошло там. И бесконечно удивлялся, что такое могло случиться в его беспокойные дни. Боги давно ушли, но, кажется, они ещё живы. Как можно быстрее он должен пойти к Месту Власти. Там он найдёт ответ, узнает, что несёт это происшествие его народу.

Он услышал гул голосов вокруг и почувствовал нетерпение. Окружающие занимаются своими мелкими делами. А он уверен, что сегодня здесь побывало небесное существо и принесло жизнь, а не смерть. Об этом часе говорили легенды, обещавшие возвращение Повелителей Неба!

Глава 2

В комнате было жарко. Между приступами боли Бригитта мечтала о том, чтобы погрузить своё разбухшее тело в ручей, который берёт начало у Источника Счастья. Она смутно сознавала, что большинство жителей крепости и деревни до рассвета ушли в поля, на праздник Лугнаса — праздник урожая. Юлия, которая нянчила ещё её мать, терпеливо сидела рядом, время от времени вытирая лицо Бригитты влажной тканью. В дальнем углу стояла жаровня, от неё доносился запах палёной травы. Когда запах дошёл до постели, Бригитта закашлялась. Все двери в доме открыты, все узлы развязаны, чтобы роды прошли легко. Но Бригитта тупо думала, что это не помогло. Разве легко смертной женщине рожать сына бога?

Предыдущие месяцы — как странно все на неё смотрели. Только пророчество Лугейда спасло дом Найрена от чёрного стыда. Бывали моменты, когда она с готовностью взяла бы кинжал и вырезала из тела то, что посеяли в нём чужие силы. Очень трудно был вспоминать золотое счастье сна, хотя Лугейд уверял её, что это был вовсе не сон. На самом деле к ней приходил один из Сыновей Неба.

Теперь она ощущала только боль, а между приступами боли страх, что боль станет ещё сильнее. Но, сжимая челюсти, Бригитта молчала. Когда рожает сына бога, нельзя кричать.

Тело её снова напряглось. Юлия оказалась рядом. Затем откуда-то возник Лугейд. И его взгляд унёс боль, Бригитта поплыла среди всплесков огня, которые могли быть звездами.

— Мальчик. — Юлия держала ребенка на куске чистой ткани.

— Мальчик, — кивнул Лугейд, как будто никогда не сомневался в этом. — Его зовут Мирддин.

Юлия враждебно взглянула на него. «Имя сыну даёт отец.»

— Его зовут Мирддин. — Друид обмакнул палец в воду и коснулся груди ребенка. — Так сказал бы его отец.

Плечи Юлии опустились. «Ты говоришь о Повелителях Неба, — фыркнула она. — Не стану отрицать, что ты спас мою леди от позора. Но всё же никто в замке не поверил до конца. Его будут называть «сын нелюди» и рассказывать всякие сплетни.»

— Недолго, — Лугейд покачал головой. — Он первый из своего племени, и благодаря ему вернутся прежние дни. Рассказы о прошлом — не только сказки бардов, предназначенные для развлечения. В них истина. Присматривай за ребёнком и своей госпожой. — И он без интереса взглянул на Бригитту, как будто, выполнив свою миссию, она была больше не нужна.

Юлия снова издала звук, похожий на фыркание. Она занялась ребенком, который не плакал, а лежал спокойно, глядя на неё. В эти первые минуты после прихода в мир он, казалось, полнее отдаёт себе отчёт в окружающем, чем

можно ожидать от новорожденного. Нянька, заметив эту странную уверенность, сделала магический знак, прежде чем взять ребёнка. Бригитта тяжело спала.

Юлия правильно определила отношение к Мирддину в раннем детстве. Он действительно был «сыном нелюди», но поскольку вождь признал — по крайней мере внешне — утверждение Лугейда, что его дочь зачала от Повелителя Неба, никто открыто не позорил мальчика. Но и не принимал его близко, как его ровесников.

В первые годы он был странно медлителен и неспособен к обучению. Женщины дома считали, что отсталость соответствует загадке его зачатия. И ходить он начал очень поздно. Если бы не Юлия, мальчик был бы совсем заброшен и, может быть, рано умер. Потому что через шесть месяцев после его рождения Бригитта вышла замуж за овдовевшего вождя клана, достаточно старого, чтобы быть ей отцом. Она покинула крепость Найрена, а вместе с ней и сына.

Бригитта не возражала против расставания: с самого рождения ребенка, очнувшись от обморока, в который, как она была уверена, её погрузил Лугейд, она не испытывала к сыну нежности. Место матери занял Лугейд, а Юлия заботилась о физических условиях его существования, в чём Мирддин в его возрасте нуждался больше всего. И именно Юлия яростно защищала ребенка, когда вслух обсуждали его медлительность. А когда её собственная вера в ум Мирддина слабела, она обращалась к Лугейду.

— Не волнуйся, — говорил Лугейд, посадив мальчика на колени и закрыв глаза рукой. — Он живёт по другому времени, своему собственному. Вот увидишь, он заговорит сразу ясно и целенаправленно, пойдёт прямо, а не будет ползать, как животное. Он многое унаследовал от другого мира, поэтому его нельзя судить по нашим меркам.

Юлия некоторое время сидела молча, переводя взгляд от друида к ребенку и обратно.

— Иногда мне кажется, — призналась она, — что ты придумал эту сказку, чтобы спасти мою госпожу от позора. Но это не так. Ты веришь в свои слова. Почему?

Теперь он перевёл взгляд от ребёнка к ней. — Почему, женщина? Потому что в ночь его зачатия я ощутил приближение Силы. Мы так много утратили. — Он с сожалением покачал головой. — Утратили знания, которые позволяли людям бросать вызов звёздам. Мы пережёвываем обрывки легенд и не знаем, что в них правда, а что позднейшие выдумки. Но осталось достаточно, чтобы знающий человек мог ощутить присутствие Силы.

Этот «сын нелюди» будет велик, он сможет возводить королей на престол и свергать их. Но не для этого он послан сюда. Нет, он первооткрыватель. И когда он достигнет полной силы, то заговорит на Высоком Языке, и мы увидим начало нового мира.

Звучавшая в его голосе страсть испугала Юлию. Она взяла мальчика у Лугейда и странно посмотрела на него. Она знала, что друид верит в свои слова. И с этого момента следила за каждым движением Мирддина, ожидая увидеть признаки величия, но не зная, в чём они проявятся.

Мирддин пошёл в возрасте четырёх лет и, как и предсказывал Лугейд, с первых же шагов пошёл уверенно, не ползая, не держась за что-нибудь, как другие дети. Месяц спустя он заговорил, и слова его звучали чётко, как у взрослого.

Но он не пытался присоединиться к другим детям в их играх. И не проявлял интереса к оружию, не слушал воинов, рассказывавших о прошлых битвах. Напротив, он всегда сопровождал друида. И все решили, что Мирддин станет бардом или будет изучать законы и родословные кланов. В одно из своих редких посещений дома Найрен согласился с этим.

К этому времени вождь сделал выбор. Со своими воинами он присоединился к Амброзиусу, воюя и с верховным королём, предавшим свой народ, и с саксами, которых король пригласил как союзников и которые стали его господами. Воины часто покидали горную крепость, оставляя лишь небольшой гарнизон для защиты, а женщины и дети работали на полях и пасли стада овец — главное богатство клана.

В клане не хватало работников, и пяти лет Мирддин

начал пасти стада. Тогда-то он и нашёл пещеру. Он поднялся выше обычного среди поросших мхом скал, главным образом потому, что старшие ребята занимали лучшие пастбища. Обогнув скальный выступ, он забыл об овце, которую искал, и о других овцах, ждавших внизу.

Как во сне, свернул он направо, туда, где виднелось узкое отверстие, едва доступное для его маленького крепкого тела. Обвал, обнаживший вход в пещеру, произошёл недавно, но не из-за него Мирддин увидел расщелину, а из-за какого-то принуждения, увлёкшего его сюда.

Он протиснулся сквозь щель и оказался в гораздо более широком проходе. Впереди почти ничего не было видно: свет падал сзади, сквозь щель, через которую он сюда проник. Мальчик не испугался; наоборот, его охватило странное, всё возрастающее возбуждение, как будто впереди лежало нечто удивительное, предназначенное лишь для него одного.

Он бесстрашно двинулся во тьму, нетерпеливо стремясь узнать, что же там впереди. Отойдя от входа, он с удивлением обнаружил бледное сияние, охватывающее всё внутреннее пространство на три-четыре шага. Его как будто окутал плащ света. Это открытие не показалось ему странным. Что-то в глубине его сознания приветствовало окружающее, как давно знакомое, но забытое.

Он знал, что рассказывают о нём, об его отце — Повелителе Неба. А от Лутейда он узнал, что в далёкие-далёкие времена жители неба часто спускались на землю и женщины Земли рожали им сыновей и дочерей. Эти сыновья и дочери владели способностями, которых не было у других людей, но когда Повелители Неба перестали появляться, эти способности забывались, по мере того как потомки небесных жителей скрещивались с землянами и утрачивали чистоту крови. Сейчас мало кто верил в них, и Лутейд предупредил Мирддина, что тот должен хранить этот рассказ в тайне, пока делами не сумеет подтвердить своё происхождение. Лутейд сказал также, что если мальчик сам не сумеет овладеть знаниями Древних, он будет беспомощен, потому что на земле больше нет учителей и сохранилась лишь слабая тень прошлых знаний.

Та часть Мирддина, что была унаследована от Бригитты, съёжилась, одинокая и испуганная, неспособная вступить в контакт с окружением. Мальчик часто думал, что случится с ним, если он не сумеет найти то, что должен знать. Даже Лугейд здесь бессилен. Он сказал, что учителя, которые могли бы научить Мирддина, давно мертвы, а от их знаний сохранились лишь обрывки в памяти таких, как сам друид. Но жрец пообещал, что когда придёт время, он все свои знания передаст тому, кто стал для него приёмным сыном.

Сероватый свет, сопровождавший мальчика, становился всё ярче. Теперь Мирддин видел, что свет исходит от стен. Потрогав её рукой, он почувствовал, что скала дрожит. Мальчик прижался к ней ухом и услышал биение, похожее на удары огромного сердца.

В его сознании ожили все сказки о чудовищах, живущих в глубоких пещерах, и он остановился в нерешительности. Но возбуждение погнало его дальше. И вот он оказался в обширном помещении, залитом ярким светом. Мирддин отшатнулся, закрыв глаза руками, ослеплённый невыносимым блеском. Дрожь превратилась в гул, который ощущался не только телом, но и слухом.

— Не бойся.

Мирддин вдруг понял, что уже некоторое время слышит этот голос, и впервые в жизни почувствовал настоящий ужас.

Он боролся с этим ужасом, но не мог отрвать рук от глаз, чтобы посмотреть, кто говорит. Слова эти несколько уменьшили его страх: конечно, ни огнедышащий дракон, ни привидение не станут говорить человеческим языком!

— Не бойся, — слышались те же слова.

Мальчик глубоко вздохнул и, собрав всё своё мужество, опустил руки.

Так много открылось его взору, окружающие предметы были настолько чужды всему его опыту, что удивление победило остатки страха. В пещере не оказалось ни чешуйчатых чудовищ, ни злобных зверей. Под ярким освещением возвышались полированные прямоугольники и цилиндры, для которых в родном языке мальчика не было

названий. Он ощущал присутствие какой-то жизни, хотя это и была не жизнь плоти, а совсем иная, чуждая жизнь.

Огромная пещера была полна разных предметов. На поверхности некоторых вспыхивали разноцветные огоньки. Другие оставались тёмными, но во всех таилась чужая жизнь.

Мирддин по-прежнему не видел, кто говорил с ним, и был слишком осторожен, чтобы углубляться в это чуждое помещение. Он облизал губы кончиком языка и ответил со всей храбростью, какую мог собрать. Голос его резко прозвучал в огромном помещении.

— Я не боюсь! — Это было ложью, но лишь отчасти, потому что с каждым мгновением страха проходил, побеждённый очарованием необычного места.

Он ожидал, что кто-нибудь выйдет ему навстречу, выступит из-за прямоугольника или колонны. Но время шло, а никто не появлялся. Мирддин снова заговорил, слегка разочарованный приёмом.

— Я Мирддин из клана Найрена. — Он сделал ещё два шага вглубь пещеры. — А ты кто?

По-прежнему вспыхивали и гасли огоньки, не прекращалось гудение. Но ответа так и не последовало.

Тут Мирддин увидел в дальнем конце прохода, образованного двумя рядами прямоугольников и цилиндров, какое-то сияние; оно соединяло два прямоугольника, образуя сплошную стену. Как только его взгляд остановился на этом странном явлении, сияние померкло и он увидел какую-то фигуру, такого же роста, как и он сам.

Желая лучше рассмотреть незнакомца, Мирддин быстро пошёл вперёд, не обращая внимания на странные предметы, пристально вглядываясь в зрелище на сверкающей поверхности. Он никогда раньше не видел такого чёткого и яркого отражения, потому что зеркалами в доме клана служили либо маленькие бронзовые пластинки размером с ладонь, либо искажающая поверхность полированных щитов. Здесь было совсем по-другому, и он понял, что перед ним зеркало, только когда вытянул вперёд руку и увидел, что тот, другой, мальчик поступил так же. И вначале его заинтересовала только лишь новизна увиденного.

Тёмные волосы, сегодня утром так аккуратно расчёсанные Юлией, теперь спутанной массой лежали на плечах, в них торчали листья и веточки, засевшие, когда он пробирался сквозь кусты. Смуглое лицо и густые чёрные брови, сросшиеся на переносице. Изумительно зелёные глаза под ними.

Одежда, которую сшила Юлия, украсив красной нитью, порвана и испачкана, длинные брюки заткнуты за голенища сапог. На груди единственное украшение — коготь орла на красной нити. На подбородке засохшая грязь, щека исцарапана. Хотя одежда у него добротная и тёплая, мальчик был одет не так роскошно, как можно было ожидать от внука вождя. В сущности только отличный нож в кожаных ножнах, висевший на поясе, свидетельствовал о том, что его владелец не просто сын охотника или копьеносца.

Мирддин поднял руки, отбрасывая назад волосы. Он решил, что здесь нужно выглядеть достойно. Может, тот, кто с ним говорил, разглядев его получше, решил, что он больше не достоин слов.

— Мы тебя ждали, Мерлин, — снова без всякого предупреждения прозвучал голос.

Мерлин? Они... те, кто тут скрываются... хотят называть его так. Мирддин снова почувствовал страх. Что если они обнаружат свою ошибку? Он глубоко вздохнул и упрямо посмотрел в зеркало: собственное отражение почему-то внушило ему уверенность.

— Вы... вы ошибаетесь, — он заставил себя говорить громко. — Я Мирддин из дома Найрена.

Он напряжённо ждал немедленного наказания. Сейчас его выбросят из пещеры, как листок. А ему почему-то хотелось остаться, узнать, что это за место, кто с ним разговаривает, называя его этим странным именем.

— Ты Мерлин, — уверенно заявил голос. — И всё это приготовлено для тебя. Отдохни, сын, а потом узнаешь, кто ты, и начнёшь учиться.

Из правого прямоугольника выдвинулась планка. Мирддин осторожно ощупал её. Она была достаточно широкой и казалась прочной, его вес она выдержит. К тому же, решил он, не стоит спорить с этим голосом. Слишком уж уверенно и властно он звучал.

Мирддин осторожно уселся перед зеркалом. Хотя сидение и было твёрдым, оно слегка подалось под его весом. Сидеть стало очень удобно. Отражение в зеркале исчезло. И прежде чем Мирддин успел встревожиться, там появилось другое изображение. И началось обучение...

Вначале на Мирддина был наложен строгий запрет, так что он теперь не мог ни с кем поделиться впечатлениями о своём странном приключении, даже с Лугейдом, который единственный во всём клане мог бы его понять. Но запрета на мысли и воспоминания не было. И иногда узнанное в зеркале так его возбуждало, что в доме клана он бродил как в тумане.

Лугейд, который мог бы что-нибудь заподозрить, в это время отсутствовал, служа посыльным между Найреном и другими вождями и маленькими королями, пытаясь склотить союз, способный противостоять натиску саксов. Потому что у Амброзиуса не хватало сил, чтобы противостоять и крылатым шлемам, и сторонникам предателя Вортигена. Ему постоянно приходилось отправлять отряды в разные концы беспокойных границ.

И Мирддин несколько следующих лет мог легко ускользать из замка, проникать в пещеру и проводить долгие часы перед зеркалом. Вначале он многое не понимал из того, что ему показывали. Он был слишком мал, и его опыт был слишком ограничен. Но изображения в зеркале, хотя в подробностях и не повторявшиеся, снова и снова сообщали ему факты, пока они не стали частью сознания мальчика, как ежедневные события жизни, знакомые ему с рождения.

Мирддин понемногу стал применять изученное. Он обнаружил, что сведения, сообщённые зеркалом, имеют практическое применение. И хотя сам он был мал, он уже мог повлиять на ребят, достаточно выросших, чтобы владеть оружием. Он очень рано понял, что кроме него никто не может даже увидеть расщелину, ведущую в пещеру, хотя ничего не знал об искажающих полях.

Помимо того, что он мог таким образом исчезнуть без следа, он мог также внушить своим товарищам по охоте

или по пастушеству, что он весь день находился с ними, хотя на самом деле проводил эти часы перед зеркалом.

Но хотя теперь ему и хотелось использовать свои знания, вместе с тем действовали определённые ограничения: так он дважды пытался убедить Юлию увидеть несуществующее и оба раза отказывался от попыток. Так он узнал, что его новое оружие предназначено не для лёгких целей, а главным образом, чтобы предоставить ему время на обучение.

Новости медленно доходили до горной крепости. Лугейд не возвращался. Наоборот, стало известно, что он направился в далёкое путешествие к Месту Солнца. Мирддин горевал об этом: он надеялся поделиться с друидом своими удивительными открытиями, понимая, что только старый Лугейд, владеющий обрывками древних знаний, сумеет понять его.

Вскоре после известия о поездке Лугейда появились ещё более тревожные и трагические новости, сообщённые горсткой израненных, усталых людей; многие из них держались в сёдлах своих выносливых горных пони одной лишь силой воли и при помощи товарищей. Отряд Найрена встретился с изменой в одном из походов, и половина бойцов вместе с вождём погибла. Выжившие с трудом добрались до крепости в непрерывных осенних дождях, и весь клан замер, ожидая новых тяжёлых ударов.

Когда же немедленного удара не последовало, все немного успокоились, но дом клана стал местом скорби и траура. Гвин Однорукий, младший брат Найрена, стал вождём, поскольку у Найрена не было сыновей. Впрочем, Гвин из-за своего увечья не мог быть настоящим вождём, хотя у него и было хитроумное бронзовое приспособление. Прикреплённое к запястью, оно служило ему боевой дубиной.

Если бы Мирддин был старше, он мог бы предъявить свои права, но для вождя-мальчика теперь было далеко не подходящее время, и клан с шумным одобрением принял Гвина. Это было время сбора урожая, но люди работали на своих маленьких полях, постоянно оглядываясь, а меч и копьё держали наготове. И на высотах у готовых

вспыхнуть сигнальных костров бдительно дежурили часовые.

Мирддину теперь редко выпадала возможность ускользнуть в пещеру к зеркалу, и он постоянно испытывал раздражённое нетерпение. К тому же мальчик не знал, многому ли его успели научить. Однажды ему удалось убежать в пещеру, к волшебному зеркалу. Возможно, по чистой случайности, а может и нет, но он в этот день задержался перед зеркалом дольше обычного. Когда он выбрался из расщелины, сгущались сумерки.

Боясь, что ворота крепости закроют, он побежал вниз по склону меж скалами, думая только об одном: как бы поскорее добраться до дома клана. И не заметил подозрительных скользящих теней, пока чья-то рука не ухватила его за лодыжку. Он упал и от удара едва не потерял сознание.

Сильные руки прижали его к земле. Он тщетно пытался сопротивляться. Кто-то ухватил его за волосы и повернул голову, чтобы разглядеть лицо.

— Слава милосердной троице! — радостно произнёс кто-то. — То самое отродье! Сам пришёл к нам в руки, как петух за зерном.

У Мирддина не было возможности рассмотреть своих похитителей. На него набросили плащ, кисло пахнувший смесью человеческого и лошадиного пота. Поверх плаща повязали верёвку, так что мальчик превратился в беспомощный тюк, который любой торговец может легко бросить на спину лошади. И вот, подобно такому тюку, он лежит на спине лошади, голова его свесилась и подсакивает на каждой неровности дороги.

Глава 3

Вначале мальчик подумал, что попал в руки отряда саксов. Тогда почему они сразу его не убили? Он попытался рассуждать спокойно и тут же вспомнил, что говорили похитители на его языке. Именно он был «отродьем». Очевидно, они искали его. Но зачем он им?

Мирддин с трудом дышал под плащом, отчаянно пытаясь сохранить мужество. Очевидно, он чем-то ценен... Как

раб? Нет, рабов достаточно. Из-за того, что он родственник Найрена? Но ведь вождь клана теперь Гвин...

Голова его свисала со спины лошади, от неудобной позы в ней шумело, мальчика начало тошнить. К тому же очень трудно было бороться со страхом.

Долго ли продолжалась эта пытка, Мирддин не знал. Он был почти без сознания, когда его сняли с лошади и без церемоний швырнули на землю.

— Осторожнее! — приказал кто-то. — Помни, он нужен живой, а не мёртвый.

— Дьявольское отродье, такие приносят беду, — ответил другой.

Кто-то ухватился за плащ, но Мирддин не мог даже пошевелиться. Чьи-то руки сомкнулись вокруг его тонкой талии. Человек, так грубо тащивший его, в темноте виднелся лишь смутной фигурой. Мальчику прочно связали руки. Потом рывком проверили прочность верёвки, и только тут Мирддин смог рассмотреть окружающих.

Фигуры появлялись и исчезали, и он не знал, сколько их. Слышно было, как переступают лошади. Ночь очень холодная, а ледяная земля, на которой он лежал, вызывала безостановочную дрожь. Похитители молчали, и мальчик по-прежнему не знал, кто они. Впрочем, теперь он был уверен, что это не саксы.

Кто-то подъехал к небольшой поляне, где они остановились. Одна из скорчившихся фигур поднялась на ноги и пошла навстречу пришельцу.

— Он у нас, лорд.

Ответом было хмыканье, затем всадник сказал: «Тогда поезжайте. Не время отдыхать. В конце концов, в нём кровь Найрена, и клан не оставит его без отмщения. Торопитесь. У Зуба Гиганта вас ждут свежие лошади.»

И всадник исчез в темноте ночи. Мирддин услышал недовольное ворчание.

Снова мальчика посадили на лошадь. Только на этот раз он сидел в седле; верёвка, пропущенная под животом лошади, стягивала его ноги. На него опять набросили плащ. Голова у него отчаянно болела; он изо всех сил боролся с обмороком, опасаясь упасть на землю и быть затоптанным, прежде чем всадники подхватят его.

Они ехали всю ночь, остановившись лишь один раз у высокой скалы, которая действительно могла быть зубом, вырванным из чьей-то огромной ужасной пасти. Тут они пересели на свежих коней. Мирддин погрузился в туман страха, боли и недоумения. Никто не разговаривал с ним, не заботился об его состоянии. Всё его тело превратилось в сплошной синяк, и каждый шаг коня вызывал новый взрыв мучительной боли. Однако он сжал губы, решив, что никакая боль не вырвет у него крик.

Они спустились с холмов. Рассвет застал их на одной из дорог, построенных римлянами. Только теперь Мирддин смог разглядеть своих похитителей. Они выглядели так же, как и люди клана Найрена, только с незнакомыми лицами. Из десяти человек восемь — обычные копейщики, какие могут служить вождю любого клана.

Но поводья коня Мирддина держал человек в искусно сшитом алом плаще, правда, изорванном и перепачканном. Его волосы цвета полированной бронзы спускались ниже плеч. Толстогубый рот скрывался в густых усах и щетине: видимо несколько дней его полных щек не касалась бритва.

Это был сравнительно молодой человек, с широкими плечами, на толстых руках блестели бронзовые браслеты. На боку у него висел меч римского образца, а спину закрывали полоски металла. Глаза покраснели: вероятно, он долго не спал; время от времени он зевал, чуть не выворачивая челюсти.

Сосед Мирддина слева представлял его полную противоположность. Это был худой человек в измятой, лишённой украшений кирасе. Шлем без шишака всё время съезжал набок, так как был ему слишком велик. Оружием ему служили меч и копьё с острым наконечником. И ехал он не сонно, а напряжённо, всё время оглядываясь по сторонам, как будто ожидал в любую минуту наткнуться на засаду.

Мирддин так устал, что еле держался в седле, но похитители не обращали на него внимания. Знания, полученные в пещере, не могли помочь ему определить, чего ожидать. Он знал только, что будущее не сулит ему ничего

хорошего. Но он и не пытался представить себе, каким оно будет, это будущее. И не интересовался ни похитителями, ни местностью, по которой они проезжали. А местность для человека, родившегося в горах и прошедшего там всю жизнь, выглядела очень странной.

К полудню дорога оживилась. Трижды отряды вооружённых всадников — саксов — уступали им дорогу. Несколько раз им попадались каменные здания, постронные по-другому, чем дом клана.

Мирддин хотел есть и пить, но ничего не просил у ехавших рядом. Однако когда они остановились у ручья, чтобы напиться и напоить лошадей, один из копейщиков набрал воды в деревянную чашку и поднёс к губам мальчика. Мирддин с жадностью выпил воду, и в голове у него прояснилось. Он взглянул на воина, менее зачерствевшего, чем его товарищи.

Копейщик был гораздо моложе остальных. Глаза его, бледно-голубые, смотрели с тяжёлым, мрачным выражением.

Мирддин продолжал глотать. Горло у него болело. Попытавшись заговорить, он испустил вначале лишь хрип.

— Спасибо... — начал было он, но тут к ним повернулся человек в шлеме.

— Придержи язык, дьявольское отродье, или мы загоним тебе в рот кол! — Он подъехал ближе. — Мы не нуждаемся в твоём волшебстве. — Рывком он натянул на голову Мирддина капюшон плаща, так что мальчик практически ослеп. — Дурак! — Очевидно, он обращался к копейщику, давшему Мирддину воды. — Ты хочешь, чтобы тобой овладели демоны? Этот колдун, хоть он и молод, может вызывать духов.

Мирддин услышал приглушённое восклицание, должно быть, своего благодетеля, и был доволен, что успел хоть немного попить, прежде чем вмешался один из руководителей отряда. Теперь он очнулся от транса, в котором находился большую часть ночи. Надеяться было не на что, но зато он начал думать. Как будто шок от внезапного нападения отбил у него способность рассуждать логично,

а небольшая проявленная щедрость вернула эту способность.

Где искать помощи? В иллюзиях, с помощью которых он скрывал свои походы в пещеру? Хотя Мирддин был молод, знания его велики. И где-то в мозгу появилось ощущение, что вся эта история — часть того будущего, к которому готовило его зеркало.

Они называют его дьявольским отродьем. Он и раньше слышал эти слова, хотя в лицо ему этого не говорили. Кровь Найрена имела свои права в клане. Но поговаривали, что отец его не небесный повелитель, а демон. Разве не зачат он в канун Самейна, когда высвобождаются все злые силы? Не найди он пещеру с зеркалом, возможно, он и сам поверил бы в это. Но пещера была несомненным доказательством существования небесного народа, и там он узнал, что рождён с определённой целью. Вся его жизнь должна быть посвящена этой цели.

До сих пор у него не было врагов. Кланом правил Гвин, но Мирддин никогда не протестовал: его не привлекало будущее военного вождя. Всем давно было известно, что со временем он уйдёт с Лугейдом и будет изучать ведомые друиду тайны.

Так для кого же он может быть угрозой? Он размышлял над этим, пока они не прибыли в город, признававший власть Вортигена. Из разговоров своих похитителей Мирддин понял, что этот город и есть их цель. Неужто его захватили в качестве заложника? Но со смертью Найрена он потерял всякую ценность как заложник.

Очнувшись от своих мыслей, он попытался оглядеться. Капюшон позволял ему видеть только дорогу под ногами и основания каменных стен. Вначале его слух, привыкший к голосам и шумам небольшого посёлка, был совершенно оглушён. Мальчик с трудом отличал один звук от другого.

Лошади остановились; верёвка, связывавшая ноги Мирддина, упала. Тяжёлая рука сняла его с седла и грубо бросила на землю. Ноги не держали мальчика. Затем он почувствовал отвратительный запах. С него сдёрнули плащ, и Мирддин увидел, что оказался в каменной клетушке, с единственной скамьёй и узкой щелью в стене.

Ему развязали руки, но он их почти не чувствовал. Верёвки развязал человек в шлеме. Он толкнул мальчика в сторону скамьи.

— Теперь жди развлечения верховного короля, — проворчал он и ушёл, хлопнув за собой дверь. Мирддин оказался в полутьме.

Король. Мирддин не произнёс этого слова вслух. Есть лишь один король, хотя его власть опирается главным образом на саксов, которых он пригласил, вначале чтобы укрепить свою армию и защититься от набегов шотландцев, затем чтобы расправиться с теми, кто мог стать его соперниками. С самого раннего детства Мирддин привык к мысли, что Вортиген — предатель, человек, который повинуется приказам крылатых шлемов и перебил для их удовольствия своих близких родственников.

Чего же Вортиген хочет от него, Мирддина?

От напряжённого размышления голова заболела сильней. Мирддин молча сидел на каменной скамье, растирая распухшие руки, чтобы к ним вернулось кровообращение, и с трудом сдерживая стоны боли.

Он старался вспомнить всё, что знал о верховном короле. Последний слух, дошедший до горных кланов, гласил, что Вортиген собирается соорудить большую башню, которая затмит всё построенное римлянами.

Но бродячий однорукий торговец, рассказавший это, добавил, что строительство встретилось с трудностями, что тщательно уложенные камни на следующее утро оказывались разбитыми или разбросанными. По слухам, чьё-то волшебство побеждало все усилия строителей башни.

Мирддин прислонился головой к стене. Он так устал, что больше не мог сопротивляться сну, и погрузился во тьму, более тяжёлую, чем тьма тюремной камеры.

Проснувшись, он увидел мерцающий свет и на мгновение решил, что сидит перед зеркалом, а светятся прямоугольники и цилиндры в пещере. Открыв глаза пошире и пошевелившись на скамье, он понял, что свет исходит от факела, вставленного в кольцо на стене справа от него. Под факелом стоял человек и рассматривал мальчика.

Мирддин ощутил внезапный порыв радости. Такую белую одежду он видел лишь на Лугейде в праздничные дни. Впрочем, у этого человека не было золотой спирали, которую Лугейд носил на груди. Но ведь существует братство бардов. Значит, перед ним друг. А Мирддин знает слова, с которыми можно обратиться за помощью. Он собирался произнести фразу, которой его научил Лугейд, но первым заговорил незнакомец:

— Сын демона, сын нелюди, запрещаю тебе использовать дьявольскую силу. Накладываю на тебя духовные узы повиновения, которые ты не сможешь порвать.

И он начал напевать заклинание, указывая на Мирддина жезлом, частично белым, частично ржаво-красным, как бы покрытым высохшей кровью.

Ощущение было такое, будто в нос мальчику ударила волна отвратительного зловония. Мирддин затряс головой, пытаясь избавиться от невидимого облака, окружавшего этого человека. Такой не может быть другом Лугейда. В то же время Мирддин понял, что все ранее испытанные страхи ничто перед тем, что он ощутил сейчас. Потому что теперь опасность грозила не только его телу, но всему его существу. И он начал выговаривать не слова приветствия, а другие, которым тоже научил его Лугейд.

Он увидел, как расширились глаза друида. Посох взлетел в воздух, как будто жрец хотел кого-то ударить. Поднятый им ветер коснулся грязного лица Мирддина. Но жест этот был лишь пустой угрозой. И поняв это, мальчик овладел собой и подавил страх.

— Чего тебе нужно от меня? — Мирддин сознательно не добавил никаких слов вежливости. Незнакомец мог носить такую же одежду, как Лугейд, но внутренний голос говорил Мирддину, что он не может быть похожим на Лугейда.

Красный конец посоха указывал на мальчика, как копьё, подготовленное для последнего смертельного удара.

— Ты, не знающий отца, всё же послужишь верховному королю. Мы, говорящие с Силами, установили, что башня не сможет стоять, пока в основание её не будет пролита кровь юноши, не знающего отца.

В глубине памяти Мирддина ожило какое-то воспоминание. Возможно, он узнал об этом в зеркале, а потом забыл. Он не всегда мог вспомнить, что показывали ему в пещере. Некоторые факты, казалось, глубоко погружаются в его сознание и лежат там, пока случайное слово или вид знакомого предмета не оживят их, не вызовут на поверхность.

И он знал! Не смерть, в этом он был теперь уверен. Он знал, что его привела сюда не только воля короля. Была и другая причина, связанная с задачей, которую он лишь смутно ощущал впереди.

Если друид ожидал, что мальчик испугается, будет молить о пощаде, то был разочарован. Потому что Мирддин, опираясь на свои знания, смотрел на него уверенно, высоко подняв голову.

— О каких Силах ты говоришь? — Снова он сознательно опустил слова уважения. — Твой голос исходит не от небесных существ, а повинуется желаниям людей.

Друид тяжело дышал; он смотрел прямо в глаза мальчику, пытаясь подавить его волю, сделать послушным, готовым повиноваться приказам. А Мирддин, собрав все свои знания, отвечал ему уверенным взглядом.

— Что ты знаешь о небесных существах? — спросил незнакомец голосом, лишённым прежнего высокомерия. Теперь в нём прозвучала нотка неуверенности.

— А ты? — ответил вопросом на вопрос Мирддин.

— Об этом запрещено говорить не владеющим тайнами! — Лицо незнакомца вспыхнуло гневом. — Что ты подсмотрел, дьявольское отродье?

— А где я мог подсмотреть это? — И Мирддин отчётливо произнёс слова узнавания, которым давно научил его Лугейд.

Но, к его удивлению, друид облегчённо засмеялся.

— Эти слова теперь бессмысленны. Мы слушаем новую Власть. Ты теперь никого не обманешь, болтая эти забытые слова. Входи! — Он чуть повернул голову, не отводя взгляда от Мирддина, будто опасаясь, что мальчик может оказаться более сильным противником. — Войди и возьми его!

Вошёл человек в изношенных латах, почтительно обхо-

дя друида. Мирддин не сопротивлялся, когда ему снова связали руки и подтолкнули к двери.

Друид уже вышел и теперь ждал их снаружи. Солнце заставило Мирддина мигнуть; он не мог поднять руку, чтобы защититься от сияния светила. Его окружило несколько стражников, а за ними мальчик увидел толпу жителей города и саксов. Они смотрели на него с нетерпеливым ожиданием.

Тот самый отвратительный запах, который сопровождал друида, теперь навис над всеми. Он должен был вызвать в человеке страх, победить его мужество, чтобы тот без сопротивления пошёл навстречу смерти.

И всё же, хотя мальчик весь внутренне съёжился, он шёл уверенно, без колебаний, полностью владея собой.

Дорога, по которой они шли, поднималась на холм, к грудам камней, из которых Вортиген собирался строить свою башню. На ходу Мирддин поглядывал направо и налево, но не потому, что хотел рассмотреть лица собравшихся, а как бы проникая взором вглубь земли.

Они остановились перед гладким камнем, накрытым вышитой тканью. На этом импровизированном троне сидел король.

Мирддин увидел человека, близкого по возрасту к своему деду, но в чертах его лица не было ни благородства, ни гордости. Лицо короля опухло, как будто он много пил. Глаза Вортигена, не останавливаясь, перебегали с одного лица на другое, словно он постоянно ожидал предательства. Руки короля покоились на рукояти меча, но по мягкости его тела, по вздутому животу, на котором с трудом застёгивалась перевязь меча, видно было, что он давно уже не воин.

За ним стояла женщина, грациозная, гораздо моложе короля, с золотой короной на волосах, жёлтых, как созревшая пшеница. Платье её всё было вышито золотом, так что она сверкала на солнце как металлическая. Несмотря на красоту, в лице её чувствовалась жёсткость обработанного золота, а не мягкость плоти.

В ней не угадывалось ни робости, ни неуверенности; она смотрела с лёгкой улыбкой, не смягчавшей высокомерного выражения. Когда её взгляд остановился на мальчике, в нём блеснуло жестокое нетерпение.

— Это тот мальчишка? — спросил король. — Доказано, что он сын нелюди?

— Господин король, — ответил друид, — об этом говорила сама родившая его. Один из мудрых расспрашивал её, и она не могла солгать. В ночь Самейна он был зачат каким-то демоном или дьяволом...

— Господин король! — Голос Мирддина звучал спокойно и уверенно. — Почему твои люди лгут тебе?

Друид повернулся, подняв жезл, и в этот момент ожило погружённое в сознание Мирддина знание. Одним взглядом он остановил жреца. Краска сбегала с лица друида, черты его лица расслабились. Он выглядел опустошённым.

Вортиген с выражением, близким к страху, следил за этой переменной.

— Что ты сделал, рождённый демоном? — И он скрестил пальцы, чтобы отогнать сглаз.

— Ничего, господин король. Я лишь добился возможности рассказать, как плохо тебе служат твои люди.

Король облизал губы. Рука его сжала рукоять меча, наполовину обнажив его.

— И в чём же мне плохо служат?

— В строительстве этой башни. — Мирддин кивком указал на груды камней. — Прикажи раскопать здесь, и ты увидишь. Там ключ, вода смягчает почву, и земля поэтому не выдерживает тяжести камней. А в воде ты увидишь судьбу этой земли. Там скорчился белый заморский дракон. — Мальчик бросил взгляд на королеву. Та пристально смотрела на Мирддина, будто её взгляд служил ей оружием. Мирддин ощущал давление её воли. Но её сила была слаба по сравнению с тем, чему научило его зеркало.

— На другом краю бассейна — красный дракон Древних. И эти драконы ведут бесконечную битву. Сейчас силы белого дракона увеличиваются, и он теснит красного. Но близок день, ближе, чем ты думаешь, господин король, когда красный дракон начнёт побеждать. Пусть твои люди начнут копать. Всё будет, как я сказал.

Золотая королева протянула руку, как бы собираясь положить её на плечо Вортигена. И в тот же момент Мирддин, вооружённый знаниями зеркала, понял, что она его

враг. Она не просто саксонская девка, соблазнившая короля, она...

Он нахмурился, ощутив угрозу, которой не понимал и с которой раньше не встречался. Встревоженный, он сосредоточил всё внимание на короле, инстинктивно чувствуя, что нужно напрячь всю волю.

— Прикажи копать, господин король!

Вортиген наклонился вперёд, так что королева не смогла его коснуться, тяжело кивнул и проговорил:

— Пусть копают.

Принесли лопаты, и под взглядом короля начали быстро копать землю. И вот со склона холма ударила струя воды. А вскоре обнаружилась небольшая пещера с подземным бассейном.

Мирддин напряг силы. На этот раз требовалось не просто затуманить разум своих сверстников. Нет, он должен создать иллюзию, которую никто не сможет познать.

С одной стороны бассейна вспыхнуло красное пламя, с другой — белое. Языки пламени тянулись навстречу друг другу. Мирддин удерживал иллюзию как мог долго, затем, опустошённый, позволил огням исчезнуть. На лицах окружавших был написан страх. Кто-то торопливо разрезал путы на его руках.

Король повернул к нему напряжённое, побледневшее лицо.

— Это правда... правда... — повторил он. Голос его громко прозвучал в тишине, опустившейся на холм.

— Я дам тебе и другую правду. — Из ничего Мирддин извлекал слова, которые — он знал это — должен был сказать. — Твои дни приближаются к концу, верховный король. Знай, что с вечерней звездой появится Амброзус!

Глава 4

— О тебе говорят как о пророке, мальчик.

Воин в красном плаще откинулся, обнажив нагрудный панцирь старой римской работы; на нём бог в лавровом венке сжимал в руке пучок молний. Воин был приземис-

тый, с замкнутым лицом, как будто считал проявление эмоций недопустимой слабостью. Римлянин чувствовался не только в его одежде: о римском происхождении напоминала обветренная, смуглая кожа, коротко стриженные волосы, гладко выбритое лицо.

Мирддин ощутил целеустремлённость этого человека, как ощущают особое оружие. Это настоящий вождь. Всё, что говорили об Амброзиусе Аврелианс, оказалось правдой: он был последним из римлян со всеми их достоинствами, а может, и недостатками. Предводитель, за которым идут. Но не его искал Мирддин, не ему суждено сплотить Британию в единую нацию. Он слишком римлянин, чтобы быть для многочисленных племён чем-то большим, чем удачливый военный вождь.

— Господин. — Мальчик тщательно подбирает слова. Он не мог сказать всю правду, потому что Амброзиус ему не поверит. — Господин, я горец и хорошо знаю эту землю. Я лишь сказал людям короля, что на этом холме нельзя строить башню, потому что под землёй скрывается источник.

— А драконы, красный и белый? Наши пленники кланутся, что видели их схватку, — быстро возразил Амброзиус. — Откуда они явились, тоже из твоего ручья?

— Господин, люди видят то, чего ожидают. Вода оказалась там, где я сказал, поэтому они готовы были увидеть и остальное. Драконы были лишь в их воображении. Белый дракон саксов поддерживал Вортигена, а красный дракон нашей земли терпел поражение.

Он спокойно встретил пронзительный взгляд вождя.

— У меня нет опыта в колдовстве, — проговорил Амброзиус с выражением, которого невозможно было не понять. — Колдовство оскорбляет богов и обманывает глупцов. Помни это, юный пророк! Хотя человек и имсет право хвататься за любое оружие, чтобы спасти свою жизнь, но потом ему лучше больше к этому оружию не обращаться. Мы сражаемся открыто, вот этим. — Он коснулся меча, лежавшего перед ним на столе. — Магия ночи, зло колдовства — это не для нас. Пусть трижды проклятая саксонская девка, покорившая короля, пробует эти штуки.

Мирддин слышал рассказы, что именно королева дала

яд, которым отравили старшего сына Вортигена, тем самым начав восстание против короля.

— Господин, — ответил он, — я не колдун. И прошу только позволения вернуться домой.

Ему показалось, что во взгляде Амброзиуса мелькнуло любопытство.

— В тебе течёт кровь Найрена, благородного воина и верного человека. И возраст твой позволяет владеть оружием. Если хочешь, я возьму тебя в своё войско. Только больше никаких предсказаний, никакого обмана.

— Господин, ты оказываешь мне великую честь, — Мирддин поклонился. — Но я не человек меча. Моя служба тебе будет иной.

— Какой ещё иной? Разве ты бард и имеешь власть над словами? Мальчик, тебе нужно долгие годы учиться, чтобы стать бардом. А я не король, чтобы посылать к врагам оратора, а не войско. Я не назову тебя трусом: по всем данным ты был в смертельной опасности и вышел невредимым благодаря лишь разуму. Но наше время — это время оружия против оружия, а саксы совсем не слушают слова, как хотели бы многие наши.

— Господин, ты говоришь о колдовстве, но во мне живёт дар предсказания. Ты и его считаешь злым?

Амброзиус долго молчал, потом ответил более спокойным, рассудительным голосом:

— Нет, я не отрицаю, что в предсказаниях бывает и истина. Но всё равно они вредны: если человек знает, что его ждёт победа, он будет сражаться менее отчаянно; если он знает о поражении, то тем более храбрость покинет его, и он готов будет отказаться от битвы. Поэтому я не желаю знать, что ждёт меня впереди, не желаю советоваться с авгурами, как делали в легионах в прежние дни. Я думаю, ты прав, Мирддин из дома Найрена. Если такую службу ты предлагаешь мне, я должен отказаться от неё. И тогда тебе лучше уехать.

Ты сделал предсказание перед силами Вортигена и этим послужил нам, за это спасибо. Мы будем сражаться за победу красного дракона, но без колдовства. Тебе дадут лошадь, припасы, и уезжай от нас поскорей.

Так Мирддин, увезённый из гор испуганным, ошеломлённым пленником, вернулся туда по-прежнему мальчиком по внешности, но разумом и духом он стал совершенно другим. Тот, кто вызывает к таким Силам, как он, в одно мгновение перескакивает от детства к взрослости и никогда не возвращается к прежнему. У Мирддина было достаточно продовольствия, и он не стал заезжать в дом клана, а направился прямо к пещере.

Отпустив лошадь пастись на небольшой полянке перед склоном, в котором находилась пещера, он пробрался через расщелину и оказался перед зеркалом. Ещё пробираясь по пещере, он понял, что что-то в ней изменилось, хотя на первый взгляд всё оставалось прежним: огоньки всё так же мелькали на машинах; как всегда, на него смотрело его собственное отражение.

Сила воли, поддерживавшая его в пути от города, откуда был изгнан Вортиген и где теперь стоял лагерем Амброзиус, покинула мальчика. Он упал на скамью перед зеркалом, охваченный усталостью, опустошённый, не в силах даже думать.

Но беспокойство не оставляло его. Даже в этом тайном месте что-то было не так. Мирддин порылся в седельном мешке, отыскал кусок сухого хлеба и маленькую кожаную бутылку кислого вина. Запивая хлеб вином, он ел только потому, что знал: тело его нуждается в пище.

Пережёвывая хлеб, Мирддин смотрел в зеркало и видел собственное отражение: маленькое, смутное, со спутанными волосами, с лицом, которое — он теперь ясно видел это — отличалось от лиц окружающих. Идёт ли это отличие от его небесного отца? Среди множества изображений, которые показывало ему зеркало, он никогда не видел других людей.

Мальчик устало жевал, время от времени оглядываясь. Хотя пещера отражалась в зеркале, его не оставляло ощущение, что он не один. Будто слабый запах витал в воздухе. Он обнаружил, что принюхивается, как охотничья собака.

Заглушив голод, Мирддин начал осматривать все закоулки пещеры. Никого.

Но, может, чужак был здесь раньше? Как он мог тогда почувствовать его присутствие? Мирддин снова сел на скамью перед зеркалом, обхватив голову руками. Некоторое время он сидел, погрузившись в мысли о будущем.

Вдруг послышался резкий звенящий звук, как будто ударили куском бронзы о другой металл. Мирддин поднял голову. Зеркало проснулось, его изображение исчезло с поверхности. Вместо него клубился знакомый туман. Он сгущался, темнел...

Теперь он смотрел на девушку. Держалась она напряжённо и как будто к чему-то прислушивалась. За ней виднелась хорошо знакомая местность — склон, на котором пряталась расщелина, ведущая в пещеру.

Но эта девушка не из дома клана! Тело у неё стройное, ещё без женской округлости. Кожа бледная, цвета поблекшей слоновой кости, а волосы чёрные. Но в этом чёрном облаке волос сверкают какие-то странные красноватые искры.

Лицо у девушки треугольное, скулы широкие, подбородок заострённый. Мирддин вдруг понял, что те же черты и у его лица.

На ней было простое платье: в зелёном прямоугольнике прорезали дыру для головы, у талии платье перехвачено серебряной цепочкой. Невысокие сапожки с тем же украшением на ногах. Никаких браслетов или ожерелий.

Девушка рукой с длинными пальцами убрала с лица волосы и посмотрела с зеркала прямо на Мирддина. Ему показалось, что она его видит. Но в глазах её ничего не отражалось.

В простом платье, юная, она казалась неуместной в этой пустынной местности, и всё же в ней чувствовалась власть, как у дочери вождя. Мирддин придвинулся на скамье ближе к зеркалу, чтобы лучше разглядеть её: девушка странно привлекала его, больше, чем любая другая. Кто она? Как попала в горы? Гостит в доме клана? Но в эти дни, когда по дорогам бродят разбойничьи отряды, девушки не покидают безопасные убежища.

И тут послышался знакомый голос, источник которого Мирддин так и не установил:

— Это Нимье. Она проклятие Мерлина. Она из племени Других.

— Что за Другие? — спросил Мирддин. Голос зеркала по-прежнему называл его этим странным именем. Он уже привык к этому, но для себя всегда оставался Мирддином.

— Те, кто не хотят нового подъёма человечества, — ответил голос. И после недолгого молчания продолжал:

— Слушай внимательно, Мерлин, потому что зло близко и ты должен быть вооружён против него. В давние дни, когда наш народ только прилетел в этот мир, здесь возникла могучая нация. Мы щедро делились нашими знаниями с людьми Земли, теми, кто хотел знать. И человечество процветало. Дочери людей выходили замуж за рождённых небом. Дети, родившиеся от таких браков, были могучими героями и людьми Силы. Мы не понимали тогда, что в твоей расе скрывается порок.

Но были и другие, которые тоже, подобно нам, летали в кораблях меж звёздами. И они не хотели, чтобы люди поднялись к величию и знаниям. Поэтому они тайно явились в ваш мир и обнаружили этот порок: ваша раса склонна к ярости и насилию. И они использовали этот порок в своих целях. Последовали такие войны, о которых вы и понятия не имеете. Сражались молниями, взятыми с неба, переворачивали горы, превращали землю в море и море в землю.

Многие из нас погибли в этих битвах, и те, кого мы учили, погибли тоже. Тогда Тёмные вернулись на небо, решив, что человек никогда не поднимется вновь, а останется зверем, необученным и не поддающимся обучению. Немногие из наших детей выжили и попытались сберечь знания. Но они зависели от машин, а машины, подобные тем, что ты видишь здесь, в пещере, были уничтожены в войне. Металл невозможно стало обрабатывать и человек вернулся к орудиям из камня и кости. Те, что начинали жизнь в огромных городах, кончили её в первобытных пещерах, вооружённые лишь руками и теми знаниями, что сохранились в их памяти.

Мы не могли вернуться, потому что Тёмные контролировали межзвёздные пути. Если бы нас обнаружили, мы

были бы схвачены и уничтожены. Так проходили века. Однако для всего настанет время упадка, и наши враги ослабли, хотя мы тоже очень многое утратили. Но мы не забыли тех, кого оставили беспомощными в этом мире, и, собрав всё, что у нас осталось, мы построили корабли, способные пересечь пустоту. Корабли были маленькие и не вмещали нас, но могли нести начальные элементы жизни. Если бы они достигли цели, то, что они несли, положило бы начало возрождению нашей расы. Мы отправляли свои корабли с семенами жизни с надеждой, потому что уже давно в небе не видели кораблей Тёмных.

Наконец один из наших кораблей прилетел на Землю. Маяк, вызвавший его, был очень стар, мощность его ограничена, и лишь по счастливой случайности он смог посадить корабль жизни.

Так родился ты, Мерлин. На тебе лежит важная задача, потому что нам, чтобы вырасти снова, нужен мир. Ты должен установить этот мир. Ты будешь нашими руками. Маяк, привлёкший корабль, мёртв. Но мы оставили здесь и более мощный маяк. Если привести его в действие, он приведёт на Землю весь остальной флот. Это тоже твоя задача.

Но тебя ожидает опасность. Точно так же, как и мы, сигнальные маяки оставили на Земле и Тёмные. И один из них ожил. Оттуда вышла Нимье. Она должна помешать тебе выполнить задачу. Будь осторожен, потому что в ней воплощено всё коварство Тёмных. И она владеет силами, которые сравнимы с твоими. Её привлекла сюда энергия этого места, но она не нашла то, что искала: наши защитные поля ещё прочны. Но она будет искать тебя. Всё, что ты делаешь, она постарается изменить, разрушить, чтобы человек никогда снова не стал великим.

У тебя две задачи. Первая — оживить Великий Маяк. Это трудная задача, потому что часть маяка давным-давно увезена за море, на Западный остров. Те, у кого сохранились остатки древних знаний, хотели там использовать силу маяка, но не смогли.

Вторая задача — выдвинуть вожда, который прекратит все распри и установит мир. Тогда мы сможем вернуться и снова работать с людьми.

Вот что ты должен сделать, а Нимье постарается тебе помешать. Будь осторожен, Мерлин, потому что ты наша единственная надежда, и всё меньше времени остаётся для её осуществления. Если ты не справишься, Тёмные окончательно завладеют твоим миром, и человек будет жить звериной жизнью без солнца знаний!

Изображение Нимье исчезло. Его сменила другая картина: огромные стоячие камни, поверх которых лежали горизонтально другие камни. Мирддин узнал это место: когда-то давно о нём рассказывал Лугейд.

Это сооружение было создано сказочным народом, населявшим остров до того, как из-за моря появился народ Мирддина. Оно оставалось священным не только для своих забытых строителей, но и для тех, кто пришёл им на смену. Обладавшие знаниями постигали здесь тайны движения звёзд. И теперь тут жили люди, стремившиеся к знаниям. Мирддин считал, что именно сюда ушёл после смерти Найрена Лугейд.

— Это Великий Маяк! — произнёс голос. Картина задрожала и исчезла. Мирддин понял, что теперь он один. Задача разъяснена, предупреждение сделано.

Мальчику было над чем подумать. Как одному вернуть такой огромный камень с Западного острова? Он знал, что это невозможно. Привлечь кого-то к этой задаче также казалось невозможным. Кто сейчас, во время войны, в расколотовой на части стране, прислушается к нему? Да он и не сможет рассказать всё. Мирддин понимал, что только такие, как Лугейд, поверят в его рассказ.

Лугейд...

Мирддин не знал, имеет ли Лугейд какое-то влияние на королей и предводителей армий... Ему казалось, что должен иметь. Во всяком случае, решил Мирддин, прежде всего он должен отправиться к Месту Солнца и отыскать там Лугейда. К тому же не мешало бы осмотреть это место в реальности, а не в зеркале.

Выработав план, мальчик лёг между двумя машинами, завернулся в плащ и уснул. Сны его были тревожными. Ему казалось, что он заперт в большом ящике, стены ящика прозрачны, как горный ручей, и через них он видит всё вокруг.

Перед ящиком стояла Нимье и смеялась. Руки её двигались, изображая знак, отгоняющий колдовство. Он много раз видел этот жест в детстве. Мирддин знал, что он её пленник, и в нём бурлила жажда свободы, стремление выполнить какую-то важную задачу.

Он бился о прозрачные стены ящика, тело его покрылось синяками и кровоподтёками, но выбраться он не мог. И всё время его преследовало ощущение какой-то страшной неудачи.

Картина изменилась: перед ним лежал Лугейд. Друид спал на постели из сухих листьев, покрытых оленьей шкурой. Мирддин склонился над ним и коснулся ладонью лба спящего. И услышал собственный голос: «Я приду.»

При этих словах друид открыл глаза. Он узнал Мирддина. И заговорил. Губы его задвигались, но Мирддин, как ни напрягал слух, слов не слышал.

Между ними протянулся туман. Увидев его, Лугейд отшатнулся, взмахнул руками, как бы отгоняя зло. Туман сгустился в фигуру. Мирддин снова увидел смеющуюся Нимье. И проснулся.

Он почти ожидал увидеть склонившуюся над ним девушку, как он сам склонялся над Лугейдом. Но он был один. Молчание нарушал лишь гул машин. Мирддин знал, что нужно делать. Он должен идти к Месту Солнца, убедившись, что никто его не преследует.

Вначале раздобыть припасы и меч. Он не воин, но обращаться с оружием умеет, а ему предстоит углубиться в спорную территорию, где одинокому страннику легко перережут горло из-за пони или плаща...

Ведя лошадь на поводу, Мирддин спустился по склону холма... и увидел страшную картину. Здесь побывали огонь и меч. Угли остыли, значит прошло уже несколько дней. Борясь с тошнотой, бродил он среди развалин, обходя обожжённые тела защитников крепости. Их было слишком мало... Женских тел одно или два. Мирддин догадался, что женщин и детей увели в рабство.

Но он нашёл Юлию. Она всё ещё сжимала обломок копья. Видимо, умерла быстро. От удара мечом. Мирддин стащил тела в чудом уцелевший сарай. Здесь лежали

мешки с зерном. Он сделал из них похоронный настил, уложив на него своих родичей. Юлию он положил последней.

Достав огниво, он поджёт мешки: у него не было сил хоронить мёртвых, а оставить их непогребёнными он не хотел. Когда взметнулось пламя, он отыскал немного заплесневелого хлеба, кусок погрызенного мышами сыра и бутылку, которую наполнил водой из ручья. Он не оглядывался на поднявшееся к небу пламя. Всё, что знал Мирддин в прошлом, ушло. Детство кончилось. Осталось лишь стремление выполнить полученные в пещере приказы.

Мирддин выехал утром, на горизонте собирались грозовые тучи. Он глубоко дышал, стараясь изгнать из горла запах дома клана, забыть то, что он видел там.

Пошёл дождь, но Мирддин не остановился; он приветствовал дождь, омывающий его тело. Это природа, а не отвратительные деяния людей. Мирддин размышлял над рассказом зеркала. Неужели правда человек жил в мире и обладал огромными знаниями? Если это так — а у него не было причин не верить, — он сделает всё, чтобы вернуть золотой век.

В нём росла ненависть, но не к тем, кто разрушил дом его клана: такова природа всех набегов. Нет, он ненавидел тех, других, которые летают меж звёздами, владеют силами, которых он даже вообразить себе не может, и всё же хотят, чтобы человек оставался грубым животным.

Что движет Тёмными? Ревность к соперникам, которые помогали Земле? Или же страх? Может они предвидят в человечестве врага, как кошка и собака — враги с самого рождения? А если так, то какое качество в человеке вызывает такой сильный страх? Мирддин жаждал спросить об этом зеркало. Он спросит, когда вернётся.

Когда вернётся?..

Он должен отвергнуть такие мысли, сосредоточиться на будущем, попытаться избавиться от возможных преследователей. Он неопытен в таких делах, поэтому придётся удвоить усилия.

И поэтому он держался в стороне от любых жилищ.

останавливался в развалинах, давно покинутых людьми. Дважды он ночевал в руинах. Запасы пищи он растягивал, как мог. В конце концов он горец, и иногда ему удавалось поймать кролика или сбить камнем утку.

Мясо он ел сырым, так как не осмеливался разжечь костёр. И ни разу ему не удавалось избавиться от страха перед преследованием. Дважды он забивался в кусты, обернув голову лошади плащом, чтобы заглушить ржание, пока отряды всадников проезжали мимо. Он решил, что это рекруты Амброзиуса, но не был уверен в этом, и осторожность говорила ему, что лучше не показываться.

С острым чувством голода и беспокойства Мирддин, наконец, выехал на равнину и увидел впереди гигантские стоящие камни. Он достиг Места Солнца.

Глава 5

Мирддин закутался в плащ. Дождь стучал по крыше грубой хижины, но внутри её горел огонь, а в руках Мирддин держал деревянную чашку с горячим супом из кролика, сваренного на травах. Дверью в хижину служила шкура, которую время от времени раскачивал ветер. Мирддин слишком устал, чтобы есть, хотя запах пищи вызывал слюну во рту.

Лугейд не нарушал молчания. Он сидел, скрестив ноги, и чинил своё платье, ставшее слишком старым и далеко не белым. Друид, занимавший некогда почётное место в доме клана, теперь был похож на обычного нищего на дороге. Но в голосе его не слышалось нищенских ноток. Он смотрел на Мирддина строгим пронизательным взглядом.

— Поешь и спи, — вслел друид. — Тут тебе ничего не угрожает.

— Откуда ты знаешь, что мне грозит опасность? — Мирддин сделал глоток супа.

— А откуда я знал, что ты идёшь? — ответил вопросом Лугейд. — Боги дали мне способности и ум, чтобы пользоваться ими. Разве ты сам не предвидел нашу встречу?

Мирддин, вспомнив свой сон, кивнул: «Я видел сон...»

Лутейд пожал плечами. «Кто может сказать, что такое сон? Возможно, это сообщение, посланное и полученное. Я думаю, — медленно добавил он, — что ты многое узнал, сын чужого.»

— Я узнал... — Мирддин снова отхлебнул супа. Он хотел рассказать всё, что произошло с ним в пещере, но что-то удерживало его. Может быть, он ни с кем на земле не сможет поделиться узнанным. — Я узнал, что привело меня в это место. Меня здесь ждёт задание. — Он надеялся, что сказал не слишком много.

— Это я тоже знаю. Но ты начнёшь решать её не сейчас. Поспи после еды: сон необходим каждому человеку.

Мирддин спал без сновидений на гряде листьев, покрытой шкурами. Проснувшись, он увидел, что дождь кончился, в лицо ему светило солнце. Шкура, служившая дверью, была откинута, чтобы впустить свет.

Через двери он видел несколько стоящих камней. Они показались ему даже более странными, чем самые древние здания людей. Между двумя камнями виднелась фигура в белом. Когда она приблизилась, Мирддин узнал Лутейда. Борода его была теперь белей одежды и достигала пояса, грива волос касалась плеч.

Но друид двигался не как старик; скорее он шёл уверенно, как человек средних лет. В руках он нёс мешок, из которого торчали какие-то растения. Мирддин догадался, что друид собирал лечебные травы, как он делал, когда жил в доме клана.

Мальчик отбросил плащ, которым укрывался во сне. Утренний холод сменился приятным теплом. Мирддин с удовольствием потянулся и встал. Затем, наклонив голову, он вышел из хижины. Выход низкий, даже для его небольшого роста.

— Хозяин... — поприветствовал он друида.

Лутейд опустил мешок. «Ты называешь меня хозяином, но ты и сам хозяин здесь. Ты чего-то хочешь. — Старик улыбнулся. — Ты хочешь о чём-то спросить меня, но не знаешь, какими словами это сделать. Не ищи красивых фраз. Между нами не должно быть церемоний. Ведь это я дал тебе имя при рождении.»

— Да, это так, — согласился мальчик. — Ты дал мне имя — Мирддин. Я слышал, что некогда так называли бога здешних гор. Но мне дали и другое имя — Мерлин.

— Мерлин, — Лугейд произнёс это медленно, как бы проверяя каждый звук. — В клане такого имени никогда не было. Но если его дали тебе, то не без причины. Итак, Мерлин-Мирддин, что ты хочешь спросить у меня?

— Как добиться, чтобы Амброзиус Римский выслушал меня?

Лицо друида не выказало ни малейшего удивления. Он спокойно спросил: «Зачем тебе внимание Амброзиуса? И почему бы тебе просто не пойти к нему?»

Мирддин вначале ответил на второй вопрос, быстро рассказав о Вортигене, своём пророчестве и встрече с Амброзиусом.

— И ты считаешь, что он не выслушает тебя, поскольку ты колдун? Так?

— Если старые знания — колдовство, то да. А его внимание нужно мне вот для чего: я должен вернуть в Место Солнца камень, увезённый на Западный остров. Его нужно вернуть в соответствующее, родное место.

Лугейд медленно кивнул ещё раньше, чем Мирддин кончил говорить. «Я слышал об этом. Но Амброзиус имеет дело с предметами этого мира, которые можно увидеть, услышать, потрогать. Легенды не интересуют его. Впрочем...»

— Ты знаешь, как добиться его внимания?

— Может быть. Римские императоры в древности воздвигали памятники в ознаменование своих побед. И этот камень принадлежит Британии, он у нас украден. Если Амброзиус выиграет большое сражение, в радости он может стать сговорчивей.

— Но на это нужно время. Удача. Случай... — возразил мальчик.

— Юность всегда нетерпелива. Я долго жил. Достаточно долго, чтобы понять: время должно быть твоим слугой, а не хозяином. Другого пути нет. Камень можно привезти сюда лишь с помощью людей, воинов и на корабле. Или ты считаешь, что жители Западного острова так просто отдадут то, что считают своим законным трофеем?

Мирддин в нетерпении ходил взад и вперёд. Он не очень верил в план друида. Слишком много случайностей. Но, несмотря на все знания, сообщённые ему зеркалом, он не видел другого выхода, кроме помощи Лутейда. Он знал, что встреча с Амброзиусом ему самому ничего хорошего не принесёт.

Он остановился и коснулся рукой высокого синеватого камня из внешнего круга. Прикосновение каким-то образом передало ему представление о такой древности, что он почувствовал благоговейный страх. По синеватой поверхности были рассыпаны маленькие жёлтые кристаллы размером с боб. Огромный камень вызвал у Мирддина отчаяние. Он не знал размеров камня, который необходимо найти, но если он похож на этот, то и сотня людей даже не пошевелит его.

Нет. Мирддин снова ощутил уверенность. Люди не смогут пошевелить камень. Но существа, некогда построившие это сооружение, имеют свои тайны, и кое-чему зеркало его научило. Сомнение заставило его испытать свои силы.

Он осмотрелся. Следующий камень упал и лежал в густой траве. Мирддин потянулся к ножу. Посох не послужит ему, даже если он сделан из священного дуба. Его оружием должен быть металл, и притом далеко не всякий.

Мирддин извлёк нож и подошёл к упавшему камню. Он начал медленно, в определённом ритме постукивать остриём. Одновременно он произносил гортанные звуки, которые зеркало заставляло его произносить снова и снова, пока он не добился правильного акцента.

Постукивание становилось быстрее и громче. Горло Мирддина слегка болело от непривычного напряжения голосовых связок. И вдруг он услышал другой голос: к его пению присоединился Лутейд.

Стук-стук... рука движется быстро... ещё. и ещё. и ещё... Лицо Мирддина покрылось потом, рука устала, но он не поддавался телесной слабости. Стук — голос — стук...

Он был так поглощён своим занятием, что первое движение камня застало его почти врасплох. Камень шевелился в борозде, которая образовалась при его падении

поколения назад, шевелился, как зверь, просыпающийся после долгой спячки.

Стук — голос...

Камень поднимался. Но Мирддин не смог удержать монолит, рука его опустилась, и мегалит упал обратно в борозду. Мирддин опустился на колени рядом с ним, тяжело дыша, совершенно ослабев.

— Хорошо сделано, сын неба!

Хотя в ушах у него звенело, он расслышал слова Лугейда. Друид прислонился к камню с противоположной стороны, удивлённо глядя на Мирддина.

— Но тебе нужно лучшее орудие, чем этот нож, — продолжал друид. Он повернулся, по-прежнему опираясь рукой о камень. — И если у тебя хватит духа, ты его можешь получить.

— Где?

— Из рук умерших. — Друид указал на низкие курганы за каменным кольцом. — Это их работа. А когда они умирали, с ними хоронили их оружие, чтобы оно не попало в руки более слабых.

— Взять у мёртвых! — Часть Мирддина, принадлежавшая этому миру, отшатнулась от такой возможности. Мёртвые ревниво хранят свои сокровища. Обычный член клана никогда бы не решился взять что-нибудь у мёртвых.

— Если бы они были живы, они сами бы отдали оружие в твои руки, — ответил Лугейд. — Здесь лежат те, в ком тоже текла небесная кровь. Их никто не охраняет, и всё же их оружие не может попасть в недостойные руки.

— Но... — Мирддин, держась за камень, с трудом поднялся. — Человек может потратить всю жизнь на поиски и ничего не найти в этих могилах.

— Подобное стремится к подобному, — спокойно ответил Лугейд. — Смотри. — Он достал из-за пазухи маленький кожаный мешочек, потемневший от пота, как будто он носил его очень долго. Развязал его, и в руке у него оказался кусок металла, блестящий, как драгоценность. — Возьми его, почувствуй, — приказал он. Мирддин протянул руку, и друид опустил в неё металл.

Мирддин поднёс кусок к глазам, потрогал его пальцем. Не бронза, это точно, и не чистое золото. С таким цветом это не олово, не железо, не серебро... возможно что-то, подобное бронзе; это сплав, но каких именно металлов, он не мог догадаться. Брусок был цвета светлого серебра, но, хоть он и маленький, на нём играла радуга цветов, меняясь с каждым движением.

— Это металл небесного народа, — сказал Лугейд. — Он сохранился со времён катастрофы. Если в могилах есть что-нибудь принадлежавшее строителям Места Солнца, он даст нам знать. Его можно использовать как прут, при помощи которого ищут воду. — Лугейд оторвал край своей одежды и тщательно проверил прочность полоски.

Затем он закрепил металл в полоске ткани и привязал её к пальцам, так что брусок свободно свисал. «Начнём поиски», — предложил друид.

Они вместе начали осматривать курганы. Некоторые напоминали по форме диски, другие — кольца с разорванными краями. С вытянутой рукой Лугейд поднимался на каждый курган, следя за свисающим концом полоски с металлом.

К ночи Мирддин потерял уверенность в успехе. Он готов был отказаться от всякой надежды, что приспособление Лугейда поможет им отыскать небесное оружие. Но друид казался спокойным и уверенным. Он не беспокоился, когда они вернулись в хижину.

— Если не сегодня, — сказал он, бросая листья в кипящий котел, — то завтра.

— И послезавтра, и ещё послезавтра... — кисло продолжил мальчик.

— Если будет необходимо, — кивнул Лугейд. — Мирддин-Мерлин. прежде всего тебе следует научиться терпению. Тебе его явно не хватает. Но это обычный недостаток молодости.

— Ты это уже говорил, — заметил Мирддин, подкладывая дрова в костёр. — я должен ждать внимания Амброзуса, ждать, пока мы отыщем оружие, ждать... Может быть, слишком долго!

— Я не спрашивал, зачем тебе это нужно, — Лугейд

яростно мешал варево. — Но теперь спрошу: нужно ли торопиться?

— Я должен выполнить два задания, — ответил мальчик, — хотя и не знаю, почему они возложены на меня. Я не просил о рождении от Повелителя Неба. — Он сидел на корточках, глядя в огонь. — Моё рождение принесло мне только неприятности.

— От этого не свободно никакое рождение, — заметил Лугейд. — Если ты откажешься от дела своей жизни, что же ты будешь делать? Возьмёшь меч воина? И умрёшь, может быть, оборвав до этого несколько жизней.

Мирддин вспомнил, каким он видел в последний раз дом клана. Таковы плоды войны. Такова жизнь, на которую обречены люди, если не произойдёт никаких изменений. У него нет выбора. Он должен нести ношу, возложенную на него голосом из зеркала.

— Я буду делать то, что должен, — тяжело проговорил он. — И если ожидание — часть моего дела, я вынесу его. Но меня предупредили. — Он подумал, сможет ли сказать Лугейду. Ведь знания, сообщённые ему зеркалом, прочно заперты. — Существует некто... — он обнаружил, что может продолжать, — чья задача — помешать мне.

— Один из Тёмных, — согласился Лугейд.

Мирддин удивился. Много ли знает друид?

Он увидел улыбку Лугейда. «Здесь хранится кое-что из знаний древних. — Старик коснулся своего лба. — Принадлежащие к нам должны учиться двадцать лет. Эти знания никогда не записывались, но передавались устно от поколения к поколению. Да, Тёмные некогда принесли гибель на нашу землю. Значит, у них тоже имеются верные слуги? Знаешь ли ты, кто твой враг?»

— Девушка, — и даже не закрывая глаз, Мирддин вдруг увидел Нимье на горном склоне, с прекрасными волосами, которыми шаловливо играл ветер, с напряжённым, ищущим взглядом. Такой он увидел её в зеркале. — Я знаю лишь, что её зовут Нимье, но не знаю ни клана, ни племени. — Он покачал головой.

— Нимье... Это имя Силы. В старину так звали водяную богиню. Я запомню.

Они ели молча, занятые своими мыслями, и так же молча легли спать. Мирддин чувствовал, что рядом друг, и ему было хорошо. Редко испытывал он подобное чувство. Лишь в пещере у зеркала.

На рассвете они снова начали поиски. На этот раз Мирддин действовал с большей готовностью. Если ему необходимо терпение, то чем скорей он им овладет, тем лучше.

Солнце уже стояло высоко, когда они поднялись на кольцевой курган чуть выше соседних. И тут же кусок металла начал раскачиваться, блестя на солнце. Лугейд рассмеялся.

— Разве я не сказал, что подобное стремится к подобному? Вот доказательство, мальчик! — Он топнул ногой по дёрну, укрывавшему курган. — Под ним лежит то, что мы ищем.

Он сунул кусок металла в карман, торопливо направился к хижине и вернулся с бронзовым топором. «Настоящей лопаты у нас нет, — сказал он, — но этот топор и твой нож послужат нам.»

С силой, удивительной в его возрасте, Лугейд врубился в дёрн. Работа была тяжёлая, и они по очереди рубили топором, убирая землю с помощью ножа и корзины. К закату они добрались до массивного камня, служившего крышей склепа. Лугейд принялся расчищать его в поисках входного отверстия.

Солнце зашло, сгущались сумерки. Лугейд стоял в выкопанной ими траншее.

— Свет! Факел! Это нельзя оставлять на ночь!

Мирддин выпрямился, отбросив очередную корзину земли. В глубине души он знал, что друид прав: открытую могилу нельзя оставлять на ночь. Но человеческая часть в нём в ужасе содрогалась при мысли о том, что придётся в темноте вторгаться в могилу.

Но он отложил в сторону неуклюжее орудие и заторопился мимо мегалитов к хижине. Угли, хорошо укрытые, ещё сохраняли огонь. Мальчик сунул два факела в угли, потом взмахнул ими над головой, раздувая пламя.

Держа их в руках, он думал лишь о том, как бы побыст-

рее добраться до могилы. И вдруг сквозь сосредоточенность ощутил тревогу. Оглянувшись, он не заметил никакого движения между камнями, от которых тянулись длинные тени. Но он пошёл медленнее, продолжая оглядываться.

Подойдя к могиле, он воткнул факелы в землю. При их свете он увидел, что Лутейд не терял времени в его отсутствие: конец откопанного им камня обнажился, и теперь друид углублялся под него, чтобы найти вход в склеп.

Ниже оказался другой камень, меньший и расположенный вертикально. Он подался объединённым усилиям, хотя металлический топор при этом раскололся. Обнажилось отверстие. Мирддин, с его меньшим ростом, сумел заглянуть внутрь. Лутейд светил ему факелом.

Внутри оказалось множество различных предметов: кувшины, копья, что-то завёрнутое в ткань, которая распалась от прикосновения свежего воздуха. Но всё это не интересовало Мирддина. Он хотел увидеть блеск металла, и свет факела помог ему.

С бесконечной осторожностью мальчик просунул руку в отверстие и нащупал что-то холодное и прочное. Схватив это, он извлёк наружу меч.

Лезвие было из того же сплава, что и сокровище Лутейда. Не тронутое временем, прямое и гладкое, как будто только что выкованное, оно ответило на свет факелов радугой отблесков. Большая тусклая жемчужина украшала витую рукоять. Мирддин протянул меч друиду и начал торопливо забрасывать землёй отверстие.

— Его нужно спрятать, — тяжело дыша, проговорил он. — Оттуда, — не поворачивая головы, он кивнул в сторону, — за нами следят.

Он услышал свистящее дыхание Лутейда.

— Возьми его, мальчик, и иди! Оставь мне свет. Я закопаю могилу. Но этим рисковать нельзя!

Он отдал меч Мирддину, и мальчик снова взял его. Ему хотелось завернуть лезвие в плащ: оно сверкало ярче факелов.

Держа оружие перед собой, он побежал к хижине. И так остро ощущалось чьё-то присутствие, что он ежесекундно

ожидал оклика. Может быть, это какой-то бродячий горец или даже саксонский разведчик. А этот меч — настолько ценная добыча, что вполне оправдывает нападение. И в то же время Мирддин знал, что за ним следит не обычный враг.

Убегая с факелами, он не опустил дверной занавес. И теперь огонь в хижине указывал ему путь.

Мирддин был в десяти шагах от двери, когда от ближайшего камня отделилась фигура и направилась к нему. Мальчик повернулся лицом к привидению. Рукоять меча сама легла в руку, как будто оружие было специально выковано для него. Меч был гораздо длиннее римских, которые он видел в войске Амброзиуса.

Он взмахнул мечом, с которого, казалось, сорвался язык пламени. И Мирддин наконец понял, что значит быть воином, почувствовал яростное возбуждение битвы. Не сознавая этого, он оскалил зубы и испустил низкий крик.

Но не ударил. Свет от двери упал на приближающуюся фигуру. И он узнал её.

— Нимье!

На этот раз он не только увидел, но и услышал её смех.

— Мерлин! — В том, как она произнесла его имя, звучала насмешка.

Глава 6

— Храбрый воин! — насмешка девушки жалила, выводила из себя. — Что же ты теперь сделаешь? Ударишь меня мечом, как поступают разбойники в этих тёмных местах?

Мирддин опустил меч. Она заставила его почувствовать себя глупцом, ребёнком. Но ведь он знает, кто она, и не должен допустить, чтобы она взяла верх.

— Тот, кто прячется во тьме и подсматривает оттуда, — ответил он, — должен быть готов ко встрече с обнажённым лезвием.

— И ты веришь, что металл может победить меня, Мерлин? Ты всё ещё держишься предрассудков твоего

племени? — Глаза её сверкали, как у кошки, в свете, падавшем из двери. Она улыбалась. — Лучше испытай свои силы на таких! — Повернувшись, Нимье указала на камень, из-за которого вышла.

Из-за камня появились фигуры, порождённые каким-то кошмарным воображением. Но Мирддин знал, что на самом деле они не существуют. Он и сам заставил короля и всех остальных увидеть драконов. А теперь Нимье пытается запугать его иллюзиями. Он пристально посмотрел на них, и они рассеялись и исчезли.

Нимье перестала улыбаться, губы её напряглись. Она зашипела, как змея или сердитая кошка.

— Ты думаешь, что узнал всю науку древних! — воскликнула она. — Глупец, ты потратишь годы и годы и всё ещё будешь в начале. Ты ещё мальчик...

— А ты девочка, — ответил он. — Нет, я не говорю, что знаю много. Но такие игрушки мне знакомы.

Она качнула головой, так что волосы разлетелись по плечам.

— Посмотри на меня, — приказала она. — Посмотри на меня, Мерлин!

Её матовая кожа светилась собственным блеском, черты лица слегка изменились. Красота окутала её, как плащ. Неожиданно на голове у неё появился венок, аромат цветов коснулся ноздрей Мирддина. Одежда её исчезла, и взору открылось всё стройное тело.

— Мерлин... — голос её звучал низко и страстно; он многое обещал. Она нерешительно подошла ближе, как будто хотела коснуться его, но мешал девичий страх. — Мерлин! — простонала она. — Опусти этого убийцу, иди ко мне. Я покажу тебе такое, что ты не видел и во сне. Я жду... Иди! — Она протянула руки.

Впервые ощутил он себя мужчиной. Горячо зашевелилось неиспытанное чувство. Запах цветов, очарование её тела... он уже не так крепко сжимал рукоять меча. Всё земное в нём желало её.

— Мерлин, тебя обманули, — негромко ворковала девушка. — Жизнь здесь, а не там. Тебя оградили от неё, лишили свободы. Иди ко мне, и ты узнаешь, что значит быть по-настоящему живым! Иди, Мерлин!

Она протянула руки, призывая его в свои объятия. Глаза её были сонно тяжелы, рот изогнулся, ожидая поцелуев.

— Мерлин... — голос её перешёл в шёпот, обещая то, о чём он лишь смутно догадывался.

Спас его меч. Почти уронив его, Мирддин коснулся остриём ноги. И тут же ощутил шок, нарушивший очарование. Он произнёс лишь одно слово:

— Ведьма!

Снова её глаза блеснули. Цветущий венок исчез, на ней снова оказалось зелёное платье. Она топнула, и протянутые к нему руки превратились в когти, готовые разорвать его тело.

— Глупец! — громко воскликнула она. — Ты сделал выбор и с этого часа начнёшь платить за него. Отныне между нами только война, и не думай, что я слабый враг! После каждой победы ты будешь встречаться со мной, и если сегодня мне не хватило сил, то будут ещё дни... и ночи... Помни это, Мерлин!

И как она пришла из ночи, так и ушла в неё, смешавшись с тенями, и Мирддин даже не мог сказать, куда она ушла. И вместе с ней пропало ощущение, что за ним следят. Теперь он знал, что свободен, по крайней мере на время, и облегчённо вздохнул.

Но он долго ждал, прислушиваясь и пользуясь другими чувствами, которым научило его зеркало. Да, она ушла. Ощущалась лишь древняя сила, свойственная этому Месту Солнца. Там, где люди поклонялись всем сердцем, навсегда остаётся дыхание Силы, может, ослабевающее с течением времени, но никогда не исчезающее совсем.

Держа меч обеими руками, Мирддин вошёл в хижину и разжёл костёр. Готовя еду, он держал оружие наготове. Работая, он прислушивался: ему не хотелось оставаться одному, он ждал возвращения друида.

Он больше не боялся Нимье. Не верил, что она может вызвать к жизни силы, с которыми он не справился бы. Но первое её нападение он не предвидел. Теперь он решительно боролся с сохранившимся в памяти видением: Нимье, матово-белая в ночи, с зовущим сонным голосом.

Он понял, что женщины не для него. Никакие узы не должны мешать ему выполнить задачу.

— Кто здесь был?

Мирддин очнулся от сумятицы мыслей при этом резком вопросе. Лугейд, высокий и хмурый, стоял у входа, откинув занавес.

— Как ты?.. — начал мальчик.

— Как я узнал? Благодаря Силе, которую изучал! Враждебные силы проснулись этой ночью. Но сейчас врагов нет. — Ноздри друида раздувались, он слегка повернул голову, оглядываясь через плечо. Одежда его была в земле, руки исцарапаны, под ногтями набилась грязь.

— Она была здесь — Нимье, — сказал Мирддин.

— Неприятное известие! Она видела меч?

— Да. Она... она хотела обольстить меня. — Мирддину было неловко, но, рассказав всё друиду, он облегчил свою ношу.

Лугейд кивнул. «Что ж, если бы ты был чуть постарше... Нет, не думаю, чтобы у неё вышло. Но будь осторожен. Она идёт по твоему следу, и обмануть её будет нелегко. У Тёмных своя Сила, и умение обманывать людей — её составная часть. Но не думаю, чтобы ей легко давались чары, пока у тебя в руках это.» — Он указал на меч.

— Но время не ждёт. Я не сознавал этого. Я сделаю то, о чём ты меня просил: поеду к Амброзиусу.

Мирддин испытал внезапное облегчение. Он чувствовал, что опасно оставаться здесь одному, где его выследила Нимье. Но отчасти это и его место. Он испытывал странную близость к этим камням, как будто они некогда жили собственной жизнью и оставили ему некое наследие.

Эту ночь мальчик спал, прижимая к себе меч. И если девушка, приходившая из тьмы, пыталась наваять ему колдовские сны, ей это не удалось: он спал без сновидений. Проснулся он не только отдохнувшим, но и уверенным, что нужное должно быть сделано.

Лугейд уехал на пони, которого привёл с гор Мирддин. Проводив его, мальчик отправился проверять ловушки, установленные друидом. Ему повезло: в обе попалась

дичь. Он поджарил мясо на пруте и с жадностью съел его.

Позже он изготовил грубые ножны, связав куски коры полосками, оторванными от плаща, и теперь постоянно носил с собой меч. А ночью он клал чудесное лезвие рядом с собой. Часами бродил он меж камней, касаясь их время от времени рукой и каждый раз ощущая подъём духа от таких прикосновений.

Только теперь впервые начал он объективно оценивать знания, полученные у зеркала. Многие из того, что сообщал ему бестелесный голос, он не мог использовать, потому что металлические чудеса Небесного Народа нельзя было изготовить в его мире. Для этого требовались слишком специальные знания. Он понял, что усвоил лишь очень небольшую часть сведений, некогда привычных для его предков.

Он мог вызывать иллюзии, как с Вортигеном, и удерживать их короткое время. Умел немного лечить, не только используя травы, но и мысленно видя источник болезни и возлагая соответствующим образом руки. Так он мог восстановить функции больных или повреждённых органов. Но это требовало, чтобы больной верил, что он может выздороветь. А Мирддин сомневался, чтобы многие могли ему поверить. Слишком напоминало его лечение то, что люди называют колдовством.

Он получил свойство, вслушиваясь в речь на чужом языке, улавливать мысли, рождающие слова, и понимать сказанное. Он знал, как уменьшить вес: один раз он уже применил эту способность к упавшему камню. Если понадобится, он использует это своё умение в полную силу.

Бродя меж камней, он критически оценивал свое обучение. Возможно, он знает больше Лугейда, но знания его могли бы быть гораздо значительнее, если бы их раса не впала так глубоко в варварство. Он знал это и чувствовал нарастающее раздражение. Всё равно, что стоять у входа в сокровищницу, зная, что любой вошедший овладеет сокровищами, и быть не в состоянии преодолеть невидимый барьер.

Но камни и меч успокаивали его, внушали уверенность.

Он часто размышлял, из какого металла выковано оружие Небесного Народа. Были ли небесные люди похожи на него, сына без отца? Зеркало показало ему много чудес, и он знал, что небесные люди не сражались так, как сражаются теперь: человек против человека, лицом к лицу. Они повелевали громами и молниями и били на расстоянии. Он дрожал и по-настоящему заболел, когда зеркало показало ему картину последних битв, когда весь мир пылал, поражённый до самого сердца. Вскипали моря, горы вздымались и опали с лёгкостью, с какой Мирддин мог швырнуть кусок земли.

Мальчик хотел испытать силу меча и слов, поднять один из упавших камней. Но осторожность не позволила ему провести такое испытание. Он не знал, услышит ли его Нимье, и поэтому с терпением, которое старательно вырабатывал в себе, ждал возвращения Лугейда.

Была весна, хотя он утратил точный счёт дней. Трава у камней позеленела, свежие листочки раздвигали пожелтевшие, убитые морозом. Мирддин наблюдал, как распускаются цветы. Пели птицы, дважды видел он, как лис с лисицей играли меж камней. В нём самом нарастало какое-то беспокойство, которое он пытался подавить. Дважды во сне он видел Нимье и, проснувшись, испытывал стыд. И всё время смотрел он на тропу, по которой уехал Лугейд.

Он начал считать дни, укладывая камешки в линию у двери. Друид вернулся, когда он положил пятнадцатый камень. Он вернулся не один, с ним было шесть копейщиков. Воины не подъехали ближе, они беспокойно поглядывали на камни.

Лугейд облегчённо вздохнул, слезая со спины пони. Он поднял руку, приветствуя подбегающего Мирддина.

— Все хорошо? — спросил юноша. Но лицо друида было мрачно, и Мирддин остановился, неуверенно посмотрев на всадников, которые не шевелились. Было похоже, что они с радостью при первой же возможности укачут отсюда.

— Только отчасти. — ответил Лугейд. — Амброзиус мёртв.

Мирддин застыл. «Как он погиб — в битве?»

— Нет. Он умер из-за заморской волчицы, хотя она и дотянулась до него лишь из могилы. Она и верховный король погибли в пламени лишь на день раньше. Но смерть, посланная ею, настигла Амброзиуса руками её служанок. Правду узнали слишком поздно.

Лучше бы он погиб в битве, подумал Мирддин. Амброзиус не заслужил такого конца.

— Мир ему, — негромко проговорил мальчик. — Такого мы больше не увидим. — Какое-то воспоминание шевельнулось в нём. Но ещё не время было ему действовать, и воспоминание тут же ушло.

— Да, он был герой. И как герой, он будет лежать здесь! — Лугейд указал на Место Солнца. — Тебе удастся осуществить свой поиск, Мирддин. Сводный брат Амброзиуса теперь возглавляет войско. Он следует старым обычаям. Я говорил с Утером, которого люди называют Пендрагоном. Он хочет, чтобы Королевский камень был отобран у заморских варваров и привезён назад, в Британию. Он станет надгробным камнем героя.

Странны прихоти судьбы! Хоть и велико было желание Мирддина выполнить приказ, он всё же хотел, чтобы причина у приказа была другая и чтобы с ним не была связана смерть. Он попытался вспомнить Утера; перед ним смутно встал облик высокого молодого человека, с рыже-золотыми волосами, достигавшими по старому обычаю плечей, с розовым лицом, с изогнутым в смехе ртом. Но в лице его не чувствовалась сила, жившая в смуглом, гладко выбритом римском лице Амброзиуса.

— Король отправил к берегу отряд. Там ждёт корабль. Возможно, камень придётся выкупать кровью, — продолжал друид.

Мирддин медленно покачал головой. «Я не хотел бы отбирать его силой...»

Но он знал, что сделает всё, чтобы добыть Королевский камень.

В пути Лугейд рассказывал ему о новом правителе.

Амброзиус никогда не пользовался королевским титулом, довольствуясь присвоенным заморским императором званием герцога Британского. Но теперь, после смерти Вортигена и исчезновения его войска, Утер готов был

протянуть руку к королевской короне, и никто не помешал бы ему в этом.

— Племена поддерживают его, — заметил Лугейд, — считают своим, а не римлянином. А те, кто шёл за его братом, вынуждены идти за ним: он теперь их единственная надежда. Саксы получили такой удар, что теперь долго не оправятся. Впрочем, я думаю, люди Пендрагона недолго будут отдыхать и их мечи не заржавеют в ножнах.

Утер обладает всеми достоинствами и недостатками племён. Он могучий воин, и они пойдут за ним, как всегда идут за героями. Но у него есть и серьёзные недостатки. Мне кажется, ему не хватает целеустремлённости и рвения брата. Амброзиус знал единственное дело в жизни: восстановление безопасного правления в Британии, хотя он ошибался, думая, что оно придёт от римлян. Время заморских императоров кончилось. Мы ведём собственные сражения и не хотим видеть на своих дорогах марширующих римских орлов.

— Какие ты нашёл пороки в Утере? — спросил Мирддин. Они ехали поодаль от эскорта, и воины с готовностью оставляли их наедине и не стремились общаться с друидом и его товарищем.

— Не большие, чем в человеке, слишком склонном следовать своим желаниям. Сейчас желание Утера — обеспечить себе мирное правление. Тут его желание служит доброй цели. Но в будущем... — Лугейд пожал плечами. — Я не пытаюсь заглядывать в будущее слишком далеко: это может вызвать отчаяние. Довольно и того, что он дал тебе, сын неба, возможность осуществить желаемое.

Мирддин почему-то был уверен, что на самом деле Лугейд глубоко встревожен и что-то скрывает. Но не настаивал. Как сказал друид, пока достаточно того, что Утер дал им возможность овладеть Королевским камнем.

Попутный ветер перенёс их через пролив на Западный остров. Здесь они высадились в небольшой бухте, не встретив ни одного человека. Первый день они как будто шли по пустыне, хотя воины были настороже и постоянно посылали вперёд разведчиков. Война — их профессия, и они хорошо знали её.

На второй день в полдень прискакал разведчик и сообщил, что обнаружил засаду в узкой лощине. Его бдительность спасла их. Воины спешили и, укрываясь, обошли лощину. Сидевшие в засаде не ожидали нападения с тыла, и битва превратилась в кровавую бойню. Мирддин и Лугейд занялись ранеными. Вскоре им привели знатного пленника.

Он высоко держал голову, хотя на лице зияла рана, похожая на второй рот, а правая рука была сломана.

— Перевяжите его. Он должен жить, — приказал командир их отряда. — Это Гилломан, который правит территорией, где находится Королевский камень. С ним в руках мы можем начать переговоры.

Но юный вождь плюнул на землю им под ноги и попытался рассмеяться, хотя ему и мешала рана.

— Разве вы великаны? — спросил он. — Вы не похожи на великанов и ничем не отличаетесь от моих людей. Вам не удастся увезти Королевский камень.

— Поживём — увидим, — ответил Мирддин. — Сейчас нужно заняться твоей раной.

Вначале казалось, что вождь будет сопротивляться, хотя они желали ему добра. Но, наконец, он сдался. Лугейд вправил кости на руке, наложил деревянные планки и плотно перевязал их. Мирддин же наложил раненому на лицо компресс из трав. Потом он сосредоточился на соединении раненой плоти, как учило его зеркало.

Пленник недоверчиво взглянул на Мирддина и спросил: «Кто ты такой? Мне больше не больно. Твои руки — руки целителя.»

— В этом мой дар, как твой дар в умении руководить битвой, король. И я не желаю тебе зла. Слушай моё предложение. Если я сумею сдвинуть камень, поднять его лишь своими руками и голосом, поклянешься ли ты, что твои люди мирно пропустят нас с камнем в Британию?

Гилломан снова рассмеялся. «Ни один человек не сможет это сделать. Если это не шутка, я даю слово чести: Подними камень руками и голосом, и я уведу своих воинов. Мы предоставим вам свободный проход. Но если ты не сможешь, будьте готовы к нашему нападению.»

— Договорились, — ответил Мирддин.

И вот они ехали по стране, а по обе стороны пути собирались люди Гилломана, готовые уничтожить их, если Мирддин потерпит поражение. Наконец наступил день, когда он в одиночестве встал не перед единственным камнем, а перед целым десятком. Часть камней лежала, другие стояли. Без колебаний Мирддин подошёл к камню средних размеров. На нём был вырезан знак, который Мирддин хорошо знал, — спираль небесного народа.

Он извлёк меч из ножен, солнце отразилось в нём радугой; Мирддин услышал удивлённый ропот окружающих. Он поднял меч и прижал его плашмя к камню. Потом начал медленно постукивать, приговаривая. На этот раз ему было гораздо легче произносить необычные гортанные звуки. Быстрее становилось постукивание, громче звуки. Радужное сияние освещало руку, державшую меч.

Удары металла о камень звучали почти непрерывно. Мирддин ударял так быстро, что трудно было уловить паузу, когда он поднимал меч. Его голос сливался со звуком металла, и эти звуки уже нельзя было разделить.

И камень двинулся, начал подниматься со своей земляной постели. Но юноша не прекращал стучать, ритм его ударов стал ещё яростнее, пение — ещё громче.

Мирддин начал поворачиваться, очень медленно, едва ли по четверти дюйма за движение. Камень поворачивался вслед за ним. Вот он стоит уже поперёк траншеи. Мирддин сделал шаг, другой, третий, камень — за ним. Мирддин ничего не видел, кроме сверкания меча. Отгоняя усталость, напрягая волю, он продолжал своё дело.

Мирддин медленно шёл, а камень, поддерживаемый колебаниями, о которых говорило зеркало, — для чего нужен только подходящий металл и подходящий камень, — камень двигался по воздуху за ним. Мирддин миновал остальные камни и чуть спустился по склону.

Тут он опустил меч, и камень сразу лёг на землю. Стихло хриплое напряжённое пение. Мирддин взглянул туда, где стоял Гилломан.

Лицо юного вождя было почти полностью забинтовано; виднелись лишь глаза, широко раскрытые, полные

благоговейного страха. Вождь поднял руку в приветствии.

— Ты сделал то, что могут делать только богоравные герои. Как я обещал, так и будет. Поскольку Королевский камень ответил на твой призыв, ты можешь увезти его. Я не знаю источника твоего колдовства. Но хочу, чтобы оно было подальше от моей земли. Трудно жить под угрозой такой силы.

Так Мирддин добыл Королевский камень без дальнейшего кровопролития. И привёз его в Британию на то место, откуда его увезли. Камень воздвигли во славу Амброзиуса, но Мирддин знал, что у него есть и другая цель. Эту цель откроет будущее.

Глава 7

Утер Пендрагон стал верховным королём, и в Британии воцарился мир. Мирддин оставался в Месте Солнца. Хотя Королевский камень теперь лежал на месте, Мирддин знал, что свою задачу он ещё не выполнил. Потому что Утер, как и его предшественник Амброзиус, был не тем королём, которого он искал.

Лугейд оказался прав. Утер был доблестным воином, но имел и свои недостатки. Скорый на гнев, он не умел контролировать себя так, как это делал Амброзиус. Красивый, горячий, он легко следовал своим желаниям. И вот однажды он приехал к Мирддину, в Место Солнца.

Он отослал сопровождающих и теперь удивлённо разглядывал юношу.

— Тебя называют Мирддином? — спросил он резко, будто не веря себе.

— Да.

— Но ты совсем молод. Как можешь ты быть пророком и двигать скалы своей волей и ударами меча? Кто ты на самом деле?

— Мне говорили, что я сын нелюди, — спокойно ответил Мирддин. — Что касается моих способностей, то они даны мне с определёнными целями. И первая из них — чтобы королевский камень вернулся на своё место ради блага этой земли.

Утер упёрся руками в бока; подбородок его был вздёрнут, как будто он собирался бросить вызов.

— Кто ты такой, чтобы решать, в чём благо Британии? Ты даже не окровавил меч у неё на службе, если только правдивы слухи о тебе. — Он кивком указал на меч в ножнах из коры на поясе Мирддина.

— Меч не мой, господин. Я лишь временный его хранитель. И мои способности не предназначены для войны.

— Я слышал, что ты пророк. Если это правда, скажи, победит ли Пендрагон.

— Победит. Но белый дракон будет возвращаться снова и снова. Господин король, собери эти земли в единое королевство, если хочешь править по-настоящему.

Утер кивнул. «Для этого не нужны пророчества, парень. Каждый знает, что это должно быть сделано. Скажи мне что-нибудь, чего я не могу предвидеть сам. Тогда я возьму тебя под свою защиту, дам почётное место в своей свите...»

Мирддин покачал головой. «Господин король, двор и почёт, которые ты предлагаешь, не для меня. Твой брат однажды предложил мне вступить в его войско, но как пророку мне не нашлось места среди его подданных. Если ты будешь опираться на мои слова, твои люди будут недовольны. Мне лучше быть подальше от твоего двора. Но ты просишь о пророчестве, так вот оно.

У тебя родится наследник, но рождение его будет тайным. Это будет повелитель, какого наша земля не знала со времён императора Максима. Имя его будут помнить многие столетия. И если он выполнит то, к чему призван, эта земля будет благословенна превыше всех стран в мире.»

— У многих есть сыновья, — ответил Утер. — Кто сменит меня, сейчас не в этом дело. Да я и не узнаю, прав ты или солгал. Если хочешь показать мне своё волшебство, скажи ещё что-нибудь, колдун.

— Господин король, ты ожидаешь, что я вызову гром с ясного неба или превращу твою свиту в свору собак? Я имею дело не с тем, что ты называешь колдовством, а с древней мудростью. Могу сказать тебе только одно: до конца следующего года я тебе понадобится. Когда наступит этот момент, пусть твой вестник едет к месту, где

стоял дом клана Найрена, и разожжёт среди развалин костёр. Я отвечу на твой вызов.

Утер рассмеялся. «Парень, не знаю, зачем ты можешь мне понадобиться. Мне кажется, силы твои незначительны, ты можешь лишь создавать иллюзии и заставлять людей видеть то, чего нет. Ты прав: мои люди не верят тебе, и тебе лучше быть подальше. Не знаю, каким ты станешь, когда повзрослеешь, но не думаю, что мы когда-нибудь будем иметь дело друг с другом.»

Он запахнул плащ и ушёл. Мирддин смотрел, как он уходит, и внезапно увидел мгновенное изменение. Высокий человек в алом плаще, с великолепным вооружением, вдруг оказался согбленным и сморщенным, лицо его посинело, сильные мускулистые ноги превратились в тощие кости, смерть смотрела через его глаза. И Мирддин понял, что не смерть в битве ожидает Утера, а предательство и медленный упадок. Он хотел предупредить короля, но знал, что слова его окажутся бесполезными.

Он вздохнул, размышляя о своём опасном и часто бесполезном даре. Лучше бы его не было. Он видит в лице человека его смерть и не может сказать ему об этом. Но Мирддин не отвернулся от Королевского камня, он положил руку на его поверхность, ещё раз подивившись, какая сила удерживает его здесь, заставляет выполнять поручение Небесного Народа. Зеркало объяснило, что камень — это маяк, но как он действует, Мирддин не знал. Он чувствовал только огромную скрытую энергию в нём, как и в других камнях этого места.

В хижине его ждал Лугейд. Друид уже собрал немногочисленные пожитки Мирддина, привёл и оседлал пони.

— Ты должен уехать.

Эта неожиданность поразила мальчика.

— Почему?

— Ищущие добрались до этого места. Ты сделал то, чему противились Тёмные, теперь они захотят убить тебя, чтобы ты не смог ещё чем-нибудь повредить им. Прошлой ночью в кругу танцевали Танцоры Тени. Но ни у одного из них не нашлось достаточно сил, чтобы воплотиться в тело. Однако я думаю, что если ты задержишься здесь,

они вернутся. И с каждым возвращением они будут становиться всё сильнее, пока не станут серьёзной угрозой для мозга и тела.

Я не расспрашивал тебя об источниках твоей силы. Да ты и не должен мне рассказывать. Но предупреждаю тебя, Мирддин: возвращайся к этому месту и возобновляй свои силы. Те, кто учил тебя, должны и смогут, я надеюсь, защитить тебя от Тёмных.

— Идём со мной! — порывисто позвал Мирддин.

Друид покачал головой. «Каждому своё. Твои знания должен использовать только ты: ты для этого рождён. Нет, я останусь здесь.»

— А Танцоры Тени? — Мирддин взглянул на ряды стоящих камней. При свете солнца от каждого из них тянулась тень, но в них не чувствовалось угрозы. Мирддин знал, что Лугейд говорит о тех призраках, которыми хотела его запугать Нимье в ночь их встречи.

— Я для них не интересен, они посланы за другой добычей.

Мирддин подумал об одиночестве в пещере. Ближайшим его соседом будет разрушенный дом клана.

— Ты интересен для меня, — сказал он. — Мне трудно будет жить в горах с дикими зверями.

— В тебе говорит страх, — строго ответил Лугейд. — Каждый человек идёт своей дорогой в жизни; лишь изредка он может встретить другого. Ты должен привыкнуть к своему одиночеству в этом мире.

И Мирддин покинул Место Солнца, оставив позади недавно привезённый камень и зная, что его ждёт впереди одиночество — судьба тех, кто владеет Древней Силой. Пустынными тропами вернулся он на горный склон, где находилась ведущая в пещеру расщелина.

На этот раз ему было гораздо труднее протиснуться в щель: он сильно вырос. Наконец он пробрался во внутреннее помещение, где по-прежнему гудели и щёлкали установки. Утомлённый физически и духовно, он сел перед зеркалом.

— Ты вернулся, — заметил голос, такой же монотонный, как и всегда. — И маяк теперь на месте. До сих пор ты выполнял то, для чего родился.

Мирддин не знал, откуда зеркалу известно об его успехе. Может, оно читает его мысли? Это предположение ему не понравилось. Неужели он лишь слуга чужаков, раб, которому не позволены собственные желания или действия? Тогда злополучно его рождение: человек не должен рождаться для судьбы, которую не может изменить.

— Дело сделано, — ответил он без всякого выражения.

— Отдыхай и жди, — слышалось в ответ. И Мирддину вновь показалось, что он освободился от какого-то принуждения, которого раньше и не создавал. Он замигал и потянулся, как будто проснувшись от долгого сна. Потом вышел из пещеры, глубоко вдыхая горный воздух.

Он не вернулся в разрушенный дом клана. Напротив, в горах он построил себе хижину из камня и ветвей. Приближалась середина лета, и Мирддин принялся готовить запасы на зиму. Он собирал травы и корни. Однажды он разыскал одичавшую корову, убил её и прокоптил мясо.

Когда на шкуру, которую он забросил за куст, слетелись вороны со всей округи, оспорить у них добычу явилась дикая кошка с котятами. Вороны тщетно испускали боевые крики. Мирддин дождался, пока шкура не была очищена от мяса. Потом он выскреб и обработал её, как мог. Впоследствии внутренности всех животных, которых ему удавалось убить, он оставлял для своих крылатых и пушистых соседей.

Это была трудная жизнь, лишённая даже тех скромных удобств, какие давал дом клана. Мирддин похудел, вырос, кожа его потемнела на солнце. Наступил день, когда он хорошо заточенным ножом впервые выбрил подбородок и одновременно подрезал сильно отросшие волосы.

Одежда стала ему мала, и он сшил новую из грубо обработанной шкуры. Самые толстые части шкуры пошли на изготовление обуви.

Короткое лето приближалось к концу. Нужно было готовиться к холодам. Каждое утро Мирддин поднимался на камень, откуда видны были развалины дома клана. Он находился слишком далеко, чтобы видеть подробности, но каждый раз он убеждался, что сигнала Утера всё ещё нет.

Почти неохотно навещал он зеркало, но голос редко заговаривал с ним; большинство его вопросов оставались без ответа. За работой он напевал, вспоминал узнанное и разговаривал вслух, чтобы не забыть человеческую речь.

Однажды он нашёл запутавшегося в кустах ворона. Птица в ужасе кричала. Освободив её и не обращая внимания на удары клюва, Мирддин увидел, что у неё сломана лапа, и начал лечить её.

Когда лапа зажила, ворон не захотел улетать. Он часто сидел на бревне, которое Мирддин прикатил к хижине и использовал как рабочий стол. Здесь он плёл ивовые корзины, в которых хранил зерно дикой ржи.

Мирддин назвал птицу Вран и удивился, когда ворон принял предложенную ему пищу и ответил на резкие крики, которыми Мирддин подражал птице. Утром, когда Мирддин выходил из хижины, Вран подлетал к нему, садился на плечо и негромко кричал, как будто рассказывал что-то на незнакомом языке.

Зима была суровой, и в дни самых сильных бурь Мирддин уходил в пещеру с зеркалом. Щель ему пришлось расширить, иначе теперь он не просто прошёл бы. Вран исчез, очевидно, отыскал себе убежище, и Мирддину не хватало его общества.

Во время своих посещений он не приближался к зеркалу, чувствуя, что сейчас не время использовать механизмы со звёзд. На многих из них огоньки уже не загорались. Мирддин со страхом иногда думал, что зеркало по-своему стареет и сила его ослабевает.

Следить за временем было трудно. Мирддин пытался вести каменный календарь, как когда-то возле хижины Лугейда; но буря разбросала камни, а Мирддин не помнил их точного количества, после чего отказался от попытки вести счет дням. Иногда целыми днями он ничего не ел и проводил долгие часы в необычной летаргии.

По крайней мере в горах его никто не тревожил. Со времени своего возвращения он не видел ни одного человека. И особые чувства не предупреждали его о присутствии других, как при встрече с Нимье.

Он гадал, куда она делась и что делает. Иногда ему

начинало казаться, что нужно выследить её, как она выследила его. Но когда он спросил об этом зеркало, последовал быстрый и решительный ответ:

— Не приближайся к тем, кто служит другим: они приведут тебя к битве, а время её ещё не настало.

Мирддин уже хотел отойти, когда снова послышался голос:

— Наступает время выполнения второй задачи. Слушай! Должен родиться ребенок, как родился ты, нашей крови, беспорочный. Но все люди должны верить, что зачал его верховный король. Когда Утер попросит твоей помощи в этом деле, используй данные тебе силы. Пусть король поверит, что делил ложе с избранной им женщиной и наслаждался её любовью. Пусть женщина верит, что принимала своего мужа. Но в её комнате ты должен открыть окно и оставить её одну.

Когда ребёнок родится, ты должен взять его, сказав королю, что ребёнок в опасности: многие не хотят, чтобы у короля был законный наследник. Ты отвезёшь ребёнка на север, к лорду Эктору, который воспитает его как приёмыша. Пусть лорд Эктор считает, что ты усыновил ребёнка. Он принадлежит к древней расе, и ты покажешь ему опознавательный знак. В его жилах течёт наша кровь, хотя и ослабленная временем, а подобное ищет подобное.

Будь готов выполнить это, когда появится королевский посланец. В этом ребёнке надежда твоей земли, а также и наша надежда. Лишь когда воцарится король нашей крови, наступит мир и мы сможем вернуться.

— Когда это произойдёт? — осмелился спросить Мирддин.

— С приходом весны. Учись ежедневно создавать иллюзии, пока не сможешь пользоваться ими так же легко, как опытный воин владеет мечом. Ты сможешь выполнить задание лишь при помощи этого оружия.

Так Мирддин очнулся от сонной бездеятельности, когда дни проходили незаметно, ничем не отличаясь друг от друга. Он проверял свои силы, как борец разминает мышцы перед схваткой.

Он создавал свои иллюзии на ближайшем холме, доби-

ваясь максимального жизненного правдоподобия. Однажды он воздвиг у входа в пещеру тёмный злове́щий лес. На другой день уничтожил лес и заменил его прекрасным лугом, на котором под лёгким ветерком покачивались летние цветы. Затем он начал создавать людей. К нему шёл Найрен, плащ его раздувало ветром, бронзовая цепь, ярко сияя, свисала поверх кожаного камзола. Подойдя, он улыбнулся и поднял руку в дружеском приветствии.

Труднее всего было преодолеть стремление удержать эти иллюзии, не пытаться превратить их в живых людей. Мирддин уставал больше, чем когда поднимал Королевский камень. Но чем больше он упражнялся, тем реальнее и правдоподобнее становились его иллюзии. Но он не был уверен, что для других людей они будут такими же жизненными, как для него.

Тогда он использовал Врана, который вернулся с наступлением весны. Мирддин создал иллюзию освежёванной овцы, и ворон с резким криком попытался разорвать её мясо. Но когда овца вдруг превратилась в куст, он испуганно отлетел.

Так ежедневно Мирддин упражнялся в создании иллюзий, пока однажды утром, возвратившись на свой наблюдательный пункт, не увидел столб дыма над разрушенным домом клана. Захватив лишь меч в кожаных ножнах, он быстро пошёл по еле заметной тропе, по которой ему совсем не хотелось ходить, и сквозь брешь в стене увидел стоящих у костра людей. Одного из них он узнал. Это был Кредок, дружинник Утера. То, что именно он был послан за Мирддином, свидетельствовало, что желание короля велико. И Мирддин понял, что наступило время, о котором его предупреждал голос.

Он знал, что для этих людей, в их богатых нарядах и украшениях, он покажется нищим, диким бродягой или каким-то существом из горских легенд. Но шёл он гордо, зная, что лишь он может выполнить желание короля, даже если для этого понадобится прибегнуть к обману.

— Ты Мирддин? — В голосе Кредока слышалось явное отвращение.

— Да. И верховному королю нужна моя служба, — спо-

койно ответил Мирддин. — Жизнь в горах, мой господин, нелегка.

— Оно и видно! — Кредок не насмехался открыто, но глаза выдавали его. Впрочем, Мирддину было всё равно.

Но при въезде в город короля ему дали новую одежду. Годы войн, саксонские рейды увеличили число руин в этом некогда богатом городе. Но некоторые здания восстановили и аккуратно оштукатурили. А внутри даже создавалось впечатление великолепия, так как роскошные занавеси скрывали повреждения.

Мирддина отвели во внутреннее помещение. На сбитой кровати сидел Утер. Он как будто только что проснулся, хотя утро давно уже наступило.

— Здравствуй, пророк, — Утер напился из серебряной чаши и передал её склонившемуся в поклоне юноше, знаком приказав снова наполнить её заморским вином. — Ты говорил правду в день нашей последней встречи. Мне действительно нужна твоя помощь. И если ты послужишь мне, можешь сам назначить награду. Убирайтесь все отсюда! — приказал он, обращаясь к собравшимся. — Я буду говорить с пророком по секрету.

— Господин король, он опасный колдун, — возразил Кредок.

— Неважно. Пока его колдовство приносило пользу этой земле. Не очень значительную, конечно, но по крайней мере оно никому не повредило. А теперь оставьте меня.

Приближённые повиновались с видимой неохотой. Король ждал, пока они выйдут, потом заговорил чуть слышно, так, чтобы голос его не долетал до стен.

— Мирддин, ты имеешь дело с иллюзиями, как сказал моему брату. Ты говоришь: люди видят то, что хотят видеть. Женщины тоже подчинены этому?

— Да, господин король.

Утер энергично кивнул. Он отпивал небольшими глотками вино. «Тогда я хочу, чтобы ты сотворил иллюзию для меня, пророк. Недавно я короновался здесь перед войском и своими приверженцами. Не последний из них — лорд Голорис из Корнуэлла. Он пожилой человек, дос-

таточно крепкий, чтобы отвечать на призыв боевого рога, но недостаточно, чтобы удовлетворить молодую жену. А его жена леди Игрена годится ему по возрасту в дочери. Эта леди — прекраснее её я никогда не видел! Хотя обладал многими женщинами, и все они приходили ко мне добровольно. Когда я попытался заговорить с ней, она не ответила, а затем рассказала об этом своему мужу. И он очень невежливо, не попрощавшись, уехал от двора, причинив мне позор!» — Лицо Утера вспыхнуло, он говорил с гневно сжатыми губами.

— Ни один человек не может причинить стыд королю, чтобы остальные болтали об этом украдкой. Я уже послал отряд в Корнуэлл, чтобы это стало ясно герцогу Голорису. Но его леди — о, это другое дело! Я буду держать её в своих объятиях, и она узнает, как может любить король. Герцога выманили из крепости, но леди там в безопасности, как он считает. Скажи, пророк, смогу я проникнуть в её будуар, или она попадёт ко мне в спальню?

— Ты говорил об иллюзиях, господин король. Можно создать иллюзию, настолько сильную — по крайней мере на одну ночь, — что леди будет считать, что к ней вернулся муж. Но это будет лишь внешность герцога...

Утер громко расхохотался. Мирддин видел, что король уже изрядно опьянел. «Прекрасная шутка, пророк! Она доставит мне удовольствие. Ты клянёшься, что это можно сделать?»

— На короткое время, господин король. И нужно быть близко к крепости герцога.

— Неважно! — Утер махнул рукой. — В моих конюшнях лучшие кони. Если понадобится, мы загоним их насмерть.

Всё было сделано по приказу короля. Мирддин обнаружил, что цепляется за седло большой лошади и скачет сквозь тьму. Ехали всю ночь при свете луны. Мирддин не рассуждал, добрый или злой поступок он готовит; его интересовали лишь последствия. Будет рождён ещё один сын неба, подобный ему, полуизгнанник в этом мире. Мирддин чувствовал радость, потому что познал горечь одиночества.

Когда родится ребёнок и будет отвезён к Эктору, он сам освободится. Мирддин так яростно жаждал этой свободы, как раб стремится избавиться от цепей..

Через три дня они подъехали к крепости у моря и укрылись в роще. Мирддин один пошёл вперёд, чтобы взглянуть на крепость, в которую хотел проникнуть Утер, и начал готовиться к созданию величайшей иллюзии.

Глава 8

Ночь была необычно холодной для кануна Белтейна. С моря дул резкий ветер. Даже сквозь толстые стены крепости Мирддин слышал удары волн. Сам он мучился от насморка и не чувствовал уверенности в своих силах.

Утер и его люди спали в укрытии. Было легко подмешать порошка сонной травы в единственную бутылку с вересковым мёдом: резкий вкус напитка отбил привкус зелья. И со всем искусством, которое дало ему зеркало, Мирддин внедрил в мозг Утера иллюзию.

А сам он идёт теперь по переходам крепости. Дважды пришлось ему прибегать к искажающим полям, чтобы остаться невидимым. Напряжение начинало сказываться на нём. В комнате впереди... Он остановился перед занавесом, закрывавшим вход, и снова начал создавать иллюзию.

Когда всё было сделано, он перевёл дыхание и двинулся вперёд. Храбро отдёргнув занавес, он вошёл. Если он действовал верно, женщина внутри увидит лишь своего неожиданно вернувшегося мужа.

В руке Мирддин держал небольшой свёрток с сонным порошком. Когда он даст ей под каким-то предлогом порошка, его задача будет выполнена.

Лампа старинного римского образца горела у кровати, сделанной в виде богато украшенного деревянного ящика со снимающейся крышкой. Но на кровати никого не было. Женщина стояла у окна, глядя на штормовое море. На её стройные плечи, чуть скрывая наготу, был наброшен плащ. Услышав шаги, она быстро оглянулась.

Испуганное выражение сразу исчезло. Она неуверенно

улыбнулась, как будто не зная, в каком настроении находится вошедший.

— Милорд! Но... как ты пришёл сюда?

Мирддин облегчённо вздохнул. Иллюзия выдержала. Женщина видела герцога Голориса.

— Где же мне ещё быть? — спросил он. — Прекрасная леди, эта ночь не для войны.

Она отошла от окна, опустив край плаща. Теперь он хорошо видел, что она создана для радостей любви, хотя сам смотрел на неё без тени смущения, какое ощущал при виде соблазнительного тела Нимье. Герцогиня Игрена была действительно прекрасна, но красотой римской богини. Она смотрела на него, чуть улыбаясь, и он догадался, что во многом она правила старым лордом так же безраздельно, как Утер Британский страной.

Кончай эту игру, умоляло что-то внутри Мирддина. В этой комнате, пахнувшей женщиной и жизнью, совершенно незнакомой ему, он бы так же неуверен, как олень, почуявший западню. Рука его двинулась к столу, на котором стояла высокая стеклянная бутылка, привезённая из-за моря, и два прекрасных кубка.

— Ночь холодна, — сказал он. — Я хочу согреться вином.

Игрена негромко рассмеялась. «Есть и другие способы согреться, лорд». — Она стыдливо указала на кровать.

Он заставил себя тоже рассмеяться. «Прекрасно, но вначале налей мне, пожалуйста, вина. А потом мы попробуем твой способ, чтобы определить, какой лучше.»

Она надула губы, но ждала, пока он не налил вина в кубки, потом послушно взяла один из них. Он сделал вид, что пьёт, а она опустошила кубок в несколько глотков.

— Милорд, ты необычно сдержан. — Она подошла ближе, и Мирддин ощутил аромат её тела. Не обращая внимания на свою наготу, она подняла руки и расстегнула плащ. — Лорд, ты сегодня сам не свой...

Мирддин хотел отшатнуться, уйти от её рук. Усилием воли он сдержался. Поставив кубок, он взял её за руки и сжал их, взглянув ей в глаза.

Лицо её потеряло игривое выражение и разгладилось, как будто она больше его не видела.

Мирддин мягко отвёл её к кровати. Глаза её по-прежнему были неподвижны. Ложась на подушки, она даже не шевельнулась, когда Мирддин отошёл.

Окно полуоткрыто. Занавес и ставни откинуты. Мирддин удостоверился, что такими они и останутся. Женщина в постели сонно бормотала, и слова её предназначались не ему, а видению, которое он поместил ей в мозг.

Снаружи слышалось негромкое гудение. Мирддин быстро вышел из комнаты. Стражники его не видели.

Добравшись до своего наблюдательного пункта — холма перед крепостью Голориса, Мирддин обернулся. Ярko светила луна. В отдалении виднелись костры: там простой народ праздновал Белтейн. Он хорошо выбрал ночь: в крепости оставалось лишь немного постоянных обитателей.

Окно, выходившее в сторону моря, он не мог видеть. Да и не его это дело, что там происходит. Теперь нужно сохранить иллюзию Утера. Ощущая тяжкую усталость, Мирддин добрался до скрытого лагеря и долгие часы сидел рядом со спящими.

На рассвете Утер зашевелился. Глаза его открылись, но он не узнавал окружающих. Протянув руки, он пытался кого-то удержать.

Мирддин быстро вскочил. Кончиком пальца он коснулся головы короля, над и между глазами. И отдал мысленный приказ:

— Проснись!

Утер замигал и осмотрелся в сером свете. Зевнул и увидел Мирддина. Лицо его нахмурилось.

— Итак, колдун, твоё волшебство как будто подействовало. — Голос его звучал хмуро. — Ты выполнил обещание. — Ни торжества, ни удовлетворения не было в его тоне. И взгляд его избегал взгляда Мирддина.

И Мирддин понял, что, удовлетворив, как он поверил, свою страсть, Утер стыдился теперь своего поступка. И ему не хотелось видеть человека, которого он стыдился.

— Если ты доволен и я выполнил твой приказ, господин король, позволь мне удалиться. Мне не нравится жизнь при дворе, — устало сказал Мирддин. Он ожидал,

что Утер отвернётся от него, но не так внезапно. А ему не хотелось полностью утратить расположение короля, потому что дело его ещё не завершено и для завершения нужно сохранить связь с королём.

— Хорошо. — Утер совершенно отвернулся. Он даже не взглянул на Мирддина, а смотрел на спящих. — Уезжай, когда и куда хочешь.

Мирддин с достоинством принял приказ, даже не поклонившись, и пошёл к пасущимся лошадям. Взяв свою лошадь — он решил, что Утер отдаёт ему её для возвращения, — он, даже не оглянувшись на короля, двинулся в путь. Но не успел он добраться до вершины небольшого холма, как услышал топот копыт и увидел человека, скачущего на покрытой пеной лошади.

— Король? — крикнул тот Мирддину. — Где Утер?

То, что кто-то знает об этом тайном походе, удивило Мирддина. Но всадник был так уверен, что Утер где-то по соседству, что было очевидно: у него какое-то срочное сообщение, ради которого можно нарушить тайну.

— Зачем тебе король? — спросил Мирддин. Любое изменение было существенно и для его планов. — Саксы протрубили в боевой рог?

Человек покачал головой. «Герцог Голорис... убит в схватке вчера. Король должен знать...»

Мирддин показал, откуда он пришёл. «Там ты найдёшь короля...»

Всадник ускакал раньше, чем он закончил. Пуская свою лошадь рысью, Мирддин обдумывал значение услышанного. Герцогиня Игрена скоро узнает, что в те часы, когда она принимала своего мужа, тот уже был мёртв. А Утеру легко будет овладеть теперь женщиной, которую он считает самой желанной. Как скажется их брак на жизни, которую — Мирддин был уверен в этом — Игрена носит теперь в своём теле?

Будет ли король, опираясь на воспоминания, считать ребёнка своим? И что произойдёт, когда Утер будет обсуждать его происхождение с герцогиней? Мирддин ясно почувствовал отвращение короля к самому себе в тех нескольких словах, которыми они обменялись. Каков будет результат этого стыда?

Пройдёт больше полугода, прежде чем он об этом узнает. Его собственная задача ему ясна: ребёнок, зачатый этой ночью, должен быть скрыт, спрятан на севере, в доме человека, в жилах которого течёт древняя кровь. Он узнает Мирддина по условным словам. А почему бы не убедиться в этом немедленно? И Мирддин повернул лошадь не к пещере, а на север.

Несколько недель спустя он разузнал, что Эктор — лорд небольшого поместья, расположенного среди гор и ущелий. Соседи его уважали, но обращались к нему только в случаях необходимой совместной защиты. Его люди были известны тем, что крайне неохотно принимали незнакомцев. Эктор был женат на своей двоюродной сестре: по семейной традиции много поколений браки не выходили за пределы их клана, и он был молодой человек.

Мирддин собирал эти сведения по частям у бродячих торговцев. Теперь, когда угроза саксонских набегов ослабла, торговцы снова появились на дорогах. Разговаривал Мирддин и с кузнецом, который проработал зиму в крепости Эктора, а теперь торопился к больной матери, с бардом, который путешествовал в поисках новых мест и людей. И то, что он услышал, ему нравилось.

Судя по всему, Эктор — умный человек и опытный воин. Ему удалось уберечь свои земли от набегов пиктов с севера. Жена его принадлежала к заморской вере, которую теперь называли христианством; она приютила старого жреца этой веры, известного целителя. Хотя Эктор ревниво берёг свою территорию, он без крайней необходимости не обнажал меч, и его подданные процветали, насколько это возможно в беспокойные времена.

Когда Мирддин наконец подъехал к узкой тропе, ведущей в земли Эктора, он обнаружил, что тропа охраняется. Охранники, не профессиональные солдаты, попросили его задержаться в лагере, а один из них с сообщением поскакал к дому клана. Мирддин начертил на клочке кожи спираль — знак древних дней — и сказал, что хочет тайно побеседовать с их лордом.

Он ждал почти до заката. Наконец всадник вернулся и передал, что Мирддин может пройти, а он сам будет сго

проводником. Лорд ожидал его в центральном дворе дома клана. Мирддину на мгновение показалось, что он вернулся домой и тяжёлые годы одиночества остались позади.

Так же некогда стоял Найрен с обнажённой головой, с приветливым лицом, ожидая гостя. Слуга увёл усталую лошадь. Эктор крепко пожал Мирддину руку. Увидев, что они одни, Мирддин шёпотом произнёс условные слова.

У Эктора были такие же чёрные волосы, как у него самого. Треугольное лицо с заострённым подбородком, чётко очерченные губы, узкий горбатый нос. Мирддин как будто видел своё лицо, только немного старше и с небольшими различиями. Они вполне могли быть близкими родственниками.

— Добро пожаловать, брат, — ответил Эктор, не удивившись словам Мирддина, таким древним, что значение их забылось. — Дом родича открыт для тебя.

Так что в этой части план Мирддина осуществился легко. Хотя ни лорд Эктор, ни его жена не имели никаких контактов с небесным народом, традиция таких связей прочно жила в истории их клана. Они без расспросов приняли слова Мирддина. Хотя он и не объяснил обстоятельства рождения ребёнка, для которого ищет убежища, они с готовностью согласились помочь ему. Тринихид, хотя она искренне следовала новой вере, проповедуемой Натом — мягким пожилым человеком, который старался лечить тела так же, как облегчать души своим учением, — всё же принадлежала клану. Когда Миррдин говорил о том, как важно сохранить ребенка в безопасности, она согласно кивала.

Двигалась она медленно, осторожно нося свой большой живот, в котором находился долгожданный наследник Эктора. Положив на него руки, она слушала Мирддина, покачивая головой.

Её спокойное счастье заставило Мирддина почувствовать неловкость, и он держался в стороне от верхнего этажа дома клана, где постоянно находилась Тринихид. Ни одна из женщин, которых он видел при дворе короля, не привлекала Мирддина. Лишь однажды желание шевель-

нулось в его теле: когда он увидел Нимье в ночи, бросившую ему вызов, призвавшую быть мужчиной.

Счастье Тринихид и забота, которой окружил её лорд, были чем-то новым для Мирддина. Поскольку в них обоим чувствовалось древнее наследие, они казались ему ближе, чем все другие люди в клане его деда. В их близости было тепло, подобное теплу очага в зимний день, но ему в таком тепле было отказано.

Мирддин чувствовал беспокойство, и в то же время что-то привязывало его к этому месту. Он не мог решиться уехать и одиноко жить в пещере. Он ходил с Эктором на поля, помогал считать скот, делал всё, что делает лорд небольшого поместья. Он утомлял себя, чтобы спать без сновидений.

С возвращением кузнеца появились новости. Мирддин внимательно слушал. Король женился на герцогине Игрене. Но не жил с ней. Она жила среди святых женщин новой веры, потому что носила ребёнка своего первого мужа. Пока она не родит, король не требовал её к себе.

Итак, герцогиня поверила в иллюзию, думал Мирддин. А Утер ничего не предпринял, чтобы разуверить её. Для целей Мирддина так даже лучше, потому что Утер не захочет держать ребёнка при дворе. Воспитание в других семьях было широко распространено в высшем обществе. Даже король отсылал своих сыновей не только, чтобы избавить их от искушений, которым они легче поддались бы в его доме, но и для того, чтобы уберечь их жизнь. Всегда найдётся завистливый претендент, который решит, что убийство расчистит ему дорогу к трону.

Он должен уехать на юг до наступления зимы в этих суровых северных горах и отыскать Утера. Однажды он уже сумел внушить королю нужные мысли, а теперь сумеет это снова. Иначе плохой был бы он обладатель Силы. Ведь он служит для осуществления великого плана.

В течение лета Мирддин испытал одно из тех быстрых физических изменений, которые у него соответствовали спокойному росту других людей. Он стал выше, шире в плечах. Увидев своё отражение в полированном щите, он ещё раз поразился своему сходству с Эктором, хотя лицо

его не было смягчено чувством, а глаза всегда полужакрыты, как будто он скрывает в них тайное оружие. Борода у него была редкая и росла медленно. По нескольку дней он не нуждался в бритье. И от работы под солнцем он загорел и окреп.

Перед семейным пиром он покинул крепость, сопровождаемый добрыми пожеланиями своих отдалённых родственников, хорошо одетый, с отличными кожаными ножами, скрывшими меч. Меч этот порастил Эктора, но он даже не касался его рукояти, говоря, что давно известно: такое оружие предназначено лишь для одного владельца.

— Это так, — согласился Мирддин, — но не я его владелец. Тот, кто придёт, понесёт его в битву. Я лишь его слуга в этом, как и во всём остальном.

Он вёл с собой запасного пони, нагруженного припасами, потому что собирался пробираться на юг пустынными дорогами, чтобы известие о нём раньше времени не дошло до Утера. Он хотел застать короля врасплох, чтобы легче добиться осуществления своих планов.

Не особенно торопясь, он добрался до пещеры, причём его дважды задерживали бури, длившиеся сутками. На знакомой тропе, которую ноги нашли сами собой, хотя остальные люди её даже не видели, лежал снег. Послышался хриплый крик, и большая чёрная птица опустилась рядом с ним. Мирддин протянул руку и радостно окликнул: «Вран!»

Да, это был Вран. Он немедленно вцепился когтями в перчатку Мирддина и, поворачивая голову и каркая, посмотрел на него.

— Подожди немного, Вран, — пообещал Мирддин, — я покормлю тебя.

Птица перелетела на камень, а юноша порывлся в мешке, достал кусок копчёной свинины и бросил его на землю. Мгновенно чёрный взрыв перьев закрыл мясо.

Никаких следов того, что кто-то побывал здесь за долгие месяцы его отсутствия, не было. А он вернулся лишь по одной причине. Мирддин отстегнул пояс с мечом и спрятал его в тёмном углу пещеры возле самой большой

установки. Он заметил, что большинство механизмов теперь молчит. Только на поверхности одного по-прежнему бегали огоньки. Долго стоял он перед зеркалом, глядя на своё отражение. Он теперь выглядел гораздо старше своего возраста — столько лет было Утеру, когда они виделись в последний раз. Лицо Мирддина стало замкнутым, а серая скромная одежда и плащ превратили его в тёмную мрачную фигуру. Возможно, именно таким должен появляться колдун в мире, наслаждающемся цветом и светом, блеском драгоценностей и сверканием золота.

Он снова вышел наружу. Вран доедал мясо. Прежде чем сесть на пони, Мирддин отыскал ещё один кусок.

— Маленький брат, — сказал он, и при звуке его голоса ворон перестал рвать мясо и взглянул на Мирддина чёрными бусинками глаз, как будто знал, куда он собирается. — Прощай, будь здоров! Когда я вернусь, ты попируешь снова.

Пообещав это, он повернул лошадь в сторону долины, где располагался дом клана.

Самейн давно прошёл и жестокие волчьи ледяные челюсти зимы крепко сжались на человеческом мире, когда Мирддин оказался в комнате, где сидел Утер. Огонь в очаге яростно ревел, но тепла давал мало. Как и предполагал Мирддин, король был один. Он явно не хотел ни с кем делиться тайной, связанной с колдуном.

— Итак, ты вернулся, колдун, — сказал король вместо приветствия. Ни в его лице, ни в голосе не было ни капли приветливости. — Я не звал тебя.

— События позвали меня, господин король. — ответил Мирддин. — Я выполнил твоё желание и не просил награды...

Утер с силой опустил на стол кубок с вином. «Если дорожишь жизнью, колдун, попридержи язык в своём грязном рту!» — взревел он.

— Я говорю не о прошлом, господин король. Это твоё дело. Я прошу того, что лежит в будущем.

— Все стонут и кланчат у трона. Что тебе нужно: золото, серебро, поместье? — насмеялся Утер. Но в глазах его

мелькало беспокойство, и ему не нравилось то, что он увидел, взглянув на Мирддина. Лицо собеседника даже смутило короля.

— Мне нужен приёмыш, господин король.

— Приёмыш... — от удивления Утер широко раскрыл рот. Потом его глаза угрожающе сузились. — Что это за заговор, колдун?

— Никакого заговора, господин король. Вскоре та, кого ты любишь, родит ребёнка. Этот ребёнок — для тебя угроза. Всегда иметь его перед глазами...

Утер оттолкнул кресло, готовый прыгнуть на юношу, и даже замахнулся рукой для удара. Но остановился, подавив свой гнев.

— Зачем тебе этот ребёнок? — хрипло спросил он.

— Я отчасти ответственен за его рождение, господин король. И я человек Силы. Многое, во что я верю, я предал в ту ночь, чтобы помочь тебе. Теперь я должен платить за вмешательство в события. Ребёнок вырастет в безопасности, о нём будут хорошо заботиться. А люди забудут о нём. При твоём дворе перестанут шептаться. У тебя и у королевны полегчает на сердце. Если же он останется здесь, наверняка найдутся такие, кто захочет использовать его как оружие для переворота. Не все сторонники Голориса мертвы, хотя сейчас они и молчат.

Лицо Утера стало задумчивым. Он ходил взад и вперёд у очага, сосредоточенно размышляя.

— Колдун, в твоих словах есть мудрость. Я хотел бы убрать ребенка от двора, как из-за королевны, так и ради его собственной безопасности. Как ты и сказал, здесь есть такие, кто не смирился. Если ребёнок окажется мальчиком, они станут связывать с ним надежды на будущее. Жена считает... она верит... — Утер помолчал. — Но иногда ей кажется, что она зачала от демона в обличье её мужа. Она боится родить чудовище. Возьми ребёнка, колдун, если хочешь, и не говори мне, где ты его будешь воспитывать и как. Лучше совсем забыть о нём.

— Хорошо. — Мирддин внутренне расслабился. Ему удалось добиться своего без опасных споров. — Я остановился в трактире Лебеда. Дай мне знать о рождении ребёнка, и я приду и уйду незаметно.

Утер кивнул, и Мирддин вышел. Предстояло многое сделать. Несмотря на все свои знания и мощь, он не мог так просто уехать домой на север с новорождённым младенцем. Но он не случайно выбрал себе гостиницу. Жена хозяина недавно родила и теперь кормила здорового ребёнка, гостиница чистая, а у Мирддина имелись средства спрашивать молча и получать ответы на свои вопросы. Ему оставалось только ждать.

Глава 9

Сообщение пришло в конце праздника Бриганты. Мирддин уже позаботился о пропитании ребёнка. На рынке рабов он купил маленькую смуглую пиктскую женщину, взятую во время набега за древнюю римскую стену. За три дня до этого она родила мёртвого ребёнка и находилась в таком состоянии, что торговец не запросил дорого. Мирддин, используя силы зеркала, смог поговорить с женщиной и пообещал ей свободу, если она позаботится о новорождённом. Возможно, она не поверила в его обещание, но и не сопротивлялась, когда он привёл её в гостиницу, велел умыться и снабдил платьем и плащом, вероятно, лучшими в её жизни.

Ребёнок оказался мальчиком, в чём Мирддин был уверен заранее. Поскольку имени у него не было, Мирддин поступил так же, как некогда Лугейд. Заменяв отца, он взял ребенка на руки и, глядя в маленькое красное личико, произнёс имя, которое услышал от зеркала: «Артур.»

Три недели спустя он нанял конные носилки и договорился с отрядом, едущим на укрепление северной границы. Ведь придётся проезжать через всё ещё необитаемые земли, и отряд послужит хорошей защитой. Так он добрался до земель Эктора, где его встретили как родного. Эктор настаивал, чтобы Мирддин остался у него жить. Но юношей владело такое беспокойство, что он не согласился. Чем скорее он уедет отсюда, тем меньше у людей короля или королевских врагов будет возможностей выследить Артура.

Мирддин не думал, чтобы король желал ребенку зла, но

Утер, несомненно, чувствовал бы себя спокойнее, если бы отослал сына за море. Там имелось много семей, родственников британцам. И Утер мог бы так спрятать мальчика, что никто его не нашёл бы.

— Когда он подрастёт и сможет начать учиться, — ответил Мирддин на предложение Эктора, — я вернусь. — Он был уверен, что Артуру необходимо сообщить те же знания, что перевернули его жизнь. — А до того времени забудь, что он не твоей крови.

Тринихид, держа своего сына Кея у полной груди, улыбнулась.

— Родич, он будет в безопасности...

Эктор энергично кивнул. «Клянусь кровью в этом, если ты пожелаешь...»

Мирддин тоже улыбнулся в ответ. «Родич, зачем клятвы тем, у кого общая кровь? Я не сомневаюсь, что он станет твоим вторым сыном.»

И вот ранней весной он уехал, направляясь на юг, по такой дорогой, которая привела бы его к Месту Солнца, потому что он чувствовал себя очень одиноким. Может, в Лугейде он найдёт товарища. К тому же так он запутает возможных преследователей: Мирддин никак не мог избавиться от чувства, что за ним охотятся.

Правда, если король изменил своё решение, его люди искали бы более открыто. Нет, его как будто преследовала тень, облако, что-то неосязаемое. И он знал, что только Нимье могла распоряжаться такой тенью.

Он не знал глубины её познаний и решил, что благоразумней подозревать самое худшее. Поэтому следует считать, что она узнала об Артуре.

Более всего он боялся за ребенка. Если, когда он уйдёт от Эктора, чувство, что за ним наблюдают, исчезнет, значит ребёнок в опасности. Тогда он немедленно вернётся, чтобы подготовить защиту. Но, к его облегчению, невидимый соглядатай продолжал сопровождать его.

Мирддин тщательно осматривал местность, по которой проезжал, каждую ночь расставлял мысленные тревожные сигналы, чтобы его не застали врасплох. Но нападения всё ещё не было, сохранялось лишь постоянное неприятное чувство, что за ним наблюдают...

Он надеялся, что избавится от него в Месте Солнца. Мирддин хорошо помнил, какое необыкновенное чувство силы испытывал он, касаясь каменных часовых древних времён. Насколько сильна Нимье? Очень многое зависело от ответа на этот вопрос. И какие ходы она сделала за годы после их последней встречи? Он был уверен, что соперница не сидела сложа руки.

И вот он подъехал к большому кругу стоящих камней, спешил и смотрел, как рассвет исчезает, поглощённый восходящим солнцем. Он оказался прав: впервые за последнее время не чувствовалось присутствия наблюдателя. Но он знал, что Нимье не будет обманута долго; в нём всё время стыл страх, что она пройдёт по его следам обратно — и доберётся до Артура. Безопасность Артура — превыше всего.

Мирддин пересёк лужайку у хижины Лугейда. Ему необходим совет друида, необходим товарищ в той странной битве, которую он ведёт. Но не доходя до примитивного сооружения, он увидел обвалившуюся крышу. Здесь больше никто не жил.

— Лугейд! — Он не мог сдержать отчаянный зов, хотя крик его прозвучал слишком громко в утреннем воздухе. Занавеса из шкуры не было, и он мог заглянуть внутрь. Здесь давно уже никого не было.

Растерявшись, он наклонился и вышел. Бронзовый котёл, деревянные чашки и ложки исчезли. Не осталось никаких вещей друида. Но по крайней мере, нет и следов насилия: Лугейд не стал добычей мародёров или разбойников, решившихся навестить это пустынное место.

Медленно вернулся юноша к Королевскому камню и положил ладонь на его грубую поверхность. Какая сила! Он чувствовал, как его внутренняя энергия сливается с излучением камня. Уверенность, пошатнувшаяся при исчезновении Лугейда, вернулась к нему.

Нет, он не бесцельно пришёл сюда. Нужно разбудить силы, которые, как он думал, предоставят безопасность Артуру и уберегут преследователей с его пути. И вот, используя слово и мысль, ударяя в определённом ритме по камню лезвием ножа, он сделал это. Он чувствовал, как

отвечают ему камни, как собираются силы, словно невидимое войско. И он собрал все силы, направил их — и выпустил, как стрелу из лука, на север к маленькой долине Эктора.

После чего Мирддин ощутил неимоверную усталость и опустошённость. Опустившись на траву, он прижался плечами к Королевскому камню, глаза его были устремлены в небо, на облака, медленно плывущие по своим делам, недоступным пониманию человека. За облаками, за голубизной неба находятся другие миры, и их гораздо больше, чем может сосчитать человек. Эти отдалённые миры населены, но зеркало редко и бегло показывало ему эту жизнь. Однако если небесный народ вернётся, его корабли послужат мостом к этим мирам. Хватит ли у него смелости улететь к другим мирам? Он не знал, но мысль эта возбудила его. Долго ли будет продолжаться ожидание?

Люди мыслят годами, Повелители Неба — столетиями. Жизнь человеческая коротка. А у Повелителей Неба? Может, в три, в четыре, в сто раз длиннее человеческой? Он чувствовал, что немного боится тех, кто придёт по его зову, если он сумеет сделать всё, чему научило его зеркало.

Мирддин уснул рядом с пони, щиплющем у камней едва проросшую траву. Во сне заработало его воображение и показало ему необычные картины, на которые лишь намекало зеркало. Но в этих картинах не было ничего угрожающего, хоть они и были неземными. Мирддин ощущал лишь удивление и радость.

Города — и какие города! — с сияющими башнями из радужного стекла высоко в небе, совсем иного цвета, чем земное. Другие башни под поверхностью волнующегося моря, красные, как драгоценные кораллы, показанные торговцем с южных земель. Но хоть он мог представить себе города, их обитателей он не видел. Может, человек способен видеть в воображении лишь равных себе?

Солнце зашло за облака, собирались тучи. Мирддина разбудил резкий ветер, предвещавший дождь и бурю. Он взял пони за повод и прошёл к хижине Лугейда. Здесь он

провёл ночь, слушая рёв ветра. Дважды молния ударила в Королевский камень, как будто он привлекал к себе ярость неба.

Мирддину не раз случалось попадать в бури, но такой, думал он, видеть ещё не приходилось. Он заткнул уши пальцами, закрыл глаза, но буря продолжала преследовать его. В воздухе чувствовался странный запах. Силы, которые люди и не надеялись обуздать, сбесились и готовы были стереть жизнь с лица земли.

Несмотря на страх, Мирддина охватило сильное возбуждение. Он хотел бежать сквозь хаос, кричать и кричать, забыть всё, стать частью этой ярости, освободиться от напряжения, от необходимости постоянно быть начеку.

Но к утру буря кончилась. И лишь корни деревьев, торчащие к небу, откуда пришла их смерть, напоминали о ней. Мирддин ощутил необыкновенное спокойствие. Как будто буря прогнала его неуверенность и страх. Осталась только свобода, обрётённая в эти тёмные часы.

Вместе с бурей исчезло и ощущение, что его преследуют. Но он не мог допустить небрежности и подошёл к пещере только через несколько дней окольного маршрута, двигаясь со всеми возможными предосторожностями. На этот раз его не приветствовал Вран, хотя Мирддин свистом позвал его и положил на землю еду. Наблюдая и прислушиваясь, Мирддин вдруг осознал, что горный склон охвачен странной тишиной. Не было видно птиц. Даже ветер стих.

Он вслушивался не только ушами, но и разумом. Само по себе отсутствие жизни служило предупреждением. Он догадывался, что могло произойти. Хитроумный враг не стал тратить времени на преследование, а явился прямо сюда.

Нимье!

Он снял с пони седло и упряжь и отпустил животное, стараясь не показывать, что подозревает что-то. Бросив несколько быстрых взглядов в направлении пещеры, он решил, что там всё-таки никто не побывал. Камни, которыми он прикрыл вход в расщелину, не были тронуты. Больше всего теперь его беспокоил меч. Он был уверен,

что ни один из небесных механизмов вынести невозможно: они слишком велики и не пройдут в щель. Как они попали в пещеру, он не знал; возможно, они находились там уже много столетий.

Другое дело — меч, а Нимье знает, что он обладает мечом. Возможно, она хочет отобрать у него оружие. Положив седло на плечо, он пошёл к пещере. Нимье знала о ней, так что он не раскрывает тайну. Но если только он проникнет внутрь, Нимье тотчас убедится, что она осталась в дураках. Мирддин хорошо знал, что зеркало обладает своей защитой, миновать которую может только он.

Он работал быстро, не оборачиваясь, не оглядываясь через плечо. И испытывал всё нарастающее напряжение. Кто-то пытался подавить его волю, но он сумел противостоять этой команде. Мирддин как будто снова слышал звенящий смех Нимье, он чувствовал, что она следит за ним, ждёт, давит на его волю, хочет заставить его повиноваться. Но она слишком самоуверенна, слишком убеждена в своей силе. Он же не должен быть самоуверенным, ему скорее необходима предусмотрительность.

Возможно, она привыкла легко добиваться повиновения, создавая иллюзии, которые он тоже теперь умел создавать. И она до сих пор не встречала достойных соперников.

Он не стал противиться, потому что на этом этапе их желания совпадали: она хотела, чтобы он вошёл в пещеру, он хотел убедиться в сохранности меча. И вот отброшен последний камень. Мирддин вступил в извивающийся туннель. Снова он убедился, что даже расширенный проход тесен для него. Протискиваясь, он разорвал одежду и расцарапал кожу.

Пещера была погружена в полутьму, горело лишь несколько небольших огоньков. Мирддин опустил седло и направился прямо к нише, где спрятал меч. Свёрток находился на месте, но Мирддин вытащил меч из ножен, чтобы убедиться, что он цел. В темноте меч сверкнул тусклым собственным светом. Держа рукоять в правой руке, Мирддин пальцами левой провёл по гладкой поверхности. Прикосновение, как к Королевскому камню, дало ему

ощущение необыкновенной силы, огромной энергии, которую он может освободить по своей воле. Это не просто орудие, предназначенное для добывания Королевского камня. Он будет использован и в будущем, а как, это станет ясно со временем. Но пока меч цел, и Мирддин снова завернул его в ткань.

— Мерлин! — голос, но незнакомый.

Он обогнул ближайший механизм и посмотрел в тёмную поверхность зеркала. Оно покрылось серебристым туманом и в середине призрачного сияния стояла Нимье. Теперь она превратилась в женщину, и её женские качества, так взволновавшие Мирддина в Месте Солнца, стали сильнее, гораздо сильнее и выразительнее. Зрелище женщины, глядевшей на него, как будто она действительно стояла за зеркалом, ошеломило. Мирддин встретился с ней взглядом.

— Мерлин! — Это был не призыв к вниманию, а скорее приветствие близкому по духу человеку. Несмотря на всё разделявшее их, они в чём-то были близки.

— Увы, бедный Мерлин! — В её голосе не было насмешки, скорее в нём звучала жалость. — Ты попал в ловушку, и она захлопнулась. Все твои планы теперь уничтожит время. Те, кто поручил тебе выполнить твои задачи, умны. Но всё же недостаточно. Они поставили охрану вокруг своего зеркала, но, может, они не знали, что можно поставить охрану вокруг охраны. Мерлин, ты ушёл под землю, как преследуемая лиса, но, в отличие от лисы, ты не сможешь выйти оттуда!

Я установила силовое поле, и оно не даст тебе выйти, пока твоя человеческая часть не погибнет от голода и жажды. Это ужасный поступок, да, но если тебя не остановить, ты натворил бы дел ещё хуже. Твой Артур будет жить, ничем не отличаясь от других людей. Так распадется в пыль твоя мечта о королевстве. Артур не получит корону, и смерть в неизвестности станет его уделом. Прощай, Мерлин. Жаль, что мы не смогли с тобой действовать сообща, как родичи.

И она исчезла в вспышке света. Мирддин протянул руку, как бы пытаясь помешать её исчезновению, хотя он

и знал, что не реальная Нимье стояла там, а лишь её изображение. Потом повернулся и спустя минуту был уже в расщелине.

Отверстие на месте, он может просунуть в него руку. Но тут его кулак встретился с невидимой стеной.

Ещё две попытки: вверх и у земли — сделали ясным, что преграда непроницаема. Мирддин не стал тратить времени на бесполезные физические усилия. Только у зеркала мог найтись ответ, и он несколькими шагами вернулся к нему и сел на скамью, как часто делал раньше. Внимательно глядя на своё изображение, он думал о своём положении, уверенный, что зеркало каким-то образом — каким, он не знал, — услышит его мысли и просьбу о помощи.

Он увидел, как ожили застывшие механизмы, и услышал голос зеркала.

— Силовое поле слишком мощно... пока. А твоё тело так устроено, что не выдержит длительного физического напряжения. Но выход есть. Ты будешь спать, Мерлин, и во время сна жизненные процессы в твоём теле замедлятся. Когда наступит нужный момент, когда время ослабит силовое поле, ты проснёшься и выйдешь отсюда, целый и невредимый.

Его изображение исчезло, потом он увидел самого себя, идущего к длинной, длинной машине в дальнем углу пещеры. Вот он просовывает пальцы в маленькие отверстия, нажимает. Крышка машины поднялась. Человек, за которым он следил, разделся, лёг внутрь, и крышка закрылась.

Мирддин вздрогнул. Он не сомневался в мудрости зеркала. Но сейчас ему казалось, что он живым входит в могилу. Ему понадобится вся его храбрость.

Зеркало снова прояснилось. Он увидел своё отражение и неохотно встал. Смерть от голода и жажды — или эта могила живьём? И то и другое плохо. Но он верил зеркалу и решил последовать его советам.

Длинный ящик открылся, точно как показало зеркало. Мирддин заглянул внутрь. Там разливалось свечение, бледное, но вполне достаточное, чтобы осветить его руки.

А дно ящика покрывала жидкость, от которой исходил приятный запах. Мирддин разделся, сложил одежду и перебросил ногу через край ящика. Жидкость доходила ему до голени, она была тёплой и какой-то успокаивающей.

Он сел на дно ящика. Теперь жидкость поднялась до груди, касалась щек. И последнее, что он запомнил: крышка быстро опустилась и отрезала его от мира.

Сны, странные сны о городах, подобных которым он никогда не видел, с высокими башнями, казалось, парящими в воздухе. Люди летают на существах — не птицах, а хитроумно изготовленных из металла. Иногда спящий на мгновение оказывался в теле одного из этих людей, и тут им овладевали такие чуждые мысли, что он даже понять их не мог.

Эти люди свободно передвигались не только над облаками, но и под поверхностью моря. Казалось, в мире нет для них тайн. Но они не были счастливы. Ими владело какое-то беспокойство, тревога, и Мирддин отшатнулся от контакта с их умами.

И вот наступило время, когда мир сошёл с ума. Воюющие ветры обрушились на города, принося ущерб, причинить который не под силу обычной буре. Волны высотой с горы вздымались на море и ударяли в землю, стирая всякие следы человеческой деятельности. Горы дышали пламенем, потоки расплавленной породы стекали по их склонам. Когда они встречались с морями, густые облака пара окутывали землю и море, скрывая небо.

Когда всё это кончилось, затонувшая или обожжённая земля изменилась, появились новые заливы, новые реки. Во многих местах поверхность земли скрылась под водой, зато в других возникли участки парящей грязи, некогда бывшие морским дном. Но человек выжил. Небольшие группы людей, ошеломлённых, отупевших, приспособились к новому миру. Мало кто из них помнил прошлое, да и то обрывочно. Остальные превратились в тупые существа, которые только ели, спали и иногда совокуплялись со звериным бесстыдством.

Эти остатки человечества действительно опустились,

стали хуже животных. Некоторые охотились на своих соплеменников, чтобы набить животы, убивая добычу камнями. Немногие цеплялись за свои воспоминания. И у этих немногих хватило ума обособиться, уйти в такие места, где можно защититься от безмозглых животных. И снова начался медленный, очень медленный подъём. Правда превратилась в легенды, приукрашенные воображением; поздние поколения не верили, что в прошлом человек был иным, чем в их время. Но всегда находились такие, кто помнил лучше, чьи рассказы передавались из поколения в поколение менее искажёнными.

Мирддин продолжал спать и видеть сны. Во сне он был той самой породой, которая стремилась выжить, терпела поражения, но никогда не была уничтожена окончательно. Среди людей всегда отыскивались видящие странные сны...

Послышался долгий звук, похожий на звон огромного металлического гонга. Мирддин шевельнулся в ящике. Его дыхание, чрезвычайно медленное, ускорилося. Жидкость, полностью покрывавшая его тело, ушла. Веки задрожали.

И, как будто это слабое движение послужило сигналом, стержни, поддерживавшие крышку, двинулись вверх. Мирддин открыл глаза и издал слабый звук. Мышцы его затекли, но не больше, чем если бы он провёл ночь на открытом воздухе. Мозг его быстро возвращался к действительности.

Прав ли был голос, ослабло ли силовое поле? Мирддин выбрался из ящика и постоял немного, ухватившись за край. Механизмы вокруг были охвачены интенсивной пляской огоньков. Тело быстро сохло. Жидкость, заполнявшая ящик, стекала с тела большими каплями, не оставляя на нём влаги.

Он поискал свою одежду. Ткань пожелтела и выглядела явно непрочной. Время — или сколько времён?

Одевшись, он подошёл к зеркалу. Главное — как долго он проспал?

Голос, сильный, как всегда, ответил на его мысль.

— Шестнадцать лет твоего мира, Мерлин. Силовое поле ослабло. Ты свободен. А та, что установила поле, ничего не сможет предпринять: её силы истощены. Теперь она будет добиваться твоего поражения иными способами. А тебе пора принимать бой.

Он смотрел на своё отражение. Шестнадцать лет! Но он стал старше не более чем на год. Как это может быть?

— Жидкость в установке продлевает жизнь, Мерлин. Но не думай о прошлом. Ты должен выполнить свою задачу. Артур должен стать королём Британии.

— Утер? — Это имя он произнёс вопросительно.

— Утер умирает. Вокруг него знатные лорды, двое женаты на его дочерях. Но сыновей у него так и не было, кроме Артура, о чьих правах ты должен заявить. Хотя ты и не сделал для Артура то, что планировалось, не научил его тому, чему научился сам, всё же Артур небесной крови. Он наш. Посади Артура на трон, Мерлин, и Британия получит короля, чьё имя будет на устах людей и тысячу лет спустя.

Мирддин медленно кивнул. Артур и меч, они должны быть вместе. С того самого момента, как они с Лугейдом нашли замечательное оружие, мысль эта не оставляла Мирддина.

— Артур и меч, и ты с ними, Мерлин. Такова задача для которой ты родился, и не было большей задачи перед человеком. Артур и меч...

Глава 10

Мерлин стоял, глядя вниз, на большой лагерь, где на множестве шестов развевались знамёна вождей и рыцарей. Он должен помнить, что Мирддина больше нет. Узнает ли его кто-нибудь из собравшихся там? Шестнадцать лет! Артур вырос, а он не принимал участия в его обучении. Но сожалениями ничего не исправишь; нужно смотреть вперёд с уверенностью и надеждой.

Благодаря случаю он сменил своё полуистлевшее от времени платье на длинный шерстяной балахон, в каких ходят барды. Отрастил бороду, хотя и редкую. Балахон он

нашёл в вещах мертвеца, лежавшего на земле; рядом паслась лошадь. Три сакса обагрили землю своей кровью, сопровождая незнакомца; он ушёл, как подобает воину. Мерлин не знал, кто его благодетель и почему он попал в засаду. Но он поблагодарил неизвестного за лошадь и одежду и похоронил его лицом к восходящему солнцу.

На пути к временной столице Британии он встретил десятки людей, в одиночку и группами. Утер умер уже несколько дней назад, но Совет ещё не назвал его преемника. Разузнав, как обстоят дела, Мерлин соответственно составил свой план. Теперь он суженными глазами изучал лагерь. Ясно видно зная Лота, женатого на одной из дочерей Утера. А вот и корнуэлльский олень, поднятый сыном Голориса, который не был законным наследником, но за которого стояли все рыцари Корнуэлла. Мерлин видел незнакомые гербы и догадался, что здесь собрались все лорды, имеющие хотя бы отдалённую надежду на выдвижение.

Он искал парящего ястреба — герб Эктора. И увидел его, но не в центре, конечно, среди палаток знатных лордов, а рядом с палаткой короля Уриена из Регеда, одного из северных королевств, которое уже много лет мужественно отражает набеги пиктов из-за древней стены. Мерлин по пыльной дороге направился туда.

Перед ним стоял молодой человек, примерявший камзол с тесно нашитыми бронзовыми кольцами. Мерлин едва не окликнул его по имени. Юноша поднял голову, взглянул на подъехавшего, и Мерлин увидел молодого Эктора.

— Лорд Кей, — сказал он, руководствуясь догадкой, — лорд Эктор здесь?

— Отец ушёл на Совет герцогов, — ответил Кей, неодобрительно глядя на Мерлина. — У тебя для него известие?

— Мы дальние родственники, — сказал Мерлин. У Кея, в отличие от отца, было довольно высокомерное лицо. — Да, у меня есть для него известие. — Он очень хотел спросить об Артуре, узнать, как прожил его приёмный сын эти шестнадцать лет. Но, взглянув ещё раз на Кея, решил не спрашивать.

Сын Эктора неохотно приблизился, чтобы отдать долг вежливости гостю, и подержал поводья, пока Мерлин спешил. Из-за простой одежды, покрытой дорожной пылью, он, вероятно, выглядел немногим лучше нищего. Но внимание юноши он воспринял как должное. Да так оно и было.

В палатке после яркого солнца было полутемно. Кей приказал слуге принести вина. Он с любопытством поглядывал на свёрток — там находился тщательно упакованный меч, — который Мерлин положил себе на колени, садясь на походный стул, но ничего не спросил.

— Как поживают твои отец и мать? — Мерлин по обычаю кланов пролил на землю несколько капель вина и только затем отпил: лучшего вина он не смог бы получить ни в одной гостинице. Он вспомнил лето, проведённое в долине Эктора, и как они вместе работали, собирая плоды благодарной земли.

— Отец здоров. А мать... — Кей помолчал. — Она умерла прошлой зимой, незнакомец.

Рука Мерлина дрогнула. Он вспомнил, как гордо несла Тринихид сына, как близки они были с мужем. Тяжёлый удар для Эктора.

— Да будет она счастлива на Благословенном Острове...

— Мы верим в Христа, незнакомец, — резко сказал Кей. — Ты сам носишь одежды церковного брата, почему же ты говоришь о Благословенном Острове?

Опечалённый воспоминаниями и чувством утраты, Мерлин удивлённо взглянул на юношу. «Одежда не моя. — И он сказал первое, что пришло в голову. — Я бард.»

Желание спросить об Артуре стало таким сильным, что он не мог больше сопротивляться. В палатке, кроме Кея и двух слуг, никого не было. Неужели Артура оставили в долине? Если так, то его план потерпел провал, ещё не начав осуществляться.

— Кей, где ты, мальчик?

Голос остался прежним. При входе Эктора Мерлин радостно вскочил на ноги. Но это был уже не тот Эктор, которого он знал. На мгновение он замер в неуверенности, глядя перед собой с раскрытым ртом, словно глупый

раб на полях. Стройное тело, которое он некогда видел, растолстело, волосы поседели. Усталое лицо человека, который принуждает себя по утрам вставать и приниматься за ненавистные дела и не может позволить себе отдыха даже в конце дня.

Но глаза, смотревшие на Мерлина, остались прежними. Вначале в них мелькнуло изумление, затем узнавание.

— Ты жив! — нарушил Эктор напряжённое молчание. — Почему же ты не приходил?

— Я был в заключении, — ответил Мерлин. — И лишь недавно вырвался на свободу.

— Ты... Ты изменился. Но не постарел. Странно, — медленно сказал Эктор. Тут он, по-видимому, вспомнил, что они не одни, и повернулся к сыну. — Отыщи Артура и приведи его сюда. Он должен встретиться с нашим гостем...

Когда они остались одни, Эктор продолжал: «Вырос хороший парень. Но ты не вернулся, и мы смогли научить его только тому, чему учили и Кея. Я знаю, что должно было быть не так.»

— Вы дали ему лучшее, что смогли. Тебя не в чем обвинить, — коротко ответил Мерлин. — Вина моя, но я не мог её предвидеть. Скажи мне, что произошло на Совете. Выбрали уже короля?

Эктор покачал головой. «Идёт спор. Многие поддерживают Корнуэлла. Он показал себя хорошим боевым командиром. Другие стоят за Лота, потому что он женат на дочери короля. Лот честолюбив. Они могут разорвать Британию на части, прежде чем мы увидим конец спора. Уриен размышляет и строит планы, но не делится ими со мной. А крылатые шлемы грабят, как хотят. Снова наступили плохие дни, и нет такого вождя, который смог бы подхватить поводья власти.»

— Поводья власти... — повторил Мерлин. — Похоже, я пришёл как раз в тот момент, когда нужно действовать быстро, иначе будет потеряна всякая надежда. Слушай, родич, в Артуре течёт кровь Пендрагона. Он сын Утера. Король велел его спрятать, чтобы до него не смогли доб-

раться такие лорды, как Лот и остальные. И я могу вручить ему Силу или, по крайней мере, символ её. — Он резко повернулся и взял меч. — Он должен получить его открыто перед всеми, кто сам думает занять трон.

Вдруг он ощутил молчание Эктора. Подняв взгляд, он увидел ужас на лице лорда.

— Что? Он искалечен? Нарушил законы клана? — Выражение лица Эктора испугало Мерлина.

— Он... — Эктор облизал губы. — Он красивый парень и... Клянусь ранами Христа, почему ты не сказал мне раньше!

— Что с ним случилось? — Мерлин опустил меч и схватил Эктора за руку. Он затряс лорда с севера, как будто силой хотел добиться ответа.

— Утер... он взял ко двору своих незаконнорожденных детей. Одна из его дочерей... Моргаза... она старше своего возраста. И знает мужчин. Неделю назад она затащила Артура к себе в постель.

Мерлин застыл, как один из столбов Места Солнца, мозг его быстро работал. Артур не сын Утера, но если он сообщит истинные обстоятельства рождения мальчика, кто из лордов последует за ним? Нет, будут болтать о ночных демонах, зачавших его. Мерлин слишком хорошо помнил такие разговоры. Но разделить ложе со своей сестрой — это на всю жизнь бросит пятно на Артура.

— Эта Моргаза, — спросил он, — она замужем?

— Ещё нет. Король умирал, но когда слух об её поведении дошёл до него, он сильно разгневался. Он призвал к себе леди, которая последнее время находилась с ним, хорошо известную целительницу. В её руки он отдал Моргазу, хотя девушка и не хотела идти. Говорят, её увезли ночью, связанную, с заткнутым ртом, в занавешенных носилках. И никто не знает, куда.

Мерлин облегчённо вздохнул. «Известно ли, что Артур — причина её высылки?»

Лицо Эктора слегка просветлело. «Нет. Она была близка со многими мужчинами. Утер сам застал её в постели с одним стражником. Он знал её характер. И поклялся, что она не сможет позорить его при дворе.»

— Тогда мы в безопасности. Возможны слухи, но если девушки нет, они быстро забудутся. Артур будет править. Я получил знак, что это предопределено. Нужно сделать так...

Разговаривая, он разворачивал меч. И заметил, что Эктор оправился от шока и согласно кивает головой.

— Помни, — предупредил Мерлин, закончив. — Мирдлин мёртв, жив Мерлин. Артуру же лучше пока не знать о своём происхождении.

— Это... — начал Эктор, но тут хлопнул входной клапан палатки и в неё ворвался юноша, как будто за ним гналась толпа преследователей.

Взглянув на него, Мерлин испытал шок, почти такой же глубокий, как только что Эктор. Это... это не мог быть Артур.

У парня не было никаких примет древней крови. Он был выше Эктора и Мерлина на несколько дюймов, с рыжеватыми волосами, обычными для члена клана; нос не горбатый и узкий, не было и сжатого рта, который ожидал увидеть Мерлин. Молодой гигант был похож на Утера. Но как это могло быть? В его манерах и лице читалась открытость, которая в представлении Мерлина никак не совмещалась с Древним Наследием.

— Лорд, — сказал юноша, солнечно улыбаясь. — Кей сказал, что ты хочешь поговорить со мной.

— Я хочу, чтобы ты познакомился с этим господином, — сказал Эктор, указывая на Мерлина. — Благодаря ему ты стал моим приёмным сыном. У него есть для тебя очень важное известие.

Мерлин облизал губы кончиком языка. Глаза его отказывались узнавать в этом красивом мальчике Артура. Если бы он выглядел, как человек древней расы, тогда Мерлин уверенно рассказал бы то, что считал необходимым. Но сейчас, при виде самого обыкновенного члена клана, он заколебался.

— Господин? — Юноша вопросительно повернулся к нему. В глазах его стояло внимание. Может, все эти годы задавал он себе вопросы, на которые не могли ответить приёмные родители. Для Артура было бы естественно

задумываться над своим происхождением. А для ответа у него не было зеркала.

— Я Мерлин, обладатель древних знаний. — Он внимательно следил за Артуром, ожидая хоть малейшей реакции, свидетельствовавшей бы о том, что Артур не похож на окружающих. Но лицо юноши отразило лишь удивление. — В тебе течёт королевская кровь... — После случая с Моргазой, вероятно, лучше не указывать на родство с Утером. — В сущности ты потомок Максима и Амброзиуса. — И гораздо более древней и великой расы, добавил про себя Мерлин. — В твоём детстве нашлись такие, кто счёл, что ты слишком близок к трону. Поэтому было решено, что ты будешь воспитываться вдали от двора. Поскольку лорд Эктор мой родственник, а заботу о тебе поручили мне, я передал тебя лорду Эктору. Но планы, которые мы тогда составили, не осуществились. Я должен был обучать тебя древним знаниям. Но я попал в руки врага и только недавно освободился из тюрьмы, где провёл все эти годы.

Вот что должен я сказать тебе, Артур: и до, и во время твоего рождения были пророчества. Тебе предстоит стать королём Британии...

Юноша, вначале удивившийся, теперь рассмеялся: «Лорд Мерлин, кто я такой, чтобы претендовать на трон, из-за которого враждуют знатные господа? У меня нет ни одного вассала, нет племени, которое поддержало бы моё требование.»

— У тебя есть нечто большее, чем армия. — Мерлин верил в свои слова, как он верил зеркалу. — Это обладание Силой, которая была, есть и пребудет вечно. И ты докажешь это завтра утром перед всеми. — Он поднял руку, останавливая вопросы, которые хотел задать Артур. — Я не скажу тебе, как это будет сделано. Ты придёшь на испытание ничего не знаящим, и ни один человек не сможет впоследствии оспорить результат испытания. Но только ты, рождённый для этого, сможешь его выдержать.

Артур внимательно смотрел на него. «Ты явно веришь в свои слова, лорд Мерлин. Но быть королём Британии — мало кто из достойных людей поблагодарил бы тебя за

это. Те, кто стремится теперь к короне, не видят тяжести, которую она накладывает на своего владельца.»

Мерлин почувствовал, что сомнения его рассеиваются. Если юноша сумел это понять, значит он действительно принадлежит к древней расе. Если бы только его можно было обучить! Но время пришло. Теперь всё зависит от характера Артура.

Эктор обратился к Мерлину. «Я сообщу Совету. Будут кричать о колдовстве...»

Тут Артур сделал неожиданное движение. «Я не участвую в колдовстве!» — решительно заявил он.

— Никакого колдовства, — ответил Мерлин. — Только древние знания, забытые большинством людей. И если кто-нибудь владеет ими больше меня, то сможет победить тебя. Но было предсказано, что править будешь ты.

Он верил в зеркало. Если эта вера пошатнётся, у него не останется цели в жизни. Всё, на что он потратил жизнь, ни к чему. Повелители Неба должны были предвидеть и этот час.

Но в то же время Мерлина охватило дурное предчувствие, как будто он потерял давно хранимое сокровище. Его вера в то, что юноша будет похож на существо, летающее меж звёзд, развеялось в прах. Не чувствовалось даже такого ощущения родства, как с Эктором. Между ним и Артуром не было взаимного внутреннего узнавания.

Юноша переминался с ноги на ногу, переводя взгляд от Мерлина к Эктору, как будто ожидая разрешения уйти. Когда Эктор кивнул, Артур мгновенно исчез. Ему явно хотелось быть подальше от незнакомца.

— Вот что я подумал. — Эктор говорил кратко, как будто тоже ощутил напряжение атмосферы. — Поблизости есть камень, один из древних. Он подойдёт. Но станут ли тебя слушать?

— Станут, — серьёзно и коротко ответил Мерлин. — Идём к этому камню.

Эктор оказался прав. Это действительно был стоячий камень, очень похожий на камни Места Солнца. Только этот был один. Возможно, его поставили в честь древней победы или в знак поражения. В нём по-прежнему пуль-

сировала огромная энергия. Проведя пальцами по поверхности камня, Мерлин ощутил эту энергию. Как раз для его целей.

Мерлин развернул меч и, взяв рукоять обеими руками, упёрся концом в камень. Медленно и негромко начал он петь, на этот раз заставляя камень не подняться, а открыться перед касающимся его металлом. Мерлин вложил в песню всё, чему научило его зеркало, отбросив всё постороннее. Остались только камень и металл, и они должны были подчиниться его воле.

Конеч меча двинулся внутрь, как будто упирался не в твёрдый камень, а в мягкое дерево. Дюйм за дюймом углублялся меч в камень. Когда он вошёл в него на две трети, Мерлин пошатнулся и упал бы, если бы Эктор не поддержал его.

— Древние знания — страшная вещь, родич. — Он крепко обнял Мерлина за плечи. — Никогда не поверил бы, если бы не видел своими глазами. Но Артур не знает слов Власти. Сможет ли он выдернуть меч?

— Только он и сможет, — слабо ответил Мерлин. — Он принадлежит к расе, обладающей властью над металлом и камнем, хотя сам этого не знает. — Мерлин держался из последних сил. — Теперь нужно сообщить лордам об испытании...

Впоследствии Мерлин не мог ясно вспомнить как он стоял против собравшихся. Он знал только, что в нём была такая Власть, что и без всяких иллюзий люди слушали и верили. С факелами в руках устремились они к камню и увидели погружённый в него меч. И согласились, что предложенное Мерлином испытание должно назвать вождя. И хоть они, наверно, не верили, что кому-то это удастся, что-то заставило их согласиться.

Сам Мерлин так устал, что скорее упал, чем лёг на грудь плащей в палатке Эктора; он не видел снов и спал, как человек, одержавший победу над превосходящими силами противника.

Утром Мерлин поел, не чувствуя вкуса, не зная, что ест, — так сконцентрирована была вся его энергия на предстоящем. Позже он нетерпеливо занял место у камня, с тру-

дом напустив на себя внешнюю невозмутимость, чего требовало его положение пророка.

И они пришли, один за другим. Пришёл Лот Оркнейский, с лисьим лицом под лисьими рыжими волосами, переводя взгляд с одного человека на другого, как будто решая, как использовать их для своих целей.

Но меч под его рукой не шевельнулся. Лот даже отдернул руку от рукояти, будто она была раскалена. Пытался сын Голориса Корнуэлльского, пытались другие. Их было так много, что имена их ничего не значили для Мерлина. Большинство было из местных племен, но были и представители армии Амброзиуса, явно римляне.

Потом пошли молодые. Некоторые юноши только начали носить оружие. Их усилия вырвать волшебный меч были напряжённей, словно они верили там, где старшие сомневались. Мерлин запомнил только смуглое лицо Кея. Он всегда держался в стороне от двора и потому многих не знал.

Но он затаил дыхание, когда в круг вошёл Артур. Солнце превратило его волосы в золото, такое же яркое и чистое, как золото с Западного острова. И тут в мозгу Мерлина определённым образом сложились слова, и он про себя произнёс условную фразу.

Артур вытер ладони о полу, будто они были влажными от пота. Одежда его была освещена так же ярко, как волосы. От него всего исходило сияние. Или так только казалось Мерлину?

Юноша сжал рукоять небесного меча. Мерлин видел, как напряглись мышцы на его плечах и руке от усилий. Лицо стало серьёзным. Из всей толпы единственным уверенным человеком был Артур.

И вот раздался протестующий хриплый звук. Меч медленно высвобождался, выходил из камня. Мерлин услышал удивлённые возгласы собравшихся. Они все пытались, они знали, что это невозможно, и вот перед их глазами Артур совершал невозможное.

Он продолжал тянуть. Рукоять меча пришлась ему точно по руке. Лезвие вспыхнуло, Артур радостно рассмеялся и взмахнул им над головой.

Мерлин не кричал, но его слова были подхвачены толпой, как будто он провозгласил из всех сил:

— Да здравствует Артур Пендрагон, верховный король Британии, который был, есть и будет!

Всех охватил благоговейный страх. Мерлин видел, что даже Лот отдал мечом салют новому вождю. И Мерлин почувствовал, как напряжение спадает.

Он бросил взгляд на стоявших несколько в стороне женщин. Каждая королева и леди надеялась в глубине души, что великое деяние совершит её муж и что она будет править вместе с ним. Но среди них...

Мерлин сжал кулаки; он мог бы догадаться, что она будет здесь. На этот раз на ней было не простое зелёное платье, а соответствующий наряд. Высокая и стройная, с грацией, по соседству с которой остальные женщины казались простыми полевыми работницами. Её платье было опять-таки зелёного цвета, украшенное богатой фантастической вышивкой из серебра, на тёмных волосах блестел серебряный обруч с зелёным камнем.

Она встретила его взгляд и слегка улыбнулась. Он почувствовал угрозу. Нужно защищаться! Если бы он только знал, какими возможностями она располагает! Зеркало говорило, что, заключив Мерлина в пещеру, она почти истощила свои силы. Но если поле с годами ослабло, Нимье могла восстановить свои силы.

К Артуру подходили лорды и клялись в верности. Мерлин увидел Эктора, как всегда немного в стороне. В два шага он оказался рядом.

— Эктор, — тихо проговорил Мерлин. Голос его заглушали приветствия. — Кто эта женщина?

Он должен знать, какое положение занимает Нимье при дворе, кто её поддерживает, открыто и тайно.

— Её зовут Леди Озера. У неё есть своя крепость. Говорят, некогда это был замок странной богини, правившей реками и озёрами. Она великий целитель и вплоть до смерти лечила Утера. Люди верят в её искусство. Но если она наша родственница, то никогда не говорила об этом.

— Нет! — взорвался Мерлин. — Она из Тёмных, Эктор, и её настоящее имя Нимье. По её воле я находился в зак-

лючении. Мы должны следить за ней. Она желает Артура зла.

Но было слишком поздно. Когда Эктор подозвал двух верных людей, чтобы приказать им следить за Леди, та уже исчезла и никто не знал, куда. И Мерлин почувствовал, что теперь опасение всегда будет окрашивать его дни и ночи.

Глава 11

И снова стоял Мерлин в Месте Солнца. Хижина Лугейда превратилась в груды обломков, в которой нельзя было уже распознать жилище человека. Не в первый раз Мерлин задумался, куда же исчез друид. И жив ли он вообще? Он взрогнул, как будто чья-то нога наступила на его собственную могилу. Одиночество, всегда поджидавшее его поблизости, накинuloсь, как дикий зверь на добычу. Эктор... Эктор пал от удара саксонского топора две-три битвы назад.

Время теперь считали не годами, а битвами. Артур оказался именно тем военачальником, которого все так ждали. Даже в юности он искусней управлял войсками, чем Утер, отражая набеги на Британию. Он проявил больше гибкости и понимания характера племён, чем по-римски жёсткий Амброзиус.

Его ответом на набеги крылатых шлемов стала кавалерия — чёрные всадники границ. Лошадей фризской породы, более крупных и тяжёлых, чем местные пони, скрестили с тёмными лошадьми севера и получили крепкое и сильное потомство, способное нести воина в полном вооружении. Сами лошади тоже были укрыты кожаными латами с нашитыми металлическими полосками.

Саксы, несмотря на своё поклонение белым лошадям, которых они приносили в жертву Вотану, не были настоящими всадниками. Оружием Артура стали быстрые кавалерийские удары по пехоте. Амброзиус в своё время удачно удерживал саксов, отгоняя тех, кого призвал Вортиген как защиту от шотландцев и пиктов с севера. Утер благоразумно сохранил то, чего достиг его брат. Но Артур повсюду заставил саксов отступить.

Всё чаще и чаще саксы садились в свои корабли с драконьими головами, увозили женщин, детей, всё имущество; они направлялись за море, прочь от Британии, где люди Артура не давали им покоя, заставляя постоянно держать в руке меч или копье, где у них на восходе солнца никогда не было уверенности, что они увидят, как оно садится.

Артур постоянно побеждал.

Мерлин спешил к Королевскому камню, плечи его слегка согнулись под белой одеждой.

Он коснулся ладонями поверхности плиты. Каким юным, полным возбуждения и торжества был он в тот день, когда впервые стоял здесь! Он слишком легко выиграл, чтобы торжествовать. Переправить камень из-за моря, поместить его в землю Британии — слишком ничтожно это действие, чтобы праздновать его как победу.

Он устал и вздохнул. Да, он сделал Артура королём. Но Артур, сидящий теперь на троне, не король из его снов. Он вежливо слушает Мерлина. Иногда, только иногда соглашается. Его всюду сопровождают жрецы Христа. И когда могут, нащёпывают о колдовстве Мерлина, снова вспоминая, что он рождён от демона.

Теперь Мерлину казалось, что в его планах всегда скрывался просчёт. Только трижды действовал он безошибочно: привёз камень на нужное место, где в будущем он послужит маяком, освободил небесный меч и посадил Артура на трон.

Но у Артура не было знаний, от которых зависело будущее Небесного Народа. Его характер был сформирован другими. Мерлин давно уже знал, что у Нимфе тоже имеется немало способов добиваться своего.

И прежде всего — королева. Рот Мерлина скривился, как от физической боли. Королевская дочь и такая красавица, что у мужчин захватывает дыхание, когда они смотрят на неё, — внешне она достойная пара Артуру. А на самом деле — что? Игрушка, кукла, женщина, настолько поглощённая мыслями о своём теле, что её глаза никогда не останавливались, когда она находилась в обществе; они осматривали каждого мужчину, проверяя, оценил ли он красоту её лица и фигуры. Такова была Джаневра.

И хотя с тех пор, как Леди Озера с подозрительной улыбкой отвернулась от торжества Артура, Мерлин ни разу её не видел, он чувствовал присутствие Нимье около королевы. Как давно это было...

Мерлин потёр лоб рукой. Он чувствовал глубокую душевную усталость, его одолевали предчувствия, которых он не мог понять. Дважды приходил он в пещеру, но зеркало молчало; а он и не пытался прервать это молчание, надеясь на свои силы.

Ему по-прежнему иногда снились сны, которые подкрепляли волю. Он видел вздымающиеся в небо города, видел людей, научившихся летать, изменявших свой мир, как гончар изменяет податливую глину. Он видел, на что способен человек, а проснувшись, созерцал убожество и упадок человека в своём веке.

У него есть мудрость, но кто примет его советы? Артур — когда это соответствовало его планам. Остальные — лишь немногие, приходившие к нему как к целителю. Большинство слушало жрецов из-за моря; всё, что не одобряли жрецы, они считали порождением зла. Как он мог пасть так низко?

Теперь он был в стороне от всех, как в броне из непробиваемого льда. Звери в лесу казались ему ближе людей. И всегда его гнетёт одиночество.

Сама внешность ставила его особняком: казалось, достигнув мужской зрелости, он перестал стареть. Он разумно изменял с помощью трав своё лицо и волосы, искусственно состаривая их; иначе его продолжающаяся молодость вызвала бы враждебность в людях, которые больше всего боятся упадка сил и приближения старости, которая означает для них смерть.

Холод и тьма...

Неожиданно Мерлин покачал головой и выпрямился. Он позволил неуверенности овладеть собой. Артур правит Британией. Мечом, который вложил ему в руки Мерлин, король установил мир. Ни один человек не может одержать победу, не изведав вначале вкус поражения. Наступил час, к которому была устремлена вся его жизнь.

Он с новой энергией, как бы очнувшись от кошмара,

огляделся вокруг. Высокие и сильные, возвышались вокруг древние камни. Зеркало учило его: «Сила была, есть и будет.» И это «будет» лежит перед ним. Он приведёт сюда Артура вопреки всем заморским жрецам, и затем отведёт его к зеркалу. Почему позволил он тени замутить свой разум, нащёптывать тёмные мысли? Он, Мерлин, может быть, последний человек на Земле, владеющий древними знаниями! Он слишком долго тратил время. Теперь Артур не занят отражением набегов, он готов к выполнению своей главной задачи.

И Мерлину, когда он отбросил сомнения, показалось, что камни ослепительно блеснули на солнце, вспыхнули, как факелы. Они и были факелами, несущими забытый свет в тёмный мир. Мерлин высоко поднял голову, расправил плечи.

Почему же всё-таки позволил он неуверенности овладеть собой? Похоже, в словах людей о колдовстве есть какая-то правда, и им овладело могучее заклятие, подобное тому, при помощи которого зеркало сохранило ему жизнь. Теперь он ощущал Силу так же ясно, как в тот день, когда поднял Королевский камень на Западном острове.

И всё же ему не хотелось уходить, не хотелось возвращаться в дворец-крепость короля. Камни по духу были ему ближе людей. С глубоким сожалением вспомнил он, как ждал рождения Артура, надеялся, что кто-то разделит его одиночество, особенно сильное, когда он оказывался в толпе. Мерлин свистнул, и лошадь, которая паслась у стоящих камней, заржала в ответ, подошла к нему и ткнулась головой в грудь, а он трепал её уши и гриву. Это была знаменитая чёрная порода, больше и крепче горных пони, более послушная, без тех порывов к независимости, которые иногда заставляли пони сбрасывать любого всадника.

Даже сев в седло, Мерлин задержался ещё немного, задумчиво глядя на камни. Он смотрел на насыпь, воздвигнутую над Амброзиусом, этим сильным человеком, который так стремился вернуть прошлое. Только в нём видел он безопасность.

Утер лежит не здесь. Чужеземные жрецы положили его тело под полом одной из их церквей, построенной на месте

римского храма. Сами камни древней постройки теперь служили новым богам.

Видел Мерлин и могилу, в которую вторгся некогда, чтобы извлечь меч. Кто лежит там? Один из Повелителей Неба, встретивший смерть далеко от дома? Или сын смешанного брака, подобный ему самому? Мерлин не знал этого, но рука его взметнулась в воинском приветствии не только человеку, прозванному Последним Римлянином, но и этому неизвестному из глубокого прошлого.

Покидая Место Солнца, он укреплял свою решимость. Он обратится к Артуру, отведёт его к зеркалу. Артур далеко не глуп; он поймёт разницу между древними знаниями и тем, что невежественные люди называют колдовством.

К тому же наступает время пустить в ход Королевский камень. В пещере есть необходимый предмет. Его нужно положить под камень, и тогда — тогда вызов будет послан!

В ответ появятся корабли со звёзд. И снова человек сможет завоевать небо, землю и море! Мерлин чувствовал, как горячая надежда растапливает лёд недоверия. Человек стоит на пороге нового великого времени.

Так думал он на пути в Камелот, и ночью ему снились яркие сны. Артур и зеркало... сигнал камня...

Через несколько дней Мерлин приближался к стенам древнего замка, который Артур превратил в самую мощную в Британии крепость. Стража хорошо знала Мерлина и не остановила его у внешних ворот. Мерлин задержался лишь для того, чтобы сменить своё пыльное дорожное платье на более подходящее великолепию королевского двора.

— Здравствуй, Мерлин. — Артур сидел за круглым столом. Это тоже было изобретением Мерлина: круглый обеденный стол, за которым ни один гордый рыцарь или маленький король не смог бы утверждать, что его посадили на место, не соответствующее его достоинству.

— Здравствуй, господин король, — Мерлин сразу заметил среди знакомых лиц новое. Кей больше не сидел по правую руку короля. Нет, это место занимал юноша, почти мальчик.

Глядя на смуглое лицо незнакомца, Мерлин едва сдержал невольную дрожь. Если в чертах Артура ничего не говорило о присутствии древней крови, то во внешности этого юноши оно читалось так ясно, как ещё не случалось видеть Мерлину. Разве лишь в зеркале, отражающем его собственное лицо.

Внешность юноши в одно и то же время была знакомой и незнакомой. Глаза смотрели из-под густых ресниц жёстко, непроницаемо. Глаза старика, не соответствующие юному телу. В них виднелась угроза...

Мерлин обуздал своё воображение. Нужно радоваться появлению ещё одного представителя древней расы. Но ничто в этом юноше не радовало его.

— Ты вовремя. — Артур махнул рукой, и виночерпий торопливо наполнил серебряную чашу заморским вином и поднёс её Мерлину. — Ты вовремя, бард, чтобы выпить за здоровье нового потомка Пендрагона, пришедшего ко мне на службу. — Он кивнул в сторону юноши. — Это Модред, сын леди Моргазы и мой племянник.

Рука Мерлина сжала кубок. Ему не нужен был даже этот косой, мрачный взгляд, брошенный юношей, предвещавший опасность, чтобы понять правду.

Племянник Артура? Нет, сын его от той самой девки, которую скрыла Нимье. А по взгляду его Мерлин понял, что юноша знает правду — или по крайней мере ту её часть, что может принести наибольший вред Артуру, — что он действительно сын короля и женщины, известной, как его сводная сестра.

Мерлин выпил вино, надеясь на своё умение скрывать чувства. «Лорд Модред. — Он поклонился юноше. — Кровь Пендрагона — это высокая честь.»

— Да. — Артур улыбнулся. — И он появился как раз вовремя, чтобы окровавить свой меч и показать характер. На саксонском берегу горят сигнальные огни. Эти псы войны опять ищут добычу. Мы выезжаем на охоту...

Глаза короля горели. Мерлин понял, что не сможет остановить Артура. Придётся отложить планы знакомства Артура с зеркалом. Артур по-прежнему не будет знать своего наследия и истинной задачи. И Модред... сын коро-

ля, воспитанный Нимье. Это Мерлин знал инстинктивно. У неё было достаточно времени, чтобы подготовиться к удару. И вот она нанесла его. К злобе того, кто считает себя лишённым законного места, добавляется железная воля Нимье. Этот юноша — страшная угроза.

Но не только осторожность говорила в Мерлине. В нём начал закипать гнев. С самого начала он слишком верил в удачливость Нимье. Пора отыскать её. А может ли быть лучшая дорога к ней, чем через Модреда, её создание?

Мерлин прислушивался к возбуждённым разговорам о новой экспедиции против саксов. Сидя за круглым столом, он поднял взгляд к галерее и переводил его от одного прекрасного лица к другому. Королева хвастала, что её сопровождают красивейшие женщины Британии, но ни одна не может соперничать с нею.

Вот и Дженовра. Её богато украшенное платье жёлтого цвета, как созревшая пшеница. Маленькая золотая корона на волосах, такого же цвета, что и платье. Платье и волосы сливаются, их невозможно разделить. На шее тяжёлое янтарное ожерелье; когда она наклоняется вперёд, на щеки свисают серьги — драгоценные камни. Глаза её внимательно следят... за кем?

Мерлин проследил направление её взгляда. Она смотрела на Модреда и слегка улыбалась. Мерлин внимательно рассматривал королеву: он знал, что за этим взглядом, который он не может разгадать, что-то скрывается. И эта неспособность разгадать беспокоила его. То, что женщина оставалась для него загадкой, возможно, какая-то случайность. Но он не остановился на этой мысли. Он считал Дженовру куклой, игрушкой, без собственных мыслей и целей. Но так ли это?

Однако теперь он искал другое лицо. И поэтому отвернулся от яркого солнца королевы к менее яркой радуге окружавших её леди. Некоторых он знал по именам, других по внешности, но никогда не рассматривал их внимательно, как теперь. Но той, кого он искал, не было. Не было леди, такой же яркой, а может, даже ярче самой королевы. Хотя Нимье представила двору Модреда, то сама не явилась, иначе она присутствовала бы на пиру.

Мерлин осторожно искал её своими иными чувствами, которые редко использовал в обществе, когда вокруг слишком много личностей, излучавших собственную энергию. Нет, он готов поклясться, что Нимье здесь нет.

Но воля её здесь, в лице королевского «племянника». Мерлин начал планировать заново. Он не верил, что неожиданное известие о саксах так уж тревожит короля. Сам Артур как будто видит в этом одну лишь возможность показать новонайденному племяннику проворство и неуязвимость чёрной кавалерии.

Теперь — Мерлин знал это, он отнёс все сомнения, вызванные своей земной половиной, — теперь настал час. Он должен вызвать небесные корабли, пусть и без согласия Артура!

Он погрузился среди пира в собственные мысли. И вдруг понял, что люди вокруг встают, зовут оруженосцев, готовятся к отъезду. Он чувствовал силу их эмоций, чувствовал, как в нём самом пробуждается та же жажда сражения. И подавил её другой своей частью, принадлежащей не Земле, а Повелителям Неба. Он должен использовать мысль и невидимые силы, а не примитивное оружие этого мира.

Перед ним кто-то стоял. Мерлин взглянул на Модреда.

— Тебя называют бардом. — В голосе Модреда слышался звон невидимого оружия. — Тебя также зовут колдуном и сыном нелюди. — В тоне его звучала насмешка. Любой другой на месте Мерлина выхватил бы в ответ оружие.

— Всё это правда. — Мерлин несколько удивился открытому проявлению враждебности, хотя с самого начала ждал, что человек Нимье как-то проявит себя.

— И насколько правда то, что говорят? — На этот раз в голосе Модреда звучал открытый вызов.

Мерлин улыбнулся. «Много ли мы знаем о себе? Способны ли отличить правду от вымысла? У каждого из нас есть свои силы, большие и малые. Дело в том, как мы используем данное нам.»

— Силы могут быть даны тьмой или светом. Король слушает жрецов света, бард. Старые времена миновали...

Мерлин рассмеялся. Его охватило то же возбуждение битвы, что и остальных при известии о набеге саксов, но

по другой причине. Нимье через этого юношу бросала ему вызов. А когда дело доходит до войны, сомнения исчезают. Он может использовать силы, которые по его приказу подняли камень. Он не бесполезное оружие, в его руках скрываются такие силы, которые и не снились другим. Продолжая разговаривать с Модредом, он про себя перечислял эти силы.

— Разве ты никогда не слышал, лорд Модред, — спросил он, произнося имя с насмешкой и видя, как вспыхнуло лицо юноши, — что существует нечто такое, что было, есть и будет? Та, которая учила тебя, должна это знать.

Он отвернулся, но Модред схватил его за рукав.

— Ты невежлив, бард! И кого это ты имеешь в виду?

Мерлин снова рассмеялся. Значит, Нимье не полностью владеет этим мальчиком. Хотя в нём и течёт древняя кровь, он не умеет подавлять вспышки гнева.

— Мальчик, — проговорил он, не употребив на этот раз слово «лорд», — тебя учили многому, только не хорошим манерам. — Мерлин выдернул рукав. — Прежде всего тебе следует узнать сущность человека, с которым говоришь.

Может, он сказал слишком много. Но в Мерлине тоже текла гордая древняя кровь. К тому же он решил, что Нимье не слишком искусно подобрала своё оружие. Это не Эктор, даже не Кей, юноша не слишком умён.

Мерлин прошёл сквозь толпу возбуждённых мужчин. Теперь, когда он наконец принял решение, у него есть своя миссия. Впрочем, у двери он оглянулся. Модред смотрел ему вслед, в руке у него была рука заморского жреца, бритое лицо которого выражало взволнованность. Мерлин видел, как двигались губы Модреда. Он не сомневался, что готовится какая-то неприятность. Но какая именно... Он пожал плечами.

Он быстро прошёл в свою комнату и снял одежду барда. Это белое платье делало его слишком заметным. Он надел простую одежду, взял плащ с капюшоном. Потом отыскал свежую лошадь, заполнил седельные сумки хлебом и сыром с кухни, где слуги делали то же самое для готовившегося к походу отряда. Но Мерлин выехал раньше и направился в горы.

Уже несколько лет не был он здесь, но он помнил каждый поворот тропы. И так как он никогда не забывал о своей одинокой жизни в лесах, ему легко было проводить ночи без огня и двигаться тайно. Это стало для него привычным.

Руины дома Найрена теперь превратились в простую насыпь, поросшую кустарником. Мерлин долго простоял здесь, вспоминая, чем дом клана был для Мирддина.

Потом подъём. Здесь Мерлин снял с лошади седло и упряжь, стреножил её и пустил пастись. Убрал камни из расщелины. В пещере темно, не светился ни один механизм. Мерлин не приближался к зеркалу. Сейчас не время для вопросов. Он хорошо знал, что должен сделать.

У стены он поднял цилиндр размером в свою руку. Зеркало давно рассказало ему об этом цилиндре. Инструкцию он помнил так хорошо, будто выслушал её час назад. Это цель его жизни. Нет больше колебаний, попыток действовать через людей, которых предаёт их собственная природа. Он выполнит волю Повелителей Неба.

Маяк оказался легче, чем он думал. Мерлин вынес его наружу и снова замаскировал расщелину. Зеркало ещё понадобится. Рано или поздно сюда придёт Артур. Мерлин не знал, сколько времени сигнал будет идти до кораблей. Месяцы, годы... До этого часа Артур должен оставаться королём.

Прижимая цилиндр к груди, как долгожданное сокровище, Мерлин начал спуск.

Глава 12

Было уже темно, когда Мерлин добрался до Места Солнца. Год приближался к концу, урожай собран, и долгими тёмными ночами становилось холодно. Камни казались далёкими, они будто сознательно избегали контакта с людьми этого мира.

Если бы с ним был сверкающий меч, задача была бы сравнительно лёгкой. Но меч у Артура, и Мерлин должен рассчитывать лишь на свои знания. Пробираясь в каменный круг, он вздрагивал не только от холодного ветра.

Родство, которое он всегда чувствовал с этими камнями, закрылось, как дверь на ночь.

Мерлин не ласкал рукой камни, как делал это раньше. Необходимость заставляла его приняться за работу немедленно. Он подошёл к Королевскому камню.

Осторожно положив на землю цилиндр, Мерлин осмотрел камень.

Ясно, что нельзя просто положить цилиндр на камень, как он наивно думал. Хотя это место и считалось священным, любой прохожий может заинтересоваться странным предметом. Нет, цилиндр нужно хорошо спрятать, и Мерлин знал, где: под самым массивным каменным блоком.

Он поднимал этот камень, и он сможет поднять его вновь, хотя без меча это значительно труднее. У него с собой только нож, правда, не из удивительного металла. Тем не менее его можно использовать.

От камней падали густые тени, в них что-то таилось. Мерлин постоянно оглядывался, всматриваясь в эти очаги темноты. Хотя раньше Нимье использовала лишь такие иллюзии, которые он и сам мог вызвать, всё же в этом месте оставалось что-то угрожающее.

Мерлин вспомнил слова Лугейда: в древних храмах долго сохраняются таинственные силы, которым некогда здесь поклонялись.

Здесь не место для ночлега. Нужно солнце, которое когда-то почиталось здесь как источник жизни, чтобы вызвать всю его энергию. А пока у него есть время, чтобы подготовиться к величайшему усилию в жизни, большему, чем даже иллюзия, сопутствовавшая рождению Артура.

Снова подобрав маяк, он двинулся к россыпи камней, некогда бывшей жилищем Лугейда. Тут он расположился на ночь, напился из ручья, который почти совершенно затянуло илом с тех пор, как сюда перестал приходить друид, съел остатки провизии, привезённой из Камелота.

Потом сел, прислонясь спиной к остатку стены, и посмотрел на Место Солнца. С наступлением темноты поднялся ветер. Пролетая меж камнями, он издавал воющий

звук. Впечатлительный человек мог бы услышать в нём жалобы умерших.

Не в первый раз Мерлин задумался о Повелителях Неба. Что они искали здесь? Почему так хотели вернуться? Они так сильны, что легко перелетают от одной звезды к другой. Почему они не найдут для себя другой, лучший мир?

Может, существует какое-то качество, которое можно найти только здесь? Может, человечество нужно им, чтобы выжить? Зеркало отвечало уклончиво, когда он пытался расспрашивать об этом. Когда оно выдавало информацию, Мерлин часто испытывал чувство угнетения: в его мире не существовало слов для тех необычных предметов и сложных машин, которыми легко пользовались другие. Но некоторые самые простые вопросы, казалось, в свою очередь смущали зеркало.

Хотя он не смыкал глаз, а продолжал наблюдать, как ночь поглощает Место Солнца, Мерлин напряжённо думал, собирая сведения, накапливая необходимую энергию. Ему предстояла не галлюцинация, а реальное действие.

По сути дела, он такой же полководец, как Артур, только в его войске не люди. Глубже и глубже погружался он в свою память и разум. И неожиданно узнал возникшую в памяти картину. На этом самом месте стояла Нимье, тело её белело, волосы развевал ветер. Он слышал сладость её голоса, чуть не касался тёплого тела. Нет!

Мерлин решительно подавил это воспоминание. Неужели он может действительно коснуться Нимье, если напряжёт все силы? Вон из мозга! Он должен забыть о ней.

Зеркало... Он должен сосредоточиться на зеркале, как если бы оно стояло перед ним. Увидев зеркало, Мерлин успокоился. Мерлин слышал его голос, различал слова, он знал, что ему нужно делать.

Он больше не чувствовал усталости. В нём нарастала сила, заполняя тело и мозг. Нужно её сдерживать до наступления необходимого момента. Мерлин не замечал, как проходило время. Не чувствовал холода. Внутренняя энер-

гия согревала его, и, несмотря на резкий ветер, он отбросил плащ.

Случайно взглянув на свои руки, лежавшие на коленях, он не удивился, увидев, что они слегка светятся. Он чувствовал свою силу, ему всё труднее становилось её удерживать. Губы его двигались, но даже шёпот не срывался с них, только в мозгу продолжали звучать древние слова, складываясь во фразы.

Когда небо посерело, Мерлин встал. Хотя он просидел всю ночь, тело его не затекло. Наоборот, он чувствовал себя, как бегун, рвущийся в путь. Левой рукой он прижимал к себе маяк. В правой — держал наготове нож.

Большими шагами приблизился он к Королевскому камню и встал рядом, готовый встретить восходящее солнце. Маяк он положил на землю у ног. Вот он вытянул руку и со звоном начал ударять ножом по камню, произнося в то же время слова, к которым готовился всю жизнь.

Удар, удар, темп всё ускоряется. На небе зарево — предвестник восхода. Удары превратились в сплошную металлическую вспышку, от встречи металла с камнем рождались искры. Голос Мерлина поднялся, он требовал, чтобы силы, заключённые в камне, подчинились его воле.

Камень зашевелился, не так быстро, как в ответ на удары меча, но зашевелился. Мерлин напряг всю волю, поднял нож и один конец камня последовал за лезвием.

Мокрая одежда прилипла к телу. Несмотря на холод, Мерлину было жарко, с него струйками стекал пот. Вверх и вверх. Пока камень не встал вертикально. И тут Мерлин произнёс единственное слово, которое не осмеливался произносить раньше, — Слово, Связывающее Силу. Камень продолжал стоять, траншея под ним была пуста.

Мерлин опустил на колени. Ножом он начал копать землю. Работал напряжённо: он не знал, сколько времени Слово будет удерживать камень. Копал, отбрасывал землю, снова копал, глубже, глубже, быстрее...

И вот углубление было готово. Мерлин поставил в него маяк, более легким концом к небу. Работая ещё быстрее, он сгрёб обратно выкопанную землю и утрамбовал её руками и рукоятью ножа. Наконец он отбросил нож и

руками, выпачканными землёй, с обломанными ногтями, коснулся цилиндра в определённом месте, повернул, и крышка легко снялась.

Дрожа от крайнего напряжения и усталости, Мерлин выбрался из-под камня. Опустившись на колени, он взглянул на возвышающийся монолит. Мысленно произнёс освобождающее слово. Камень упал со страшной силой. Мерлин надеялся, что выкопанная им для маяка яма достаточно глубока. Он так устал, что мог только лежать, касаясь рукой камня, почти без сознания.

Именно прикосновение к камню привело его в себя. Он всегда чувствовал силу, заключенную в камне, но на этот раз биение было иным. Поняв, в чём дело, Мерлин испустил крик облегчения и радости. Получилось! Маяк действовал. Но когда прилетят корабли? Откуда? И сколько?

Он слишком ослаб, чтобы сразу встать, и продолжал сидеть, опустив голову на грудь, опираясь рукой о камень, всё время ощущая мощное биение.

Его привело в себя ощущение опасности. Как будто ветер донёс отвратительный запах. Мерлин поискал ощупью в траве нож — своё единственное оружие. Теперь он слышал топот копыт, крики, которые могли доноситься только из человеческой глотки.

Саксы? Разбойники? Он знал только, что приближаются враги. Поэтому, не вставая, отполз в тень камня. Отсюда ему стал виден весь отряд. Всадники не направлялись прямо к его ненадёжному укрытию. Мерлин понял, что они не решаются вторгнуться в Место Солнца.

Один из них подъехал со стороны хижины Лугейда, гоня с собой лошадь Мерлина. Мерлин услышал возбуждённые голоса, но не разобрал слов. Он, однако, был достаточно близко, чтобы рассмотреть на двоих всадниках одежду заморских жрецов. Остальные явно были вассалами одного из племенных вождей.

Жрецы подгоняли воинов. Но, невзирая на нетерпеливые приказы, воины не торопились приближаться к священному месту. Древнейший закон, соблюдаемый всеми племенами, гласил: нельзя проливать кровь и преследовать беглеца в Месте Солнца.

Мерлин был уверен, что они ищут его, но причины понять не мог. Артур дал при своём дворе место верящим в Христа, и многие из его приближённых были христианами, но король придерживался либеральной политики Амброзиуса. Когда к нему присоединялись воины, готовые сражаться с захватчиками, он не спрашивал, какому богу они поклоняются. В его окружении были такие, кто склонял колени перед убийцей быков Митрой, другие верили в древних богов Британии.

Кто разрешил этим всадникам преследовать его? Мерлин готов был поклясться, что это сделано без ведома короля. Хотя Артур никогда не был близок к Мерлину, как тот надеялся, но всё же уважал его и иногда прислушивался к человеку, вложившему меч Британии в его руки. Нет, Артур не стал бы преследовать его. Но кто-то ведь послал этих охотников. Мерлин подумал о Модреде. Неужели этот явившийся ниоткуда «племянник» приобрёл такую власть в Камелоте?

Жрецы по-прежнему подгоняли всадников, а воины пятились. И вот серые рясы одни двинулись вперёд. Один поднял символ своего бога — деревянный крест. Оба пели молитву. Мерлин увидел, как меньший из жрецов обнажил меч, хотя это и противоречило всем его представлениям: жрец не может и не должен быть воином.

Почему он должен прятаться, как загнанный зверь? Возмущённый, Мерлин встал и вышел из-за камня. Он выпрямился, как воин, ожидающий нападения противника.

Когда жрецы подошли ближе, Мерлин разглядел их лица. Одного из них он узнал. Это был тот самый жрец, с которым Модред говорил на пиру в Камелоте. Итак, его подозрения оправдываются. Эта встреча — дело рук Модреда.

— Кого вы ищете, люди божьей службы? — спросил Мерлин.

Жрец, державший крест, на языке римлян произносил заклинание против сил Тьмы. Он запнулся, но с яростью продолжил своё пение. Его спутник не поднял меч. Хотя у него были глаза фанатика, он всё же, видимо, не был готов напасть на безоружного.

— Демонское отродье! — воскликнул он, заглушив звуки молитвы.

Мерлин покачал головой. «Вы стоите на месте, которое знало многих богов, — спокойно сказал он. — Большинство из них давно забыто, потому что исчезли те, кто взывал к ним в минуту опасности. Пока люди осознают, что в них есть гораздо большие Силы, способные привести их к лучшей жизни и миру, будут существовать боги. И неважно, как человек называет эту Силу: Митра, Христос или Лаг. Сила остается той же самой. Только смертные различаются, а Сила была, есть и будет неизменной и переживёт даже землю, на которой мы стоим.»

— Богохульник! — послышался крик жреца. — Слуга зла...

Мерлин пожал плечами. «Ты берёшь на себя мою роль, жрец. Барду подобает играть словами, и он делает это с большей лёгкостью и искусством, он может открыто устыдить короля при его дворе. Я не спорю с тобой. То, что я слышал о вашем Христе, убеждает, что он действительно один из обладающих истинной Силой. Но он не единственный. У каждого племени в своё время появляется собственный бог. Я приветствую вашего Христа, как одного из видевших Великий Свет. Но разве Христос учил вас преследовать человека, не идущего с ним по дороге? Я думаю, нет, иначе он не принадлежал бы к Великим, для которых ясны и открыты все пути.»

Молитва второго жреца затихла. Со странным выражением на старческом лице смотрел он на Мерлина.

— Ты говоришь необычные вещи, сын мой, — сказал он.

— Если ты слышал обо мне, жрец, то знаешь, что я вообще необычный человек. Если хочешь сразиться силами, то знай: это детская игра, а ребёнок не сознает, чем играет. Смотри!

Он быстро провёл перед собой пальцем. На вершинах камней вспыхнули огоньки.

Старший жрец смотрел на них спокойно. Его же товарищ возбуждённо воскликнул:

— Работа дьявола!

— Если это так, то уничтожь её, жрец! Добро должно победить зло, — сказал Мерлин, и огни снова зажглись.

Жрец заговорил по латыни. Но огни продолжали гореть. Наконец Мерлин щёлкнул пальцами, огни исчезли. Лицо жреца побагровело от гнева.

— Природа зла не вне человека, а в нём, — медленно произнёс Мерлин. — В себе он создаёт возможность для ненависти, страх перед тем, что таится в темноте. Если же он не создаёт такой возможности, то и не порождает демонов. Я не использую силу для вреда и никогда не использовал. Да и не собираюсь. Ибо если я обращаю на это свои способности, они погибнут. Какого бога я призываю, используя его Силу, это моё дело. Я не заставляю других верить в него. Достаточно, что я знаю о существовании Силы, которая была, есть и будет!

Старший жрец некоторое время смотрел на него, потом сказал: «Незнакомец, у нас с тобой разные дороги. Но с этого момента я не верю, что ты помощник злой силы. Ты печально заблуждаешься, и я буду молиться о тебе, чтобы ты отвернулся от ложного пути и свернул на истинный.»

Мерлин склонил голову. «Жрец, все молитвы, произнесённые с добрыми намерениями, замечаются Силой. И неважно, в чьё имя они произнесены. Я не желаю тебе зла, не желай и ты мне его...»

— Нет! — Это крикнул младший жрец, горящий гневом, а может, и испытывающий страх. — Это демонское отродье угрожает всем верующим. Он умрёт!

Он сделал неожиданный выпад мечом, не уклонившись, а весьма искусно. Мерлин решил, что прежде чем надеть рясу жреца, он был воином. Но Мерлин был наготове: он видел выражение глаз противника. Рука Мерлина взметнулась. Меч, как притянутый сильным магнитом, отлетел в сторону и ударился о ближайший камень. Лезвие его раскололось.

— Иди с миром, — сказал Мерлин жрецу, который, не веря своим глазам, смотрел на осколки оружия. — Я не хочу никому зла. Но тебе лучше уехать отсюда. Тут живёт древнее заклятие: ни один человек не смеет обнажать меч в священном круге. Установившие этот закон давно мер-

твы, но сила их молитв живёт. Иди и радуйся, что камни не восстали на тебя.

— Брат Гилдас, — негромко сказал старший жрец, — во имя твоего повиновения господу, уходи. Этот человек идёт своей дорогой, и не нам его допрашивать.

Он поймал узду лошади младшего жреца и повернул, уводя за собой вторую лошадь, а всадник сидел на ней молча, будто лишившись дара речи. Когда они подъехали к ожидавшим воинам, старший жрец отдал приказ. Воины отпустили лошадь Мерлина. И поехали с торопливой готовностью, которая свидетельствовала, что если жрецы не верили в силу древних священных молитв, то воины верили.

Мерлин смотрел им вслед. Снова на него обрушилась свинцовая усталость. Он должен уснуть. Но разумно ли задерживаться здесь?

Он решил, что можно доверять старшему жрецу. В споре сил он, Мерлин, оказался сильнее. К тому же было ясно, что воины не захотят возвращаться к Месту Солнца. Мерлин прошёл к Королевскому камню. Солнце пригревало; у него был с собой плащ. Ветер стих. Мерлин сгрёб сухую траву и устроил себе постель.

Проснулся он только к вечеру. Его разбудило ржание лошади. Животное паслось меж камней и теперь ждало поблизости. Мерлин позавидовал лошади: он проголодался. Накануне вечером он съел последние продукты, а сейчас не то время года, когда можно утолить голод ягодами или орехами. Придётся вспомнить детство и испытать удачу с пращой и камнем. Может, удастся добыть кролика.

Выбрав несколько подходящих булыжников, Мерлин начал охоту и обнаружил, что старые умения не забылись. Но он не покидал круга камней. Здесь он развёл костёр, добыв огонь от ударов ножа о камень. Здесь, у Королевского камня, он поджарил кролика и съел до последнего кусочка.

Несмотря на сгушавшиеся тени, Мерлин снова лёг на постель из сухой травы и спокойно уснул. Он чувствовал, что, выполнив задачу жизни, обрёл свободу: в этом круге

ничто не может угрожать ему. И спал он без сновидений.

Его разбудило солнце. Задерживаться было незачем. Мерлину казалось, что пройдёт немало времени, прежде чем придёт ответ на зов маяка. Но перед отъездом он снова положил руку на камень, чтобы ощутить уверенное мощное биение.

Он двинулся в Камелот. Послание Модредом жрецов было открытым объявлением войны, и Мерлин не мог этого спустить. Юноша не должен думать, что хоть в чём-то одержал победу, что заставил Мерлина бежать. Теперь Мерлин свободен и все силы использует на то, чтобы заставить Артура выслушать его. Он установил маяк, и теперь дальнейшее от него не зависит.

В дороге он услышал новость о победе короля над саксами. Он с самого начала считал, что это всего лишь незначительная стычка, но даже такая небольшая победа возвысит Модреда во мнении воинов.

В трёхэтажном внутреннем дворце, обнесённом каменной стеной, у Мерлина была своя комнат. Он пришёл туда, задержавшись лишь для того, чтобы приказать слуге принести ему котёл с горячей водой для умывания. Тело и одежда у него просолились от пота.

Стоя посреди своей маленькой комнаты, Мерлин огляделся и почувствовал странное беспокойство: как будто комната ему незнакома. Вот банки с лекарствами, пучки сухих трав, подвешенные к стене, несколько книг на латинском языке. Камни, странная форма которых привлекла его внимание. Никакого богатства, никаких украшений. Кровать — как грубый ящик с суровым полотном постельного белья, ни ковров на стенах, ни шкур. И он вспомнил другие комнаты — прекрасные комнаты своих снов.

Увидит ли он их когда-нибудь наяву? Людям потребуется много времени, чтобы восстановить утраченные знания и построить новые города. Даже если корабли прилетят завтра, пройдёт не одно поколение, прежде чем мир снова расцветёт.

А если небесный народ встретится с такими, как Гил-

дас? Возможно ли переубедить таких? Можно ли будет работать с ними? Найдётся ли достаточно людей, которые поверят Повелителям Неба и вместе с ними станут строить будущее? Или страх и благоговение перерастут в ужас и невежественные люди отвернутся от предложенного им нового мира?

Артур... Теперь Мерлин знал, почему он должен выиграть бой за Артура. Не потому, что король замечательный военачальник, не знающий равных в своё время и на своей земле, а потому, что он символ, за которым пойдут люди, в которого поверят. Поэтому Артур должен быть подготовлен к приходу со звёзд.

Глава 13

Но Мерлин не попал к Артуру, потому что король пришёл к нему сам. У двери послышался скребущийся звук, будто кто-то собирался прийти с тайными намерениями. Мерлин отдёргнул дверной занавес и увидел короля. Одного.

Но это не был уверенный в себе Артур из пиршественного зала. Будто годы прошли с тех пор, как он предложил Мерлину выпить за Модреда. Левый глаз короля дёргался. Король угрожающе смотрел на Мерлина.

Артур оглянулся, как будто хотел убедиться, что его никто не видел, и резкими шагами вошёл в комнату. Заговорил он почти шёпотом.

— Мне рассказывали о тебе, колдун. Но я не верил этим рассказам. Может, я слишком глуп и предпочёл замкнуть уши, потому что именно ты привёл меня на трон. И об этом я тоже слышал! — Гнев сверкнул в его взгляде, пальцы на рукояти небесного меча сжались.

— Теперь я добьюсь от тебя правды, даже если её придётся извлечь мечом! Я дошёл до того, колдун, что не останавлиюсь и перед этим!

— Какой правды ты хочешь, господин король? — спросил Мерлин, тоже негромко. Ясно, что короля настроили против него. И он знал, кто это сделал.

— Я на самом деле сын Утера?

Мерлин быстро принял решение. Он догадывался, какую позорную историю мог рассказать Модред и использовать её как оружие против короля, против Мерлина, против всего дома Пендрагонов.

— Так считал он сам, — медленно сказал Мерлин.

— Значит... — лицо короля побледнело... — значит Моргаза... и я... Модред... — Неожиданно в его зоре блеснуло понимание — Так считал он сам, — повторил Артур. — Ты странно подбираешь слова, Мерлин. Может ли быть, что он ошибался? Если он ошибался, то кто мой отец? Голорис погиб накануне того дня, когда моя мать разделила ложе с человеком, которого считала своим мужем.

Артур с усилием овладел собой. «Я слышал странную историю, Мерлин. Она способна покрыть меня чёрным стыдом, опозорить хуже, чем предателя Вортигена, отдавшего свой народ под топоры саксов. Ты привёз меня к Эктору. Только ты знаешь правду. Если я на самом деле сын Утера, то собственная похоть осудила меня на изгнание из рядов честных людей. Моя честь погибла, и если я отдам приказ поварёнку на кухне, тот плюнет мне под ноги. Ты говоришь, что Утер считал меня своим сыном. Что это значит? Говорю тебе: я близок к тому, чтобы перерезать себе горло собственным мечом!»

Мерлин пододвинул табурет. «Это странная история, господин король, и уходит на много лет в прошлое.»

Артур посмотрел на табурет, как будто не хотел задерживаться здесь. Но всё же сел и выпалил: «Рассказывай, да побыстрее! Если ты даже ненамного облегчишь мою тяжесть... Говори!»

— Ты знаешь, что рассказывают обо мне. Это правда. — Мерлин сел на край кровати, по-прежнему говоря шёпотом. Напрягая свои особые чувства, он проверил, не подслушивают ли их. — Я не сын человека...

Артур истерпеливо пожал плечами. «Я знаю: тебя зовут демонским отродьем. Но какое это имеет отношение...»

— Не демонское отродье, — прервал его Мерлин, используя всю свою волю, чтобы заставить короля слушать. — Я происхожу от Небесного Народа. Да, в древних легендах содержится правда. Дочери человеческие некогда

рожали сыновей от сошедших с неба. От этих браков возникла могучая раса, создавшая такие чудеса, какие людям и не снились. Но в конце их истории произошла жестокая война, опустошившая мир, и земля превратилась в море, а море — в землю. Горы поднялись на равнинах, всё изменилось, а немногие выжившие вернулись к дикости и почти ничего не запомнили из прошлого. Они опустились ниже лесных зверей.

Но те, кто породил их, о них не забыли. И когда война, изгнавшая их снова в небо — у Небесного Народа есть могущественные враги, о которых мы не знаем, — когда эта война кончилась, они помнили Землю и стремились вернуться на неё. Они оставили в небе корабли, один из них ответил на сигнал древнего маяка, установленного в наших горах. Корабль принёс семя Небесного Народа, и моя мать первой зачала от него...

— Ты сочинил нелепую сказку, — прервал его Артур.

— Посмотри мне в глаза, король, — приказал Мерлин.

— Сочиняю я или говорю правду?

Артур смотрел ему в глаза. Потом медленно проговорил: «Хотя это и кажется невероятным, ты веришь в свои слова.»

— Я готов доказать, что говорю правду, — заявил Мерлин. — Одна из возложенных на меня обязанностей заключалась в воспитании могучего короля, который установил бы мир во всей Британии. Потому что когда Повелители Неба вернутся к нам, им будет необходим мир. Амброзиус был великим полководцем, но мир виделся ему лишь на римский манер. Утер хорошо справлялся с племенами, но он сам принадлежал к ним и разделял не только их достоинства, но и недостатки. Его одолевали страсти, и он не знал самодисциплины.

На своей коронации он увидел герцогиню Игрёну и возжелал её. Его желание было таким открытым, что муж Игрёны покинул двор, вызвав неудовольствие Утера. Голорис оставил жену в совершенной безопасности, как он считал, в крепости на берегу моря. Крепость эта никогда не сдавалась врагу, настолько мощно она была укреплена.

Тогда Утер послал за мной и приказал использовать

мои способности, чтобы его желание осуществилось. Я сказал ему, что могу создать иллюзию: придать ему вид Голориса, чтобы он мог насладиться любовью в постели герцогини. На самом деле я усыпил его, и он увидел всё это во сне; а проник в крепость я сам и внушил герцогине другой сон. Но тот, кто приходил к ней, не был человеком нашего мира: она зачала по воле Повелителей Неба.

Утер устыдился своего поступка, а герцогиня, узнав, что её муж на самом деле погиб до того, как кто-то приходил к ней, пришла в ужас и стала прислушиваться к разговорам о ночных демонах. Поэтому они с готовностью отдали тебя в мои руки.

В венах Эктора текла кровь Повелителей Неба, хотя его род произошёл от них в глубокой древности. Он с готовностью взял тебя. Я же должен был учить тебя так же, как учили меня самого, дать тебе знания наших отцов. Но у меня был... есть... враг. — Мерлин остановился в нерешительности. Должен ли он говорить о Нимье? Вероятно, должен. Артура нужно предупредить.

— У Повелителей Неба, чьё наследие мы разделяем, тоже есть злобные враги чуждой породы. Они хотят, чтобы мы никогда не поднялись, чтобы человечество всегда оставалось во тьме, такой близкой им, — во тьме ненависти, убийства, отчаяния. Враги узнали о моём рождении и произвели моего противника, обладающего такой же властью, как и я, а может и большей. Мы ещё не встречались в открытой схватке. Это существо, порождённое тьмою, зовут Нимье, Леди Озера.

На лице Артура ясно читалось изумление. «Но она помогала Утеру, она дала убежище Моргазе, воспитала Модреда...» — тут он внезапно замолчал, и выражение его лица стало напряжённо внимательным.

— Да, — спокойно подтвердил Мерлин, — и это внимание к дому Пендрагонов можно объяснить по-разному.

Король сжал кулаки. «Я понимаю твой намёк. Ты думаешь, что она делала это с целью навредить мне. Но ты говоришь, а она действует. Ты был в плену у неё?»

— Пользуясь своей властью, она держала меня в заключении. Я не подозревал, что она знает о моём укрытии,

пока она не ударила. И вот я не мог выйти до самой твоей коронации, верховный король. Поэтому то, что ты должен был знать с детства, для тебя утрачено. Потом уже я узнал, что Моргаза соблазнила тебя, и хотя у меня нет доказательств, я считаю, что это тоже дело Нимье. Она предвидела, что из этого получится. И вот теперь пользуется плодами своей работы. Она превратила Модреда в своё орудие...

— Он мой сын, — тяжело проговорил Артур. — Я не могу отречься от него.

— Телом он, может, и твой сын, — согласился Мерлин, — но душа его принадлежит Тьме. И именно он распространяет сплетню, позорящую твоё имя, способную уничтожить всё, что ты завоевал.

Артур смотрел на свой кулак; лицо у него было мрачно.

— Как мне предотвратить это? — невыразительно спросил он. Приступ гнева прошёл. — Кто поверит твоему рассказу? Скорее согласятся с болтовнёй о демонах и прочих страхах. Я сойду с трона так же легко, как лист под порывом ветра в конце года.

— Прежде всего ты должен овладеть своим наследием, хотя оно и пришло слишком поздно. Я докажу тебе, что говорю правду. Согласен, что большинство не поверит. Но эти знания вооружат тебя, и ты сможешь разбить Модреда и ту, что стоит за ним.

— Где твоё доказательство?

— Оно в другом месте, господин король. И ты должен посетить это место безоружным, даже без щита, и лишь со мной.

— А Модред будет свободно разливать свой яд!

— Мы на время чем-нибудь замкнём Модреду рот, и этот акт не будет странным в глазах окружающих. Ведь он всё же Пендрагоновой крови, поэтому ты сможешь оставить его правителем. Но прими меры, чтобы он не мог сговориться с лордами.

— Будь уверен, я не предоставляю ему такой возможности, — в голосе Артура звучало облегчение. — Только нужно придумать объяснение, почему я покидаю двор так необычно.

— Господин король, в том направлении, куда мы движемся, лежат старые заброшенные крепости. Некогда с моря к ним вела римская дорога. Может ли быть лучший предлог, чем осмотр этих крепостей? Возьми с собой своих дружинников. Когда мы окажемся вблизи нужного места, ты заболеешь. Я буду ухаживать за тобой. Ну, в крайнем случае, ещё один слуга, которому ты можешь довериться. Есть у тебя такой?

Артур кивнул. «Блехерис, пришедший ко мне после гибели Эктора. Он учил меня владеть мечом. Он уже стар, но тайны хранить умеет.»

Мерлин напряг память. Блехерис? Маленький смуглый человек с татуировкой на лбу, не из местных племён.

— Пикт?

— Да. После одного набега он остался лежать со сломанной ногой. Эктор не разрешил убить его. Блехерис женился на Фланне, моей кормилице. Когда её служба кончилась и Эктор предложил ей свободу и богатство, как ты ей пообещал, она отказалась и решила остаться. Блехерис теперь мне ближе всех дружинников.

Мерлин кивнул. «Мы выедем по твоему приказу, господин король. И открой свой разум: я не рассказывал тебе и половины истории, касающейся нас обоих.»

Напряжение и боль, преследовавшие короля, прошли. Их сменило ожидание, какое охватывает человека перед важным испытанием. Но когда король вышел, Мерлину было над чем подумать.

Мерлин не ожидал, что Модред очернит собственное рождение, чтобы свергнуть короля. У королевы нет детей. Мерлин подозревал, что виноват в этом король. Возможно, они, полукровки, не могут по какой-то причине скрещиваться с людьми. Об этом свидетельствовало и его собственное равнодушие ко всем женщинам, кроме Нимье. Хотя Артур увлёкся королевой, но он так часто отсутствовал, что мог и не догадаться, что их отношения остаются по существу стерильными.

Артур, поскольку с Дженоврой у него нет детей, имеет только одного наследника — Модреда. То, что Артур мог зачать незаконного ребёнка с женщиной, противоречило

наблюдениям Мерлина. А не приложила ли к этому зачатую руку Нимье? Она, несомненно, была при дворе, когда это произошло, сразу после чего увезла Моргазу. На самом ли деле Модред сын Артура? Может, он, как и Нимье, ребёнок Тёмного?

Мерлин ощущал в нём наличие Силы, с несомненностью говорящее о присутствии древней крови. Нет, всё же Модред, как говорят сплетники и как считал Эктор, — сын Артура и его так называемой сводной сестры.

Возможно, Модред распространяет эти слухи, чтобы подчинить себе Артура. Но вряд ли это планировала Нимье. Артур не слаб и не глуп. Когда ему впервые сообщили это, он, конечно, потерял рассудок, но любой бы на его месте впал в отчаяние. Теперь, когда Артур узнал правду, когда получит доказательства, он будет неуязвим для Модреда. Нужно подумать и рассчитать, далеко ли зайдёт Модред, чтобы свергнуть своего отца. Неужели он так юн и горяч, что не понимает: позор отца запятнает и его? Король не может проявлять физическую слабость, но и имя его должно оставаться безупречным.

Модред честолюбив, в этом Мерлин уверен. Вряд ли юноша станет вредить самому себе: он слишком хочет стать наследником короля. Если только в будущем появятся признаки беременности королевы, он может решиться на безрассудные действия.

А к тому времени — слегка сгорбленные плечи Мерлина распрямились — Артур будет вооружён. Пусть только он доберётся до зеркала. Правда сделает его неуязвимым для таких интриг.

И вот Артур назначил Модреда правителем на время своего отсутствия и принял все возможные меры, чтобы помешать сговору. Впрочем, Модред казался довольным. Он не замечал присутствия Мерлина, хотя жрец Гилдас гневно поглядывал в сторону Мерлина со своего места рядом с тронном Модреда.

Когда они выехали из Камелота, Артур полуобернулся в седле и взглянул на свой дворец. Лицо его было мрачно.

— Не знаю почему, — сказал он ехавшему слева от него

Мерлину, — но будущее словно затянулось тучами. Солнце светит ярко, но когда я смотрю назад, там ступают тени.

— Нелегко отбросить неуверенность, — ответил Мерлин. — Ты слишком много узнал за короткое время, господин король. Время тоже может стать врагом. Немало в этой земле таких, кто восстанет против любого изменения, даже если оно несёт с собой мир.

— Это я тоже начинаю понимать. Мои сторожевые отряды ждут сигнальных огней. Как будто жалеют о тех временах, когда мы постоянно были в седле, усталые, измученные, голодные, а впереди и сзади нас поджидал враг. Смерть шла рядом, но теперь за пиршественным столом они тоскуют об этих днях, хвалятся битвами, лагерями и походами. Даже во мне разгорается кровь, когда я кладу руку на рукоять меча. Мы рождены для войны, мы жили войной, а теперь, когда война ушла... мы кажемся себе бесполезными.

Мерлин рассмеялся. «Не только война может занимать умы и руки людей, господин король. Нам ещё предстоит борьба, но не против своих. Подожди, и увидишь. Перед нами такие дела, по сравнению с которыми девять великих битв Британии покажутся играми беззаботных детей.»

— Покажи мне это, Мерлин, и я буду благодарен тебе. Я думаю, что родился лишь для одной цели — для борьбы. И если не саксы — не хочу и думать о новых набегах, — мне нужно что-нибудь достойное.

Артур осмотрел три старые крепости и в каждой оставил отряд с приказом тщательно изучить возможность восстановления крепости и доложить ему, когда он будет возвращаться. И так получилось, что когда они достигли четвёртой крепости — Мерлин знал, что дальше им придётся свернуть в горы, — с Артуром осталось совсем мало людей.

И среди оставшихся не было ни одного знатного лорда. Их всех Артур предусмотрительно оставил изучать крепости. Восемь человек, въехавших в полуразрушенное укрепление, были подобраны из наименее любопытных.

Они лишь повиновались приказам и ни о чём другом не задумывались.

Вечером Артур пожаловался на головную боль. Он почти ничего не ел, и Мерлин предложил ему лечь пораньше.

Только пикту король сказал правду: комната, отведённая для короля, должна тщательно охраняться, а его отсутствие — оставаться тайной. Маленький смуглый человек молча склонил голову.

Ночь была безлунная, но Мерлин не сомневался, что легко отыщет пещеру, как перелётная птица находит через моря дорогу домой. И Артуру прекрасно знакома наука укрытий и засад, он с искусством, выработанным долгой практикой, легко сумел ускользнуть от отряда никем не замеченным. Вместе перебегали они от тени к тени, направляясь в горы.

Мерлин считал, что болезнь короля может затянуться дня на четыре, прежде чем воины отряда забеспокоятся и начнут удивляться, почему не видно ни короля, ни какого-либо вестника с новостями о его здоровье. До пещеры с зеркалом ещё ночь пути, а темнота задержит их. Артур во тьме рассмеялся, как мальчишка.

— Похоже на дни моего детства, — признался он шёпотом, когда они добрались до вершины хребта и лежали на животах, пытаясь рассмотреть местность впереди. — Так мы с Кеем тайком убегали по ночам. Но тогда мы охотились не за тем, за чем охотимся сейчас. Мерлин, если Кей — сын Эктора, значит он тоже принадлежит к древней расе, о которой ты говоришь с таким почтением. Может, он тоже владеет древними секретами?

— Всё предопределено звёздами. Я не выбираю, — ответил Мерлин. — Я поступаю так, как мне указано. Однако нужно поторопиться, Артур. Впереди долгий путь.

Впрочем, они сумели добраться до пещеры ещё до рассвета. И Мерлин чуть не на ощупь открыл импровизированную дверь, отодвинув камни, которые он всегда укладывал так, будто они свалились сверху. И вот вход открыт.

Мерлин прошёл вперёд. В пещере его встретила не тьма, а вспышки света; все механизмы ожили либо за время его отсутствия, либо при его появлении. Артур с

трудом протиснул своё большое тело, но теперь, стоя перед полированной поверхностью зеркала, молчал. И Мерлин, бросив на него искоса взгляд, увидел, что король охвачен благоговейным страхом. Здесь ничего не напоминало знакомый ему мир.

— Зеркало. — Мерлин мягко положил руку на плечо Артуру, приближая к сверкающей поверхности. И заговорил:

— Здесь стоит Артур, верховный король Британии, рождённый и воспитанный по приказу тех, кому мы служим.

Их отражение в зеркале колебалось. Может, сказывалось мерцание огней. Артур вздрогнул, когда их воздуха послышался голос:

— Привет тебе, наш родственник. Прошное теперь для тебя закрыто, Артур. Наступил час выбора, ты должен действовать на благо твоего народа, хотя из-за козней врага ты слишком поздно пришёл к нам. Будь внимателен, Артур. Твой выбор решает не только твою судьбу, но и судьбу всей Британии. Мерлин, дальнейшее предназначено только для Артура. Ты ничего не увидишь.

Скамья скользнула вперёд, как при первом посещении Мерлина много лет назад. Артур сел, как в трансе. Для Мерлина в зеркале ничего не изменилось. Он видел только своё и Артура отражения. Но король испустил восклицание и слегка наклонился вперёд, глаза его расширились, губы шевелились.

Мерлин отошёл. Конечно, он опоздал с выполнением своей последней обязанности. Но, может, не совсем опоздал. Может, использовав Модреда, Нимье ослабила свой контроль над будущим? Иначе король никогда не поверил бы ему. Артур, преследуемый позором, который нёс ему Модред, был подготовлен к принятию рассказа Мерлина.

Мерлин взглянул на короля. Тот, не отрывая взгляда от зеркала, сидел неподвижно, будто был сделан из металла, подобно окружавшим его механизмам. Время от времени по лицу его пробегало выражение тревоги или решительности. То, что узнавал Артур от зеркала, медленно преобразовывало его.

К зеркалу пришёл победоносный полководец, привыкший к торжеству на поле битвы. Но теперь это был предводитель другого типа. Сердце Мерлина забилось сильнее при виде этой метаморфозы. Нимфе проиграла!

Когда Артур выйдет отсюда, он не будет вздрагивать перед Тьмой. Он превратится в вождя, каким должен был стать уже давно.

Глава 14

Прошли ночь, день, ещё одна ночь, прежде чем Артур встал со скамьи и повернулся к Мерлину. В глазах его светилась уверенность человека, которому предстоит трудная задача. Эта задача потребует всей его энергии, до последней капли.

— Ты видел?.. — коротко спросил Мерлин.

— Видел, — ответил король. — Если даже это сон, человек может жить ради такого сна. — Он колебался. — Но, брат, мы с тобой не похожи на других людей. Многие не поверят нам, даже если увидят своими глазами. Я... — Он медленно покачал головой. — Нужно стараться.

Мерлин внимательно смотрел на него. В Артуре не было заметно возбуждения, только серьёзность, как будто он принял тяжесть, которую должен нести, хочет он того или нет.

— Правильно ли выбрано время? — продолжал король. — Человек так долго жил в страхе, что сейчас на любое новшество он смотрит как на угрозу.

Мерлин испытывал те же сомнения. Захотят ли люди устремиться к звёздам?

— Ограниченные умы, — продолжал Артуур, — всё это, — он взмахом руки указал на механизмы, — сочтут работой дьявола. Ты знал это с детства. Я пришёл сюда взрослым усталым человеком и могу понять такие страхи. А страх ведёт к ненависти и разрушению. К тому же существует Леди Озера.

— А она что? — Мерлин беспокойно шевельнулся.

— Если она наш враг, мы должны больше знать о ней, установить источник её силы.

— Она знает меня, — ответил Мерлин. — Я давно её враг. Если она меня обнаружит...

Артур кивнул. «Верно. Но она хорошо служила Утеру и известна своим даром целителя. Мы начали маскарад с того, что я заболел. А нельзя ли это продолжить? Я вернусь в Камелот больной, и окружающие пошлют за Нимье. Тебе, брат, придётся пострадать: ведь ты не сможешь меня вылечить. Может, тебе даже придётся на время уйти в изгнание.»

Но у Мерлина было одно возражение. «Господин король, я знаю эту женщину и испытал её силу. Что если ты не выступишь против неё? Тогда все наши планы рухнут.»

— Придётся рискнуть. Не вижу других возможностей одолеть её. Иначе она продолжит вести свои интриги и запутает нас, как паук, так что мы не сможем действовать. Брат, ты необычно боишься этой Нимье. Почему?

Мерлин вспыхнул. «Разве недостаточно, что она держала меня в плену, когда ты нуждался во мне? Зеркало мало рассказывало мне о силах Тьмы, но то, что я знаю, устрашает. Подвергать тебя опасности, может, самый глупый поступок в нашем мире.»

— Возможно, — согласился Артур. — Но я знаю, что мы должны выманить её из укрытия. Говорят, никто не может добраться туда, если она не хочет: густой туман укутывает древнюю крепость, в которой она живёт. Но если я смогу удержать её в Камелоте, ты, с твоими знаниями этих сил, проникнешь в её тайное место и узнаешь, в чём её поддержка.

Артур мыслил военными схемами. Мерлин неохотно согласился, что план может осуществиться.

— Ты узнал это в зеркале? — спросил он.

Артур вздохнул. «Зеркало оставляет выбор людям. Оно показывает, что может произойти, но будущее постоянно меняется от действий людей.»

— Верно. Хорошо, пусть будет по-твоему, господин король. — Но, даже согласившись, Мерлин испытывал неуверенность. Артур избран королём. Теперь он знает о своей истинной роли и должен принимать решения. Но всё же он не встречался с Тьмой лицом к лицу, он знаком

с делами Тьмы только в связи с Модредом. Нимье он знает лишь как таинственную целительницу.

Вместе они закрыли вход в пещеру и тайком вернулись в лагерь. Миновав двух часовых, Артур негромко выругался из-за их невнимательности. В комнате их ждал Блехерис.

— Хорошо, что ты вернулся, господин король, — сказал он с явным облегчением. — Люди беспокоятся. Тирион дважды спрашивал, где ты. Он собрался посылать вестника к лорду Гавайну в соседнюю крепость...

— Я себя чувствую плохо, Блехерис, — ответил король. — Слушай внимательно, друг. Вот что нужно сделать. Ты расскажешь всем, что мне хуже. Потом Мерлин прикажет нарубить веток и устроить носилки. Ты будешь со мной; принося мне еду и питьё, будешь рассказывать о моём бреде, что ты никогда не видел такой лихорадки, что ты очень беспокоишься обо мне. Ты понял?

Маленький пикт перевёл взгляд с Артура на Мерлина, потом снова посмотрел на короля.

— Это военная хитрость, господин король?

Артур кивнул. «Но война ведётся не мечами и копьями. Я должен вернуться в Камелот серьёзно больным, и только ты и Мерлин будете ухаживать за мной, чтобы никто не догадался об обмане.»

Блехерис взглянул на дверь.

— Господин король, люди беспокоятся. Им не нравится это место. Между собой они говорят о древних духах, которые не любят живых и из-за которых ты заболел. Эти разговоры опасны...

Пикту ответил Мерлин: «Разговоры о демонах могут быть нам полезны.»

Лицо Артура было угрюмо. «Но опасны для тебя, Мерлин. Вокруг тебя постоянно шли такие сплетни. В кознях демонов могут обвинить тебя.»

— Совершенно верно. Но и эти разговоры послужат нашей пользе. Да будет так. Иди, Блехерис. Ничего не говори о духах, но если услышишь о них разговор, постарайся выглядеть многозначительно, будто смог бы кое-что добавить.

Пикт улыбнулся. «Лорд Мерлин, я не знаю, какую игру вы затеяли с королём, но постараюсь как можно лучше сыграть в ней.»

Как предлагал Артур, так и было сделано. Мерлин дал ему трав, из-за которых у короля покраснело лицо и поднялась температура. Блехерис рассказал, что сопровождающие их воины убеждены: король заболел из-за нападения демонов. Все искоса поглядывали на Мерлина. Пикту же даны были дальнейшие инструкции. Вернувшись в Камелот, он должен будет распространять слухи, что только Леди Озера, поддержавшая Утера, когда остальные знахари обрекли его на смерть, сможет помочь королю.

Лорды, сопровождавшие Артура, присоединялись к кортежу на обратном пути. Они настаивали на свидании с королём. Но увидели лишь, что король лежит без сознания; Мерлин казался сильно обеспокоенным, как будто встретился с болезнью, с которой не мог справиться, несмотря на все свои знания.

Мерлин знал, что Седрик отправил вестника, и поэтому не удивился, когда на полпути назад — они возвращались медленно, так как их задерживали примитивные носилки, — вестник вернулся с одним из жрецов в рясе. К облегчению Мерлина, это был не Гилдас, хотя он ясно ощущал враждебность и этого человека. Однако, когда жрец попытался приблизиться к королю, Артур закричал, что его пришёл мучить новый демон, и так естественно разыграл бред от высокой температуры, что жрец вынужден был отойти.

Лорды потребовали у Мерлина объяснения, что за болезнь свалила короля. Лицо у Мерлина вытянулось, и он стал говорить о странных духах руин. Кто знает, какие злые дела творились некогда в тени этих развалин?

Наконец они прибыли в Камелот, и Артура внесли во дворец и уложили на постель. Но когда торопливо пришли Модред и Дженовра, Артур сел и приказал им уходить, назвав их предателями и убийцами. Казалось, только присутствие Блехериса и Мерлина успокаивает короля. Артур ни на мгновение не переставал играть роль серьёзного больного человека; лишь оставаясь наедине с Мерли-

ном, он обменивался с ним шёпотом несколькими словами.

На второй день Блехерис начал исполнять свою часть плана. Вернувшись, он как тень скользнул в комнату короля и опустился на колени у постели.

— Господин король, я сделал, как ты приказал, — прошептал он. — Я говорил о Леди Озера двум горничным королевы, человеку, ожидающему возвращения лорда Кея, и другим. Мне кажется, они прислушались.

Голова Артура едва заметно шевельнулась на подушке в знак того, что он слышал и понял. Мерлин облегчённо вздохнул. Хорошо, что Кей после посещения двора короля Уриена на севере возвращается. Мерлин никогда не испытывал к Кею такого отношения, как к его отцу, но знал, что Кей исключительно предан Артуру, каким бы грубым и жестоким он ни был по отношению к остальным. Кей к тому же очень ревниво относился к приближённым короля, и если он будет рядом, Мерлин с лёгким сердцем возьмётся за выполнение своей части плана.

Он склонился над королем, как бы осматривая больного. Никого не было видно, но Мерлин всё равно говорил чуть слышно.

— Скажи Кею.

Король чуть кивнул. Должно быть, он тоже испытывал необходимость в чьей-нибудь поддержке, когда рядом не будет Мерлина.

Они ждали, пока созреют плоды деятельности Блехериса. Утром следующего дня в комнату вошла королева в сопровождении Модреда и Кея. Мерлин верил, что Кей серьёзно озабочен, относительно же остальных двоих он изрядно сомневался. Он считал, что Дженовра слишком ценит корону, чтобы желать смерти Артуру, и несколько не доверял Модреду. Теперь он должен открыть свои намерения. Чего он добивается? Исполнения желаний Нимье? Пути к трону? Во всяком случае он опасен.

Но к Мерлину обратился Кей со словами, которых тот давно ожидал:

— Похоже, знахарь, ты можешь меньше, чем хотел заставить нас поверить. В твоих руках нашему господину

становится не лучше, а хуже. Поэтому мы поищем другого целителя, чтобы вернуть королю здоровье.

— Эй! — прервал Модред с высокомерием, которое подействовало на Кея, как бодило на быка. — Добрый брат Гилдас знает это искусство. И поскольку он слуга господя, кто лучше него сумеет изгнать демонов, завладевших королём?

Кей вспыхнул. «Мы не имеем доказательств искусства этого твоего жреца, мальчик.» — Тон его низводил Модреда до положения ребёнка.

— Ты... ты забываешься, Кей! — выкрикнул в ответ Модред. — Я сам крови Пендрагонов...

— А мне он приёмный брат, — спокойно ответил Кей.

По закону племён приёмный брат был не менее близким родственником, чем кровный. В глазах всего Камелота Кей был полноправным братом короля.

Кей отвернулся от юноши, на чьём лице открыто выражалась ненависть, и заговорил прямо с Мерлином.

— Ты не нашёл лечения, не сумел даже немного облегчить страдания нашего господина. Поэтому мы пошлём за более искусным целителем. Известно, что Леди Озера искусно справляется с такими болезнями. Разве не она избавила от них Утера вначале?

Мерлин склонил голову. «Я слишком люблю нашего господина, чтобы возражать против любой помощи. Если вы думаете, что это поможет, призовите леди.»

Кей на мгновение заколебался. Он как будто ожидал горячих возражений, а не немедленного согласия. Дженевра подошла к постели: теперь она подняла голову и огляделась.

— Мой господин, я уже послала за нею. Только она может поднять моего дорогого господина с постели. А что касается тебя, бард, самозванный целитель, — выкрикнула она Мерлину, — тебе лучше убраться отсюда. Уходи! Я приказываю!

Артур лежал с закрытыми глазами. Он негромко застонал. Мерлин сделал вид, что хочет подойти к нему, но Кей преградил ему путь.

— Королева сказала. Уходи, сын нелюди. Твоё имя не в чести здесь, пора тебе понять это.

И Мерлин ушёл. Его не беспокоило, что его уход кажется бегством испуганного человека. Гораздо важнее было не встретиться с Нимье. Она может догадаться об их планах, если увидит его, поэтому мудро будет избегать встречи с ней.

В своей маленькой комнате он занялся подготовкой. Сняв нарядную одежду, он снова надел серое дорожное платье, делавшее его похожим на слугу. Потом отобрал из своих запасов определённые предметы. Тут был кусок звёздного металла — упавший на землю метеорит, гладкое стекло того же происхождения. В маленький кожаный мешочек Мерлин сложил травы. Этот мешочек он надел на шею. Слабый запах трав будет постоянно доноситься до него, проясняя голову, помогая быть настороже. Последним он взял подарок Лугейда — кусок металла, который когда-то давно помог найти меч Артура.

В этих предметах не было никакой магии, как её представляют себе люди, но у них было родство с неземным. А как сказал когда-то Лугейд, «подобное ищет подобное». В течение многих лет Мерлин собирал — незаметно, как он надеялся, — сведения о крепости Нимье. Он считал, что рассказы о густом тумане, постоянно окружающем зачарованную крепость, — обычная человеческая реакция на галлюцинации; его этот туман не обманет. То, что он никогда не приближался к замку, возможно, даже лучше: Нимье решила, что он хорошо усвоил урок и никогда больше не попытается меряться с ней силами.

Последним он извлёк из тайника за своей кроватью жезл длиной в руку. К концу жезла он прикрепил звёздное стекло и убедился, что металлические полосы прочно его держат. В рукоять жезла он вложил метеорное железо. Потом положил жезл на руку, испытывая его в различных местах, пока концы не уравнились.

Затем Мерлин взял на кухне продукты и повесил к плечу кожаную бутылку. Бутылку он наполнил не вином или сидром, а отнёс её к ручью и там набрал чистой воды. Так, вооружившись собственным оружием и провизией для путешествия, Мерлин вышел из королевского дворца.

Уходя, Мерлин создал иллюзию, так чтобы его никто

не заметил и не запомнил. Он был уверен, что его отсутствие в Камелоте не скоро будет замечено.

Не сразу пошёл он и в нужном направлении. Двинувшись вначале на восток, он прошёл некоторое расстояние по старой римской дороге, пока не добрался до ещё более древней боковой тропы. Здесь он свернул и пошёл по местности, казалось, совершенно безлюдной. Не прибегая больше к иллюзиям, Мерлин теперь использовал для укрытия характер местности. Он сознательно не думал ни о Нимье, ни об её замке.

Мерлин не имел ни малейшего представления о том, какая охрана окружает крепость Нимье. Он сомневался, что это обычные стены и люди. В его пещере имелось особое искажающее поле, которое ослепляло людей, не принадлежащих к древней крови. А если кто-то всё равно не сворачивал, имелось дополнительное особое приспособление, преграждавшее путь. Мерлин не сомневался, что жильё Нимье имеет аналогичные защитные устройства.

Но защита пещеры ещё ничего не говорила о защите Нимье. Нужно было ожидать самого худшего.

К ночи Мерлин достиг края леса, который люди называли первой защитой Нимье. Дорога огибала лес, как будто даже в древности люди считали его нечистым.

Мерлин укрылся под кустом, не разжигая костёр, и пожевал хлеба с сыром, запив его водой из бутылки. Он послал вперёд невидимых разведчиков, служащих его мозгу; и когда эти разведчики вернулись, то доложили: нет ничего, кроме древесных теней. Наконец Мерлин поставил охрану и задремал: он не осмеливался погрузиться здесь в глубокий сон.

Когда взошла полная луна, он ощутил какое-то движение в лесу, но не животного и не человека. Это были силы, которыми сам Мерлин хорошо владел. Какие бы часовые ни сторожили крепость Нимье, они были начеку.

Мерлин не пытался определить сущность этих часовых. Он не хотел, чтобы они ощутили его присутствие. Он только осторожно отметил место расположения каждого.

Возможно, Нимье полагалась на искажающие поля

днём и на пугающие иллюзии ночью, что вполне естественно по отношению к обычным людям. Мерлин отметил прогалину к западу от того места, где он лежал. По прогалине протекал ручей, не глубокий, но довольно широкий.

Здесь будет его вход. Он знал то, чего не знают обычные люди: текучая вода избавляет от искажений и иллюзий. Отсюда происходит древнее поверье, что злые силы могут остановиться, не осмеливаясь перейти текучую воду.

Итак, у него есть вход, и он знает, где стоят часовые. Снова насторожив свою охрану, Мерлин задремал.

Рассвело, и он выбрался из-под куста. Снова немного поел и двинулся на запад. Ещё до восхода солнца он добрался до ручья. Там, где его пересекала дорога, в ручье лежали камни для перехода вброд. Мерлин не пошёл по камням, а спустился в центр ручья и зашагал на одинаковом расстоянии от обеих берегов.

Он шёл по колено в воде, такой чистой, что видны были камни дна и быстрые тени рыб. Перед собой Мерлин держал жезл. Жезл находился в равновесии, пока Мерлин не вошёл в самую глубину леса.

Все чувства Мерлина были настороже. Он ощущал присутствие маленьких живых существ, жителей леса, но от тех часовых, которые бродили здесь ночью, не осталось и следа. Неожиданно жезл сам собой повернулся в его руке. Стекло указало вперёд и слегка на восток. Жезл хорошо служил ему, указав прямую дорогу к крепости Нимье. И ему не нужно покидать воду; он пойдёт по воде, пока ручей течёт в том же направлении.

Жезл в руке медленно поворачивался, пока снова не занял горизонтальное положение. Мерлин находился прямо перед крепостью Нимье. Немного впереди ручей делал резкий поворот, настолько крутой, что он не мог быть естественным. Увидев тщательно пригнанные древние камни, Мерлин убедился, что его догадка верна.

Ручей стал гораздо уже, как будто загнанный в искусственный канал. Уровень воды поднялся, идти стало труднее; сильное течение смыло ил и песок, и теперь Мерлин ступал по голым камням. Благоразумие советовало держаться ближе к берегу под укрытием нависающих

ветвей. Цепляясь за эти ветви, Мерлин уберегался от падений.

Он двигался вперёд медленно, но пока не собирался выходить из воды, которая хоть немного укрывала его. Но вот впереди он увидел, как солнце отражается на обширной водной поверхности. Несколько мгновений спустя он стоял, глядя на крепость Нимье.

Она действительно Леди Озера. На острове, где лишь один-два куста сумели укорениться среди скал, стоял замок из чёрного камня.

На нижнем этаже окон не было; выше виднелись узкие щели, дающие немного света. Камни не обработаны и скреплены по римскому обычаю.

Справа от замка отходила каменная дамба. В середине она была проломлена, и Мерлин предположил, что гарнизон замка имеет возможность перекрывать брешь временным мостом.

Вода озера сама по себе странно светилась. Мерлин знал, что это свидетельствует об иллюзиях. Для тех, кто несведущ в таких делах, замок и озеро кажутся окружёнными непроницаемым туманом, как и говорится об этом в слухах.

Мерлин рассматривал замок. Никаких признаков жизни. Как будто давно покинутые руины. Но жезл в руке Мерлина продолжал отклоняться, указывая на крепость. Если его выпустить, он полетит над водой, притянутый мощным источником силы. Задача же Мерлина — преодолеть расстояние до замка не только жезлом — всем телом.

Вдруг слева водная поверхность задрожала сильнее. Мерлин получил неожиданное предупреждение. Он поднялся на берег, осторожно всматриваясь в озеро. Из воды поднялась чудовищная голова с разинутой пастью, обнажив клыки размером с меч.

Глава 15

Это была не иллюзия. Чудовищная голова реальна, хотя ничего подобного Мерлин раньше не видел. Он припомнил сведения, сообщённые зеркалом, о сосуществовании

многих миров и о том, что стены между этими мирами иногда утончаются. Случайно или благодаря применению мощной энергии жизненные формы одного мира могут проникнуть в другой; отсюда рассказы о гигантских змеях и драконах, убитых героями.

Хотя существо из воды чуждо этому миру, оно от этого не менее опасно. И Мерлин не сомневался, что житель озера — часть защиты Нимье.

Существо двигалось к берегу с ужасающей скоростью, его голова со страшными кинжалоподобными клыками высоко вздымалась над поверхностью воды, зловещее шипение и отвратительный запах доносились из пасти. Мерлин повернул жезл в руке с такой же силой, с какой заставлял подниматься камни.

Глаза существа, глубоко посаженные в узком чешуйчатом черепе, больше не смотрели прямо на Мерлина. Как очарованные, следовали они за поворотом жезла. Мерлин испытал облегчение: существо не настолько чуждо, чтобы не поддаться контролю.

Голова существа слегка поворачивалась направо и налево вслед за поворотами жезла. Мерлин больше не интересовал его. Мерлин проверил мозг чудовища: чуждый, но разумный, он теперь был открыт перед ним.

И по законам этого мозга Мерлин сотворил иллюзию. Это оказалось проще, чем он думал. Когда он замедлил повороты жезла, существо не двинулось более. Голова его продолжала раскачиваться, тусклые глаза смотрели слепо.

Мерлин воспользовался этой возможностью и остановил жезл, внимательно следя за чудовищем, готовый сразу же убежать, если оно хоть чуть двинется. Он послал новую команду в чуждый мозг. Кольца длинной шеи начали разматываться, исчезли под водой, и, наконец, над головой сомкнулась рябь воды.

Вначале Мерлин хотел добраться до острова вплавь, опасаясь, что проход по дамбе привлечёт внимание обитателей замка. Теперь он знал, что этого нельзя делать. И он не знал, долго ли сможет удерживать змееподобное существо. Поэтому он как можно быстрее пошёл по берегу

к дамбе, продолжая внимательно поглядывать на воду и землю и мысленно проверяя наличие других возможных караульных.

У конца дамбы он остановился, глядя через брешь на остров. Вода необычно блестела: должно быть, его присутствие возбудило действие какого-то сторожевого механизма, который должен ошеломить и смутить незваного гостя.

Под ногами Мерлина лежала древняя дорога. Но особое удивление вызывал у него сам замок. Он был совершенно не похож на знакомые ему крепости. Как будто тёмное приземистое здание явилось в этот мир из другого, как чешуйчатое чудовище в озере. Вид тяжёлых очертаний его стен внушал беспокойство и тревогу.

Может, это влияние какого-то искажающего поля? Мерлин не знал этого, и у него не было никакого желания появляться на острове и в замке. Однако не желания управляли им.

Он снова начал поворачивать жезл, держа его на расстоянии вытянутой руки от тела. Если его защита сработает, как он надеялся, ни один наблюдатель из замка не сможет ничего разглядеть за снятием. Мысленная проверка не обнаружила впереди ничего. Только чернота, в которой таилось что-то нехорошее.

Мерлин добрался до края бреши и увидел выемки в древнем камне. Его догадка подтверждалась: брешь в нужных случаях перекрывалась мостом, который можно было тут же снять. Но он не мог позволить, чтобы его победила узкая полоска воды.

Глядя вниз, он увидел упавшие камни, зелёные от слизи. Некоторые выступали над поверхностью, хотя вершины их были тоже влажные и слизистые. Мерлин критически рассматривал расстояние между ними.

Здесь снятие воды было особенно сильно, но всё же не настолько, чтобы совсем закрыть от него камни. Если пойти этим путём, придётся отказаться от использования жезла и тем самым обнаружить себя перед возможными наблюдателями из замка. Мерлин обдумал эту проблему, но не смог найти другого выхода.

Он прочно привязал жезл к поясу; теперь ему понадобятся обе руки. И вот, перегнувшись через край бреши, со всей возможной осторожностью он опустился на поверхность первого камня.

Мерлин внимательно следил за водой. Если в озере существуют и другие чудовища, то сейчас самое подходящее время и место им появиться. Поверхность воды так сверкала, что он не видел, что скрывается под нею.

Следующий камень уже покрыт зелёной слизью и находится более, чем в шаге от первого. Придётся прыгать. И чем быстрее, тем лучше. Мерлин прыгнул, ноги его скользнули, но он вцепился в камень руками и не упал в воду.

Гибель была близка. Во рту у него пересохло, он весь дрожал. Мерлин продолжал цепляться за камень. Следующий был не так далеко, и его поверхность, хоть неровная и грубая, оказалась сухой.

Однако потребовалась вся его решительность, чтобы перебраться на этот следующий камень. И когда камень качнулся под ним, как бы собираясь перевернуться и сбросить его в воду, Мерлин снова подавил приступ страха.

Следующий камень оказался ровнее, хотя и покрыт слизью. Мерлин перебрался на него с бьющимся сердцем. Он сидел на третьем камне, восстанавливая дыхание и оглядываясь по сторонам: не появилось ли признаков, что за ним охотится какое-нибудь чудовище.

Последним прыжком он приземлился на другой стороне бреши. И оказался на маленьком скальном выступе, на котором едва уместались ноги. Лицо Мерлина находилось лишь в нескольких дюймах от стены, по которой ему предстояло взбираться. Мерлин вытянулся в поисках опоры для рук, не решаясь поднять голову.

Найдя опору, он подтянулся, и, поднявшись на дамбу, несколько мгновений лежал неподвижно, пока сердце не стало биться нормально, а воля не победила чувства.

Потом он встал на ноги. Перед ним сгустилась тьма, как будто ночь здесь постоянно обгоняла свет дня.

Мерлин отвязал жезл и поднял его перед собой стеклом вверх. Жезл указывал вперёд, почти вырываясь из рук. Но

Мерлину не нужно было этого дополнительного доказательства, чтобы знать: то, что находится в замке, не вполне принадлежит этому миру.

Подходя ко входу в чёрный замок, он пытался определить, не идёт ли за ним какой-нибудь новый охранник. Есть ли у Нимье оруженосцы и служанки, может, как и озёрное чудовище, проникшие сюда из другого мира или времени?

Если они и были, то защита их для него непроницаема: он не смог обнаружить ничьего присутствия. Стоя перед дверным занавесом, колебавшимся на ветру, Мерлин понял, что Нимье не нужны ни двери, ни замки. Туманный покров был не менее эффективен, чем каменная стена. Мерлин не мог сделать вперед ни шага.

Но он не собирался сдаваться. Мерлин достал своё последнее оружие — кусок небесного металла, подарок Лутейда. Металл можно было сгибать как физическим давлением, так и силой воли. Мерлин прижимал металл к стеклу жезла, пока оно не оказалось обёрнуто сверкающим покровом.

Чем ближе он теперь подносил конец жезла к облачной двери, тем ярче светился металл. И вот он ударил жезлом в центр тьмы, как воин ударяет копьём. В ответ блеснул такой яркий свет, что на мгновение Мерлин ослеп. Над головой его ударил гром.

Он закрыл рукой глаза.

Тьма впереди рассеялась. И из-за ясно видимого входа пробивался свет, не от лампы или факела, но гораздо более яркий.

Держа жезл перед собой, Мерлин переступил порог.

Как и пещера, когда он её в первый раз увидел, так и это обширное помещение, занимавшее весь нижний этаж замка, было уставлено машинами. Некоторые походили на знакомые ему установки в пещере, на них так же сверкали огоньки. Другие были незнакомы. И никакого зеркала. Нимье получала инструкции иначе, чем он.

Никакой жизни он не смог обнаружить. У дальней стены виднелась извивающаяся лестница, ведущая на второй этаж.

Мерлин пошёл по проходу между установками. Вид знакомых механизмов внушал уверенность. Он поднялся по лестнице на второй этаж, где были окна. Поднявшись через отверстие в полу, он ощутил знакомые запахи — запахи трав и корней. Принюхавшись, он смог определить те, которые собирал и хранил и сам.

Длинный занавес делил помещение надвое. С одной стороны табуреты, стол, связки сухой травы на стенах, шкаф с полками, на которых стояли закрытые сосуды и горшки. Осматривая эту комнату, Мерлин чувствовал себя почти дома.

Но было здесь и что-то иное. Аромат трав не мог скрыть другой запах, далеко не приятный. Кто-то здесь создавал иллюзии, используя наркотики, с которыми — Мерлин знал это — лучше не иметь дела. Это был запах зла, коварный, полускрытый, но совершенно очевидный.

Мерлин отдернул занавес. За ним оказалась постель, застеленная алой с золотом тканью. Поверх накинут золотой покров со сложным рисунком. На стенах дорогие ковры. Но на них не были вышиты фантастические звери, охотники или другие рисунки, которые вышивают леди при дворе. Линии на коврах резкие, сплошь из углов.

Чем-то этот рисунок напоминал города из снов Мерлина. И чем дольше он смотрел на эти линии, тем всё беспокойнее становился, как будто за ними скрывалось что-то злое, ждущее. И всё же он видел только линии.

Тут находился также ящик в форме кровати, и на нём, прислонённое к стене, — зеркало. Зеркало! Мерлин осторожно двинулся по комнате, тщательно следя за тем, чтобы его отражение не появилось на полированной поверхности. Вполне возможно, что это ловушка и, вернувшись, Нимье узнает, кто вторгся в её обитель. Подойдя ближе, он, однако, убедился, что это не такое зеркало, как в его пещере, а просто предмет украшения.

В этой части помещения не чувствовалось беспокойства. Мерлин решил, что это личная комната Нимье. Вверх хода не было: в замке имелось только два этажа.

Он не увидел ни следа слуг. Нимье, должно быть, живёт одна. Разве что у неё слуги, которым не нужно помещение, еда и питьё.

Вернувшись в первую секцию, снова окружённый травами, Мерлин широко взмахнул жезлом, направляя свой индикатор на стены.

Жезл спокойно лежал в его руке. Находящееся здесь не имело родства со звёздами. Всё звёздное внизу. И Мерлин вернулся на заставленный механизмами первый этаж.

Больше всего ему хотелось уничтожить всё стоявшее здесь. Но если он попытается сделать это, то может не справиться. Медленно прошёл он между машинами, подмечая непохожие на те, что он знал по своей пещере.

Таких механизмов было три. Один стоял вертикально — шкаф выше Мерлина. И поверхность его отличалась от остальных: те были полированные, а эта машина — шероховатая и похожая на непрозрачное стекло. Жезл в руке Мерлина ожил. Прежде чем Мерлин смог удержать его, конец жезла ударился о непрозрачную поверхность на уровне груди.

Поверхность не разбилась, но в ней произошло изменение. Как будто непрозрачная плёнка сдвинулась, и обнажилось то, что стояло внутри.

Мерлин затаил дыхание. Он смотрел на женщину, стоящую в узком ящике. Хотя глаза её были открыты, он не увидел в них признаков жизни. Она могла бы быть статуей, если бы не это удивительное сходство с жизнью.

Рыжие волосы длинными локонами спускались на плечи. На шее ожерелье, на запястье браслет. На первый взгляд она довольно молода, но в то же время в ней ощущалась какая-то зрелость, будто она хорошо познала радости тела.

Вначале Мерлин решил, что она жертва, хотя и тщательно сохранённая способом, неизвестным в этом мире. Потом присмотрелся внимательней и даже решился коснуться пальцем прозрачной теперь стенки. В ответ возле тела девушки слегка закружились струйки. Она была погружена в жидкость, точно так же, как он лежал когда-то в своей пещере, не живой, но и не мёртвый.

Говорят, некогда Нимье привела сюда Моргазу, дочь Утера! Но ведь это юная девушка. Она не может быть

матерью Модреда, взрослого человека... Разве что её заключили в этот ящик сразу после рождения сына. Приглядевшись внимательней, Мерлин заметил несомненное сходство с Утером, но с темнымилицым Модредом сходства не было ни малейшего!

Зачем Нимье держит её здесь? Леди Озера, должно быть, предвидит какое-то будущее предназначение для дочери Утера. И, зная Нимье, Мерлин не сомневался, что цель у неё недобрая.

Он внимательно осмотрел ящик в поисках какого-нибудь замка. Ничего. Возможно, он открывается нужным словом, сказанным в соответствующем тоне. Хотя ему и жаль было сияющую девушку, он не видел возможности освободить её.

Поверхность снова постепенно теряла прозрачность, как будто изнутри её затягивало изморозью. Плёнка сгустилась совершенно, чему Мерлин был даже рад: чем меньше следов его пребывания останется здесь, тем лучше.

Он прошёл мимо вертикальной тюрьмы Моргазы к причудливому механизму из проводов, переплётённых металлическими лентами. Ленты образовывали нечто похожее на шлем, с вершины которого провода уходили в стоящий сзади высокий столб.

Перед столбом стояла скамья, на ней лежал шлем. Мерлин внимательно разглядывал это устройство. И вдруг его охватило возбуждение. Вполне вероятно, что это устройство для связи, такое же, как его зеркало! Если это так...

Мерлин обогнул столб. Он был совершенно гладкий и поднимался почти до потолка. Над его вершиной и потолочной балкой оставалось пространство примерно в половину жезла Мерлина. Из вершины столба в это пространство время от времени выскакивали разной длины выступы толщиной в мизинец.

Даже в своих снах об утраченных городах Мерлин не видел такое. Но если это связь между Нимье и теми, кто послал её на Землю, и если эту связь можно оборвать...

Он глубоко уважал всё связанное с Повелителями Неба и очень мало знал о них, поэтому ему не хотелось вмеша-

ваться в их дела. Но он знал также, что у него появилась возможность нанести врагу величайшее поражение.

Жезл предупреждал его, что в столбе таится большая сила. Однако когда он направил жезл в сторону шлема, реакция оказалась более слабой. И провода, соединявшие шлем со столбом, казались такими хрупкими.

Мерлин перевёл дыхание. Даже если он разбудит такие силы, которые принесут ему смерть, поражение Нимье и стоящих за ней этого стоило. Он выполнил возложенное на него задание: маяк действует; когда прилетят Повелители Неба, Артур их встретит. Значит, смерть его не так уж важна.

Медленно и осторожно Мерлин провёл жезлом по поверхности скамьи, потом положил его, не касаясь проводов, уходящих в столб. Потом, как и тогда, когда нужно было поднять камень, начал постукивать звёздным металлом. И негромко запел.

Он даже не пытался коснуться шлема, а всю волю устремил на его крепление. Шлем сам собой поднялся над поверхностью скамьи. Он поднимался рывками, как будто сопротивлялся чужой воле. Но поднимался. Вот он уже выше головы Мерлина, и провода натянулись туго, как струны арфы.

Мерлин без колебаний продолжал.

Он чувствовал, как за пределами достижимости его разума что-то собирается, бродит невидимое. Но он не обращал на это внимания, сконцентрировав все усилия на том, что нужно было сделать.

Шлем дёргался, резко опускаясь и снова вздымаясь. Но провода держались. Мерлин настойчиво продолжал.

Послышался резкий звенящий звук. Один из проводов лопнул и вяло повис со столба. Шлем, освободившись с одной стороны, яростно нырял и дёргался, повинаясь приказам Мерлина.

Ещё щелчок. Теперь шлем удерживал лишь один провод. Мерлин не позволил, чтобы им овладел триумф. Шлем нырнул, как подбитая птица, чуть не ударив Мер-

лина в лицо. Голос Мерлина зазвучал громче и увереннее. И вот произнесено слово приказа.

Лопнул последний провод. Вся жизнь ушла из шлема. Он упал, и Мерлин сознательно наступил на него, превращая хрупкое содержимое в крошево. Подняв смятый клубок кончиком жезла, он понёс его перед собой.

Последняя установка, назначения которой он не понимал, тоже представляла из себя столб, но только без шлема, без проводов, без отверстий в поверхности, даже без огоньков. Он не мог ничего понять. А те, чьё присутствие он ощутил в сражении с шлемом, становились всё беспокойнее.

Он не знал, кто они, но чувствовал, что каким-то образом они родственны существам из леса. Его собственная внутренняя сила ушла на борьбу со шлемом, поэтому лучше встретить нападение, если оно состоится, снаружи, а не в крепости Нимье, где у нападающих могут быть неизвестные источники энергии. И хотя лес тоже захвачен Нимье, у Мерлина тоже есть союзники.

Он выбежал из замка. Добравшись до бреши в дамбе, повернулся и бросил обломки шлема в озеро, где сверкающая вода поглотила их. Лучше было бы закопать их в землю — вода союзник врага, — но теперь Мерлину руки нужны свободными.

То, что произошло потом, так поразило его, что он чуть не растерялся. Он боялся возвращения по скользким камням. И опасался он не только невидимых преследователей, но и лесных слуг Нимье. Если его застигнут на этих скользких камнях, он окажется лёгкой добычей.

Однако, взглянув в сторону берега, он увидел застывшую поверхность воды, мостом соединившую части дамбы.

Можно ли довериться ей? Это может быть ловушкой. Впрочем, у него есть возможность проверить. Слегка наклонившись вперёд, Мерлин концом жезла коснулся едва видимой поверхности. Полсышался глухой удар. Поверхность вполне реальна.

И вот, опираясь на жезл, Мерлин ступил на невидимый мост, заставляя себя не смотреть вниз.

Глава 16

Всё время перехода он чувствовал себя крайне неуверенно, хотя жезл постоянно сообщал ему, что он на твёрдой поверхности. Добравшись до другой стороны провала, Мерлин испустил вздох облегчения. Но радоваться было ещё не время.

Едва взглянув на деревья тёмного леса, через который пролежала древняя дорога, Мерлин застыл. Они пробудились наконец, эти сверхъестественные стражи, охраняющие границы Нимье; они близко от него. Придётся возвращаться прежним путём — по ручью. Но воспоминание об огромной змее, таящейся в озере, делало спуск в воду задачей, для выполнения которой потребовалась вся его воля.

Мерлин осторожно спустился в самую глубокую часть русла, держа жезл в руке; его слабое подёргивание вместе с обострёнными особыми чувствами послужат для него хорошим предупреждением при любом неожиданном нападении. Вода здесь была не такая чистая, как ниже по течению, и он шёл, скользя и оступаясь. Поднятые им облака ила ещё более затрудняли ходьбу.

Он уже далеко прошёл по водной дороге и приблизился к повороту, за которым начинался обычный ручей, когда жезл в его руке резко повернулся. В то же время ощущение присутствия Силы заставило его обернуться.

Он ожидал увидеть чудовище, может, то самое, которое обманул в озере. Но никак не женщину, стоявшую прямо на поверхности воды, которая по сё приказу стала твёрдой.

Её рот медленно растянулся в улыбке. Как и в ту ночь, когда был найден меч, Мерлин увидел Нимье. Она даже не пыталась прикрыть своё стройное белое тело, наоборот, даже отбросила назад чёрные волосы, чтобы показать себя ещё яснее. Если не считать ожерелья из камней, белых, как её кожа, двух широких браслетов и цепочки, на которой висел камень в форме полной луны, спокойно лежащий меж её груди, она была совершенно нагая.

Нимье как ребёнок, с насмешливой игривостью, подняла голову.

— Мерлин... — Его имя донеслось вздохом ветерка. И вдруг он заметил, что губы её не движутся. И тут же поднял жезл и ударил — как копьём в битве.

Конец жезла коснулся её груди рядом с лунным камнем. Колебание воздуха — и ничего. Иллюзия!

Но тревожило, что иллюзия назвала его по имени. Нимье, вероятно, подозревала, что он придёт, иначе ей незачем было создавать такой призрак. Или она в самом Камелоте узнала об его вторжении?

Во всяком случае он встревожился. Со всем в этом мире обращался он с уверенностью и мудростью, только эта женщина будила его чувства и делала неуклюжим, как неопытного юнца. И беспокоили его не силы, которые она могла вызывать. Нет, это было тонкое, еле ощутимое влияние, которое действует на мужчину и не поддаётся его контролю.

И долго ещё после исчезновения иллюзии Мерлин стоял неподвижно, ожидая нового появления. Но его не последовало. Чувствуя себя преследуемым беглецом, он с плеском пошёл дальше, желая поскорее покинуть этот злой лес.

Знает ли Нимье, какой вред причинил он её жилищу? Теперь он готов был признать её способной на всё. Повлияло ли как-нибудь уничтожение шлема на её планы? Он так мало знает, а должен знать так много.

Тяжело дыша, оглядываясь по сторонам и крепко держа жезл, чтобы уловить его малейшее движение, Мерлин быстро шёл вперёд. Ему казалось, что полумрак под кронами деревьев на обоих берегах сгущается. А за ним — что кроется за ним? Он закрыл дверь своего воображения, отказавшись от рассуждений. Думать о таком нападении часто означает вызвать его.

Не слышны голоса птиц. Мерлин не чувствовал присутствия животной жизни. Поскольку привидений больше не было, Мерлин решил, что Нимье оставила только одно, на всякий случай, в ожидании его прихода.

Он знал лунный камень, который был на ней. Не из зеркала, а скорее из легенд клана своей матери. Это знак одной из трёх, избранных для служения Матери Земли:

Девушка с растущим полумесяцем, Мать с полной луной и Старуха с убывающим серпом. Почему Нимье избрала такой архаический символ? Эта местность почти не заселена, и он знал, что местные жители придерживаются древних верований. Возможно, многие, главным образом женщины, тайно поклоняются Древней Богине. При этой мысли лёгкая необъяснимая дрожь пробежала у него по спине. Припомнилось ощущение зла в комнате Нимье, какое-то предупреждение, настолько неясное, что он не сумел понять его.

Мерлин облегчённо вздохнул, выбравшись наконец из-под мрачного покрыва деревьев. Солнце заходило. Мерлин постарался подальше отойти от края леса, прежде чем сел, чтобы поесть и напиться..

Сегодня полнолуние. Мерлин облизал крошки с губ. Он очень устал; уничтожение племени Нимье отняло у него много сил. Глупо идти дальше таким слабым и уставшим. Но всё же, даже на открытой местности, он испытывал тревожное чувство. Мерлин сидел, скрестив ноги, жезл лежал у него на коленях. Он прислушивался, прислушивался с ожиданием, которого сам не мог понять.

Сгустились сумерки, а он продолжал сидеть, напрягая все чувства. Он часто поглядывал на чёрное пятно леса, но не оттуда исходило ощущение тревоги. Мерлин осматривал и местность перед собой. Он был уверен, что некогда эти склоны были расчищены людьми, которые потом ушли, и поля стали зарастать кустарником.

Мерлин слышал лай лисы, какая-то птица пролетела над ним. Ночь полна шумов. Чего же он ждёт?

Время от времени он поглядывал на жезл: тот был еле виден, стекло и металл на его концах не блестели. Мерлин начинал верить, что угроза исходила не от Нимье. Она не связана с другим миром. Иногда он пытался погрузиться в лёгкую дремоту, но внутреннее ощущение опасности восставало против этого.

Взошла луна, как будто в небо бросили золотую римскую монету. И вот где-то далеко началось что-то вначале неразличимое. Внутреннее чувство Мерлина ощутило сначала лишь лёгкую вибрацию земли и возду-

ха. Она становилась всё сильнее, пока он наконец не услышал.

Пение, от которого волосы вставали дыбом, заставило сильнее биться сердце. Он знал слова Силы и умел ими пользоваться, но эти были чужими для него. Было в этом вопле что-то совершенно чуждое и дикое. Он не мог разобрать ни слова. Древнее пение. В нём ничего не было от Звёздного Народа. Оно шло из молодости Земли, задолго до прилёта кораблей.

Пение перешло в серию резких криков. И Мерлин узнал их.

Под луной шла охота, и он был добычей. У богини, чей символ Нимье несла на груди, тоже имелась своя тёмная сторона. Этой богине люди приносили кровавые жертвы — проливали человеческую кровь. У неё было два лица, у этой богини, и три возраста, и второе лицо обращено ко Тьме. И этого лица люди боялись и старались его умиловать.

Великая Мать — и Великая Разрушительница человечества!

Но поддаться атавистическому страху значило обречь себя на поражение. Мерлин дважды сглотнул, стараясь унять сердцебиение, собрать силы, которые повиновались ему. Должен быть ответ — и этот ответ не в бегстве. Если он только поддастся страху...

Он покачал головой. Ответ есть! Он таится в подсознании, закрытый сведениями, сообщёнными зеркалом. Но ответ принадлежит этому миру, а не миру зеркала.

Великая Мать и её жрицы, залившие землю кровью человеческой...

Великая Мать и...

Из глубины памяти Мерлин извлёк то, что когда-то говорил ему Лугейд. У Матери был соперник. Позже соперник стал её мужем: Рогатый Бог, которому приносили жертвы охотники. Рогатый Бог... верят ли в него эти жрицы?

Времени для размышлений оставалось мало. Мерлин мог бежать — но вся его натура восставала против этого; к

тому же он знал, что тем самым погубит себя, — или оставаться. Придётся обратиться к иллюзии. Она должна быть необыкновенно сильной, потому что ей придётся противостоять силе Матери.

Мерлин встал. Сознательно отключился от криков охотниц. Всмотрелся в себя, надеясь, что не всю энергию истратил в замке на озере. Перед ним не было зеркала, в котором он мог бы проверить иллюзию. Он надеялся лишь на картину в своём сознании.

Теперь преследовательницы были уже так близко, что он мог различить их белые тела среди кустов, развевающиеся волосы. Подобно Нимфе, они были обнажены, лишь на шее ожерелье из желудей. И всех возрастов: девушки, едва достигшие зрелости, матроны с свисающими грудями, кормившими детей, старухи, чья кожа казалась высохшей под луной.

Увидев его, они замолчали. На их лицах горела ярость — тёмная сторона их богини. В глазах стояла жажда крови. Мерлин заставил себя не думать ни о чём, только о созданной им защите.

Передовые женщины оказались на расстоянии прыжка, но вдруг они замешкались, в их взглядах мелькнуло удивление. Если его иллюзия подействовала, они видели не мужчину, а тёмную фигуру, увенчанную лунными рогами, — фигуру, в которой не чувствовался страх. Рогатый Охотник не боится ярости богини: ему, как и ей, принадлежит земля и небо.

Предводительница своры, высокая женщина с расквашивающимися грудями, зарычала. Дважды пыталась она дотянуться до него руками, но так и не решилась дотронуться. Остальные чуть отступили, неуверенно переводя взгляды от жрицы к Мерлину.

Он поднял жезл, хотя звёздное стекло не имело против них власти, но с ним он чувствовал себя увереннее, — и заговорил.

— Вы не можете охотиться за мной, женщины Богини. — Это был не вопрос, а утверждение. — Вы можете призвать землю к ответу, бросить в неё семена, зачать, выно-

силь плод и собрать урожай. Но всё, что живёт на земле, послушно мне. Смотрите!

Жезлом он указал налево. Там стоял, оскалив зубы, огромный волк. Ни один человек ещё не видел такого. Мерлин указал направо: там сидела гигантская кошка с длинными клыками. Волк зарычал, кошка зашипела.

Женщины начали отступать. Но жрица осталась; зубы её сверкнули в оскале, таком же зловещем, как у кошки.

— Охотник, — выплонула она, — не противься Матери!

— Я не просто охотник, — ответил Мерлин, — я Охотник. Мать знает меня, я её племени. Взгляни на меня, жрица. Я дик, и гнев мой растёт. Служи Матери. Но я не преклоню перед ней колени. Мы равны по силе. Разве не так?

Жрица неохотно склонила голову. Но не отступила.

— Мы охотимся, когда угрожают матери, — настаивала она.

— Разве я угрожаю ей, жрица?

Впервые в ней почувствовалась неуверенность. «Может... может, ты не тот, кого мы ищем.»

— Но ты привела свою свору ко мне, — возразил он. — Я не желаю зла твоей госпоже: мы с ней равно служим силам жизни. Ищи добычу в другом месте, жрица.

Она удивлённо посмотрела на него. Затем попятилась, увлекая за собой остальных женщин. Мерлин смотрел им вслед. Он не сомневался, что за этим внезапным нападением каким-то образом скрывается Нимье. Неужели Леди Озера обратилась к древнейшей вере, чтобы завербовать себе последователей?

Женщины исчезли, слышался лишь топот их босых ног по земле среди кустов. Очевидно, они двинулись по другому следу. Мерлин надеялся, что никто не бродит здесь в одиночестве: получив однажды отпор, свора сорвёт свою ярость на другом.

Не так ли появились впервые перед людьми Повелители Неба, принимая облик земных богов? Мерлин почти верил, что следовал образцу поведения, применённому когда-то давно. Простым людям нужны символы, вопло-

щающие непонятные им огромные силы. А по земле ходило столько богов. Древние Повелители Неба могли принять облик одного из них: так легче всего было заставить людей слушать, привести их на новый путь жизни и мыслей.

Мерлин убрал иллюзию, в которую одевался этой ночью. Он пошёл по залитой луной местности по старой дороге, чтобы как можно быстрее уйти из этого зловещего места.

Три дня спустя Мерлин увидел перед собой высокий холм Камелота. Он очень устал и проголодался. Последнюю ночь он провёл в пастушьей хижине. Пастух поделился с ним убогой пищей. Он мало что знал и смог сообщить лишь слух, что король болен и не покидает своей комнаты. Итак, Артур продолжает играть свою роль. Подойдя ближе, Мерлин увидел отряд всадников, торопливо скакавших куда-то. Когда они проехали, Мерлин быстро направился к стене замка.

У входа стояло вдвое больше обычного стражников, а внутри готовился к выступлению новый отряд. Часовые скрестили копыа, преграждая вход.

— Стой!

— Вы меня знаете, — возразил Мерлин. — Почему не выпускаете?

— По приказу лорда Кея никто не должен входить...

— Тогда пошлите известие лорду Кею, — ответил Мерлин. — Я не из тех, кого заставляют ждать.

Часовой колебался, на лице его ясно читалась враждебность. Однако один из его товарищей ушёл, а Мерлин прислонился к стене и приготовился терпеливо ждать. Он хотел знать, что же произошло. Приказы отдаёт Кей. Значит, Артур всё ещё играет свою роль или... Мерлин пытался догадаться, что же не удалось в их планах.

Посланный вернулся. «Иди к лорду Кею,» — коротко сказал он Мерлину без всякой вежливости. Мерлин ни о чём не спрашивал.

Всюду признаки войны. Саксы? Неужели вторглись за время его отсутствия? Он внимательно прислушивался,

но из приказов и криков солдат извлечь ничего не смог.

Мерлин по лестнице поднялся на балкон. Там, у окна, выходящего на внешние укрепления, стоял Кей. Он быстро обернулся.

— Артур? — вопросительно произнёс Мерлин.

Лицо Кея стало ещё более хмурым. «Как далёк ты от предательства, бард? — угрожающе спросил он. — Я не знаю этого. А когда узнаю... — Он медленно сжал руку в кулак. — Если мои подозрения подтвердятся, я возьму тебя за горло и задущу — медленно!»

— Ты сэкономишь время, — заметил Мерлин, — если расскажешь мне, что произошло. Когда я уходил, король изображал больного...

Кей по-волчьи оскалил зубы. Это совсем не походило на улыбку.

— Так и он сказал мне. Но посмотри теперь на него, целитель. И если умеешь лечить, принимайся немедленно!

Нимье! Мерлин чуть не произнёс это вслух. Может, они с Артуром потерпели поражение, пытаюсь достичь успеха в её крепости. Яд — удобное оружие, а Нимье хорошо умеет им пользоваться.

Он уже поворачивался к дверям. «Я хочу видеть его.»

Если Кей попытается остановить его, Мерлин собьёт названного брата короля с ног. Ледяной ужас сделал его вдвое сильнее. Если Артур умер!..

И вот он снова в комнате короля. Блехерис, сидевший у постели, встал. Он тоже повернул унылое лицо в сторону Мерлина. Но Мерлин не отрывал взгляда от человека на постели.

На этот раз лицо Артура не пылало в псевдолихорадке. Оно осунулось, кожа посерела. Король был похож на мертвеца. Мерлин немедленно принялся за работу, используя все свои познания целителя.

Тело короля было холодным, слишком холодным. Мерлин приказал принести нагретые камни, завернуть их и обложить ими короля. Затем он использовал своё шестое чувство и немедленно отшатнулся. Хотя симптомы, которые он наблюдал, вполне могли происходить от бо-

лезни, за ними скрывалось какое-то зло, державшее короля в плену.

Кей, следивший вначале молча, спросил: «Что это? Вчера, когда леди Нимье уезжала, он был здоров. А сегодня утром... — Он сжал руки, лицо его исказилось от боли. Кей редко проявлял свои чувства, но Мерлин знал, что его связывает с Артуром взаимная любовь. — Значит, этот ублюдок, этот предатель...»

— Он зачарован, — ответил Мерлин на первый вопрос. — И его нужно как можно быстрее разбудить.

— Ты сможешь?

— Да. Используя некоторые средства. Я схожу в свою комнату, но ты оставайся здесь. Никто не должен приближаться к нему, кроме вас двоих. — Он кивнул в сторону пикта. — Я сейчас вернусь.

Когда Нимье уезжала, король был здоров, размышлял Мерлин по пути к себе. Значит, она наложила на короля замедленный приказ, который подействовал после её отъезда. На остальные слова Кея он не обратил внимания. Сейчас самое главное — спасти Артура!

В своей комнате он торопливо отобрал необходимые средства, складывая их в корзину. Возвращаясь к королю, он нёс с собой и свой жезл. Придя в королевскую спальню, он послал Блехериса за котлом с водой. Пикт разжёл жаровню, и Мерлин стал бросать в кипящую воду разные травы. Комната наполнилась ароматами.

— Его меч.. — он обернулся к Кею. — Где его меч?

Ответил Блехерис, ответил не словами, а действием. Он достал ножны из-за шкафа.

— Этот искал его, — сказал он, отдавая Мерлину меч. — Но не нашёл.

Мерлин извлёк меч, и тот сверкнул. «Модред... Об этом ублюдке ты говорил, Кей?»

— Да. — В голосе Кея звучала ярость. — Он старался навязать лордам свою волю во время болезни короля. Они не поддерживали его. Тогда... Тогда он стал обхаживать королеву. И она слушала его! Ночью она уехала с Модредом. Видевшие её говорят, что она ехала добровольно. Тьфу! Она вдвое старше его. Но стоит ему поглядеть на неё, и она краснеет, как девушка. Она думает, что Артур всё равно умрёт, а она останется королевой! Что ты делаешь?

— Я возвращаю нашего господина. Часть его пребывает сейчас в чужом мире, который губелен для человека. Но тише!

Мерлин поднял меч и слегка коснулся его концом лба Артура над глазами. Хотя Кей и Блехерис слушали, его слова не были предназначены для обычных людей, Мерлин начал петь. Глаза его были закрыты, и он старался представить себя стоящим не в комнате короля, а в том месте, куда кто-то — несомненно, Нимье — поместил Артура.

Его окружало нечто, сквозь которое пробегали какие-то странные вспышки. Каждая из этих вспышек была чьей-то личностью, заключённой здесь, в этом аду. Пение Мерлина звенело, и не как слова, а как непостижимые звуки. И от него самого тоже распространялся свет. Меч служил указателем, с помощью которого Мерлин искал Артура.

Он прошёл по светлой дорожке, а вспышки пролетали мимо и гасли. Но одна золотая вспышка задержалась. Увидев это, Мерлин изменил пение. Раньше слова его были рассчитаны на дальний поиск, теперь в них зазвучал настойчивый призыв.

По светлой дорожке к мечу приближалась извивающаяся фигура, борясь с удерживающей её волей. Воля Мерлина вступила в борьбу и подавила сопротивление чуждой среды. Он приказывал, как имеющий на это право. В свой приказ Мерлин вложил всю свою тревогу за Артура, свою веру в него и в их общую миссию.

Вместе они удерживались в полосе света. Им помогал меч. Тут Мерлин открыл глаза.

Он так и не был уверен, видел ли он на самом деле вспышку света, соскользнувшую с лезвия к голове короля. Но он услышал стон Артура, увидел, как шевельнулась на подушке его голова. Он выиграл.

Глава 17

Ветер доносил до вершины стены слова человека, стоявшего внизу. Артур, с напряжённым осунувшимся лицом, смотрел на барда. За ним стояли остатки некогда

гордого двора. Кей монотонно проклинал барда, который по древнему племенному закону обладал полной неприкосновенностью и был недоступен для мести и физической расправы.

Мерлин изучал барда. Ход настолько хитрый, что за ним не может стоять один только Модред. Он видел в этом руку Нимье. Но не слишком ли часто он видит во всём связанном с Артуром руку Нимье? План мог даже отчасти принадлежать Дженебре, потому что бард внизу принадлежал двору её отца, и был известен там остротой своего языка и злым умом, который позволял ему извлекать максимальную пользу из своего положения барда.

После такого оскорбления гордые лорды и короли в прошлом призывали смерть: бард громко пел об Артуре, который лежал с собственной сестрой и зачал сына, за которым теперь охотится; он пел о том, что Артур одержим демонами и не является истинным королём.

Со времени выздоровления король отказывался слушать Кей и остальных, советовавших начать немедленное преследование Модреда и Дженебры. Он снова и снова терпеливо повторял, что сейчас обнажить меч значит уничтожить единство Британии. И тогда Британия станет лёгкой добычей морских волков, которые набросятся на её беззащитное тело.

Мерлин считал Модреда более дальновидным, чтобы раздуть давний скандал. Он ведь не может ожидать, что люди поддержат его после того, как раскроется позор его матери. Пусть Модред принадлежит к роду Пендрагонов. Всё равно ни один лорд не пожелает, чтобы он носил корону. Запятнав Артура, он тем самым запятнал себя. Тогда почему?

Дженебра также многое теряла. Если она сочла Модреда будущим правителем, зачем она уменьшает его шансы? Слишком много вопросов, и все — он был уверен в этом — ведут к Нимье.

Если она обнаружила вторжение в свою крепость, ярость могла подвигнуть её на действия, которые не вяжутся с представлением о коварной интриганке. Она отбросила все укрытия, чтобы нанести смертельный удар. Нимье — он был уверен в этом!

Пение продолжалось, насмешливое, пронзительное,

приводящее в ярость человека, который не может ответить. Артур не может, но Мерлин... Он не должен допускать этого. В прошлом такое оскорбление могло довести до самоубийства.

Мерлин поднял жезл, указывая концом его на барда. Это не настоящее оружие. Он не нарушает закон, обеспечивающий неприкосновенность барда.

Мерлин бросил вперёд концентрированную мысль, зная, что бард не решился бы прийти сюда, не заслонившись невидимыми стенами защиты. Пение продолжалось.

И вдруг бард замолчал. Он покачал головой. Схватился руками за горло.

В наступившей тишине прозвенел голос Мерлина: «Тот, кто выплюнул яд, сам должен проглотить его! Говори, человек малой силы, говори правду!»

Потребовалась вся его сила воли, чтобы удержать барда. Мерлин правильно рассудил, что этот человек явился хорошо вооружённым. У него действительно была сильная защита.

Бард опустил на колени. Теперь он смотрел прямо на Мерлина, лицо его чудовищно исказилось, как будто во рту у него действительно плескался смертоносный яд и он не может выплюнуть его, а должен проглотить. Снова Мерлин указал в его сторону жезлом.

— Говори правду. Нам больше не нужны твои глупые выдумки. Кто послал тебя позорить великого короля?

Как бы против воли губы барда разошлись.

— Она... — хрипло проговорил он. Это единственное слово будто вырвали у него орудием пытки.

— Назови эту женщину, — приказал Мерлин. — Или ты столько наговорил лжи, что уста твои навсегда отвыкнут произносить правду. Все будут знать, что ты лжец, и никто не будет тебя слушать.

Во взгляде барда сверкнула ненависть. Но и страх, и этот страх становился всё сильнее.

— Это рассказала леди Моргаза, — напряжённо прохрипел он. — Кто лучше её знает правду?

Моргаза — девушка, которую Мерлин видел в крепости Нимье? Для этого Нимье держала её столько лет? Мерлин услышал за собой приглушённые возгласы удивления.

— Ты видел леди Моргазу, — Мерлин заставлял себя говорить спокойно. — И ты говоришь, что никто лучше её не знает правду. Как...

Его прервал резкий голос Артура. «Да будет так, Мерлин. Король не воюет с женщинами.»

Насмешливая улыбка появилась на лице барда. «Красиво сказано, господин король. Цепляйся за тень чести, какая у тебя ещё осталась. Пусть сын демона лишил меня речи. Достаточно ушей слышало. Люди лучше запоминают зло, чем добро; так устроен мир. Даже если тебе каким-то чудом удастся доказать свою невиновность, большинство будет охотнее внимать словам обвинения, чем оправдания. Слушай внимательно! Лорд Модред обрекает тебя на бесчестье. Сейчас он движется, чтобы принести справедливость на эту землю. Если вы встретитесь с ним, пусть сила рассудит, кто прав, кто виноват.»

— Отлично! — услышал Мерлин восклицание Кея. — Господин король, всякий лорд, серьёзно вслушивающийся в эту ложь, предатель! А с предателями можно обращаться только одним способом. Они увидят мечи честных людей!

Остальные одобрительно зашумели, но Артур нахмурился. И обратился он не к Кею, а к барду.

— Бард, ты сделал своё сообщение. Теперь иди.

— И какой ответ ты дашь лорду Модреду, великий король? — Этот титул прозвучал слегка насмешливо.

— Я не стану делить Британию на части по его желанию.

— У тебя нет выбора, — ответил бард. — Иначе ты испытасшь бесчестье перед лицом всех. Помни это!

Бард встал с колен, бросил на Мерлина последний взгляд и пошёл, повернувшись спиной к королю. Кей зарычал.

— Копьё в спину, — свирепо выкрикнул он, — вот достойная плата. Но он прав, брат. Либо ты будешь сражаться, либо власть перейдёт к Модреду. И как же он использует эту власть? Он ублюдок. Мало кто из знатных лордов станет ему повиноваться. Начнётся грызня меж лордами, каждый возмечтает о короне. Что получится из этого? Раздираемая распрями земля станет лёгкой добычей саксов. Так было после смерти Утера. Господин король, у тебя

нет выбора. Ты загонишь эту подлую ложь в глотку выродка своим мечом, иначе тебя ждёт бесчестье перед лицом всех, кто следовал за тобой все эти годы.

Выражение лица Артура не изменилось, взгляд его перешёл от удалявшегося барда к Кею, затем к Мерлину. «Идите за мной,» — коротко приказал он и пошёл по гребню стены. Придворные расступились, уступая ему проход.

Слишком мало глаз смотрели на короля вопросительно. Кей правильно обрисовал ситуацию. Король будет обещен, если не станет сражаться, и в любом случае начнётся война между лордами. Всё, чего он добился, погибнет, рухнет, как перегнивший плод.

Мерлин, следуя за королем, думал о маяке. Долго ли, далеко ли? Он не знал ответа на эти вопросы. Может быть, то, что он привёл в действие, свергнет их мир в полный хаос. Однако он не видел, как мог бы действовать по-другому.

Вслед за Артуром они вместе с Кеем вошли в комнату короля. Король заходил взад и вперёд по комнате, сцепив руки за спиной, опустив голову на грудь. В лице его читалась боль, такая, какую не могла бы вызвать физическая рана.

— Братя, — сказал он, — вы одни знаете правду о моём прошлом. Да, — обратился он к Мерлину, — я рассказал всё Кею, потому что он отчасти тоже древней крови. Но поверит ли кто-нибудь этой правде?

Первым заговорил Кей. «Если даже поверят, брат, они сочтут это злой правдой и будут смотреть на тебя с ещё большей ненавистью. Мало кто способен признать, что существует раса, более одарённая, чем человечество. Жрецы учат, что таким был Христос, но он мёртв. Такое люди могут простить только мёртвому. Но в своё время Христа ненавидели и осудили на самое позорное наказание, которому подвергали лишь рабов и предателей. Люди поклоняются богам, но когда боги появляются, их боятся и ненавидят.

В природе человека стремиться стащить вниз тех, кто поднялся выше. Ты величайший король Британии, более великий, чем Максим, потому что ты служишь стране не из честолюбия. Если бы у тебя не было короны, ты про-

должал бы служить стране. Люди это знают, но и это не заставит их больше уважать тебя. Ты думаешь, Лот, который претендовал на трон, любит тебя? Ни он, ни герцог Корнуэлльский, ни один из тех, кто может притязать на трон.

Да, они используют против тебя этот старый скандал. Но это юношеский грех, и ясно, что ты не знал о близком родстве с леди Моргазой. К тому же она побывала не в одной постели, и можно намекнуть, что Модред вовсе не тобой зач...»

— Нет, — прервал Артур. — Мы не станем позорить имя женщины, чтобы отвести от себя угрозу. Возможно, она была такой, как ты говоришь. Но я не стану кричать перед всеми: «Эта женщина обманула и обольстила меня!» Такие дела не для короля.

Кей кивнул. «Так ты решил, брат. Но такое благородство не принесёт тебе пользы. Люди воспринимают сдержанность как открытое признание своей вины. Но сказать правду ещё хуже. Нам в лицо будут швырять «рождённый демонами», пока мы не оглохнем, и это оттолкнёт от нас даже тех, кто иначе поддержал бы тебя.»

— Он прав, — спокойно согласился Мерлин. — Любой выбор усиливает врага. Паутина хорошо сплетена.

— Ты уверен, что это дело организовала Нимье?

— Так уверен, будто сам слышал её приказ Моргазе научить барда. Она мстит нам. Но я уверен также, Артур, что она больше не может говорить со своим руководящим голосом. Теперь ей приходится полагаться только на себя. И она не может помешать действию маяка.

— Этот маяк, — повернулся к нему Кей. — Ты пообещал, что он приведёт к нам Повелителей Неба. В каком количестве они придут и когда? Помогут ли они оружием нашему королю или будут стоять в стороне, наблюдая, как люди сражаются друг с другом, чтобы потом договориться с победителями?

— Я не знаю ответов на эти вопросы, — сказал Мерлин. — Время для Повелителей Неба идёт по-другому, чем наши дни и годы. Они живут гораздо дольше, чем мы. Может, много лет пройдёт, прежде чем их корабли опустятся с неба.

Кей покачал головой. «Тогда лучше не учитывать их в

наших планах. Нам нужно справиться с Модредом, и побыстрее. Сейчас силы его малы, но люди будут съезжаться к нему. И не забудьте, с ним королева. Само её присутствие в лагере свидетельствует, что она верит в этот позорный рассказ и поэтому покинула тебя, Артур.»

— Знаю, — ответил король. Голос его звучал устало, лицо казалось измученным и осунувшимся. — Будут также говорить, что я выступил против собственного сына.

— Ты выступаешь против предателя, — яростно заявил Кей. — Это ты, — он внезапно повернулся к Мерлину, — это твое дело! Если твои знания так велики и всеобъемлющи, почему...

Но на это ответил Артур, ответил с силой, какой не ожидал от него Мерлин: «Не трать времени, брат, на перечисление всех «если». Мерлин делал лишь то, что выпало ему на долю. И от него зависит наш успех в конечном счёте.»

Мерлин, удивлённый, внимательно взглянул на короля. В голосе Артура звучали пророческие ноты.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Мерлин.

— Когда настанет время, — тем же уверенным тоном продолжал Артур, — это станет известно и тебе, родич. У каждого из нас своя роль.

Они выехали из Камелота не в парадных одеяниях и без хорошего настроения, но не менее уверенные в своей правоте, чем если бы выступали против захватчиков.

Артуру сообщили последние новости. Войско действительно раскололось, и многие знатные лорды, возможно, по указанной Кеем причине, держались в стороне от враждующих, либо открыто примкнули к Модреду. Модред осмелился поднять знамя с драконом и провозгласить себя королём, поскольку Артур не достоин трона.

Кей хрипло рассмеялся, когда об этом стало известно в их втором ночном лагере.

— Он глупец, — свирепо прорычал Кей. — Неужели он считает, что Лот, внимательно следящий за событиями, даст ему спокойно усидеть на непрочном троне?

Если Лот ждал, то Констанс Корнуэлльский не стал выжидать. Вскоре с гордо развевающимся флагом с оленем он привёл своё войско в лагерь Артура. И перед всеми подтвердил свою верность королю. Старая вражда была

забыта, и Артур повеселел: ведь Констанс — внук Голориса и единственный кровный родственник Артура.

На четвёртый день, когда их войско усилилось ещё двумя отрядами чёрных всадников, освободившихся от дежурства на границе, Артур созвал совет, встретившись с теми лордами и командирами, которые сохраняли верность.

— Мы выступили против тех, кто был нам братьями по мечу и щиту, — сказал король с печалью. — Сотни раз вместе смотрели мы в лицо врагам и вместе встречали смерть. Мы не должны теперь в гневе скрещивать оружие. Я не откажусь от короны, потому что не могу снять с себя обязанности перед этой землёй. Но убивать старых друзей — тяжёлая задача.

Он помолчал, но никто из собравшихся не заговорил. Мерлин подумал, что Артур и не ожидает ответа. Король медленно продолжал:

— Никто в будущем не посмеет сказать, что я желаю зла тем, кто обманут. Я пошлю к Модреду вестника и предложу встретиться без оружия и поговорить. Может, мне удастся уговорить его не нарушать мир, добытый столь дорогой ценой.

Ему ответил Констанс, самый знатный, хотя и самый молодой из лордов:

— Господин король, это поступок человека, который действительно сначала думает о других. Мало кто после этой песни способен протянуть руку мира пославшему такого барда. Если ты пойдёшь на встречу, я буду рядом с тобой.

— И я... и я... я... я... — подхватили остальные. Никто из видевших лицо Артура не сказал бы, что он сделал это из страха: его поступок объяснялся любовью к Британии, которой он служил всю жизнь.

Один из старейших лордов, некий Овьен, в юности служивший в гвардии Амброзиуса, вызвался быть посланником. И Артур, знавший, каким уважением пользуется Овьен, был доволен. Выслушав короля, Овьен выехал из лагеря. Все отдыхали, ожидая, день и ночь. На второй день Овьен вернулся.

Он прошёл прямо к Артуру. «Господин король, я передал твои слова Модреду. Его сторонники высказывались

по-разному, но наконец он согласился на переговоры. Он сказал, что встреча состоится у Малых Камней Лангвеллина. Ты приведёшь с собой десять сторонников, и он десять. Жрец Гилдас говорил, что среди этих десяти не должно быть Мерлина, потому что он сможет привлечь себе в помощь дьявола. Но Модред рассмеялся и сказал, что способен победить и дьявола. Господин король, с их войском едет и леди Моргаза, но она совсем не состарилась, она такая же, какой была при дворе Утера. И с ней Леди Озера. На них глядят искоса, даже приближённые Модреда, потому что в том, что возраст не коснулся леди Моргазы, все видят нечто неестественное.

— Если она на самом деле Моргаза! — выпалил Кей. — У Утера было множество незаконных детей, и она, если выглядит так молодо, может быть дочерью одного из них. Это ещё одна хитрость, чтобы повредить нашему господину.

Артур жестом как бы отбросил это дополнение к сообщению Овьена.

— Главное, Модред согласился на встречу. Пусть это подбодрит нас.

Но позже, когда наступила ночь, он пришёл к Мерлину. «У тебя есть силы, — начал он. — Можешь ли ты применить их к Модреду, чтобы он произнёс перед своими лордами слова, укрепляющие мир? Я не верю, что можно так овладеть человеком, чтобы он поступал против своей воли. Но этот человек может залить нашу землю кровью. Я испробую всё, чтобы помешать ему.»

— Это зависит от того, насколько хорошо его вооружила Нимье, — откровенно ответил Мерлин. — Я сделал всё, что мог, чтобы ослабить её. Но насколько это удалось, мы узнаем только в столкновении. Я постараюсь сделать всё возможное, родич.

— Большого я и не прошу, — сказал Артур. — Хотел бы я научиться тому, чему должен был научиться. Я чувствую, что теперь мне нужно больше, чем человеческие силы и воля. — Он медленно встал. — Что ж, пойдём спать, если сумеем уснуть. Завтрашний день принесёт мир или кровь, и мы не можем предвидеть, что именно.

— Вот ещё что, — сказал Мерлин. — Они назначили местом встречи древние камни. Если это часть забытого

святилища, как Место Солнца, тогда я смогу использовать большие силы. Многое спит в таких местах.

— Если только такие места не враждебны нам.

— Господин король, я обнаружил в этой земле много таких мест. И только в одном была сила Тьмы. Это крепость Нимье. Надеюсь, оно единственное.

Если король спал в эту ночь, то Мерлин не уснул. Он лежал на плаще, закрыв глаза, но мозг его работал: он напряжённо искал чего-нибудь, что можно использовать как оружие или защиту. Слово за словом собирал он всё, что знал, всё, что усвоил у зеркала. Он понимал, что ему предстоит схватка с Нимье, может быть, последняя и решающая.

Хоть он и не спал, но утром почувствовал себя готовым к схватке. И когда они пошли, он держал свой жезл, как юноша держит меч перед своей первой битвой.

Они пришли на узкий участок твёрдой земли среди болот. Тут и там виднелись пруды, одни затянутые зеленью, другие чистые, но тёмные, с высоким тростником и другими болотными растениями. На этом участке стояли камни, о которых говорил Модред. На склоне холма за участком размещались войска мятежников.

Люди Артура разместились на противоположном склоне, а король спешил. Вместе с ним пошли Кей, Мерлин, Овьен и другие. Артур не взял с собой Констанса, передав ему командование войсками. Констанс возражал, но Артур напомнил ему о долге: после Артура он ближе всех стоит к короне.

Артур шёл впереди, Мерлин и Кей рядом и чуть сзади. Звучало пение мятежных войск, и Мерлин видел тесную группу монахов в рясах под беззаконным знаменем с драконом.

Хотя всматривался он внимательно, женщин не увидел. Если королева, Моргаза и Нимье здесь, воины скрывали их.

Мерлин разглядывал камни, к которым они приближались, рассчитывая скорость ходьбы так, чтобы подойти к условленному месту одновременно с Модредом. На первый взгляд в этих камнях не было никаких отличий от камней в Месте Солнца. Мерлин всё ещё удивлялся, почему Модред выбрал это место. По словам монахов, окру-

жавших Модреда, такие места посвящены дьяволу. Почему же тогда?.. В Мерлине росло недоверие: Нимье никогда не позволила бы своей марионетке выбрать место, где спят древние силы, которые Мерлин смог бы пробудить.

Разве что Модред — её собственное творение — перестал подчиняться, и теперь он, а не она, отдаёт приказы.

Камни поставлены небольшим кругом. Мерлин слегка повернул жезл. Он не уловил даже искры энергии. Камни мертвы, как самые обычные скалы. Что ж, он и не надеялся на иное.

Теперь ему был виден Модред. Его узкое лицо говорило о древней крови, но было в нём и что-то отталкивающее. Модред улыбался; у него вид любимца судьбы. Мерлин осторожно послал мысль, но натолкнулся на барьер, прочный, как сталь. Модред действительно хорошо вооружён.

Глава 18

Мерлин не оставлял попыток прощупать врага. Он уловил взгляд Модреда и его косую усмешку, как будто Модред знал, что делает Мерлин, и не боялся. С открытым вызовом Модред заговорил, обращаясь к Артуру:

— Ты просил о встрече. О чём ты хочешь просить меня?

Мерлин почувствовал, как напрягся Кей, с каким трудом сдержал он гнев при этом оскорблении. Но ответ Арутра звучал спокойно.

— Я не прошу, Модред. Я говорю тебе правду: если мы начнём войну, Британия погибнет. Тогда всё, чего мы добились, будет утрачено.

— Ты потерял свой трон, — ответил с вызовом Модред. — Ты просишь свою корону, Артур?

Мерлин видел, как вспыхнуло лицо короля. Но Артур сохранил самообладание, и Мерлин почувствовал гордость за него. Сам он по-прежнему пытался пробить барьер Модреда, добраться до этого человека. И так был поглощён этой задачей, что чуть не пропустил грозное предупреждение.

Он быстро повернул голову. Что-то двигалось у бли-

жайшего камня, шурша в траве. Прежде чем Артур смог ответить, один из людей Модреда с криком удивления и ужаса обнажил меч и ударил. На мгновение все увидели поднятую голову змеи. Но змея была ненастоящая. Иллюзия, понял Мерлин. Но понял слишком поздно.

— Предательство! — Кей выхватил меч и ударил человека, обнажившего оружие. Змея исчезла так же внезапно, как и появилась.

Модред с обнажённым мечом прыгнул к королю, но Кей отразил его нападение. И меж камнями развернулось сражение. Мерлин услышал сзади звук труб: Констанс приказал наступать. Сталь мелькнула перед его лицом. Мерлин поднял жезл и нанёс мысленный удар нападавшему.

Тот дико закричал, меч выпал из его рук, глаза застыли. Он упал, увлекая за собой Мерлина. Удар о камень на мгновение оглушил Мерлина.

Вокруг него шло сражение. Человек, получивший удар мысли, шатаясь, встал, но тут же упал от удара воина Артура. Вниз по склону двигалась гвардия Артура, вели его коня, чтобы он мог сесть в седло. Модред исчез. Мерлин, цепляясь за камень и стараясь не попасть под копыта, видел, как Модред перепрыгивал с кочки на кочку, чтобы соединиться со своими силами, искавшими прохода к месту битвы.

Среди камней лежали четыре тела. Одно из них принадлежало Овьену, его невидящие глаза смотрели прямо на солнце. На лице застыло выражение удивления, будто смерть пришла так быстро, что он даже не успел осознать этого.

Битва отодвинулась от камней. Мерлин, придя в себя, переходил от одного тела к другому. Он знал, что сегодня понадобятся его знания лекаря. Но эти все мертвы.

Мерлин направился к повозкам, где находились запасы лекарств и бинтов. Тут он сбросил плащ и принялся за работу. Но всё время сознавал, что подвёл Артура. Если бы он не пытался так напряжённо овладеть Модредом, то увидел бы иллюзию и рассеял её, прежде чем началась бойня. Он не сомневался, что появление змеи — дело Нимье.

Он перевязывал раны, спасал жизни, а в долине делали

всё, чтобы унести их. Кто бы ни победил в этот день, Британия проиграла.

Время перестало измеряться проходящими часами. Мерлин работал. Многим он облегчал кончину, другим давал возможность выжить. У тех, кто мог отвечать, он расспрашивал о ходе битвы. Но раненые видели лишь часть боя. Иногда они рассказывали об отступлении, иногда — о небольших победах, о том, как заставляли отступить мятежников.

В полдень принесли юного оруженосца Кей. Мальчик заплакал, когда Мерлин стал перевязывать ему сломанную руку. Он сказал, что его господин погиб, перебив множество врагов.

Итак, Кей погиб, как погиб до него и Эктор, устало подумал Мерлин. Кей всегда был правой рукой Артура, и теперь эта рука отрублена. Кей, Овьен и сколько ещё других, последовавших за Артуром, несмотря на ложь?

Он как будто видел ужасный сон, как будто погрузился в ад, который, как утверждают последователи Христа, поглотит всех неверующих. Всюду кровь, тела мертвецов, торопливо оттянутые в сторону, чтобы расчистить место для тех, кому ещё можно оказать помощь.

Запах крови заполнял ноздри, висел вокруг. Кровь покрывала одежду, руки, ноги, даже щеки Мерлина. Кровь пахла смертью, от которой нет спасения. Солнце, которое в начале этой битвы стояло над головой, теперь склонилось к западу.

— Мерлин... — Кто-то потянул его за руку. Мерлин нетерпеливо отмахнулся, занятый раненым, который стонал, сжимая руками большую рану в животе. Смерть уже коснулась этого чловка.

— Мерлин!

Он оглянулся и увидел маленькое смуглое лицо с порезом, из которого сочилась кровь. У этого человека было имя. Мерлин порылся в памяти...

— Блехерис!

— Мерлин! — Тот дёрнул его за руку. — Бери с собой свои припасы и пошли!

Мерлин вышел из оцепенения, в которое погрузился от окружающих страданий и своих попыток облегчить их. Блехерис мог искать его только по одной причине. И в

этот момент Мерлин понял, что все испытанные им в жизни страхи ничто перед тем ужасом, который охватил его.

Артур!

Они знали, что смерть поджидает в битве, но Мерлин не чувствовал, что она может ждать Артура. Не может быть! Всё в нём восстало против этой мысли.

За цепенящим ужасом последовал свирепый гнев. Ему захотелось сдвинуть два горла: Модреда и Нимье! Схватив мешочек с льняной тканью и две банки с целебной мазью, он повернулся к Блехерису.

— Где?

Пикт нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Идём. — Он побежал. Мерлин легко последовал за ним.

Они пробирались среди следов битвы. Сама битва ушла в сторону. В отдалении слышались крики, стоны, вопли раненых людей и лошадей. Блехерис свернул направо, вдоль берега реки, затоплявшей болота. Здесь было больше мёртвых и раненых, которые слабо стонали. Но Мерлин не слышал. Главное — Артур. Артур — это Британия, Артур — сияющее будущее мира!

— Модред... — тяжело дыша, говорил пикт. — Король прорубался сквозь ряды, чтобы добраться до изменника. Он пронзил Модреда копьём, но тот умер не сразу. Он успел ударить короля.

Слёзы смывали кровь со щек Блехериса. «Этот подлый изменник умер, но успел оставить свой знак на короле.»

Впереди виднелась хижина: вероятно, ею пользовались птицеловы. Снаружи стояли два телохранителя Артура. Мерлин пронёсся между ними, и вот он стоит на коленях у тела, лежащего на груди изорванных окровавленных плащей.

Глаза Артура закрыты. Капли пота выступили на лбу и щеках. Дыхание хрипло вырывалось изо рта. С него сняли латы, обнажили тело. В нижней части живота комок окровавленной одежды.

Быстро, но осторожно Мерлин убрал одежду с раны. То, что он увидел...

С такими ранами не живут. Не в эти дни. Но Артур не

просто человек. Он нечто большее. Мерлин искусно работал, очищая и перевязывая рану.

— Он... он будет жить? — Блехерис следил за его работой, присев на корточки. Рядом с ним — Гавайн, один из телохранителей Артура.

— Не знаю, — Мерлин откинулся. Он наконец-то вышел из смертоносного оцепенения, охватившего его с начала битвы. Он ясно вспомнил ящик-гроб в пещере. Этот ящик сохраняет жизнь. Сможет он вылечить Артура или по крайней мере сохранить ему жизнь до прилёта Повелителей Неба? Ибо их знания больше знаний Мерлина и всех прочих обитателей этого мира.

Но пещера далеко. Сможет ли он поддержать в Артуре жизнь, пока они доберутся туда? Что у него есть? Только небольшие знания, то немногое, чем поделилось с ним зеркало. Но у него есть воля! И с этого момента вся его воля направлена на спасение Артура.

— Как идёт сражение?

Он не может взять Артура по местности, где за ними будут охотиться. Он увидел, как молодой телохранитель гневно взглянул на него: разве что-нибудь может иметь значение, кроме спасения его раненого господина? Но Блехерис сразу догадался, почему Мерлин задал этот вопрос.

— Если ты хочешь увезти отсюда короля, лорд Мерлин, — ответил он, — люди Модреда разбиты. Они бегут от мести чёрных всадников.

— Куда ты хочешь везти короля? — спросил телохранитель.

— Он тяжело ранен, — ответил Мерлин. — Его нужно отвезти туда, где его сумеют вылечить.

— Мерлин...

Все повернули головы. Артур открыл глаза, голос его звучал тихо. Они затаили дыхание, чтобы не заглушать тонкую нить звуков.

— Я убил его...

Это было не утверждение и не вопрос, но Мерлин принял его за последнее.

— Он мёртв, — ответил Мерлин без выражения.

— Он меня вынудил. Он так ненавидел меня, что пожертвовал своей жизнью, чтобы убить меня. Почему?

Мерлин покачал головой. «Не знаю. Он был лишь орудием в чужих руках. Ненависть эта стара. Однажды она уже превратила этот мир в пепел...»

— И опять превращает. — Голос Артура слегка окреп. — Единство нарушено, Мерлин. — Рука короля чуть шевельнулась, как бы в поисках чего-то. — Где меч?

— Вот, господин король. — Блехерис порывлся в гряде одежды, на которой лежал король. Он поднял древнее лезвие, чтобы Артур увидел его, не поворачивая головы.

— Больше я... не возьму... его... в руки, — сказал король.

— Пока не залечатся твои раны, — быстро поправил Мерлин.

— Брат, — губы Артура изогнулись в слабой улыбке. — Не обманывай себя. Твои знания велики, но всё же ограничены.

— Но ведь сказано, — Мерлин смотрел в глаза Артуру, вливая в него свою волю, — ты тот, кто был, есть и будет.

— Будет... — сонно повторил Артур, смыкая глаза.

Блехерис с испугом смотрел на него. «Он... он ушёл от нас?»

— Нет. Он спит и будет спать, не чувствуя боли. А мы тем временем перевезём его в место, где ему помогут.

— Лорд Мерлин, а кто теперь поведёт нас? — спросил телохранитель.

— Король передал командование Констансу. Передайте герцогу, что Артур жив, он только уехал, чтобы излечиться. — Теперь Мерлин рассуждал чётко и логично. — Передайте герцогу также, что он должен обыскать лагерь Модреда. Там он найдёт королеву и ещё двух женщин: леди Моргазу и Леди Озера. Им ничего нельзя говорить о короле, только что он легко ранен и отдыхает. Герцог должен позаботиться, чтобы эти женщины больше не приносили вреда.

— Лорд Мерлин, всё это будет передано герцогу Констансу. Но как ты повезёшь короля и куда?

— В конных носилках, хорошо укутанного. В горы, где есть место, известное лекарям.

И он начал отдавать приказы. Они быстро исполнялись. Как будто те, кто верно служил Артуру, цеплялись за самую крохотную надежду, что король выживет. К утру Мерлин был готов вести маленький отряд.

Король лежал в конных носилках, Блехерис на маленьком пони вёл его лошадь. Мерлин ехал сзади. Он повидался с Констансом, который подтвердил, что войска Модреда разбиты и королевство в безопасности.

— Герцог, — сказал ему Мерлин, — не скрою от вас, хотя советую не разглашать это, что король тяжело ранен. У него только один шанс выжить. Для этого нужно достичь места исцеления. Я буду стремиться поддержать его жизнь до того времени. В твои руки он передал командование, и теперь тебе править. Британия тоже тяжело ранена; ты должен излечить раны страны, как я попытаюсь излечить короля.

Констанс выслушал и ответил: «Целитель, я слышал о тебе немало странного, но никто никогда не говорил, что ты враг короля. Наоборот, известно, что к тебе он обращался в случае затруднений. Поэтому я верю тебе. Я буду править Британией, но не как король, а как наместник. Разве только придёт известие, что твои надежды не оправдались. Только тогда я начну править как Пендрагон.»

— Да будет так. А как женщины?

— Нашли королеву, почти потерявшую рассудок. Она умоляет, чтобы её отослали в дом святых женщин, которые называют себя сёстрами и живут в Авалоне. Леди Моргаза — её тоже нашли — мертва. Мы не знаем, отчего она умерла: на теле нет ран. Лицо её не искажено, как от яда. Она скорее похожа на спящую. Но мы не нашли ни следа третьей женщины.

Мерлин вздохнул. Дженевра и Моргаза не имели значения, другое дело — Нимье. Вызвав к жизни эту трагедию, неужели она будет усугублять её, пытаясь убить Артура? Его гнев проснулся. Не будет так! Артур выживет, несмотря на все её чары и иллюзии.

— Ищите её тщательней, — сказал он, хотя был уверен, что если Нимье сама не захочет, её не найдут. — Из всех врагов короля она самый опасный.

Констанс кивнул. «Возьмёшь с собой охрану?»

Настала очередь Мерлина задуматься.

— Нет. Большой отряд легче заметить. Силы Модреда разбиты, но они рассеялись. И среди оставшихся немало

захочет рискнуть и попытаться убить Артура. Маленькая группа сможет передвигаться тайно, её труднее выследить. Я возьму с собой только пикта Блехериса. Он опытный следопыт и сумеет скрыть наш путь.

И вот они с максимальной скоростью движутся по дикой местности. И только воля Мерлина поддерживала жизнь в спящем короле. Они никого не встретили на избранном Блехерисом маршруте, только дважды на удалении из укрытия следили за небольшими отрядами, по видимому, уцелевших мятежников.

Они поднялись в горы, и Мерлин увидел вдали вершину, указывавшую нахождение пещеры. Здесь он повернулся к Блехерису.

— Добрый товарищ, впереди лежит наша цель. Но я не знаю, что мы найдём там. Если король живым доберётся до пещеры, я надеюсь на его выздоровление. Но если он выживет, этого нельзя сказать о нас...

— Целитель, — ответил пикт, — я жил дольше, чем может надеяться воин моего племени. Король однажды дал мне жизнь, откажу ли я ему в этом же? Я человек без рода, но король посадил меня рядом со своим очагом и назвал своим вассалом. Скажи мне, что нужно сделать, и я сделаю.

Трудно было поднять конные носилки на последний перевал, им пришлось нести их на руках. И вот наконец они у входа в пещеру.

Мерлин не удивился, увидев Нимье. Она сидела на камне лицом к ним; вся её фигура излучала терпение, как будто она ждала уже давно.

Мерлин легко опустил носилки и затем повернулся к ней.

— Посмотри на свою работу, — сказал он. — Гордись ею, Нимье.

К его удивлению, на лице её не было заметно выражения торжества.

— В смерти человека нечем гордиться, — ответила она. И не было в её тоне оживления, не было обращения к его чувствам. — То, что сделано, должно было быть сделано.

— Почему?

— Потому что люди уже один раз были игрушкой По-

велителей Неба, которые пользовались ими беззаботно, учили их тому, что им ещё рано было знать, вовлекли их в свои споры. И в результате мир был опустошен и чуть не погиб. Впоследствии началась война меж звёздами и была дана клятва, что никогда не будут использоваться другие расы...

— Однако, похоже, эта клятва не очень соблюдается, — заметил Мерлин. — Ты слуга Тёмных и принесла Британии такое кровопролитие, которое не забудется и тысячу лет спустя.

— Я сделала то, что должно было быть сделано, — без выражения повторила она. — Ты вызвал бы к жизни знания, которыми люди ещё не могут овладеть. Они использовали бы их в злых целях. Это ты, Мерлин, призвал короля к изменению мира, и это твои действия убили его.

— Он не мёртв, — возразил Мерлин. — И он не умрёт, колдунья. В назначенный день он будет стоять у маяка и приветствовать своих родителей.

Она почти равнодушно взглянула на Артура. «Твой маяк, Мерлин, бесполезен. Повелители Неба измеряют время не так, как мы. Пройдёт, может быть, много столетий, прежде чем ответят на зов маяка. И к тому времени люди будут способны осознать, какое зло принесут им дары Повелителей Неба. Ты установил маяк, Мерлин, но я нанесла поражение твоему королю.»

Мерлин покачал головой. «Ещё нет. Мне обещано: он был, есть и будет.»

Она смотрела на него с жалостью. «Мерлин, ты мог стать таким великим, а предпочёл остаться таким малым — последователем древних смутных снов, охранником варварского короля, которого скоро забудут.» — Она встала и широко развела руки, так что широкие рукава опали и обнажилась её белая кожа.

— Мерлин, — в голосе её прозвучала старая призывная нота, — ты знаешь, мы с тобой родственны по духу. Ни один мужчина Земли не вызывает у меня желания, а ты не можешь положить руку ни на одну женщину из племён. Моя башня и озеро укроют нас от людей, и мы сможем жить спокойно. У нас долгая жизнь, гораздо дольше жизни обычных людей. Разве ты никогда не испытывал оди-

ночества, Мерлин? Мы выполнили свои задачи и теперь свободны...

Он смотрел на неё и чувствовал могучее желание отбросить прошлое и забыть его. Нимье рассмеялась.

— Ах, Мерлин, я вижу, ты помнишь! Да, я могу быть более желанной, чем все женщины. Многому я могу научить тебя, очень многому!

Мерлин отступил на шаг. «Не сомневаюсь, — сухо сказал он. — Но я служу королю.»

— Умиращему! — Теперь она смотрела на него насмешливо. — Одинокый Мерлин, ты можешь больше не быть одиноким.

Её слова открывали перед ним дверь, и он почувствовал озноб. Теперь она играла на другой стороне его натуры.

— Если такова моя участь, — сказал он, радуясь, что его голос звучит уверенно, — я останусь одиноким.

Нимье отвернулась от него, плечи её опустились, и он понял, что она не играет. Он разрывался, он знал, что больше не увидит её, что он отказывается от того, что принесёт тепло в его жизнь. Он чуть не шагнул к ней. Но здесь Артур...

Он следил, как она медленно уходит, зная, что есть ещё возможность позвать её, что их обоих в чём-то обманули Повелители Неба, которые холодно и бесчувственно сделали их тем, чем они стали. И вот она исчезла. Всё кончилось.

Он подошёл к скрытому входу в пещеру и начал отваливать камни. На помощь к нему пришёл Блехерис. Лицо маленького человека было полно отчаянием.

— Лорд Мерлин, что это за место? У меня болит голова, и боль всё сильнее...

— Прости меня. — Мерлин вспомнил об охранных устройствах. — Здесь охрана, Блехерис, тебе нужно уходить отсюда. Нет, — добавил он, когда пикт сел на ближайший камень. — Я могу войти в пещеру, и король может. Но мы долго не выйдем оттуда, Блехерис.

Пикт покачал головой. «Лорд Мерлин, неважно, дни или годы пройдут, прежде чем вы вернётесь. Если судьба пожелает, вы найдёте меня ждущим. Это хорошая земля, — сказал он, оглядываясь, — она похожа на мои родные северные горы. Я буду ждать.»

И несмотря на возражения Мерлина, он поклялся, что так и поступит. Мерлин вытащил Артура из носилок и, взяв его на руки, с трудом прошёл в пещеру. Он поднёс короля к ящику. Раздел Артура, раскрыл ящик и опустил в него короля. Артур дышал — это всё, что знал Мерлин. Крышка медленно закрылась.

В последний раз Мерлин подошёл к зеркалу. В руках он держал меч, который пикт передал ему, прежде чем отойти от пещеры.

Мерлин стоял перед зеркалом и видел истощённого темнотицаго человека, в изорванной одежде, покрытой грязью и засохшей кровью. Вокруг гудели машины.

До сих пор он действовал инстинктивно. Что дальше?

И зеркало ответило ему.

— Подойди к ящику справа от тебя, Мерлин, и нажми четыре маленьких кнопки. Ящик сохранит твою жизнь. Когда ты проснёшься, люди будут смотреть на звёзды. Тогда наступит твой час. Сегодня мы потерпели поражение, нужно ждать лучшего дня.

— Артур?

— Он был, есть и будет... Для тебя приготовлено место. Войди в него и спи.

Мгновение Мерлин колебался, потом задал последний вопрос:

— А Нимье?

— Её судьба вне наших знаний, Мерлин.

Он положил меч на скамью перед зеркалом, где сидел так часто. Лезвие по-прежнему сверкало. Только человеческие надежды тускнеют. Мерлин вздохнул.

Медленно он повернулся и отыскивал кнопки. Нажал, как ему было приказано. Забегали огоньки. Мерлин тупо смотрел, пока они снова не погасли. Тогда он прошёл к ящику. Раздевшись, вошёл внутрь и почувствовал, как поднимается жидкость. Время... время... сколько его пройдёт?

Белое тело под луной, приглашающий смех, обнажённые ноги, легко бегущие по покрытой тенями земле... Мерлин уснул.

**НЕТ НОЧИ
БЕЗ ЗВЕЗД**

Глава 1

Столб густого грязно-чёрного дыма, поднимавшийся из-за хребта, служил достаточным предупреждением. Сандер соскользнул с Рина и пополз вверх; Рин двигался за ним с той же осторожностью. Уже несколько дней они не встречали поселений, и мешок для провизии, прикреплённый к мягкому седлу Рина, совсем опустел. Сандер ощущал теперь сильный голод. Уже двадцать четыре часа им не встречалось никакой дичи. А те несколько пригоршней зерна, которое удалось собрать и съесть полусырым, совсем не насыщали.

Пять дней назад Сандер миновал границы территории, известной Кочевью Джека. Выбравшись из кольца шатров и горько негодуя на обращение с собой, он повернул на восток, направляясь к легендарному морю. Тогда ему казалось вполне возможным достичь цели — разузнать древние тайны, чтобы он смог лучше ковать металлы, приносимые Торговцами, так чтобы, вернувшись, он смог доказать Иббету и остальным, что он не простой подмастерье с малым умением, а настоящий кузнец Старого Знания. Долгая дорога в дикой местности научила его осторожности, но так и не смогла приглушить желания доказать Иббету и другим свою правоту.

Он сжался между двух скал и натянул на лицо капюшон, чтобы его серый цвет смешался с окружающими камнями. Хотя он и не охотник, но каждый человек Кочевья с детства обучался умению затаиться при необычных обстоятельствах, чтобы спокойно убедиться в отсутствии опасности.

Внизу перед ним расстилалась широкая долина, по которой причудливо извивалась река. Там, где река впадала в гораздо большее пространство воды (он мог видеть только его берег, пересечённый рекой), виднелись несколько строений — очевидно, небольшая деревушка. Окружённое частоколом поселение казалось постоянным, не таким, как сделанные из шкур палатки Кочевья, которые так легко переместить в другое место. И среди зданий метались зловещие языки пламени, угрожавшие поглотить весь посёлок.

Даже на таком расстоянии Сандер видел груды тёмных предметов на берегу — это могли быть только тела. На

посёлок напали, решил он. Может, это ужасные Морские Акулы с юга. Он сомневался, чтобы там, внизу, кто-то остался в живых.

Огонь горел медленно, главным образом вдоль реки и берега большой воды. Несколько домов внешне казались нетронутыми. Хотя, конечно, они тоже разграблены. Но всё же возможно, что не все запасы продовольствия разграблены или унесены жителями. И ведь сейчас время жатвы. Его собственное племя (те, кого он считал своими ближайшими родственниками, — правда, он поморщился при этой мысли), когда он уходил, было занято последними большими охотами и сушкой мяса.

Хотя кочевые племена постоянно бродили по обширным внутренним равнинам, Сандер слышал достаточно рассказов Торговцев и знал, что в других местах люди живут по-другому. В некоторых районах кланы живут постоянно на одном месте, занимаясь земледелием. Здесь, в этом почти уничтоженном посёлке, должно быть, ещё и рыбачили. В животе у него заурчало, он слегка переместился, осматривая сцену нападения, чтобы вполне быть уверенным, что он не попадёт в неприятности.

Рин издал глубокое низкое ворчание и подтолкнул Сандера мордой. Его жёлто-коричневая шкура уже покрылась новой шерстью. Он раскрыл пасть и высунул заострённый язык. Навострив уши, он с интересом смотрел на горящие здания. Но не проявлял больше обычной осторожности, с какой относился ко всем новым местам.

Его зелёные глаза не мигали, не двигалась кисточка на хвосте. Напротив, он сел, даже не обращая внимания на то, что его голова теперь отчётливо виднелась на фоне неба и её легко увидеть со стороны посёлка. Сандер принял вердикт Рина: непосредственной опасности нет. Чувства животного предоставили ему информацию, которую не смог бы получить человек.

Поднявшись, Сандер не стал садиться верхом. Он начал спуск, пользуясь всеми возможными укрытиями, и Рин, как рыже-жёлтый призрак, двигался, отставая на шаг-два, за ним. Сандер держал наготове самострел, прижав стрелу к тугой тетиве. Вдобавок он высвободил длинный нож из кожаных ножен.

Когда они подошли поближе к разграбленному посёлку, Сандер сморщился от запаха гари и других, гораздо более неприятных запахов. Рин зарычал, ошестинив

шерсть. Ему запахи понравились не больше, чем Сандеру. Но по его поведению ясно было, что он по-прежнему не чувствует врагов.

Сандер обошёл речной берег, где лежали окровавленные груды, и направился к внешне нетронутым домам выше по берегу. Он слышал шум волн, а ветер донёс новый запах, незнакомый, свежий. Неужели это действительно море, а не просто большое озеро.

Подходя к самым крайним строениям, он заколебался; что-то в нём решительно протестовало. Только необходимость добыть хоть какую-то пищу заставила войти в переулок, настолько узкий, что шедший рядом Рин прижался к Сандеру своим пушистым плечом.

Стены строений были сложены из очень толстых брёвен, небольшие окна прорезаны высоко вверх, частично перекрытые навесом крыши с острым гребнем. Сандер дошёл до конца переулка и повернул направо, прежде чем увидел первую дверь.

Сделанная из прочных досок, она теперь свисала на одной петле. Очевидно, её взламывали. Рин зарычал, показывая язык. У сломанной двери лежало тело, одежда на его спине была окрашена кровью. Человек лежал лицом вниз, и у Сандера не было желания переворачивать его.

На незнакомце были не кожа и шкуры, обычные для человека Кочевья, а грубо тканая одежда, окрашенная в орехово-коричневый цвет. Мешковатые брюки из того же материала, зашнурованные кожаные башмаки. Сандер некоторое время не решался, потом неохотно переступил через мертвеца и вошёл в помещение, явно обысканное и разграбленное.

В углу лежало ещё одно тело в окровавленных лохмотьях. Сандер бросил на него взгляд и больше старался туда не смотреть. Хотя всё в комнате было разбито и уничтожено, он всё же заметил, что жители посёлка располагали гораздо большим количеством вещей, чем люди Кочевья. Хотя это естественно при их образе жизни. Если бродишь по равнинам за стадами, невозможно таскать с собой стулья, столы и сундуки. Сандер поднял разбитую чашку, заинтересовавшись её рисунком. Всего несколько линий на обожжённой глине, но, присмотревшись, он различил изображение птицы в полёте.

Он быстро направился к закромам, желая как можно

быстрее уйти из этого мёртвого помещения. Рин снаружи взвыл. Сандер уловил беспокойство своего товарища, необходимость уходить. Но он заставил себя осмотреть то, что осталось.

Он нашёл немного муки, смешанной с мякотью орехов. С помощью сломанной чашки нагрёб муки в свой мешок для продовольствия. В другом перевёрнутом ларе нашлось две сушёных рыбины. Но всё остальное было сознательно изломано и осквернено. Сандера затошнило от этих следов безжалостной ненависти, и он заторопился наружу, к Рину.

Однако он заставил себя осмотреть и соседний дом. Тут тоже дверь была сломана, однако тел не видно. Но достаточно было одного взгляда внутрь; подавив рвоту, Сандер быстро отвернулся. Туда идти он не мог. Казалось, нападавшие, кем бы они ни были, не удовлетворялись простым убийством; они ещё и развлекались при этом самым зверским образом. Пятясь, Сандер продолжал бороться с тошнотой.

Было ещё одно место, которое он должен осмотреть, несмотря на растущий ужас перед этим уничтоженным посёлком. Где-то должна быть кузница. Он притронулся к мешку с инструментами, притороченному к седлу Рина. Здесь было всё, что осталось ему от отца. Иббет хотел бы получить и это, как получил статус кузнеца Кочевья, но по крайней мере в этом вопросе обычай был на стороне Сандера.

Конечно, два больших молота и зубила были погребены вместе с его отцом — Далланом. Главное орудие профессии наполнено силой своего владельца и должно покоиться в земле, где его больше никто не сможет использовать. Но оставались меньшие орудия, которые по праву принадлежат сыну, и никто не может отрицать этого. Однако, если Сандер намерен добиваться исполнения своей мечты — найти место, где имеется много металла, который Торговцы приносят в Кочевья, и узнать тайны сплавов, которые ставят в тупик всех кузнецов, — ему понадобится гораздо больше орудий.

Он решительно двинулся вдоль обгоревшей обрушившейся стены, стараясь ни о чём, кроме своего поиска, не думать, закрывая нос от отвратительного запаха. Рин продолжал завывать и взвизгивать. Сандер понимал, что

его товарищ не желает оставаться в этом полном смерти месте, хотя, протестуя, идёт за ним. Но поскольку их связывают узы братства, Рин его не покинет.

Племя Рина и Кочевье Сандера связаны взаимопомощью. Их дружба началась в Тёмное Время. Сандер слышал легенды, которые рассказывают Помнящие, о том, что некогда предки Рина были гораздо меньше, но всегда очень умны и легко приспосаблились к любым изменениям. На старом языке их называли койотами.

Очень много животных и гораздо больше людей, чем кто-нибудь может представить, погибло, когда земля задрожала в начале Тёмного Времени. Сквозь кожу мира прорвались огненные горы, изрыгая пламя, дым и расплавленные скалы. Море обрушилось на сушу волнами почти такой же высоты, как эти горы, опустошая землю, оставляя своё ложе, в котором покоилось неисчислимые столетия. Потом страшный холод и облака злого воздуха-убийцы.

Кое-где выживали горстки людей и животных. Но когда небо снова прояснилось, произошли изменения. Некоторые животные из поколения в поколение становились всё больше, говорят, отдалённые племена людей тоже теперь вдвое больше людей племени Сандера. Это они узнавали из рассказов Торговцев, и хорошо было известно, что Торговцы нарочно распространяют такие истории, чтобы держать остальных подальше от богатых земель. Они изобретают всяких чудовищ, чтобы заставить повернуть того, кто вздумает последовать за ними.

Сандер остановился, поднял испачканное копьё и порылся им в пепле небольшого дома. Он быстро обнаружил наковальню — хорошую, из чистого железа, но слишком тяжёлую, чтобы взять её с собой. Убедившись, что это действительно кузница, он принялся рыться с большей энергией.

Скоро он нашёл хороший каменный молот, древко его обгорело, но остальное сохранилось, потом ещё один, несколько меньший. Больше ничего не осталось, хотя он видел следы расплавленного металла, должно быть, меди.

Он поднял руку и произнёс тайные слова кузнецов. Если дух владельца, тело которого, может быть, лежит дальше в руинах, всё ещё здесь — так, говорят, бывает с теми, кто погибает внезапной насильственной смертью,

— он по этим словам поймёт, что здесь человек его профессии. И Сандер был уверен, он не станет возражать против использования его инструментов, осторожного использования, для блага всех людей.

Сандер спрятал две головки молотов среди своих инструментов. Больше он искать не станет. Пусть остальное останется с мёртвым кузнецом, как дань его могиле. Но таких молотов у него не было, и они ему пригодятся.

Больше его ничего не держало в этом безымянном посёлке, где пахло смертью и духи ещё ждут у своих сожжённых домов. Рин почувствовал его решимость и приветствовал её одобрительным ворчанием. Однако Сандер не хотел покидать морского берега — если, конечно, это море. Как можно быстрее он пошёл среди дымившихсязданий, стараясь не смотреть на лежащие тела, и вскоре оказался на песчаном берегу.

Чтобы проверить, достиг ли он одной из своих целей, он прошёл туда, где небольшие волны несли на песок пену. Тут он окунул палец в воду и лизнул его. Соль! Да, он нашёл море.

Но он искал не само море, а сердце связанных с ним легенд. Именно вдоль моря располагались великие города древности. А в этих городах скрывались тайны, о которых часто рассуждал отец Сандера.

Несомненно, люди до Тёмного Времени располагали такими знаниями, что жили, как могли бы жить духи неба, с невидимыми слугами и всеми видами помогающих им орудий. Но теперь эти знания утрачены. Сандер не знал, сколько лет отделяет его от этого времени, но отец говорил, что гораздо больше жизни нескольких поколений.

Когда после смерти его отца от кашляющей болезни Иббет, младший брат отца, отказал Сандеру в праве стать кузнецом, заявив, что он всего лишь неопытный мальчишка и не способен служить Кочевью, Сандер понял, что должен доказать свои способности не только людям, которых считал своими родственниками, но прежде всего самому себе. Он должен стать таким работником по металлу, что никакое количество лет или их недостаток не имели бы значения, чтобы судили только плоды его рук и его умение. И вот, когда Иббит предложил ему быть по-прежнему подмастерьем, Сандер заявил о своём праве

уйти, и Кочевье было вынуждено дать ему разрешение на изгнание.

И теперь, по собственному решению, он человек без племени. В нём горело страстное желание доказать, что он лучший кузнец, чем Иббит. Но чтобы сделать это, он должен учиться. И он знал, что источник знаний находится где-то поблизости от того места, откуда Торговцы приносят комки оплавленного металла.

Некоторые из этих металлов поддавались обработке силой рук и ударами молота. Другие можно было разогреть, расплавить, залить в формы и ударами молота превратить горячий металл в необходимые орудия и инструменты. Но попадались металлы, которые не поддавались никаким попыткам их обработать. С самого детства их тайна завороживала Сандера.

Он нашёл море, теперь он может идти вдоль берега на север или юг. Он знал, что земля сильно изменилась. Вероятно, города, которые он ищет, давным давно погребены под волнами или разрушены земной дрожью. Но ведь где-то Торговцы находят металл, какие-то источники сохранились — и их он будет искать.

Приближалась ночь, а он не хотел ночевать возле полууничтоженного посёлка. Он двинулся на север. Над головой хрипло кричали морские птицы, и их крикам аккомпанировал низкий рокот волн.

Рин дважды поворачивал голову назад, на их след. Он рычал, и его тревога беспокоила Сандера. Казалось, посёлок теперь принадлежит только мёртвым. Правда, Сандер не углублялся в руины. А что если кто-нибудь выжил, может быть, повредился в уме от ужасов набега, видел, как пришли и ушли Сандер и Рин. Такой человек может преследовать их.

Поднявшись на вершину дюны, по склонам которой росла жёсткая, выбеленная морем трава, Сандер изучал всё ещё дымившиеся строения. Кроме птиц, ничего не двигалось. Но он не мог не обращать внимания на беспокойство Рина, зная, что может полагаться на острое чутьё койота; тот ясно давал понять, что их преследуют.

Хорошо бы поехать верхом, но песок не даёт опоры ногам, пришлось идти пешком. Сандер отвернул от берега; на песке виднелись груды обломков, в которых легко застрять. Время от времени во влажном песке попадались

раковины. Сандер с изумлением смотрел на фантастические витки этих морских драгоценностей. Некоторые из них он опустил в свою сумку. Как яркое птичье перо или камень особой формы, они его радовали. Он представил себе, как вплавляет их в медную ленту, металл, который так легко поддаётся его искусству, как делает такие украшения, которые Кочевье никогда не видело.

Песок покрылся жёсткой травой, которая, в свою очередь, сменилась лугом. Но слишком открытая местность не нравилась Сандеру. На горизонте он видел тёмную линию леса. Его племя жило на открытых равнинах, но знало и леса севера, и ему казалось, что в лесу он легче найдёт убежище.

Но он был опытный путешественник и понимал, что до наступления ночи до леса не доберётся. Ему нужно теперь найти место, где можно было бы защититься, если инстинкт Рина верен и в темноте их подстерегает опасность.

Костёр развести он не осмелился; пламя может привлечь тех, кто бродит тут по ночам. Поэтому он наконец устроился среди прислонившихся друг к другу камней, как будто они тоже нуждались друг в друге в час нужды.

Нарвав травы, он примял её и устроил нечто вроде гнезда. Потом достал сушёную рыбу и разделил её с Ринном. Обычно в таких случаях койот отправлялся на охоту. Но казалось, в эту ночь он не собирался покидать Сандера.

Глядя на сгущавшиеся сумерки, чувствуя холодный ночной ветер, который приносил с моря незнакомые запахи этого водного мира, молодой человек ощущал растущую тревогу. Он ничего не слышал, кроме плеска волн и голосов птиц. И Рин, поводя торчащими ушами и внимательно вслушиваясь в звуки ночи, не проявлял признаков настоящей тревоги.

Хоть он и устал от дневного перехода, Сандер не мог уснуть. Над ним нависало ночное небо, и с него смотрели глаза ночи. Помнящие говорят, что это другие солнца, очень далёкие, и вокруг них, может быть, движутся такие же миры, как человеческий. Но Сандеру звёзды всегда казались глазами чуждых далёких существ, которые скорее равнодушно, чем с интересом смотрят на короткие жизни людей. Он старался думать о звёздных глазах, но мысли его всё время возвращались к ужасам подвергшегося набегам посёлка. Каково это, с дрожью подумал он,

подвергнуться внезапному нападению людей из-за моря, которые хотят только убивать, уничтожать, погружать руки в кровь.

Кочевье тоже сражалось за жизнь, но на памяти Сандера это случилось лишь однажды. Это было, когда внушающие ужас люди с бледной кожей и дикими бледными глазами напали на стадо Кочевья. А больше Кочевье боролось с голодом, холодом и болезнями, как собственными, так и животных, воевало с негостеприимной землёй, а не с другими людьми. Орудия, которые готовили кузнецы, не предназначались для того, чтобы проливать кровь людей.

Сандер слышал рассказы о морских рабовладельцах. Иногда ему казалось, что это тоже выдумка Торговцев, которые придумывали всякие ужасы, чтобы напугать охотников исследовать новые земли. Торговцы всегда ошетинивались, когда дело доходило до их прибыли. Но после сегодняшних событий он мог поверить, что человек способен быть более жестоким, чем самая свирепая зимняя буря. Сандер слегка вздрогнул, но не от морского ветра, а потому, что воображение рисовало ему неизвестные раньше картины жестокости.

Чтобы успокоиться, он положил руку на шкуру Рина. В тот же момент койот вскочил на ноги. Сандер услышал предупреждающее рычание. Рин смотрел не в сторону моря, а на сушу. Ясно, что оттуда приближалась настоящая опасность.

При такой видимости от самострела будет мало толку. Сандер извлёк свой длинный нож, который в сущности был небольшим мечом. Он привстал на одно колено, прижавшись спиной к камню, и прислушался. Ему показалось, что он видит какую-то тень, быстрое продвижение какой-то смутной формы.

Из тьмы донёсся свист, перешедший в громкое рычание. Рин напряжённо шагнул вперёд, явно ожидая нападения. Сандер пожалел, что не разжёл костёр. Такая угроза уничтожала все другие врождённые страхи.

Но неизвестное существо не нападало. По рычанию Рина Сандер понял, что противник у них серьёзный. Но кем бы он ни был, он оставался за пределами видимости. В ночи послышался резкий свист, затем вспыхнул луч света, который был направлен прямо в глаза Сандеру и ослепил его, хотя он невольно прикрыл рукой глаза.

Из-под руки он увидел мягко скользнувшее вперёд животное, мускулистое извилистое тело, больше похожее на змею, чем на пушистого хищника. Животное присело, продолжая свистеть, и его голова оказалась на уровне головы Сандера. За ним прижималось к земле ещё одно, другое, меньшее и более тёмное. Но не от них исходил свет.

— Встань! — Выразительный приказ донёсся оттуда, откуда исходил свет. За ним последовал другой: — Брось нож!

Возможно, Сандер был очень близок к смерти, потому что понял: только воля говорившего удерживала животных от нападения, но он покачал головой.

— Я не повинуюсь приказам неизвестных, которые говорят из тьмы, — возразил он. — Я не охотник и не приношу никому вреда.

— Кровь требует крови, чужак! — послышалось в ответ. — За тобой кровь, кровь моих родичей. В Педфорде больше нет живых...

— Я пришёл в посёлок мёртвых, — сказал Сандер. — Если тебе нужна кровь за кровь, ищи в другом месте, незнакомец. Когда я приехал с юга, среди полуобгоревших стен были только мёртвые.

Свет продолжал слепить его, но ответа не было. Однако Сандер видел, что незнакомец не нападает немедленно, и счёл это благоприятным признаком.

— Да, ты не Морская Акула, — наконец медленно произнёс незнакомец.

Сандер понимал его слова. Но акцент был незнакомый, так не говорят ни в кочевьях, ни Торговцы.

— Кто ты? — снова резко прозвучал голос.

— Я Сандер, из Кочевья Джека, я кузнец.

— Да?.. — протянул голос недоверчиво. — И где же шатры твоей Кочевья сегодня, кузнец?

— На западе.

— Но ты идёшь на восток. Кузнецы не бродягами, чужак. Или за твоей спиной кровная вина и смерть родичей?

— Нет. Мой отец, кузнец, умер, и мне сказали, что я недостойн занять его место. Поэтому я ушёл... — Он почувствовал раздражение. То, что приходилось терпеливо отвечать на вопросы, вызвало его гнев. И он смело спросил:

— А ты кто такой?

— Тот, с кем не стоит связываться, чужак! — слышалось в ответ. — Но, похоже, ты говоришь правду и поэтому не послужишь для нас пищей сегодня ночью.

Свет неожиданно погас. Сандер услышал шорох в темноте. Рин облегчённо заскулил. Хотя койот — опасный боец, но он, очевидно, предпочитал не вступать в схватку с этими животными и тем, кто ими руководил.

Сандер и сам чувствовал, как отступает напряжение. Голос исчез, вместе с ним ушли и странные животные. Сандер лёг и через некоторое время уснул.

Глава 2

Сон Сандера был полон видениями мертвецов, державших в своих расслабленных руках сломанное оружие. Время от времени молодой кузнец просыпался весь в поту, не в силах понять, где сон, а где реальность. Иногда негромко рычал Рин, как будто снова чувствуя какую-то угрозу. Но голос и свет исчезли окончательно.

В предраассветном сумраке Сандер был готов двинуться дальше. Эта местность казалась ему населённой призраками. Может, на его настроение действовали непогребённые мертвецы из посёлка. Чем быстрее он уйдёт из этого злополучного места, тем лучше. Но он всё же быстро осмотрел место, где в ночи стояли незнакомые животные.

Нет, это был не сон; на земле виднелись следы лап. За ними ещё один отпечаток, небольшой, отчётливый, несомненно, оставленный человеком. Рин принялся к следам и снова зарычал. По повороту головы было ясно, что койоту не нравится то, что говорили ему обострённые чувства зверя. Ещё одна причина уходить отсюда побыстрее.

Сандер даже не стал есть. Он сел в седло, и вскоре Рин понёс его среди жёсткой травы вдоль берега моря. Проснулись птицы, Сандер развернул свою пращу, подготовил камень и вскоре сбил двух. Теперь, когда удастся развести костёр, у них будет еда.

Он направлялся прямо к отдалённой линии леса, так как ему казалось, что на открытой местности он обнажён и уязвим, хотя он вырос на открытых равнинах и раньше никогда не испытывал подобного чувства. На ходу он присматривался к земле в поисках каких-либо следов. Но

кроме тех, что видел у своего временного лагеря, больше ничего не обнаружил. Можно подумать, что они с Рином ночью были одни.

Он решительно удерживался от взглядов назад, на полуразрушенный посёлок. Может, ночной посетитель вернулся туда; по тем словам, которыми они обменялись, ясно было, что он искал тех, кто уничтожил посёлок. Как его назвал незнакомец?.. Педфорд. Сандер вслух повторил это слово. Такое же чужое, как и акцент незнакомца.

Сандер мало знал о землях за пределами территории Кочевья. Из осторожных рассказов Торговцев он понял, что такие посёлки существуют. Но кочевники ничего о них не знали. Он пожалел теперь, что не осмотрел внимательно тела погибших. Теперь, вспоминая, он думал, что мертвецы показались ему необычно смуглыми, гораздо более смуглыми, чем он сам, и волосы у всех них были одинаково чёрные. У людей его племени, обладавших смуглой кожей, цвет волос был разным; от светлого красновато-золотого до тёмно-каштанового.

Помнящие иногда рассказывали странные вещи; что до Тёмного Времени не все люди были одинаковыми. Впрочем, у них были и другие невероятные утверждения; что люди могли летать, как птицы, и плавать в лодках, которые двигались «под» водой, а не на ней. Поэтому не стоило верить всему тому, что они рассказывали о прошлом.

Рин неожиданно остановился, прервав размышления Сандера. Койот вздрогнул; а это сигнал опасности, значит, он должен быть свободен от всадника, чтобы противостоять противнику. Сандер соскочил, а Рин повернулся туда, откуда они шли, губы его разошлись, обнажив грозные клыки, рычание перешло в рёв.

Сандер сунул пращу за пояс, достал самострел и убедился, что стрела лежит в бороздке. Вокруг не было камней, которые могли бы защитить спину. Их захватили на открытой местности.

Ясно видны были два небольших зверя, похожие на куниц, передвигавшиеся прыжками вверх и вниз на огромной скорости, которую можно было бы сравнить с полётом. За ними, как охотник за собаками, бежала небольшая двуногая фигура. Впрочем, животные совершенно не напоминали собак. Сандер опустил на колено, держа

наготове самострел. Сердце его забилося быстрее. Эти животные, кем бы они ни были, очень быстры, они постоянно поворачиваются, уклоняясь, и в то же время неуклонно приближаясь. Попасть в них стрелой почти невозможно.

— Эээйхии!

Прозвучал крик, такой же резкий, как у морских птиц. Бегущий сзади поднял обе руки, как будто обращался к своим спутникам. Сандер решил, что именно он должен быть его целью.

— Эээйхии!

Переднее животное остановилось и село, глядя на кузнеца. Мгновение спустя остановилось и второе. Но Сандер не расслабился, не опустил самострел. Расстояние, решил он, слишком велико для точного выстрела. Рин рычал непрерывно: койот был готов к защите. Похоже, Рин считает противников серьёзными.

Человек приблизился к животным, и они все трое направились к Сандеру и койоту. Но теперь уже не бежали. Сандер встал, держа оружие наготове.

Зрелище, которое он увидел, показалось ему очень странным. К нему подходила женщина. Это было ясно видно из-под скудного одесня. Как и у жителей посёлка, она обладала очень смуглой кожей и была одета в один кусок алой ткани, от подмышек до колен. На шее красовалась массивная золотая цепь, на ней подвеска — круг, украшенный драгоценными камнями в сложном рисунке. Тёмные волосы были зачёсаны и чем-то смазаны, отчего стояли над головой, как чёрный нимб. На лбу — татуировка, как и у Сандера. Но не гордый знак профессии кузнеца — молот, а какой-то завиток, значения которого он не мог понять.

Ноги облегали кожаные сапоги почти до колен, впрочем, не такой хорошей работы, как у людей Кочевья, а талию обхватывал пояс из переплетённой золотой и серебряной проволоки, с которого на крючках свисал целый набор небольших мешочков из ткани разных цветов. Шла она гордо, как человек, которого уважают, как мать клана. а руки держала на головах животных.

Животные одной породы, подумал Сандер, но очень разные по размеру и окраске. Большее — желтовато-коричневое. Меньшее — тёмно-коричневое, с чёрными ла-

нами и хвостом. Животные на ходу хлестали себя хвостами по бокам. Сандер понимал, что они не разделяют уверенности своей хозяйки в безопасности встречи; они были готовы к схватке. Только она удерживает их от нападения.

На небольшом расстоянии она остановилась, рассматривая его холодным взглядом тёмных глаз. Животные сели рядом с ней, голова большего поднималась над головой женщины.

— Куда ты идёшь, кузнец? — повелительно спросила женщина, и, услышав её голос, Сандер понял, что именно она расспрашивала его ночью.

— А тебе какое дело? — Её тон оскорбил Сандера. Какое право она имеет в таком тоне требовать ответа?

— Моё дальновидение показало, что наши пути уходят дальше вместе. — Глаза её теперь стали очень яркими. Они удерживали его взгляд. Но ему не нравилась её спокойная уверенность, что он несомненно повинуется её приказам.

— Не знаю, что это за дальновидение. — Он с усилием оторвался от её взгляда. — То, что я ищу, тебя не касается.

Она нахмурилась, как будто не поверила, что он может сопротивляться её контролю больше, чем её животные. Он был уверен, что она каким-то неизвестным ему способом пытается управлять им.

— Ты ищешь, — и голос её прозвучал резко, — знания Предков. И я тоже должна найти их, чтобы отомстить за своё племя. Я Фейни, та, кто говорит с духами. А это Кай и Кайя, в нужде мы всегда вместе. Педфорд был под моей защитой, но мне пришлось уйти на встречу с Большой Луной. А пока меня не было, — она сделала слабый жест рукой, — мой народ перебили, но моя верность им не разбита. Этого не должно было быть! — Она зарычала почти так же, как Рин. — За мной кровный долг, но чтобы достойно оплатить его, я должна воспользоваться знаниями Предков. Скажи, кузнец, знаешь ли ты, где то, что ты ищешь?

Он хотел сказать «да», но что-то в её взгляде, хоть он ему и не подчинился, вынуждало говорить только правду.

— Я Сандер. Ищу один из городов Предков. Он может быть к северу на берегу моря...

— Один из рассказов Торговцев! — Она презрительно рассмеялась, и это снова рассердило Сандера. — На рассказы Торговцев нельзя полагаться, кузнец. Они всегда

стараются обмануть, чтобы не раскрыть своих охотничьих земель. Но это отчасти правда. К северу — и к востоку — большой город Предков. Я владею властью шаманов, у нас сохранились остатки знания Предков. Такое место есть...

— Но на северо-востоке, — возразил Сандер, — море. Может быть, твой город теперь под волнами.

Она покачала головой. «Думаю, нет. Море глубоко вьелось в землю в отдельных местах, в других же оно отхлынуло, обнажив давно затопленные земли. Но, — она пожала плечами, — узнать можно, только увидев. Я ищу, ты ищешь, в конце концов наши поиски схожи. Ты хочешь одного знания, я — другого, разве это не правда?»

— Да.

— Хорошо. У меня есть власть, кузнец. Может, сильнее, чем та, что у тебя в руках. — Она бросила взгляд на его оружие. — Глупо идти одному в дикую местность, если кто-то ещё идёт туда же. Поэтому говорю тебе: пойдём вместе. А я поделюсь с тобой своими знаниями о том, где города Предков.

Он колебался. Но ему почему-то показалось, что она говорит искренне. Почему она предлагает ему это, он не понимал. Должно быть, она прочла его мысли, потому что добавила:

— Разве я не сказала, что обладаю дальновидением? Я мало знаю о твоём племени, кузнец, но разве у вас нет таких людей, которые способны предсказывать, которые временами видят то, что не случилось, но обязательно случится?

— У нас есть Помнящие. Но они видят прошлое, а не будущее. Торговцы — те говорили, что встречали и таких, кто видит будущее.

— Видят прошлое? — Фейни удивилась. — Что же они видят, эти ваши шаманы?

— Кое-что из времён Предков, но немного, — вынужден был признать Сандер. — Мы пришли в эту землю после Тёмного Времени, а они нам рассказывают о другой местности, она теперь под морем. Больше они помнят о прошлом нашего Кочевья.

— Жаль. Подумаи, что можно было бы сделать, если бы они видели утраченные знания. Но с нами, прорицателями, то же самое: мы видим немного и на короткое время. Так, я знаю, что мы пойдём вместе, но дальше ничего не вижу.

Она говорила с такой уверенностью, что Сандер не нашёл, что возразить, хотя её самоуверенность вызывала его подозрения. Очевидно, эта Фейни считает, что своим решением оказывает ему высокую честь. Но в том, что она сказала, имелся смысл; ведь он идёт вслепую. Если у неё действительно есть какие-то сведения об утраченном городе, лучше идти с ней вместе, чем продолжать блуждать вслепую.

— Хорошо. — Он взглянул на её животных. — А они согласны? Похоже, они меньше уверены в том, что мысль путешествовать вместе — мудрая мысль.

Впервые он увидел её улыбку. «Мои друзья становятся и их друзьями. А как насчёт твоего пушистого друга, Сандер-кузнец?» — Она указала на Рина.

Сандер повернулся к койоту. Он не обладал таким контролем над Рином, как эта женщина, очевидно, над своими спутниками. Между человеком и койотом существовала нить общения, но очень тонкая. Он сам не знал, насколько она крепка, знал только, что она действует в определённых обстоятельствах. Рин с готовностью разделяет его странствия и надёжно предупреждает об опасностях. Но согласится ли койот многие дни провести с этими незнакомыми зверями, Сандер не мог сказать.

Фейни встретила взглядом со своим более высоким зверем. После того, как они некоторое время смотрели в глаза друг другу, зверь встал и своей подпрыгивающей походкой исчез в высокой траве. Его товарищ спокойно оставался на месте, а Фейни вышла вперёд и устремила тот же напряжённый взгляд в блестящие глаза Рина. Сандер ёрзал, раздражённый поведением девушки. Какое право она имеет навязывать свою волю койоту! Ведь именно это она сейчас делает.

Она опять, по-видимому, прочла его возмущённые мысли, потому что поспешила объяснить:

— Я не правлю им, кузнец. Достаточно того, что мы можем жить рядом, не навязывая свою волю другим. Мои пеканы знают, что если я останавливаю их действия своей мыслью, то для этого есть важная причина. И бывает, что я принимаю их желания так же быстро, как они — мои. Мы не хозяин и рабы. Мы — товарищи. Так должно быть со всеми формами жизни. Так учит нас Власть, нас, рож-

дённных служить Её целям. Да, койот примет нас, потому что знает теперь: мы не хотим вам вреда.

Исчезнувший пекан теперь возвращался. В его челюстях был зажат конец узла, он тащил этот узел за собой по земле, пока не оставил его у ног Фейни. Она развязала его и достала квадратный кусок серой ткани с отверстием посредине. Сунула голову в отверстие и завязала ткань вокруг пояса, скрыв свою алую одежду и украшения.

Остальное её имущество находилось в двух мешках, связанных вместе. Она повесила их через плечо, но Сандер взял их у неё и поместил рядом со своей поклажей на Ринне. Он всё равно не может ехать верхом, когда она идёт, а вдвоём они слишком тяжелы для койота.

Фейни свистнула, и её пеканы понеслись вперёд, разойдясь в стороны. Эти существа должны быть отличными разведчиками, если Фейни так полагается на них.

— Далеко нам идти? — спросил он, обнаружив, что она без всяких усилий успевает за его шагами.

— Не знаю. В моём племени не ездят... не ездили, — поправилась она, — далеко. Они рыбачили и работали на полях вдоль реки. С севера приходили Торговцы, правда, позже они чаще приходили с юга. С юга... — повторила она, и тон её был мрачен. — Да, я теперь думаю, что с юга приходили, чтобы разведать наши слабые места перед набегом. Если бы только я не была так далеко...

— Но что ты могла бы сделать? — Сандер был искренне удивлён. Она, кажется, считает, что её присутствие, вернее отсутствие, решило судьбу посёлка. Он не мог в это поверить.

Она посмотрела на него, явно удивлённая его вопросом.

— Я обладаю Властью. Моя мысль давала моим людям безопасность. Не было такой опасности, которую я, или Кай, или Кайя не почувствовали бы и не предупредили. И когда я с открытой душой слушала волю Великой Луны, я узнала, что смерть пришла к тем, кто в меня верил! Их кровь на моих руках, я должна отомстить, на мне вся тяжесть их дел.

— А как ты отомстишь? Ты знаешь нападавших?

— В должное время я раскину камни. — Рука её двинулась к груди. — И тогда их имена станут ясны. Но сначала я должна найти в городе Предков такое оружие, которое

заставит сотворивших убийство пожалеть, что они родились на свет! — Её полные губы теперь были жёстко изогнуты, и от взгляда на её лицо у Сандера похолодело внутри.

Сам он никогда не испытывал такого гнева, даже против Иббита, чтобы пожелать другому смерти. Когда напали Белые, он был слишком мал, чтобы битва произвела на него сильное впечатление, хотя среди жертв была его мать. И потом всё его существо было сосредоточено на том, что он мог сделать своими руками. Оружие для него было лишь поводом показать своё мастерство кузнеца. Он редко думал о том, для чего оно используется.

То, что он видел в разграбленном посёлке, вызывало протест, но не затронуло его глубоко. Эти мертвецы — чужие для него. Если бы он увидел кого-нибудь из нападавших, он, конечно, сражался бы, но только, чтобы спасти самому. Неугасимую жажду мести, пылавшую в Фейни, он не вполне понимал. Может, если бы с его племенем так обошлись, подумал Сандер, он чувствовал бы себя по-другому.

— А какое оружие может быть в городе Предков?

— Кто знает? В старых рассказах говорится о многом. Говорят, люди убивали друг друга громом и огнём, а не сталью и стрелами. А может, это только выдумки. Но знание — само по себе оружие, и такое оружие я рождена искать.

Это Сандер мог понять. Он заметил, что незаметно пошёл быстрее, как будто сама мысль о том, что где-то впереди находится склад вещей Предков, заставляла его торопиться. И в то же время он был уверен, что на многое они не могут рассчитывать. Пламя, охватившее землю в Тёмное Время, всё изменило. Можно ли рассчитывать, что сохранилось что-нибудь от дней Предков?

Когда он сказал об этом, Фейни кивнула: «Верно. Но у Торговцев ведь есть свои источники. Значит, что-то осталось. И у меня есть это... — Она сжимала руками подвеску у себя на груди. — Я происхожу из рода шаманов. В нашем роду от матери к дочери передавалось знание. Есть тайны, которые можно понять лишь в присутствии того, кто их скрывает. То, что на мне, тоже тайна. Только я могу понимать его сообщение, когда держу в руках. Ни у кого другого это волшебство не работает. Я ищу некую стену...»

— И эта стена находится на северо-востоке?

— Да. Я давно хотела уйти на поиски. Но меня удерживал долг перед моими людьми. Я должна была лечить их болезни, телесные и душевные. И тот же долг теперь увлекает меня — я должна отплатить кровью за кровь.

Её лицо превратилось в такую замкнутую маску, что Сандер не решился больше задавать вопросов. Они шли молча, пеканы впереди как разведчики, Рин — у плеча Сандера.

В полдень они остановились, Сандер разжёл небольшой костёр, а Фейни развела муку, которую он прихватил в посёлке, водой из кожаной бутылки, намазала получившееся тесто тонким слоем на маленькую металлическую сковородку, которую достала из своего мешка, и поставила на огонь. Через несколько минут она проворно сняла лист свежего хлеба. Сандер поджарил птиц, а Рин, с которого сняли седло и груз, отправился на охоту. Фейни сказала, что её пеканы тоже охотятся сами.

Дичь оказалась гораздо вкуснее, чем сушёная рыба, которую он ел накануне. Фейни поднесла бутылку к уху и сильно встряхнула.

— Вода, — сказала она. — К ночи нам понадобится ещё.

Сандер рассмеялся. «Рин найдёт. Его род делает это очень хорошо. Я видел, как он начинал рыться в сухом ручье и откапывал то, на что не надеялся ни один человек. Его родичи пришли из сухой пустыни...»

— Вашей?

Сандер покачал головой. «Не теперь, раньше. Помнящие говорят, что мы все с юга и запада. Когда пришло море, все бежали от него, хотя горы изрыгали огонь из своего чрева. Некоторые выжили, а потом пришло племя Рина. Говорят, раньше они были маленькие. Но кто теперь может знать — многое говорят о Тёмном Времени.»

— Может, сохранились какие-то записи. — Фейни слизывала жир с пальцев, делая это с врождённым изяществом.

— Вот такие знаки... — Она подняла длинную травинку и начертила в пыли несколько линий.

Сандер рассматривал её рисунок. Ему показалось, что они напоминают знаки, которые Торговцы делали на выбеленных шкурах, когда его отец описывал металлы, которые хотел бы получить от них в следующий приход.

— Смотри, вот это моё имя. — Она указала на линии. — Ф-Е-Й-Н-И. Это я умею писать. И кое-какие другие слова. Хотя, — добавила она правдиво, — значение всего этого я не понимаю. Но это часть моего обучения — из-за Бласти.

Он кивнул. Кузнечские слова были частью его обучения вместе с работой рук. Металл не расплавится, не затвердеет, не будет обработан, пока не произнесёшь правильные слова, — все это знают. Поэтому кузнец позволяет присутствовать при некоторых видах работ только подмастерью, чтобы другие не услышали правильные кузнечские слова.

— Но даже если ты найдёшь такие знаки, — спросил Сандер, — что с того, если их нельзя прочитать?

Она нахмурилась. «Надо будет разгадать эту загадку. Мы ведь узнали, как лечить, как луна действует на мужчин и женщин, как призвать рыб или говорить со зверями и птицами. Это всё знание шаманов.»

Сандер встал и свистом позвал Рина. Знание шаманов его не очень интересовало. А то, что знания кузнецов могли содержаться в таких знаках, — в это он не поверит, пока не увидит собственными глазами. Они всё ещё находились далеко от леса, а ему не нравилась мысль о ночёвке в открытой местности.

Он затоптал угли костра, набросал поверх пепла землю тщательно, как всякий житель равнин. Пожар в степи — для него более реальная опасность, чем тот набег на посёлок. Он видел результаты такого пожара; двух человек из его племени застал огонь, и они погибли в красной ярости, от которой не может спастись человек.

Они пошли дальше. Пеканов не было видно, но Рин вернулся по зову Сандера, чтобы принять седло и мешки. Фейни не беспокоилась из-за отсутствия своих животных. Возможно, они всегда путешествовали так.

Ближе к вечеру за кустами показались деревья. Сандер остановился, впервые усомнившись в разумности своего решения. Под деревьями, которых уже коснулись цвета осени, было темно и мрачно. Может, всё же лучше переночевать здесь и войти в лес утром, а не блуждать вслепую?

— Где Кай и Кайя? — спросил он у девушки.

Она сидела на земле; услышав вопрос, взглянула на него. «Они сами по себе. Я же сказала, что не правлю ими.

Этот лес, — она повела подбородком, — им понравится. Они обычно не живут в открытых местах и любят деревья».

Ну какое ему дело до этого? И всё же чем больше Сандер глядел на лес, тем меньше хотел входить в него в сумерках.

— Мы останемся на ночь здесь, — решил он. Потом подумал, согласится ли она с таким решением.

— Как хочешь, — всё, что она ответила, и встала, чтобы распаковать свои вещи.

Глава 3

Сандер в свою очередь снял с койота седло и свои мешки, и Рин тут же исчез в лесу в поисках пищи. Пеканы не возвращались, и Сандер задумался, так ли уж прочен контроль Фейни над ними, как она считает. Но девушка не проявляла беспокойства. Она сняла верхнюю одежду, и отблески пламени костра заиграли на её поясе и массивном ожерелье.

Снова она сделала лепёшки и поставила их печься на сковороде, а Сандер в это время проверил свой запас стрел. Он хотел углубиться в темноту леса с подготовленным оружием. Потом набрал дров, которых, как он надеялся, хватит на всю ночь.

Фейни начала напевать. Слова были незнакомыми. Время от времени Сандер улавливал знакомое сочетание звуков, но остальное — всё на каком-то непонятном языке.

— Твой народ всегда жил у реки? — неожиданно спросил он, разбивая убаюкивающее очарование её песни.

— Не всегда. А какие люди всегда жили на одном месте? — В свою очередь спросила она. — Разве нас всех не сорвало с места, не обрекло на блуждания после Тёмного Времени? Говорят, мы с морского корабля, его вода занесла далеко на сушу. На борту многие умерли, других смыло за борт. Но некоторые выжили. Когда море отступило, корабль остался лежать на земле. Это было во дни Маржи, матери Наны, а Нана была матерью Флори, которая родила Санну. — Она медленно перечисляла имена, больше, чем он смог бы сосчитать, и наконец закончила: — И я истинная дочь четвёртой Маржи. Люди с корабля встре-

тились с другими, и так был основан Педфорд во времена бабушки моей матери. До этого мы жили у моря южнее. Но потом ушли на север, потому что там внезапно выросла гора, как в Тёмное Время, и выбрасывала огонь и скалы, так что всё живое бежало. А твоё племя, Сандер-кузнец?

— Мы с юга и запада, как я сказал. Наши Помнящие знают, но только они одни. А я кузнец. — Он поднял руки к костру, согнул сильные пальцы. — Мои тайны иные.

— У каждого человека своя тайна, — согласилась девушка, искусно снимая лепёшки со сковородки и протягивая ему одну. — Говорят, первая Маржи обладала искусством лечения и научила этому свою дочь. Но у нас есть и другая власть. — Она откусила горячего хлеба, каждое её движение вызывало искры в украшениях.

— Скажи мне, — попросила она, прожевав и проглотив хлеб, — почему ты ушёл, отрезал себя от кровных родичей, почему ушёл искать то, что можешь никогда не найти? Потому что утратил лицо из-за того, что твои люди не захотели назвать тебя кузнецом?

Она как-то умела извлечь из него правду.

— Я был испытан и подготовлен — отец не сказал бы этого, если бы это было не так. Но Иббит — его брат и давно уже хотел стать кузнецом. Он достаточно искусен. — Сандеру не хотелось говорить, однако, он всё же признал это. — Но он никогда не ищет того, что не было ещё сделано. Я хочу знать больше: почему существуют металлы, которые умели обрабатывать Предки, а мы не умеем, какие их секреты мы утратили. Отец знал, о чём я думаю, но всегда говорил, что у кузнеца есть долг перед его Кочевьем. Он не должен уходить, не должен охотиться за тем, что, возможно, не существует. Когда отец умер, Иббит заставил совет слушать, сказал, что у меня голова полна снов, что я слишком молод и безрассуден, чтобы стать кузнецом. Он. — губы Сандера затвердели, — он великодушно предложил мне быть его подмастерьем. Подмастерьем! Мне, которого учил мастерству такой мастер, каким он сам никогда не станет! Он завидовал моему отцу, но во мне увидел средство овладеть волшебством кузнечного дела. Поэтому я и ушёл. Пусть я только узнаю секреты Предков, и я докажу, что это Иббит должен быть моим подмастерьем!

— Значит, этого ты больше всего хочешь — унижить

перед всем Кочевьем человека, который унизил тебя? — спросила она, стяхивая с себя крошки хлеба.

— Не совсем. Прежде всего мне нужны тайны кузнечного дела. — В нём снова вспыхнула привычная страсть. — Хочу знать, как они работали, почему могли делать гораздо больше, чем мы. Правда ли, что они были велики умом, что то, что мы ищем долго и мучительно, они постигали мгновенно, сразу видели истинный путь. Некоторые неведьды — так их называл мой отец — и сейчас говорят, что люди узнали слишком много и Великая Сила решила стереть их с лица земли, что они были злы в своих делах и их нужно было переплавить, чтобы из металла сделать что-то новое. Может, это и так. Но я хочу узнать то, что смогу...

— А ваши Помнящие тебе не помогли?

Сандер покачал головой. «Мы приходим не от тех, кто жил в больших городах. Скорее из пустынь, где люди всегда были предоставлены сами себе. Мы всегда были скотоводами, всегда кочевали со своими стадами. Наши Помнящие вспоминают только пожар, охвативший землю, несколько человек и животных бежали от него и спаслись. Я ещё из семейных преданий знаю, что наша семья всегда была семьёй кузнецов и что мы изначально не принадлежали Кочевью. Мой первый предок присоединился к Кочевью, когда оно уже целое поколение скиталось, убегая от того, что знало раньше. И с тех пор нас занимало только то, что можно сделать своими руками.

Фейни сидела, скрестив под собой ноги, перебирая маленькие мешочки на поясе. Теперь она кивнула.

— Люди держались за знания, которые необходимы, чтобы сохранить жизнь в теле. То, что оставалось вне этого, забывалось. Но я хотела бы поговорить с вашими Помнящими. Из непонятных слов, которые кажутся бессмысленными, можно многое узнать. Таких слов много, мы не знаем, что они означают: вещи, действия... — Она слегка покачала головой. — Так много утрачено. И ещё больше утрачивается, когда приходят эти Морские Акулы. — Лицо её стало печально, она смотрела в огонь.

— Жизнь в Педфорде была хороша. — Она говорила сама с собой, обвиняя себя в чём-то, как будто забыв о существовании Сандера. — Обработанные земли с каждым годом расширялись. Мы больше не зависели только

от милостей моря — оно иногда может подвести, — как в первые годы, когда только поселились здесь. В середине лета приходили Торговцы. Моя мать дважды покупала у них книги, настоящие книги, это записи Предков. Она могла их читать — немного — и научила меня тому, что знала сама. Мы со временем могли бы многое узнать. — Она сжала рукой подвеску на груди.

— Это ей дал мой отец. Он пришёл с Торговцами, но он не из их племени... он искал утраченные знания, пришёл издалека. Он сам делал книгу, записывал всё, что узнавал, потому что его племя — это племя мудрецов. И он оставил это ожерелье, чтобы ребёнок, которого должна была родить моя мать, смог бы искать источник великих знаний. Он научил её тайнам... — Когда она замолчала, Сандер не удержался от вопроса:

— А что с ним стало?

— Умер, — невыразительно ответила она. — Заболел и умер в ужасной боли. Он знал причину своей болезни — в его теле была часть, которая заболела, её нужно было вырезать. Но у моей матери не было умения сделать это. И он умер. И тогда моя мать поклялась Великой Луной, что её ребенок будет учиться и узнает древние знания, которые могут служить людям. Но мы с ней были связаны, мы не могли уйти по своей воле и бросить племя. Нужно было заговаривать воду при спуске новых лодок, благословлять новые посевы, чтобы поля приносили больше зерна. А теперь — теперь я посмотрю, что можно открыть этим ключом. — Она по-прежнему держала в руках подвеску. — Клянусь Великой Луной, я постараюсь, чтобы мой поиск не был бесплоден!

Спустилась ночь. Только костер создавал преграду на пути теней. Сандер встал и резко свистнул, неожиданно поняв, что Рин всё ещё не вернулся. Когда койот не отозвался, Сандер забеспокоился. Может, охотясь, Рин ушёл слишком далеко. Иногда он полночи проводил в охоте. Но в этой незнакомой местности Сандер хотел бы, чтобы койот был поблизости.

— Он далеко, — спокойно сказала девушка. — У них своя жизнь. Нельзя требовать больше того, что они отдают добровольно.

— Мне это не нравится, — пробормотал Сандер, хотя вынужден был согласиться с ней. Его союз с койотом был

добровольным с обеих сторон. Принуждать Рина означало потерять его. Но, дремля у огня и время от времени пробуждаясь, чтобы подбросить охапку дров в костёр, Сандер чувствовал себя совсем одиноким.

Девушка не сразу улеглась на постель из своего плаща. Напротив, она достала из мешочка четыре небольших белых кубика, на каждой стороне которых были точки. Разгладив рукой плащ, она бросила кубики так, что они покатались по плащу и легли одной стороной вверх. Она склонилась к ним, внимательно разглядывая верхнюю сторону, потом нахмурилась. Собрала кубики и снова бросила. Результат, по-видимому, опять не удовлетворил её, так же как и третья попытка. Возвращая кубики в мешок, она хмурилась ещё сильнее. Некоторое время сидела, глядя в огонь, и Сандер услышал шёпот, как будто она произносила собственные слова Силы, не предназначенные для других.

Наконец она вздохнула и легла с видом человека, выполнившего необходимые действия, но не удовлетворённого этим. Сандер подумал, что она уснула. Если она и была встревожена отсутствием пеканов, как он — Рина, то внешне никак этого не проявила.

Когда с рассветом Сандер расправил окоченевшие руки и ноги, койот всё ещё не появился. Хотелось пить, Сандер встряхнул бутылку и почувствовал, что она почти пуста. Он надеялся на инстинкт Рина, который позволял ему находить воду, но Рина не было рядом. Конечно, койот легко найдёт его по следу, но он нужен был Сандеру немедленно. Он снова свистнул. Ответило ему не рычание койота, на что он так надеялся, а крик какой-то лесной птицы.

Фейни села. Вытащила из мешка пригоршню красных сушёных фруктов и тщательно разделила на две части.

— Твой пушистый далеко, — сказала она.

— А твои? — спросил он с необычной резкостью.

— Не ближе. Я думаю, они охотятся там, — и она подбородком указала на лес. — Как я уже говорила, им нравятся деревья.

— А воду они могут найти? — Он потряс бутылку, чтобы показать, в чём они нуждаются.

— Если захотят. — Ответ Фейни своим спокойствием способен был раздражать. — Но есть и другие способы.

Некоторые я знаю. Похоже, нам самим придётся нести свою поклажу. — Она посмотрела на сброшенные Рином мешки. — Ну что ж, я это делала и раньше. — Она расстелила плащ и принялась связывать свою поклажу в аккуратный узел.

Сандер в два приёма покончил с сухими фруктами. У них был кислый вкус, и маленькая порция нисколько не утолила его голод. Он надеялся, что где-нибудь в лесу сможет подстрелить мясо на копытах. Ему нужна сила такого мяса.

Он связал все свои вещи в узел, используя мягкое седло Рина как внешнюю оболочку. Тяжелее всего был инструмент кузнеца, и Сандер молча сердился из-за отсутствия койота. Рин отличный боец, но он лёгок и на ногах. Нехорошее предчувствие охватило Сандера. Они не знают, что ждёт их в этой незнакомой местности. Он понятия не имел, нужно ли идти по следу койота; вдруг Рин оказался в опасности.

Узел тяжело лёг на плечи. Но Сандер решил не жаловаться, потому что то, как уверенно Фейни двинулась впереди него в тень деревьев, было прямым вызовом. Сандер тоже двинулся, держа наготове самострел.

Деревья большие, с широко раскинувшимися ветвями. Некоторые листья уже окрасились жёлтым или алым, другие опали и присоединились к толстому слою под ногами, копившемуся годами. Этот мягкий ковер глушил звуки шагов.

Впервые Сандер заметил обстоятельство, которого не предвидел. На открытой равнине он мог наметить вдалеке какой-нибудь пункт и использовать его как указатель. Здесь же деревья похожи друг на друга как две капли воды. Как же он может знать, куда идёт, и не движется ли он по кругу?

Сандер остановился. Может, всё же лучше было бы остаться на берегу, используя воду в качестве ориентира. Фейни тоже остановилась и оглянулась через плечо.

— Что случилось?

Он стыдился собственной глупости, но ничего не оставалось сделать, как признаться в ней.

— Я не знаю, куда идти; тут всё такое одинаковое.

— Я бывала здесь раньше. Здесь есть дорога, дорога на север...

Дорога? Она была так уверена, что Сандер поверил, что она знает, что делает. Но дорога!..

Фейни поманила, и он недоверчиво пошёл за ней. Оглядываясь, он уже не видел ничего, кроме деревьев. Он даже не знал, в каком месте они вошли в этот лабиринт стволов и низко нависающих ветвей. Но она уверенно шла вперёд.

Немного погодя они вышли на более открытое место. Здесь покров листьев не совсем покрывал поверхность земли. Вся в ямах, в трещинах от корней, это всё же несомненно была искусственная поверхность.

Она уходила прямо вперёд, а деревья, нападавшие на неё, ещё молоды, поэтому тут было светлее и дальше видно. Фейни помахала рукой.

— Видишь? Я же говорила. Это дорога Предков. За последние годы много всего уничтожено, но кое-что сохранилось. Там она изгибается, — она указала на запад, — но здесь идёт прямо на север... Ну, насколько я знаю.

Сандер видел изгиб дороги; она, должно быть, никогда не проходила по открытой местности. Он удивился этому. Ему казалось гораздо легче построить такую дорогу на открытой равнине, чем прокладывать через лес. И эта дорога была гораздо уже, чем те две большие, которые встретило Кочевье на пути своего бегства (Мэттли однажды шагами показал их размеры). Они были такие широкие, что даже Помнящие не смогли сказать, какие людские армии двигались по таким путям.

Поверхность дороги была неровной, приходилось идти медленно и осторожно, чтобы не споткнуться и не вывихнуть ногу в какой-нибудь дыре. Но зато дорога привела их к воде.

Сандер услышал звук ручья раньше, чем они вышли на неровный край пролёта, когда-то мостом пересекавшего ручей. Над поверхностью воды в солнечных пятнах танцевали крошечные насекомые, за ними охотились более крупные. Течение быстрое, но вода такая чистая, что Сандер видел поросшие зелёным мхом камни на дне. Взяв бутылку, он оставил узел Фейни, а сам спустился вниз, промыл и заново наполнил её.

Мост обрушился, но его остатки, скользкие от плесени и источенные водой, лежали в ручье, и по ним можно было перейти. Прибодравшись от находки воды — их

самой срочной потребности, Сандер начал серьёзно думать, как бы раздобыть теперь пищи.

Птиц вокруг много, но все маленькие и перепархивают в листве, так что изредка виднелись только взмахи крыльев. Ни одного животного им пока не встретилось. И хоть он очень внимательно смотрел на воду, заметить какого-нибудь движения под её поверхностью ему не удалось. Очевидно, рыбы здесь нет, во всяком случае достаточно крупной.

Фейни схватила его за руку, едва не столкнув в воду. Он нетерпеливо повернулся, готовый заговорить, но увидел выражение её лица. Она к чему-то прислушивалась.

Рин! Тяжёлая ноша, о тяжести которой он до сих пор не подозревал, спала с плеч Сандера. Он уже приготовился испустить призывный свист. Но Фейни протянула руку и зажала ему рот, призывая к молчанию.

Он тоже напряг слух. Судя по её поведению, она услышала что-то тревожное.

Не совсем звук, скорее пульсация в воздухе — как будто звук рождался где-то очень далеко. Сандер отвёл её руку и еле слышным шепотом спросил:

— Что это?

Она хмурилась, как и накануне вечером, когда бросала свои кубики.

— Не знаю, — ответила она ещё тише. — Но это какая-то Сила. В этом я не ошибаюсь.

О её хваленой Силе Сандер не знал практически ничего. В его племени был знахарь. Но он умел только вправлять кости, обрабатывать раны и использовать кое-какие травы. У племени существовало смутное подозрение, что существует некая Сила, более могучая, чем человек. Но то, что эта Сила интересуется человеком, было весьма сомнительно. Если так, то почему же в Тёмное Время человечество чуть не погибло? Разве что Предки вызвали кровавую месть со стороны этой Силы. И люди Кочевья, когда они в редкие минуты предавались таким размышлениям, считали, что в таком случае с этой Силой лучше вообще не иметь дела.

Сандер подумал, что с Фейни, возможно, всё по-другому. Кое-что из её способностей — например, пророчества, — казалось ему странным. К тому же на земле могли жить люди, которые не так опасались этой Силы и могли дого-

вориться с ней. У таких может быть Сила, о которой так уверенно говорила Фейни. И так как в этом она разбиралась лучше, он решил послушаться её.

— Что за Сила? — снова прошептал он.

Она взяла подвеску в руку и смотрела на неё так, будто могла прочесть ответ на её блестящей поверхности.

Ожидая ответа, Сандер подумал: может, они близки к сокровищнице легендарных знаний, и эта пульсация свидетельствует о её близости. Но что бы ни думала Фейни, ей не понравилось то, что она увидела в подвеске. Она медленно покачала головой.

— Это не то, что мы ищем. — Слова её звучали решительно. — Впереди какая-то тьма. Но дорога ведёт туда...

— Мы можем вернуться, — заметил Сандер. — По берегу моря идти будет легче. Надо было с самого начала это попробовать.

Лес, который раньше обещал укрытие, теперь стал походить на ловушку. Хватит с Сандера леса, он предпочитает быть на открытой местности; там ты открыт взгляду противника, но зато и сам его видишь издалека. «Пошли!» Он схватил её за руку.

Она снова бросила взгляд на подвеску и опустила её на грудь.

— Хорошо, — согласилась она.

Он думал, что она станет спорить, и обрадовался тому, как легко она согласилась. Вероятно, обострённые чувства Рина предупредили его об опасности этого места, поэтому койот и не присоединился к ним.

Они перешли по камням ручей обратно и быстро пошли назад по дороге. Теперь Сандер постоянно слышал отдалённое биение. Ему казалось, что его собственное сердце начало биться в такт этому звуку. Он чувствовал его удары во всём своём теле. Они уходили, но пульсация не стихала, как будто её источник следовал за ними на том же расстоянии.

Ловушка захлопнулась, когда они достигли поворота дороги, и оказалась совершенно неожиданной. Они проходили под широкими ветвями дерева, и оттуда на них упала сеть. И прежде чем Сандер опомнился, она плотно охватила его, полностью лишив возможности сопротивляться. Сеть была не из волосяных верёвок знакомых Сандеру. Она была покрыта каким-то липким веществом, которое от каждого движения связывало всё сильнее.

Любое движение пленника приводило лишь к ещё более тесному плену.

Сандер не мог дотянуться до ножа, не мог даже бросить бесполезный теперь самострел, прилипший к рукам. Резкий рывок сбил его с ног, он упал лицом на ковёр из листьев. С трудом повернув голову, чтобы освободить рот и нос от перегноя, он попытался рассмотреть тех, кто так легко захватил их.

Они спускались с древесных ветвей. Маленькие, поросшие шерстью. Одеждой им служили передники из переплетённых ветвей. Шерсть покрывала руки и ноги, толстой подушкой росла на груди и животе. Но лица у них были гладкими. Однако, в отличие от оливковой кожи, которая местами просвечивала сквозь шерсть, лица были красные и сморщенные.

Сандер не понимал их щёлкающую речь и не видел никакого оружия, кроме деревянных дубин. Одну из дубин он увидел в тот момент, как она обрушилась на него. В голове взорвалась боль, но сознания он не потерял.

Так и не развязав, его рывком подняли. Тошнило от кислого запаха жителей леса. Они ворчали, возможно, из-за тяжести. Один, вероятно, увидел, что у него открыты глаза, что он следит за происходящим. Лесной человек (если эти существа можно назвать людьми) приблизил свою алую морду к Сандеру и рывком. И многозначительно потряс дубиной. Других намёков Сандеру не потребовалось. Если его избьют, это не поможет. Он послушно застыл на месте.

Глава 4

Сандер почувствовал, что его поднимают вверх. Очевидно, их захватили существа, которые предпочитают передвигаться по деревьям. Кузнец каждый раз напрягался, когда его перебрасывали с ветки на ветку, уверенный, что вот-вот упадёт на землю. Голова от боли кружилась. Он плотно закрыл глаза, решив беречь силы для конца этого кошмарного путешествия.

Он не сомневался, что Фейни постигла та же участь, но не слышал от неё ни звука. Неужели девушку избили до потери сознания, прежде чем поднять наверх? Ясно, что

хоть она и знала кое-что о лесе, появления этих дикарей она не предвидела.

Для Сандера они не были людьми. И не животными, с которыми люди устанавливают контакт. В маленьких глазках склонённого к нему красного лица отражалась безмозглая свирепость, а зловоние тех, кто тащил его, вызывало рвоту.

Сандер чувствовал, что их тащат в глубину леса. Сердце его стучало в такт усиливающейся вибрации, как будто он бежал изо всех сил, до истощения. Даже Торговцы никогда не упоминали такого.

Удар... удар...

По-прежнему это не походило на звук, в ушах отзывался только гул. Сандеру казалось, что всё его тело сотрясается от каждого удара — если это были удары. Говор лесных существ (он не удостоит их слова «люди») становился всё громче.

И вот последний перелёт, завершившийся резким толчком, от которого в голове вспыхнула горячая красная боль. Сандер лежал на открытом месте, солнце резко било в глаза. Он снова закрыл их.

Когда же он повернул, насколько смог, голову и осторожно приоткрыл глаза, то успел увидеть, как последний волосатый лесной человек исчезает на дереве по другую сторону поляны.

Они оставили охрану? Если нет, то почему... Сандер всматривался сквозь ячейки сети. Он мог слегка пошевелиться, но путы не спадали. На самом деле они только ещё более затягивались. Но он всё же смог так повернуться, чтобы бросить взгляд на Фейни.

Древесных людей не видно. Поляну, на которой лежали пленники, почти целиком покрывали каменные развалины. На камнях в середине поляны сидело странное существо.

Оно, должно быть, было грубо вырезано из дерева, но всё же достаточно искусно, чтобы напоминать древесных людей, хотя и больше их в три раза. И оно было вызывающе женственно. Отвратительное лицо алого цвета, на шее бусы из полированных орехов и каких-то стручков. Сидит на корточках, опираясь с обеих сторон на руки, голова слегка опущена, как будто оно с живым интересом смотрит на пленников.

И тут...

Один из маленьких блестящих глаз, которые Сандер считал сделанными из кварца или раскрашенного камня, мигнул. Это существо — живое!

Во рту у Сандера пересохло. Он мог понять воображение. Но понять то, что это огромное страшное существо — живое, настоящий кошмар. Кошмар, состоящий из обширного рта, в котором видны мощные клыки, один из которых был сломан, а кончик бледного языка высывался, как отвратительный червь.

Существо слегка подняло голову и ухнуло — странный крик, как у какого-нибудь ночного охотника. Со всех окружающих деревьев отозвались невидимые лесные люди, они громко закричали и залопотали.

Никакого подобия разумной речи, но страх в слушателе этот гам вполне мог вызвать. Сандер не мог порвать сеть, она всё более сжималась, прижимая к его спине узел и сдавливая руки и ноги, как в гигантских тисках.

— Ээйхии! — внезапно громко выкрикнула Фейни. Сандер смутно помнил, что этот крик уже слышал. Но ему слышался в нём не призыв о помощи, а скорее вызов.

Существо на камнях перестало ухать. Пузатое туловище передвинулось ближе к краю, голова слегка наклонилась, маленькие глазки рассматривали девушку. Потом, почти небрежно, существо подобрало лежавший поблизости круглый камень и бросило.

Всего лишь на ширину пальца камень миновал голову Фейни. Сандер подумал, что если бы существо действительно захотело, оно раздробило бы череп девушки. Вполне ясное редупреждение. Но Фейни не обратила на него внимание.

— Ээйхии! — Снова послала она свой призыв, который слабым эхом отразился от камней.

Теперь Сандер вспомнил. Так на равнине она звала Кая и Кайю. Разве есть какой-нибудь смысл в том, чтобы её товарищи оказались поблизости?

Огромная самка рывкнула, повела рукой в поисках другого камня. Потом неуклюже встала на ноги. Она оказалась выше Сандера на целую голову, а её огромное тело намного превосходило по размеру не только лесных людей, но и соплеменников Сандера.

Она медленно спускалась по камням, как будто не уверенная, выдержат ли они её вес. Добравшись до земли,

наклонилась, чтобы схватить Фейни. Сандер извивался в тщетных попытках освободиться. Он был уверен, что ему предстоит стать свидетелем ужасного убийства.

Но тут в воздухе, как на крыльях, мелькнул Кай. Из оскаленной пасти вылетал свистящий рёв. Он приземлился на слегка согнутых плечах гигантской самки, голова его устремилась вперёд к её массивной шее.

Лесная женщина испустила ухающий крик, пытаясь поднять руки, оторвать зверя, вцепившегося в неё клыками. Но тут появился меньший пекан — Кайя. Она не легла в воздухе, но подкралась по земле и впилась зубами в одну из массивных грудей.

Громкие крики с деревьев отзывались на уханье гигантши. Сандер предположил было, что лесные люди посыпятся с ветвей на выручку своей осаждённой самке. Но они не показывались, только продолжали кричать, а она топталась, пытаясь оторвать от себя нападающих. Вместе со своей плотью она оторвала Кайю, в челюстях пекана было зажато её мясо, зверь отлетел в сторону. Но когда она занялась Каем, меньший пекан снова набросился на неё, очевидно, невредимый.

Неожиданно из горла гигантши брызнул фонтан крови. Кай перервал артерию. Лесная женщина крикнула в последний раз и опустилась на колени, а Кайя вернулась и начала рвать её тело. Гигантша слабо дёргала руками, пытаясь достать зверя у себя на спине, потом затихла, её ужасная голова лежала на камне, как отвратительная маска смерти, кровь шумной рекой текла по камням. Лопотание лесных людей, по-прежнему не показывавшихся, сменилось тишиной.

Пеканы попятились от тела, как будто после смерти гигантши её плоть и кровь показались им отвратительными. Сандер ожидал, что невидимая аудитория вот-вот обрушится с дубинами на животных и беспомощных пленников. Может быть, они с Фейни избежали ужасной гибели, которую готовила им огромная самка, но сами они пока ещё не освободились.

Биение стихло. Сандер больше его не слышал. Зато он слышал шум в ветвях и приготовился к нападению. Однако оно всё не начиналось, и он почувствовал ещё большее опасение: их убьют не сразу, они станут жертвами какого-нибудь ужасного жестокого обряда.

Пеканы сидели возле Фейни, поводя головами из стороны в сторону и наблюдая за деревьями. Хоть они и показали свою свирепость в нападении на гигантшу, Сандер подумал, что если лесные люди воспользуются состью, их звери тоже окажутся бессильными.

Проходило время. Сандер больше ничего не слышал. Солнце светило всё горячее, и над поляной заструился удушливый запах смерти.

— Они ушли, — нарушила выжидательное молчание Фейни.

— Что? — Сандер попытался приподнять голову, чтобы лучше рассмотреть, что скрывается в листве.

— Они ушли, — повторила девушка.

Может, оно и так. Но пленники всё ещё не свободны. Тиски сети превратились в пытку; Сандер перестал следить за угрозой и обратил всё внимание на своё состояние.

— Лежи неподвижно, — сказала Фейни. — Я слышала об этих лианах. И против них есть средство. Но лежи неподвижно, а я попытаюсь дать Кайе понять, что нужно сделать.

Он и так не мог пошевелиться, и страхи его приняли другое направление: усиливающееся сжатие разрежет его тело на куски, сломает спину под весом узла с кузнечным инструментом. Ему и так ничего не остаётся делать, как лежать неподвижно.

Обжигающее солнце снова вызвало головную боль, он хотел воды, хотел избавиться от пут. Кайя присела возле девушки, чуть не касаясь мордой её лица. Они молчали и смотрели друг другу в глаза.

А Кай в это время бродил по поляне, останавливался под каждым деревом и смотрел вверх, будто высматривая добычу. Время от времени его большое тело скрывалось за камнями. Дважды пекан во всю длину тела поднимался на ствол, всматривался, голова его слегка покачивалась справа налево, он принюхивался.

Сандер снова посмотрел на Кайю и Фейни. Пекан отошёл от девушки и погрузил сначала одну, потом другую лапу в кровь мёртвого врага. С той же осторожностью он опустил лапы на рыхлую землю, чтобы к ним прилип песок.

Подготовившись таким образом, Кайя вернулась к

Фейни и вцепилась грязными лапами в сеть. Из всех сил стараясь разорвать её.

Она несколько раз возобновляла покрытие лап, чтобы не прилипнуть к сети. Но затем упорно возвращалась к своему занятию. Сандер несколько раз терял сознание. Боль в голове, всё усиливающееся давление на спину вызывали обмороки, и он не знал, как долго они продолжались. Каждое мгновение он ожидал возвращения лесных людей, но теперь его это больше не тревожило. Наконец он погрузился в охватившую его тьму.

Он пришёл в себя, чуть не захлебнувшись: из угла его рта лилась вода. Всё ещё не вполне очнувшись, он болезненно сглотнул, и снова вода полилась на его сухие губы. Но он мог дышать, боль в спине затихала. Он пошевелился и понял, что свободен от сети. Над ним склонилась Фейни, это она понемногу лила воду ему в рот.

— Мы... — голос его звучал откуда-то издалека.

— Ты можешь двигаться? — спросила она. — Попробуйся! Можешь сидеть?.. стоять?..

Он смутно, сквозь окутавший его туман, чувствовал, что она чего-то требует. И кузнец послушно встал на колени, а затем с её помощью поднялся на ноги.

Солнце не жгло уже так жаростно, но они по-прежнему находились на поляне, возле гигантского тела. Сандер торопливо отвёл глаза.

— Пойдём! — Фейни настойчиво тащила его. Сандер сделал шаг, пошатнулся.

— Мои инструменты! — Это была его первая связная мысль. Он не оставит то, что связывает его с прошлым.

— Их понесёт Кай! — нетерпеливо ответила она. — Идём!

Самец пекан уже тащил узел Сандера, дёргая его, когда тот застревал среди камней или цеплялся за кусты. И так как Сандер не был уверен, что сможет даже нагнуться, ему пришлось довольствоваться этим.

Он шёл, и силы постепенно возвращались к нему, хотя возобновившееся кровообращение причиняло сильную боль. Мозг его тоже начал проясняться.

— Древесные люди... — он пытался найти слова для своего предчувствия.

— Они не вернулись... не знаю, почему, — призналась Фейни. — Может быть, после того как Кай и Кайя убили их

огромную самку, они боятся их. Но они могут вернуться. На этот раз мои пушистые не дадут им приблизиться без предупреждения.

— Куда мы идём?

— Здесь есть тропа, — ответила девушка. — Она ведёт направо, на восток. Я думаю, безопаснее будет побыстрее выбраться к морю, чем возвращаться через лес.

С этим он согласился. Фейни несла его самострел, теперь она сунула его ему в руки.

— Вот твоё оружие, держи его наготове. Неизвестно, как попытаются отомстить эти звери.

Он с радостью взял самострел. Если она права и пеканы смогут предупредить о новом нападении с сетью, тогда у них действительно есть шанс. У нападавших он не видел оружия, кроме нескольких неуклюжих дубин.

Как только он смог идти самостоятельно, Фейни прошла несколько вперёд, неся на спине собственный мешок. Кайя шла рядом, а самец сзади. Сандер прислушался.

Удары — скорее вибрация, а не звук — прекратились. Лес затих, не слышалось даже голосов птиц, вообще никаких звуков жизни под зелёным навесом. И тут Сандер уловил далёкий знакомый вой. Рин!

Но если койот последует за ними, он может быть пойман сетью. А Сандер никак не может предупредить его. Или всё же может?

Кузнец остановился, набрал полные лёгкие воздуха и испустил крик, который ничем не напоминал его обычный призывный свист. Военский клич большой горной кошки. Поймёт ли его Рин? Сандер надеялся на это.

Оба пекана повернулись к нему, а Фейни явно удивилась. Сандер крикнул ещё дважды, думая, что отчаяние позволило ему почти точно воспроизвести крик зверя.

— Рин, — объяснил он. — Он не должен идти за нами, его могут поймать. Это крик нашего старого врага. Может, он поймёт предупреждение.

Девушка кивнула и пошла дальше. Сандер видел, что раньше здесь была дорога. Не такая широкая, как та, по которой они шли прежде, но всё ещё со следами покрытия. Эти камни на поляне. Вспоминая их, он решил, что они слишком правильные для естественных скальных выступов. Может, и их по какой-то причине установили люди.

Вскоре к своему облегчению Сандер заметил, что лес редееет. И уловил звук, который, как он надеялся, был звуком далёкого прибоя. Если только они доберутся до открытого берега, они будут в безопасности. Нападения сверху можно будет не опасаться.

Они пошли быстрее. Кузнец почувствовал себя достаточно сильным, чтоб поднять свой узел на плечи. В кустах виднелись каменные прямоугольники. Здания древних? Больше его это не интересовало; им нужно как можно быстрее выбраться из леса.

Деревья росли всё реже. Кусты, высокая трава, груды камней преграждали путь, им постоянно приходилось пробираться сквозь них. Пеканы шли легко, но людям приходилось гораздо труднее.

Наконец они снова увидели открытое солнце, но теперь оно стояло довольно низко. И море! Сандер взобрался на камень, чтобы убедиться в этом. И увидел быстро бегущего по берегу, так что песок летел из-под лап, Рина! Койот спугнул стаю береговых птиц, которые взлетели с резкими криками. В воздухе громко и ясно прозвучал вой Рина.

Они прорвались сквозь заросли ползучих кустов, и песок заскрипел под их ногами. Свежий морской воздух прогнал последние болезненные воспоминания об ужасах леса. Рин подбежал к ним, ткнулся носом в Сандера, слегка порывал, должно быть, уловив запах лесных людей и их сети. Навострив уши, он посмотрел в сторону леса и зарычал громче.

— Не сейчас! — весело сказал ему Сандер. — Мы свободны!

Они не хотели оставаться вблизи тёмного леса. Напротив, свернули на север, всё время оставаясь на берегу, где можно за милю видеть тех, кто приближается.

— Кто они? — спросил Сандер вечером, когда они расположились среди дюн. На огне жарились крабы, которых Рин вытащил из песчаных нор. — Ты видела их или слышала что-нибудь?

— Древесные люди? — Фейни распаковывала свой мешок, тщательно осматривая содержимое, как будто боялась, что потеряла что-нибудь при переноске. — Не знаю. Думаю, они появились здесь недавно; мои люди каждую осень ходили в лес за орехами и никогда их не встречали. Ты думаешь, они не настоящие люди?

— Не знаю. Мне они кажутся ближе к животным, чем

Рин и твои пушистые. И почему они служили этой великанше?

— В Тёмное Время и у людей, и у животных произошло много странных изменений. Мой отец, — она снова взялась рукой за подвеску, — он знал об этих изменениях. Он рассказывал матери, что некоторые животные делаются похожими на человека. Может, справедливо, что и некоторые люди отступают к животным. Эти лесные люди даже не рабовладельцы — хотя по духу похожи. — В её глазах снова загорелась ярость, когда она заговорила о нападавших на Педфорд. — Я думаю, они нас отдали в жертву своей самке.

Сандер не вздрогнул, хотя сдержался с трудом. Что было бы, если бы их не спасли пеканы? Ему не хотелось думать об этом. Он заметил, что ночью ни Кай, ни Кайя, ни Рин не отходили от костра, сидели в его свете. Возможно, на них тоже подействовала враждебность этого места, они чувствовали угрозу.

Он предложил дежурить по очереди, чтобы постоянно поддерживать огонь, и Фейни тут же согласилась. Но настояла, что будет дежурить первой, сказав, что он из-за тяжёлого мешка пострадал от сети больше. И хоть ему хотелось поспорить, здравый смысл подсказал ему, что это будет выглядеть совсем по-детски.

Когда она разбудила его, стояла тёмная ночь. Рин лежал, положив голову на передние лапы, его глаза — узкие щёлочки — не отрывались от Сандера, когда тот подошёл к костру. Пеканы свернулись в два мохнатых клубка, и Фейни улеглась на песок между ними.

На небе ярко и чисто горели звёзды, успокаивающе шумел прибой. Сандер встал, койот тут же поднял голову, но кузнец знаком велел ему лежать. Он спустился к воде, набрал ещё плавника. Сидеть не хотелось. Возвращаясь назад, он смотрел на тёмную тень леса. Последовали ли за ними лесные люди? Скрываются ли там слуги этой... кто она была для них: вождь, мать племени, может, шаманка со сверхъестественной силой? Они никогда не узнают. Только у неё нет общих предков с Фейни и с ним, она от них дальше, чем даже эти пушистые.

В мире, должно быть, много удивительного. Лучше им в дальнейшем двигаться с большей осторожностью, ничего не считая безопасным, пока это не будет доказано.

Он вернулся к костру и подложил дров. Увидев, что Сандер садится, Рин закрыл глаза. Фейни ровно дышала. Во сне лицо её стало совсем юным, неопытным. Он объяснен жизнью ей и её пушистым. Ему не очень понравилась эта мысль. Он шёл, как неопытный мальчишка на первом перегоне скота. Ему нечем гордиться в сегодняшних происшествиях.

Нахмурившись, он подтащил к себе мешок с инструментами, достал их, осматривая один за другим. Два молота, взятых в Педфорде, их нужно снабдить древками. Но тут ничего нет, кроме обломков, а их крепости он не доверял. Со временем он подыщет подходящее дерево и изготовит рукоятки. Он решил, что инструменты получатся отличные.

Он думал и о человеке, который ими пользовался. Что за кузнец был в Педфорде? Надо бы расспросить Фейни. Но потом он решил, что не стоит вызывать у неё воспоминаний об её людях и их судьбе.

Это, в свою очередь, заставило его подумать о том, что она ищет, — об оружии Предков, достаточно мощном, чтобы уничтожить нападающих с юга. Существует ли такое оружие? Он сомневался в этом. Но в том, что Фейни что-то знает о тайном месте, он не сомневался.

Металл...

Он думал о меди и золоте, серебре и железе — эти металлы он знал, они подчинялись его воле. Но другие, странные сплавы, секрета которых не знает ни один человек, если бы он мог овладеть и ими! Его охватило нетерпение, он готов был сорваться с места и побежать — побегать туда, где скрываются тайны, о существовании которых говорила Фейни.

Он должен справиться со своим разыгравшимся воображением. Фейни смутно знает, чего ищет. Не стоит полагаться на удачу. Сандер снова упаковал инструменты и завязал узел. Им повезло, что они вообще выбрались из этой передраги.

Глава 5

Два дня они шли по дюнам. Кроме птиц, медуз и крабов, за которыми они охотились, не было видно ничего живого. Далеко на западе виднелась тёмная линия леса.

Между ними и ею располагалось обширное пространство, поросшее жёсткой травой, которая росла редкими пучками, и кустами, принявшими под действием морского ветра самые необычные формы.

На третье утро они добрались до ещё более странной пустыни. Море уходило на восток, а перед ними лежал склон, уходивший вниз, в место, которое когда-то было океанским дном, а сейчас открылось воздуху. Там на скалах виднелись ожерелья из давно умерших моллюсков, а хрупкие скелеты других морских обитателей лежали полупогребённые среди источенных волнами камней.

Сандер хотел свернуть на запад, надеясь обогнуть эту пустыню. Но Фейни колебалась, глядя на подвеску, в которую она, по-видимому, глубоко верила.

— То, что мы ищем, там! — Она указала прямо вперёд, на пустыню бывшего моря.

— Далеко ли? — спросил Сандер. Ему не понравилась предложенная ею дорога.

— Не знаю.

— Но мы должны быть уверены. Идти туда... — Он покачал головой. — Мы досели все припасы. Здесь не будет даже крабов и моллюсков. И хоть бутылки мы наполнили сегодня утром, надолго нам воды не хватит.

— А если мы свернём на запад, сколько дней добавится к нашему пути? — возразила она.

Он посмотрел на запад. Песчаный берег, по которому они шли, сужался, превращаясь в скалистый уступ, на котором росли деревья. Возвратиться в лес после испытанного ими — нет уж, если только есть обход. Но ему всё же нужна была уверенность, помимо смутного указателя направления Фейни.

Правда, он видел, что кое-где бывшее морское дно поросло травой и низкорослыми кустами. Оно оказалось совсем не такой пустыней, как он думал. Виднелись скалы, которые можно использовать как ориентиры, так что им не придётся бродить кругами, когда они уйдут далеко от берега.

— Дневной переход, — согласился он. — Если ничего не найдём, вернёмся...

Девушка, казалось, его не слушала, хотя она и кивнула. Она опустила на место подвеску и с ожиданием посмотрела вперёд.

Рин спокойно сидел рядом. Но пеканы бегали взад и вперед, выражая свистом своё недовольство. Пошли они вслед за остальными, только когда их поманила Фейни. Ясно было, что им не по душе эта местность.

Первое время дно было покрыто песком, идти оказалось легко. Потом начался спуск, покрытый гравием и изъеденными водой камнями. Камни двигались и переворачивались под ногами. Сандер решил, что покинутая ими земля некогда образовывала одну сторону большого залива.

Солнце светило сквозь огромную изгородь широко расставленных рёбер, принадлежавших какому-то морскому созданию, а может, это были заросшие моллюсками окаменевшие балки корабля. Сандер не мог понять, что именно.

Поверхность морской пустыни была неровной, встречались углубления и холмы. В одном углублении им попался небольшой, обрамлённый высохшей солью бассейн — последний остаток ушедшего моря.

Всё дальше и дальше углублялись они в пустынное дно моря; оглядываясь назад, Сандер с трудом различал деревья на покинутом ими берегу. И всё больше росли сомнения относительно правильности выбранного пути. Катастрофа, разразившаяся здесь, казалось, отрицала саму жизнь.

Наконец они достигли глубокой пропасти и посмотрели вниз, на рваные откосы. Внизу текла река. Как перейти её? Пеканы начали спуск, направляясь к воде. Он и Фейни, пожалуй, тоже могут спуститься, но Рин не сможет. Придётся обходить — снова на запад, ещё дальше в пустыню, надеясь найти место, где легче перейти ущелье с рекой.

Впрочем, река решала одну проблему: Сандер видел, как пеканы погрузили морды в воду и с удовольствием пили её.

Они двинулись по краю пропасти. Надежды Сандера оправдались; скоро пропасть измельчала, река же расширилась. Они обходили множество остовов, которые Сандер счёл остатками кораблей, пока не подошли к чему-то совершенно иному. Остатки стены из массивных камней, слишком правильной формы, чтобы быть делом природы. За ними лежали другие камни, которые могли обозна-

чать начало дороги, и две большие упавшие колонны, сплошь покрытые моллюсками. Очевидно, очень старые, может, из времён, предшествовавших даже Предкам. Сандер рассматривал колонны, Фейни провела пальцами по краю одной из них.

— Старое, старое... — сказала она. — Может, было другое Тёмное Время, когда море затопило землю, а в наше Тёмное Время снова отступило. Если бы мы только знали... — голос её звучал задумчиво.

Они не смели задерживаться, чтобы рассматривать то, что открыло море, и решительно направились к реке и пошли вниз по её течению.

Сумерки застали их на новом морском берегу, и они разбили лагерь под звуки волн. Здесь тоже нашлось немало плавника для костра. Пеканы каждый притащили с реки по большой рыбине. Фейни с радостью встретила их добычу; её люди знали эту породу рыб, но им редко удавалось их поймать.

Рыба на прутьях жарилась над костром, Сандер прислонился к обточенному водой камню и смотрел на реку. Течение заметное, но река здесь шире и мельче. Он решил, что при дневном свете они сумеют переправиться без большого труда. Потом пойдут дальше на запад вдоль реки, заботы о пресной воде тогда не будет. Хоть река и увела их далеко от намеченного Фейни направления, может, это и не такая уж помеха.

Фейни выложила рисунок из различных морских раковин. «Удивительно, Сандер-кузнец, что среди них нет двух одинаковых. Форма похожа, но узоры — всегда есть какое-то отличие. Их ценят Торговцы, за некоторые можно купить медную проволоку, даже кусок ржавого железа с хорошей сердцевинкой. Я...»

Но Сандер так и не узнал, что она хотела сказать дальше. Он смотрел на Рина. Затем сделал быстрый жест одной рукой и взялся за самострел. Койот оцетинился, оскалил зубы, глаза его превратились в щёлки.

Сандер напряжённо прислушивался. Фейни присела у огня, положив руки на Кая и Кайю, которые тоже негромко зашипели.

Послышался плеск — с моря или от реки? Сандер не мог этого понять. Рин снова зарычал.

— Факел! — прошептал Сандер Фейни.

Она немедленно схватила толстую ветку, сунула её конец в огонь. Ветка загорелась, Фейни взмахнула ею, раздувая пламя. И прежде чем Сандер смог остановить её, прошла вперёд, к большому камню, держа пылающую ветку перед собой.

Он встал, не выпуская самострела из рук. В темноте слышалось кваканье. И тут пламя факела осветило тёмную фигуру на берегу реки. Тело её блестело, как будто только что появилось из воды.

Существо стояло прямо, как человек, на задних конечностях. Но в остальном — оно казалось ещё менее человекоподобным, чем лесные люди. Бледная кожа вокруг торса свисала складками, верхняя часть была плоской. Из огромной зияющей пасти доносилось кваканье, над пастью видны были выпуклые глаза. Но...

Вокруг пояса страшилища была обвязана шкура, а за неё заткнуты два смертоносных орудия, сделанных как будто из кости, а не из металла.

— Не стреляй! — выкрикнула Фейни. — Оно испугалось. Я думаю, оно уйдёт само...

Не успела она договорить, как существо прыгнуло назад и погрузилось в воду. Пламя факела не доставало дальше берега, поэтому больше ничего не было видно.

— Огонь... ему не нравится огонь, — девушка говорила убеждённо, как будто смогла за эти несколько секунд проникнуть в мозг водяного существа.

Рин пробежал мимо них к берегу, отчаянно залааяв на воду. Очевидно, койот решил, что водный житель опасен.

Сандер подумал, что если они хотят пересечь реку, чтобы продолжить путь, им придётся погрузиться в воду — родную стихию этого существа. Такая перспектива ему не понравилась.

— Что это было? — Эти места больше знакомы Фейни, и он обратился к ней за разъяснением. Но она покачала головой.

— Опять — я такого раньше не видела. Но рассказывали, что когда-то такие существа вышли из моря у Педфорда и опустошили наши сети, прихватив и неосторожных рыбаков. Это было после большой бури, и вода в море покраснела. От неё дурно пахло, много рыбы сдохло, и люди сжигали её большими грудками на берегу. Но позже они никогда не появлялись. Это было во времена матери

моей матери, и тогда этих существ никто не рассмотрел. Говорили, что они разумные: сети оказались разрезаны в таких местах, чтобы нанести больше вреда.

Сандер снова сел. «Оно не очень похоже на человека», — проговорил он.

— Это водное существо, — согласилась Фейни. — Слушай!

Сквозь шум прибоя, сквозь журчание реки слышался звук, хотя и далёкий, — то самое кваканье. Может, существо, которое они видели, лишь разведчик большого отряда? Вероятно, с их стороны глупость — оставаться возле реки. Но Сандер колебался: ему не хотелось идти в темноте.

В конце концов они решили, что у костра и рядом с бдительными Рином и пеканами они могут оставаться на месте. Сандер изготовил второй факел, чтобы при его свете набрать ещё дров, а Фейни достала из одного мешка толстый стержень длиной с ладонь. Она повернула стержень направо и коснулась одного места на его боку. Вспыхнул свет, который ослепил Сандера во время их первой встречи.

— Это вещь Предков, — гордо сказала она. — Тоже осталась от моего отца. Но он сказал, что у неё жизнь ограничена, она умрёт. Тем не менее мы сможем её использовать.

Сандер покачал головой: «Если она скоро умрёт, то нужно её поберечь, чтобы использовать в более трудных случаях. Ты говоришь, эти водные существа боятся огня. Мы его и используем.»

Фейни держала факел, а он набрал плавника по обе стороны лагеря. Получилась большая груда. Сандер надеялся, что на ночь хватит. Костёр может гореть низко, пока не видно угрозы.

Они снова распределили дежурство. На этот раз ни пеканы, ни Рин не засыпали глубоко. Скорее дремали. время от времени вставали и уходили ненадолго во тьму. Сандер считал, что они обходят лагерь.

Сам он прислушивался. Но кваканье стихло. Даже когда пришла его очередь спать, он время от времени просыпался и прислушивался.

Утром он спустился к реке, чтобы решить, где её переходить. Фейни настаивала на этом: то, что она ищет, нахо-

дится на другом берегу, к северу и немного к западу. Если они вернутся назад, туда, откуда вышли вчера, всё равно им придётся переправляться через реку, а она может охраняться водными существами.

Смогут ли они пересечь реку сегодня и здесь?

Река вливалась в новое море. Сандер бросал в неё куски дерева, и ему не понравилась быстрота, с какой их уносило течение.

Он попытался измерить глубину с помощью длинной ветки. У берега по пояс. А дальше придётся плыть. И к тому же нужно преодолевать течение, которое может унести в море.

Значит, учитывая снос, придётся пройти выше по течению. Он знал равнинные реки. Но ни одна из них, кроме как весной, в половодье, не представляла таких проблем.

— Плавать умеешь? — спросил он Фейни, когда она присоединилась к нему. Самому ему нечем было похвастать. Но он всё же считал, что сумеет продержаться на воде, пока не доберётся до противоположного берега. Конечно, если ночной посетитель с товарищами не явится, чтобы затруднить переправу.

— Да, а ты?

— Переправиться сумею.

— Я думаю, лучше переправиться здесь. — Девушка поддержала его решение. — Возвращаясь, мы потеряем много времени, и там может оказаться ещё хуже.

Они постарались подготовиться как можно лучше. Привязали мешки повыше к спине Рина, разделись и одежду тоже нагрузили на койота. Держа в руке посох, Сандер неохотно вошёл в воду. Она оказалась холодной, входить не хотелось. Течение тянуло всё сильнее. Он осторожно нащупывал дно, чтобы неожиданно не погрузиться с головой. Рин двигался рядом ниже по течению, а сзади слышался плеск: это следом шли Фейни и её спутники.

Сандер позаботился ещё об одной предосторожности. Из своих запасов он достал верёвку из шкуры, привязал её к мешкам на Рине, потом себе к поясу и к поясу Фейни.

Он погрузился по горло, пришлось бороться с течением, чтобы устоять на ногах. Неожиданно Сандер потерял опору. Вынырнув и отчаянно отплёвываясь, он неуклюже поплыл. Через несколько мгновений его прибило к койоту, и их обоих понесло вниз по течению.

Страх охватил Сандера. Что если они не вырвутся из лап захватившего их течения? Перед переправой он строго приказал Фейни, что если их с Рином понесёт течением, она должна перерезать верёвку, чтобы у неё оставался шанс выбраться. Но она этого не сделала.

Рин шумно плыл, Сандер держался около него, не решаясь взглянуть, насколько близко их унесло к морю. Ему казалось, что теперь вода держит его так же крепко, как сеть в лесу.

Наконец койот нащупал дно и побрёл вперёд. Сандер прочно держался за верёвку. Мгновение спустя он больно ударился о подводный камень и смог встать на ноги.

Держась за Рина, он шлёпал к противоположному берегу. Верёвка у пояса натянулась, чуть не опрокинув его. Он схватил её руками и оглянулся.

Ниже по течению Фейни отчаянно размахивала руками в воде. Её унесло уже ниже того места, где находились Сандер и Рин. Сандер плечом подтолкнул койота, чтобы тот тоже тянул.

Общими усилиями они тянули Фейни. И прежде чем Сандер смог подумать, что случилось бы, если бы они не вытащили её, девушка выбралась на берег, встряхивая промокшими волосами.

По берегу к ним бежали пеканы. Они переправились спокойнее всех. Остановились и принялись отряхиваться, разбрасывая во все стороны брызги. Но Рин повернулся к реке и зарычал.

Сандер увидел на воде расходящиеся в две стороны следы. Он дёрнул за веревку, всё ещё соединявшую их с Фейни.

— Пошли!

И побежал, потащив за собой девушку, отчётливо осознавая свою беззащитность. Рин бежал рядом, но пеканы задержались, образуя арьергард и рыча на то, что двигалось в воде.

Сандер не останавливался, пока они не добежали до камней, в которых почувствовали себя в относительной безопасности. Тут он достал из узла самострел и при этом снял с Рина весь груз, чтобы освободить его для действий.

Со спины Рина он взобрался на самый высокий камень. Лёг там на живот и посмотрел назад. При утреннем свете всё было хорошо видно. Из воды выходила целая группа

существ, подобных их ночному посетителю. Больше десяти. Впрочем, внешне они всё же отличались: у каждого на теле был панцырь, изготовленный из большой раковины. Круглые головы покрыты аналогичным образом, и даже к рукам и ногам прикреплены пластины. Они явно пришли готовые к сражению.

Оружием им служили длинные копья с острыми зазубренными наконечниками. Сандер рассматривал их как профессионал. Они были изготовлены так, чтобы концы обламывались и застревали в ране. Квakanье звучало более гулко, может, из-за панцырей на головах. Прыгая вперёд, они непрерывно квакали.

Даже если они и речные жители, то могут продвигаться и на суше. Не колеблясь, они устремились вперёд. Пеканы не набросились на врага, как сделали это в лесу. Напротив, звери Фейни бегали назад и вперёд, держась на безопасном удалении от копий, хотя и с рычанием и свистом, но осторожно отступая.

Сандер тщательно прицелился и выстрелил. Он попал в цель, но существо внезапно переместилось, и стрела застряла в панцыре у плеча, а не попала в уязвимое место между грудным и головным щитками.

Но всё же этот выстрел странно поразил врага. Существа остановились и собрались. Тот, в кого попала стрела, дёргал её до тех пор, пока не вырвал из панцыря. Он подержал стрелу перед глазами, как будто хотел оценить её опасность. Квakanье стало громче, возбуждённой.

Сандер уже приготовил вторую стрелу. Но у речных существ было так мало незащищённых мест, что он пока не решился стрелять, дожидаясь лучшей возможности. Фейни, уже одевшись, оказалась рядом с ним. Её рука легла на самострел.

— Я подержу это, а ты пока оденься, — сказала она. — Под таким солнцем ты быстро обгоришь.

Сандер и так уже чувствовал жар солнца. Но оставить ей оружие...

— Иди! — Она сильно толкнула его в плечо. — Я умею пользоваться этим оружием. — В голосе её прозвучал гнев, как будто она сердилась из-за его колебаний.

Оружие она держала умело, и Сандер поверил, что она говорит правду. Он положил на камень ещё три стрелы и спустился к своей одежде.

Вернувшись, он обнаружил, что пеканы отступили к основанию той «стены», на которой лежали они с девушкой, а речные создания, очевидно, оправились от удивления при виде стрелы и снова настойчиво стали приближаться к ним. Они не шли, а скорее прыгали, но продвигались довольно быстро.

В этот момент Фейни выстрелила. Предводитель водного отряда выронил своё копье. С громким отчаянным кваканьем он затряс «рукой» с четырьмя одинаковой длины пальцами, соединёнными перепонкой. Из неё торчала стрела.

И снова враги собрались и принялись осматривать рану. Сандер удивился их тактике. Она показалась ему глупой. Земноводные находились в пределах досягаемости оружия, однако они стояли вокруг раненого товарища, интересуясь им, а не теми, кто в скалах. То, что они не опасались контратаки со стороны осаждённых, казалось удивительным. Может, они не понимали, откуда взялась стрела? Может, они настолько глупы или у них такой чуждый образ мыслей, что они не связывают стрелу с теми, на кого нападали?

Фейни передала ему самострел и посоветовала:

— Не убивай, если не будешь вынужден. Смерть может вызвать их месть.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю... вернее, не могу найти слова, чтобы объяснить. — Она казалась такой же удивлённой, как водные существа, рассматривавшие стрелу. — Просто я знаю, что чувствуют и думают мои пушистые. Эти существа встревожены, они боятся. Но если их рассердить, ненависть у них победит страх. Тогда они не будут считаться с тем, сколько их погибнет, и доберутся до нас. А теперь они в сомнении, им кажется, что на нас не стоит охотиться.

Сандер не понимал, откуда девушка всё это знает. Должно быть, просто догадывается. Но он больше не стрелял, хотя цель была совсем рядом.

Глава 6

Теперь, когда у Сандера появилась возможность внимательней рассмотреть их временное убежище, он убедился, что это не просто грудa камней, а как будто тоже

сооружение древних разумных существ. Солнце ярко светило в глаза, Сандер, щурясь, рассмаривал поверхность, на которой лежал. Задерживаться здесь — значит напрашиваться на неприятности.

Отряд водных существ наконец снова задвигался. Двое присели, держа свои копья высоко в воздухе. Остальные, включая раненого, поскакали обратно к реке.

Сандер соскользнул вниз. Пора уходить и им. Он решил, что враг отправился за подкреплениями. И был уверен, что с двумя оставшимися они справятся, если те последуют за ними в пустыню.

Фейни согласилась с его предложением. Она стояла, держа в руках подвеску и глядя на северо-запад.

— Нам придётся держаться подальше от рски, — предупредил Сандер. — Вода — их стихия, и в ней у них преимущество. — К счастью, он успел перед переправой наполнить бутылки. Но, глядя на опалённую солнцем пустыню, он пожалел, что у него нет второй или третьей кожаной бутылки про запас.

С другой стороны, обширное пространство песка и камня, пропечённое солнцем, должно отпугнуть водные создания. Если это действительно земноводные, какими он их считал, вряд ли они решатся на долгий переход в пустыне.

В сущности, решил Сандер, осматривая суженными глазами пространство впереди, не так уж там и плохо, если, конечно, соблюдать осторожность. Он умеет находить путь по звёздам, используя эти далёкие светлые точки в качестве указателей. Но сначала нужно найти укрытие до захода солнца.

Снова он начал вслух оценивать ситуацию. Выражение сосредоточенности исчезло с лица Фейни, она опустила подвеску.

— Наши мореходы тоже правят по звёздам, — медленно ответила она. — И я думаю, жара тут такая, что днём двигаться невозможно. Да, ты решил правильно.

Снова Сандер ощутил приступ раздражения. Конечно, он решил правильно! Её тон ему не понравился: похоже, она считает, что может решать, правильно или неправильно он поступает. Её утверждение, что только благодаря её воле и силе её племя было в безопасности и только из-за её отсутствия они подверглись нападению, казалось ему нелепым. Может, она и шаманка, с её трюками, предска-

заниями и прочим, но его племя верит только в собственные решения и действия, и он тоже таков.

Они выступили рысцой, пеканы держались в тылу, а Рин опять нёс на себе весь груз, кроме самострела, который Сандер держал наготове. Кузнец также сунул за пояс с полдюжину новых стрел, чтобы они были под рукой. Хотел бы он, чтобы их было больше. Его печалила потеря двух стрел, когда и так его вооружение весьма ограничено.

Рин, несмотря на груз, уверенно бежал впереди, всё время возвращаясь и убегая, как делал во время охоты. Вначале Сандер часто останавливался и смотрел назад.

Если два вооружённых земноводных и преследовали их, то укрывались так успешно, что заметить их не удавалось. Чем дальше беглецы уходили в покрытую солью сухую пустыню, тем увереннее Сандер думал, что водные существа не пошли за ними.

Но это не ослабляло его бдительности по мере их продвижения на северо-запад. Фейни время от времени посматривала на свою подвеску, как бы проверяя направление. Сам Сандер выбрал древний метод: он замечал какую-нибудь заметную особенность местности и нацеливался на неё. Потом, достигнув цели, выбирал новую.

Их начала мучить жажда. Шаги поднимали в воздух тонкую пыль, пропитанную солью. Сандера раздражало, что река, с её щедростью, для них теперь закрыта. Разве что отчаяние заставит их пренебречь опасностью.

Он испытывал жажду на равнинах, ему приходилось совершать далёкие путешествия со скудным запасом воды. Но там он хорошо знал местность, и всегда была надежда на то, что Рин, с присущим его племени инстинктом, раскопает в одном из сухих русел живительную влагу. Но где они в этой проклятой земле смогут отыскать что-нибудь подобное?

Каждый раз, как они останавливались передохнуть, кузнец взбирался на ближайшую скалу и смотрел не только назад, но и вперёд. Если бы они могли скрыться где-нибудь от этой жары и подождать наступления ночи.

Во время пятого такого осмотра он увидел какой-то предмет немного к востоку от их курса. К обломкам древних кораблей они привыкли, несколько раз Сандер даже использовал их как ориентиры. Но тут было нечто необычное.

Прежде всего Сандер был уверен, что заметил блеск металла. Во-вторых, форма предмета, который он рассматривал, была совершенно необычной. По сравнению с остовами других кораблей этот был длинный и узкий, лежал он, слегка наклонившись, его сломанные надстройки нацелились на скалу, на которой стоял Сандер.

И он казался не таким старым. Один конец его был разбит при ударе о риф, но в остальном, казалось Сандеру, он оставался цел. Может, его оставили те люди, которые бежали перед наступающим морем. Во всяком случае это надежда на убежище.

Если бы они смогли пробраться внутрь корпуса, то убежище было бы найдено. Фейни с готовностью согласилась.

Когда они приблизились к странному кораблю, Сандер понял, что его первоначальная оценка оказалась ошибочной. Корабль оказался больше, чем ему показалось. Его очертания удивили и Фейни: она заметила, что таких никогда не видела.

Рядом с ним путники казались карликами. Хотя на плитах корпуса видны были следы ржавчины, в целом металл отлично сохранился. Сандер потрогал корпус и решил, что под тонким слоем ржавчины он не тронут временем.

Вход должен находиться на наклонной палубе. Сандер достал свою верёвку и один из молотов. Прочно привязал молот к концу верёвки. Потом попросил Фейни оставаться на месте, а сам обогнул узкий конец древнего корабля и оказался по другую сторону.

Тут он раскрутил конец веревки с привязанным молотом над головой и бросил. Дважды молот в облаках ржавчины падал назад. Но в третий раз он зацепился за какую-то часть надстройки, и даже самые энергичные толчки не смогли его освободить. Сандер начал подъём и скоро оказался на наклонной палубе. Прямо перед ним возвышалась башня, как будто сломанная рукой великана. Никаких других отверстий он не увидел.

Он пересёк палубу и взглянул вниз, на Фейни. Рин, освобождённый от груза, убежал. И хотя Сандер свистнул, койот даже не оглянулся.

Раздражённый, Сандер понял, что на этот раз Рин решил действовать самостоятельно. Может, пошёл искать

воду. Но койот направился на запад, в глубь пустыни, а не на восток, как ожидал Сандер. Пеканы, однако, оставались около корабля. Они явно беспокоились. А может, просто им не нравилось находиться так далеко от привычной им зелёной земли.

Сандер опустил конец верёвки, предварительно убедившись, что молот прочно застрял, и Фейни поднялась к нему. Она встала, расставив ноги, чтобы уравновесить наклон, и медленно поворачивала голову.

— Что это за корабль? — задумчиво спросила она, больше себя, чем его. — Он очень странно выглядит.

Сандер подошёл к разбитой надстройке. Стены её покрывала ржавчина, но можно было войти внутрь, в темноту. Здесь был нужен свет Предков. Сандер попросил его у Фейни. Она посветила лучом в пролом, и Сандер увидел на стене остатки лестницы, которая уходила вниз в отверстие в полу. Фейни светила сверху, а он спустился, испытывая каждое кольцо лестницы, прежде чем ступить на него.

Он оказался в небольшом помещении, заполненном разбитыми предметами, которых он не узнавал. На всех виднелись следы моря. Но лестница вела дальше. И он продолжил спуск и вскоре уже стоял в большем помещении, вдоль стен которого виднелось множество закрытых шкафов. Все разбиты и побывали в воде. Он крикнул, Фейни спустила свет, потом спустилась сама, а он светил ей вверх, чтобы осветить ступеньки. Остановившись рядом с ним, она с удивлением посмотрела на загадочные сооружения у стен.

— Чем это Предки приводили свой корабль в движение? — спросила она в затхлом воздухе, полном запаха моря. — Нет ни мачты, ни вёсел.

Сандер поражался окружившему его богатству металла. Ясно, что в Тёмное Время корабль стал игрушкой волн, и прорвавшаяся вода причинила много вреда. Но большая часть металла оставалась прочной. Соскребая нарост из моллюсков и ржавчины, он видел под ним яркий и сильный блеск.

Справа, за не имевшими смысла обломками, виднелась плотно запертая овальная дверь. Он осторожно пробрался через обломки и остановился в поисках запора. На двери колесо: может, нужно его повернуть?

Но хотя он приложил все силы, колесо не повернулось. Тогда Сандер достал молот и начал ритмично бить, несмотря на тесноту, в которой он не мог по-настоящему размахнуться.

Вначале он только сбил толстый нарост морских окаменелостей с поверхности. Потом упрямый запор слегка подался, Сандер чувствовал, как растёт его возбуждение. Удары его становились всё сильнее, и вдруг колесо неохотно повернулось. Сандер разразился целой серией ударов, зорким глазом кузнеца намечая самые уязвимые места.

Он решил, что ему удалось повернуть колесо так, чтобы оно встало против зазора, который освобождал замок. Но дверь была запечатана наслоениями, и он обратил своё внимание на них.

Наконец он повесил молот на пояс и взялся обеими руками за колесо. Из тёмной щели пахнуло застоявшимся воздухом со странным запахом. Воздух — под водой?

Сандер, не спрашивая, выхватил у Фейни свет и направил его внутрь. Стол, должно быть, прочно прикреплённый к полу: как ни бросало корабль в его предсмертные минуты, стол не сдвинулся. Вокруг него скамьи. А под ними, перекатившись к наклонной стене...

Он слышал, как у Фейни перехватило дыхание. Оба они не раз видели мёртвых, в их мире это было обычным зрелищем. Но это не такая смерть, к которой они привыкли. Съёжившиеся высохшие предметы уже не были похожи на людей.

— Они закрылись, — тихо сказала Фейни, — а потом море захватило их корабль, и спасения не было. Предки — мы видим Предков!

Но эти существа, всё ещё одетые в обрывки ткани, — Сандер не мог поверить, что это те, кто когда-то гордо ходил по земле, хозяева мира. Помнящие говорили, что Предки велики, сильны и намного во всём превосходили тех, кто живёт теперь на изуродованной земле после Тёмного Времени. Эти... это не герои из песен! Он медленно покачал головой в ответ на свои мысли.

— Они... всего лишь... люди, — сказал он. До этого момента он и не подозревал, что в глубине души всегда верил, что предки во всём отличались от его современников.

— Но какие люди! — негромко добавила Фейни. — Это корабль их мечты. Я верю, что это корабль, который плавал под водой, а не на её поверхности. Легенды говорят, что такие были у Предков.

Сандеру вдруг опротивело это место. Что за люди это были? Они закрывались в тёмном помещении, что бы плавать «под» водой. Он чувствовал удушье, ему казалось, что на него снова набросили сеть. Да, вероятно, всё же это была другая порода, они обладали храбростью, которой, как он откровенно себе признался, у него нет.

Он отступил, не желая осматривать корабль дальше. Они могут расчистить место в верхнем помещении и там дожждаться ночи. А эти останки нужно оставить нетронутыми в избранной ими могиле.

— Оно принадлежит им, это место. — Он говорил тихо, будто не хотел разбудить спящих. — Оставим их.

— Да, — согласилась Фейни.

Вместе они плотно закрыли дверь в прошлое и поднялись по лестнице. Когда они расчищали место от обломков, Сандер нашел несколько кусков проволоки из металла, который совсем не заржавел. Он узнал этот металл. Торговцы называли его «нержавеющей сталью» — ещё одна тайна Предков: он почти не ржавеет, но и сделать такой же никто не может. Понимая, что много ему не унести, Сандер отобрал несколько драгоценных кусочков. Из них получатся отличные острия для стрел, конечно, если они найдут место, где он сможет заняться своей профессией.

Фейни, в свою очередь, разыскивала среди обломков обрывки материала, на котором видны были линии и рисунки. Она объявила, что это древнее искусство письма. То, что можно было унести, она собрала в мешок.

В конце концов им удалось расчистить достаточно места, где можно было, хоть и в тесноте, посидеть. Пеканы отказались подняться на палубу, хотя Фейни уговаривала их. Они сели в тени корабля. Рина не было видно. Не было видно и преследователей-земноводных. Сандер убедился в этом, осмотрев с палубы окружающую местность.

Они съели по пригоршне сухих фруктов, позволили себе и пеканам по глотку воды. Затем легли в ожидании темноты.

Было жарко, но не так, как снаружи, и они умудрились

вздремнуть. Сандер проснулся от резкого воя, который слышал много раз в жизни. Нельзя было не узнать крика койота. Он перелез через Фейни, которая что-то пробормотала во сне, и поднялся по лестнице на палубу.

Рин приподнялся на задние лапы, опираясь передними о корпус корабля. Он снова резко крикнул, требуя внимания. Но это не был крик тревоги.

Сандер соскользнул по верёвке. Рин уткнулся в него носом. Морда койота была влажной. Рин нашел воду!

— Что случилось? — вверху показалась голова Фейни.

— Рин нашел воду!

— Другую реку?

Сандер подумал об этом со страхом. Отныне, после встречи с земноводными, он на всякую реку будет смотреть с опаской. Но им нужна вода, иначе придётся вернуться.

Не в первый раз он пожалел, что нет более прямого метода общения между человеком и койотом, что он не может просто спросить Рина, что находится там, на востоке, куда убегал зверь. Но он знал одно: Рин помнит о земноводных и не приведёт их в засаду. Он сказал об этом Фейни, и та согласилась.

Солнце заходило, стало не жарко. Но от облаков соли они страдали по-прежнему. Рин, снова с грузом, уверенно шёл вперёд в направлении, которое, по мнению Сандера, уводило только дальше от берега. Однако он был уверен, что койот знает, куда ведёт.

Перед восходом луны пеканы вдруг устремились вперёд своей необычной прыгающей походкой и скрылись за скалами.

По другую сторону оказался глубокий провал. На краю его виднелось ещё одно древнее сооружение из обработанного камня. Фейни посветила, и они увидели изогнутый каменный барьер. За ним блестела вода, как тусклое, ничего не отражающее зеркало.

Сандер попробовал воду, Свежая и пресная. Он напился из пригоршни, плеснул воду на пыльное лицо. Ручейки побежали по его шее и груди, унося с собой грязь пустыни. Пеканы уткнулись мордой в воду. Они шумно пили. Фейни последовала примеру Сандера, напилась, потом умылась с удовлетворённым вздохом.

— Интересно, кто это построил, — сказала она, усаживаясь на краю бассейна.

Сандер достал бутылки, вылил остатки содержимого, промыл и наполнил их заново. Пресная вода в середине океана — если тут когда-то был океан! Но раньше это была суша. Над бассейном висела завеса древности. Люди считают теперь годы от Тёмного Времени. Помнящие насчитывают три сотни лет с конца прежнего мира и начала нового.

Но как давно были воздвигнуты эти титанические сооружения, которые даже море не смогло сравнить? Сандер чувствовал головокружение, когда думал об этих неисчислимых годах, о бесконечных поколениях людей.

Здесь ничего не вызывало отчаяние, как в погибшем корабле. Ничто не связывало его со строителями этих древних сооружений. Может, они даже не были людьми, как он теперь понимает человека. Сандер хотел бы, чтобы Кабор, старший Помнящий, взглянул на это, хотя даже его тренированный мозг вряд ли что-нибудь вспомнит.

Покидая забытый бассейн, они вволю напились. Дважды им повезло в пустыне. Сандер не был уверен, что повезёт и в третий раз. Ему казалось, что теперь лучше повернуть на запад. Тут нет дичи. Голод может поразить так же, как и отсутствие воды. Чем быстрее они доберутся до настоящей земли, тем лучше.

Кузнец ожидал протестов Фейни, когда предложил свернуть на запад. Но она не возражала, хотя долго держала перед собой подвеску, вглядываясь в её поверхность.

Идти быстро они не могли. Поверхность неровная, приходилось обходить множество старых рифов. Одежда и тела, лица, даже волосы, шерсть животных покрылись толстым слоем пыли. Ночь приближалась к концу, и Сандер начал подыскивать убежище на день.

Примерно за час до рассвета Сандер почувствовал, что температура резко падает. Перед этим он вспотел, и холодный ветер заставил его дрожать. Они остановились, Фейни надела верхнее платье. Дыхание их вырывалось белым облачком.

Перемена произошла так быстро, что Сандер подумал, не идёт ли буря. Но небо оставалось ясным, ничего не закрывало звёзды. Надо было срочно найти убежище.

Впереди виднелась какая-то тёмная масса. Сандер напряжённо всматривался. Может, они подходят к древнему острову, который сейчас горой возвышается над обнажённой равниной.

Фейни зажгла свет, направив луч на подвеску.

— Туда. — Она указала на тёмное плато. Она казалась такой уверенной, что Сандер готов был идти за ней, не задавая никаких вопросов.

Глава 7

К рассвету они оказались у подножия утёса. Стена из обтёсанного камня убедила Сандера, что перед ними город Предков. Обломки вокруг свидетельствовали, что опустошение было сильное и мало что ценного осталось вверху, даже если они и сумеют подняться.

Если в этом городе находилась сокровищница знаний, которую ищет Фейни, то её поиск обречён на неудачу. Сандер тоже чувствовал разочарование, хотя, как говорил он себе, он никогда не верил в этот пресловутый кладёзь знаний.

Посмотрев на девушку, он не обнаружил никаких признаков досады. Она смотрела на камни так, будто просто искала возможность подняться. Держалась она как человек, который знает, чего ищет, и уверен, что он на правильном пути.

— Что это за место? — спросил он.

Фейни снова подняла подвеску. Медленно повернулась, пока стала смотреть не на утёс, а на западные просторы.

— Не сюда, — со спокойной уверенностью сказала она. — Туда. — Она показала на отдалённую тень земли.

Сандер считал, что город наверху был построен на мысе, глубоко уходившем в море, или даже на острове. Чтобы добраться до настоящего берега времён Предков, нужно идти дальше на запад.

Но им нужны вода и пища. Кузнец сомневался, что то и другое можно найти в развалинах наверху. Он подумал, что, вероятно, лучше по дну моря направиться прямо к земле.

Но он не предвидел бури, которую принёс холодный ветер. За короткое время ниоткуда поднялись тучи, ветер стал ещё холоднее, они сгибались под его ударами.

Животные приняли решение за них. Как две меховые молнии, пеканы уже устремились вверх по обломкам, образовывавшим широкую неровную лестницу к развалинам навеху. Рин побежал вслед за ними. В быстром

движении животных ощущалась тревога. Чувства Рина гораздо острее, чем у человека. В прошлом Сандер не раз спасался благодаря удивительной остроте обоняния и слуха койота. Если Рин выбрал эту тропу, у него могут быть самые серьезные причины.

Пеканы и койот взбирались уверенно и быстро. Сандеру и Фейни, дрожавшим под порывами ветра, приходилось двигаться медленнее. Камни часто шатались под их ногами, некоторые падали под порывами ветра. Люди прижимались к ровной поверхности, переводили дыхание и оступью продолжали путь дальше.

Наконец они перебрались через опасно нависавшую насыпь и оказались в диком нагромождении развалин, из которых торчали металлические обломки, настолько проржавевшие, что готовы были рассыпаться при первом же прикосновении.

Но здесь была и растительность; вьюнки, увядшие от мороза, полосы травы с острыми, как бритва, краями, даже одно-два изогнутых ветром дерева.

Первой мыслью Сандера было, что они должны держаться подальше от этих готовых обрушиться каменных груд. По пути он продолжал поглядывать вверх, осторожно делая каждый шаг. Фейни двигалась за ним, ступая туда же, куда и он.

Здесь, в развалинах, ветер был уже не так силён. Хотя по-прежнему было очень холодно, но по крайней мере их не било порывами бури.

Начался дождь. Холодный, как ветер, он проникал сквозь одежду и покрывал сморщившееся тело ледяной оболочкой. Сандер попадал в бури на равнине, но ничего подобного не испытывал.

Ветер выл и ревел над их головами, прорываясь между развалинами. Время от времени слышался грохот обвала. Но вот в одном из затиший Сандер услышал лай Рина.

— Сюда... — Он повернулся к девушке. Но слова его заглушил новый порыв бури. Он взял Фейни за руку.

Они обогнули очередную грудку камней и оказались перед линией деревьев, избиваемых ветром, который безжалостно срывал с них листья, тут же прибывавшиеся к земле дождём.

Сандер, шатаясь, побрёл вперёд, к деревьям, подальше от предательских развалин. Ветви поглощали часть дож-

дя, но не весь. Под деревьями расхаживал Рин, поворачивая голову и терпеливо дожидаясь людей. Пеканов не было видно.

Под ногами ощущалась относительно ровная поверхность — по-видимому, древняя дорога, хотя и поросшая кустами и деревьями. Здесь опасных развалин не было, и идти можно было скорее. Через несколько минут вслед за койотом они оказались на поляне, на краю которой виднелось убежище. Бревенчатые стены, крыша из густо переплетённых ветвей. Единственная дверь открыта, ни следа обитателей, хотя сооружение явно нового времени.

Сандер приготовил самострел, знаком остановил Фейни и осторожно направился к двери.

Но когда из двери показалась морда Кая, он понял, что его опасения беспочвенны. Из последних усилий койот, Сандер и Фейни вбсжали внутрь, и Сандер захлопнул дверь.

Она, вероятно, была открыта уже давно, потому что на полу скопился довольно толстый слой земли. Пришлось его разгрести, чтобы дверь закрылась. Окон не было, только узкие разрезы высоко под крышей, и Сандеру трудно было осматривать помещение.

Это было не временное убежище, как он решил при первом взгляде, а большое и прочное сооружение. Под ногами лежал относительно гладкий каменный пол — часть древней дороги. У дальней стены располагался большой очаг из массивных камней, выпачканных сажей и дымом. Теперь очаг пуст. Но рядом стоял ящик с дровами.

Фейни достала свой свет и направила луч на стены. Полки по большей части пустые, лишь один-два небольших ящика. Под полками нары для сна. На них толстый слой спутанных, слежавшихся листьев и веток.

Сандер ощущал слабый запах дыма и, как ему казалось, даже пищи. Но пустота свидетельствовала, что место это давно не имело обитателей.

— Это дом клана, — сказала Фейни. — Смотри... — Она направила луч света на большой металлический крюк в стене. — Здесь подвешивали разделительный занавес. Но клан был маленький.

— Твой народ? — Ему казалось, что единственным посёлком её племени был Педфорд.

Фейни покачала головой. «Нет. Может быть, Торговцы.

Они тоже живут кланами. И они не берут с собой в путешествия женщин и детей, но иногда говорят о своём доме. А этот город — отличное место для их поисков металла. Должно быть, очистили весь район и перешли в другой. Или узнали о более богатом месте. Я думаю, дом пустует уже не один сезон.»

Сандер согласился, что дом достаточно крепок. Теперь, когда дверь была прочно заперта на засов, он не так прислушивался к буре. Направился к очагу, набрал дров. Дрова сухие, зажечь их будет легко. Скоро пламя согрело их и осветило новое жилище. Пеканы лежали у огня, вылизывавая шкуру. Даже Рин не казался таким большим в этом длинном помещении.

Убежище, тепло — но им нужна ещё и пища. Фейни порылась в ящиках на полках. Вернулась с двумя, плотно закрытыми. В них оказалось нечто, похожее на муку, найденную Сандером в Педфорде, и какие-то высохшие хлопья.

— Значит, они всё-таки ушли недавно, — заметила Фейни, — мука не заплесневела и не испортилась. А это сушёное мясо.

Она немедленно сбросила свой плащ, повесив его сушиться у огня. После этого намешала тесто из муки и мясных хлопьев, а большую часть мяса она отдала пеканам и Рину.

Сандер бродил по длинной комнате, внимательно разглядывая её и удивляясь, какая большая работа осуществлена при возведении дома. Теперь он не верил, что это всего лишь временное убежище. Скорее постоянное поселение. Хотя, наверное, предназначалось для отдельных времён года.

В дальнем углу комнаты он обнаружил в каменном полу круглый кусок металла, изъеденного и изношенного, но всё ещё прочного. К кругу была приделана ручка. Вероятно, чтобы поднимать его. Может, там, внизу, какой-то склад.

Он сходил к ящику с дровами, выбрал подходящее полено, подсунул его под ручку и надавил. Потребовались немалые усилия, но, наконец, ему удалось сдвинуть крышку с места. Согнувшись, он посмотрел в тёмную щель и увидел начало металлической лестницы. Значит, действительно там путь в глубину.

Лёжа на животе, он провёл руками по лестнице, как мог далеко. Ступеньки были укреплены грубыми подпорками. Но доносившийся снизу запах не свидетельствовал о складе. Влажный и неприятный. Сандер поднял голову и закашлялся. Большой пекан подошёл с другой стороны, опустил голову в щель и принялся. Потом Кай зашипел, выражая своё неприятие того, что находится внизу. Сандер положил крышку на место. У него не было ни малейшего желания исследовать, что находится там, в темноте.

В качестве предосторожности он прижал сверху крышку куском дерева. Он не знал, что может скрываться внизу, но приключения в лесу и на реке научили его, что в незнакомом месте лишняя предосторожность не помешает.

Дом вздрагивал от порывов ветра. Все жались к огню, время от времени поворачиваясь, чтобы просушить одежду.

Ящик с дровами был полн, но Сандер опасался, что дров на ночь не хватит, и осмотрел деревянные полки вдоль стен. Их можно оторвать и тоже сжечь. А пока достаточно того, что они в тепле, что они нашли убежище, построенное людьми, что больше их не окружают опасные развалины.

Рёв ветра часто сопровождался отдалённым грохотом. Сандер считал, что это обрушиваются развалины. А в прорезях высоко под крышей всё время сверкали молнии. Пеканы и Рин беспокоились и больше не сидели у костра, как вначале.

Сандер внимательно следил за ними. Ему казалось, что на животных действует не только буря. Воображение рисовало подбирающуюся к убежищу угрозу. Дважды он вставал и осматривал сначала запор на двери, а потом тот, что закрывал дыру в полу. Оба запора казались вполне надёжными.

Когда они поели, Фейни села у костра, набросив на себя плащ, и стала просушивать свою скудную нижнюю одежду. Волосы её спутались, но она даже не пыталась привести их в порядок. Напротив, сидела с закрытыми глазами, сжимая в руках подвеску. В ней чувствовалась какая-то отчуждённость. Может, она дремала, хотя сидела прямо, не расслабляясь. Но если и не спала, то была полностью

погружена в свои мысли. Должно быть, такое состояние входило в её шаманское обучение.

Тем временем пеканы подползли к ней с обеих сторон, и она положила руки им на головы. Но и животные не спали. Как только Сандер начинал шевелиться, он видел устремлённые на себя блестящие глаза.

Сандер тревожился, отчуждённость Фейни заставила его почувствовать себя одиноким. Рин лежал между огнём и дверью. Но Сандер видел, что уши его насторожены: койот к чему-то прислушивался.

Раскаты грома стихали, молнии больше не сверкали в прорезях. Но шум дождя о крышу не становился тише. После ночного перехода Сандер хотел спать, время от времени он начинал дремать. Но лечь на нары ему не хотелось, беспокойство мешало расслабиться. И не зря: Фейни внезапно вздрогнула, глаза её широко раскрылись, и она подняла голову, чутко прислушиваясь.

Но животные продолжали спокойно лежать.

— Что случилось? — спросил Сандер.

— Мысль... ищущая мысль, — ответила она, но говорила с отсутствующим видом, как будто не хотела нарушать своей сосредоточенности.

Её слова не имели для него смысла. Мысль — что такое ищущая мысль?

— Есть кто-то... кто-то с шаманской подготовкой... — продолжала она. — Но очень... — Она опустила подвеску, но руки продолжала держать сжатыми, как будто удерживала в них невидимую воду. — ...очень сильный! И это не чистая мысль... в ней что-то ещё...

— Не понимаю, о чём ты говоришь, — бесцеремонно ответил Сандер, стараясь разорвать нечто чуждое, окружившее её. — Я не знаю обычаев шаманов. Ты хочешь сказать, что кто-то идёт сюда?

Он снова взглянул на животных. Они оставались спокойными, хотя смотрели внимательно. Рин не позволит кому-нибудь приблизиться без предупреждения.

Лицо Фейни выражало возбуждение, а не страх. Как будто она кузнец, и перед ней стоит трудная задача — расплавить новый металл, и вот она видит её решение. Он сам знал, какое возбуждение охватывает в такие минуты.

— Это... это не враг. — Она, казалось, с трудом подбирает слова. — О нас он не знает... я это чувствую. И я чувст-

вую силу его мысли, но это не моя сила, и я не понимаю, откуда она идёт. Знаю только, что есть тот, кто её посылает. Ах... она ушла! — В её голосе звучало разочарование. — Теперь я больше ничего не чувствую...

Сандер видел, что она верит в свои слова. Но сам не мог поверить. Помнящие проводят долгие годы в «воспоминаниях», они снова и снова слушают пересказы древних легенд, рассказы о событиях прошлого, чтобы Кочевье в случае необходимости могло обратиться к ним для решения новой проблемы. Нужно было также помнить происхождение всех людей Кочевья, чтобы не допустить кровосмешения, которое ослабляет род. Забота о стадах, очертания земель, через которые Кочевье прошло за все годы после Тёмного Времени, — всё это хранится в голове Помнящих, чтобы при необходимости появиться на свет. Но ищущая мысль?.. Искать можно только глазом, голосом, телом.

— А у Торговцев есть свои тайны? — спросил он. Эти бродяги, иногда приходившие в Кочевье, казались ему людьми особой породы. Они хранили свои тайны, да. Но это тайны торговли, места, где хранятся их запасы, где есть металл, так необходимый для изготовления оружия и инструментов. Торговцы рассказывали всякие страшные истории о землях, через которые они проходили, но в Кочевье считали, что это нарочно — чтобы отпугнуть тех, кто захотел бы заняться тем же. Известно было, что Торговцы убивают тех, кто может открыть местоположение их запасов. Но об ищущей мысли они никогда не говорили.

— Никогда не слышала о таких тайнах, — быстро ответила Фейни. — Торговцы, которые приходили в Педфорд, — она снова покачала головой, — они не очень отличались от нас. Но мы видели странных людей, не нашей крови. Подумай о лесных людях и о тех, в реке. Мир полон чудес, и тот, кто путешествует, узнаёт их.

— Торговцы рассказывают всякие страшные истории, но только для того, чтобы испугать других.

— Так и мы считали, — возразила она. — Но, может, в каждом таком рассказе есть зерно истины.

Сандер хотел рассмеяться, но вовремя сдержался. Ведь правда, его уверенность в господстве человека была существенно потрясена встречами с лесными и речными жителями. И хотя Кочевье никогда не встречало никого,

кроме таких же скотоводов, можно ли утверждать, что только они населяют землю? Рыбаки Педфорда по цвету кожи и образу жизни отличались от его племени. И он слышал о Морских Акулах, которые приходят с юга в поисках рабов, хотя никто не понимает, зачем они ловят беспомощных людей и уводят их в рабство. Но и они тоже люди — в некотором смысле.

Он начал вспоминать рассказы Торговцев. Может, она права? Может, и есть где-то гигантские бронированные звери, убивающие каждого встречного, или летающие существа, не люди и не птицы, но помесь того и другого, такие ужасные и пугающие, хватающие своими когтями любого человека? Легче поверить, что земля всё ещё местами кипит и пузырится, что всякий, кто углубляется в такую местность, погибает от отравленных газов, заполняющих воздух, тонет в дымящихся ямах, откуда никто не может выбраться.

— Видишь, — Фейни улыбнулась, — я заставила тебя изменить мнение. Может, разумнее поверить, что где-то существуют шаманы, по сравнению с которыми я всего лишь малый ребёнок, не знающий даже простейших способов лечения. — Она развела руки, потом снова прижала их к груди, будто сохраняя что-то очень дорогое. — В мире может существовать множество чудес, нужна только храбрость, чтобы отыскать их! И если кто-то научился искать мыслью — я тоже этому научусь! Разве я не из рода тех, для кого знание — всё равно что мясо и питьё? Может, я молода и неопытна, но могу сказать искренне — у нас один тип мозга, поэтому позвольте и мне научиться тому, что знаете вы.

Сандер беспокойно следил за ней. Да, он мог понять её стремление к знаниям. Разве он сам не испытывает его? Но он хотел знать нечто конкретное, он не имел дела с какой-то неопределённой мыслью. Ему нужно знать, что он может сделать своими руками, когда мастерство совершенствуется мыслью. Странно думать, что мысль можно использовать и по-другому, не сопровождая физические действия, но вместо них... если он правильно догадывается о том, что она ищет.

— Мне казалось, — он хотел вернуть её к повседневности, — что ты ищешь оружие, чтобы отомстить за своих людей.

— А разве ты не знаешь, — вспыхнула Фейни, — что мысль можно использовать как оружие, если её использовать умело, она может быть опаснее твоих стрел? Да, у меня долг перед мёртвыми. Не думай, что я об этом забыла. — Она покраснела. — А теперь... — Она встала. — Нужно поспать. Мои пушистые и твой Рин покараулят.

— Огонь...

Огонь в очаге почти погас.

Фейни рассмеялась. «Не беспокойся. Кай знает, что делать. — Она положила руку на голову большого пекана. — Он будет следить за огнём, и хорошо следить. Он делал это для меня и раньше.»

Она выбрала нары у ближней стены, закуталась в просохший и согретый плащ. Сандер смотрел, как она укладывается, потом последовал её примеру. Последнее, что он запомнил: большой пекан вытащил из ящика полено, перехватил его мощными челюстями и сунул в огонь с ловкостью, которая свидетельствовала, что он проделывал это уже не раз.

И Сандер уснул. Во сне он пробирался через какой-то тёмный туннель, шёл на звуки молота, там был кузнец, который знает всё, и у него Сандер узнает все тайны своего искусства.

Холодное прикосновение к щеке вырвало его из этого коридора, прежде чем он увидел своего кузнца. Над ним склонился Рин, это его нос коснулся лица Сандера. Животное вторично наклонило голову, и Сандер очнулся и сел.

Шум ветра, удары дождя — всё стихло. Стояла такая тишина, что Сандер слышал шум своего дыхания, слабый треск огня. Но пеканы не лежали у очага. Они стояли по обе стороны закрытой двери, глядя на неё. И когда Рин увидел, что Сандер проснулся, он посмотрел в том же направлении.

Сандер сел и потянулся к обуви. Башмаки просохли, и надевать их было трудно. С трудом натягивая их, он тоже прислушивался.

Сначала он ничего не слышал, но в поведении животных ошибиться было невозможно: они предупреждали, что поблизости какая-то опасность. Торговцы возвращаются в свой дом?

Но этого не стоит бояться. Законы гостеприимства, которых придерживаются все племена, кроме Морских

Акул, извинят их вторжение в такую бурю, если и в самом деле приближаются Торговцы. Сандер отчаянно надеялся на это.

Но он всё же взял самострел, высвободил нож из ножен, как мог тихо подошёл к запертой двери и прижался к ней ухом.

Глава 8

То, что Сандер ничего не услышал, вовсе не означало, что тревога ложная. Положив оружие, он обратился к стене с полками. Их можно использовать как лестницу, тогда он сможет выглянуть в прорези под крышей.

Сандер быстро расчистил полки, проверил их крепость, приложив весь свой вес. Дерево протестующе затрещало, но выдержало. Он поднялся, скорчился на узкой верхней полке, пытаясь удержать равновесие, вытянул шею и выглянул в узкое отверстие.

Оно было закрыто кусками стекла. Эта утончённость удивила Сандера. Неужели стекло, самый хрупкий предмет Предков, могло сохраниться в таких кусках, что его можно было использовать?

Сандер приблизил лицо к стеклу. Он увидел, что оно не совсем чистое, в нём множество пузырьков и искажений. Но всё же стекло позволяло ясно увидеть поляну перед домом.

Тьма бури миновала. По наклону солнечных лучей, бивших в дверь, Сандер решил, что теперь уже вторая половина дня. Но его интересовало не время. Что же бродит поблизости?

Перед дверью начиналось обширное расчищенное пространство. Кусты, а за ними деревья находились на некотором удалении. На земле лежал лёгкий слой снега, а на нём были следы!

Снег выпал, должно быть, к концу бури. Он уже начал таять под прямыми солнечными лучами, особенно вокруг стволов многочисленных пней. Сквозь пузырчатое стекло Сандер не мог ясно различить следы, видел только, что они большие, больше, чем у всех известных ему животных.

Хоть они и бесформенные, но что-то в их очертаниях... Сандер не позволил себе думать дальше. И он не мог быть

уверен, что следы оставлены несколькими существами. Их могло учуять одно неизвестное существо и бродить вокруг.

Сандер пошевелился на своём узком насесте. Он видел, откуда из леса выходили эти следы, но не видел обратного следа. Может, существо сейчас за домом?

И в этот момент тишину нарушил высокий воющий крик. Сандер вздрогнул и чуть не упал сверху. Снизу он услышал негромкое рычание Рина, свист пеканов, тихо спросила Фейни:

— Что это?

— Не знаю. — Сандер изогнулся, стараясь рассмотреть что-нибудь слева или справа. — Что-то бродит вокруг. Но я его ещё не видел.

Не успел он произнести этих слов, как на солнце показалась огромная туша, она появилась слева, завершая обход дома.

Существо остановилось перед дверью, его голова находилась на уровне окошка. Что это? Зверь? Но ходит на ногах. Присмотревшись, Сандер подумал, что спутанная и грязная шкура на самом деле означает что-то вроде одежды.

Одежда? Это человек?

Сандер с трудом сглотнул. Существо было не менее огромно, чем лесная самка. На голове, сидевшей на плечах почти без шеи, дыбом стояли волосы, их концы почти закрывали маленькие глазки. Существо нетерпеливо подняло когтистую руку... или лапу и отбросило волосы в сторону.

Они не чувствовали родства с лесными людьми, но это ещё дальше от человека. Ноги, толстые и короткие, поддерживали массивную тушу. словно по контрасту, руки были очень длинные, так что пальцы скребли землю, когда существо свешивало их.

Лицо — не лицо, а скорее морда, — в нижней части было покрыто редкой бородкой. В целом же это был ночной кошмар, от которого с криком просыпается ребёнок.

Существо приблизилось, положило одну лапу на дверь, нажало. Сандер услышал, как затрещало дерево. Выдержит ли оно?..

Он торопливо спустился. Существо снаружи заколотило в дверь, засов пока держался, но рычание Рина и свист

пеканов перешли в дикие вопли. Ясно, что они страшно испугались.

— Это... — Сандер быстро описал увиденное. — Ты когда-нибудь слышала о таком?

— Да, от Торговца, — быстро ответила она. — Он рассказывал, что земли к северу населяют людоеды. Видишь, кузнец, ещё один рассказ Торговца оказался правдивым.

Удары в дверь продолжались. Засов может и выдержать, но не выдержат его крепления. А если их захватят внутри... Насколько он мог видеть, у существа не было оружия, но зачем оно таким могучим рукам?

Неудивительно, что строители дома разместили его над отверстием в дороге. Сандер быстро подошёл к отверстию, убрал тщательно подготовленный запор. Когда он поднял крышку, дом затрясся под ударами.

— Факел! — приказал он Фейни. Она предупредила его, что у её света жизнь ограничена, а он не хотел оказаться внизу в темноте.

Девушка подбежала к очагу, схватила длинное полено, сунула его конец в огонь. Руку Сандера задела гладкая шкура. Пеканы уже устремились в отверстие. Рин... сможет ли пролезть Рин? Сандер надеялся на это. Койот подошёл к кузнецу, опустил голову в отверстие, принялся.

Потом повернулся к дыре задом и осторожно попятился. Когда наружная дверь затрещала посередине, Рин исчез в отверстии, как будто упал. Мгновение спустя он успокоительно залаял снизу. Сандер швырнул вниз поданные ему Фейни мешки и подержал факел, пока спускалась девушка.

После того как она спустилась, Сандер наполовину надвинул крышку люка, оставив место, только чтобы протиснуться самому. Лёжа на животе, передал факел в протянутую руку девушки, потом нащупал ногами лестницу.

Немного спустившись, он потянул крышку. Последний рывок он сделал под звуки ломающегося дерева сверху. При свете факела он увидел, что к крышке снизу приделан грубый запор. Должно быть, он был сделан уже после Тёмного Времени. Последним усилием он защёлкнул его, поставив крышку на место.

Тут он обнаружил, что они находятся в большом круглом туннеле. Пеканов не было видно, но Рин ждал. Койот

негромко завыл, ему явно не нравилось это место, время от времени он принюхивался к дурно пахнущему воздуху.

Когда они двинутся дальше, койоту придётся ползти. Фейни сунула факел в грубое кольцо на стене. Сейчас она увязывала их имущество в узлы, поскольку было ясно, что Рин не сможет нести его в тесном для него туннеле. Сандер отчаянно надеялся, что туннель не сузится и Рин сможет пройти.

— Смотри! — Руки Фейни были заняты узлами и она указала подбородком.

Кусок дерева, который она прихватила из дома наверху, почти сгорел. Но к стене были прислонены факелы, гораздо лучше сделанные, обёрнуты тканью, пропитанной — так подсказывал нос Сандера — рыбьим жиром.

По-видимому, строители дома предвидели возможность отступления подземными путями. Может, из-за этого зверя они и покинули своё хорошо построенное убежище?

Сандер зажёл один из факелов и разделил остальные, отдав половину девушке. Потом, слегка наклонив голову, двинулся по туннелю, слыша протестующий вой Ринна, который протискивался следом.

Невозможно было сказать, далеко ли уходит туннель, даже в каком направлении он идёт. Частично он обрушился, затем, очевидно, был выкопан заново и укреплён. Наконец они добрались до пробитой в его стене дыры, пробрались через неё и оказались в гораздо большем туннеле. Только тут Рин смог распрямиться. В полу нового туннеля виднелись две длинные ровные металлические полоски. Они уходили в обе стороны. Беглецы остановились. Сандер не знал, куда повернуть: направо или налево.

— Ээйхийи! — Фейни позвала пеканов, и тут же послышался ответ слева.

— Сюда. — Ясно, что она полностью доверяла своим спутникам. — Они уже разведали, там выход...

Сандер надеялся, что её вера оправдается. Держа факел высоко в руке, чтобы осветить неровную поверхность, он повернул налево.

Казалось, конца этому пути под городом Предков не дожидаться. И хоть Сандер был уверен, что оставшееся позади существо не сможет протиснуться сквозь люк, даже если сорвёт крышку, он продолжал прислушиваться, не преследуют ли их.

Его факел освещал влажные следы на стенах большого туннеля. Но в целом он казался нетронутым, стены и потолок нигде не обвалились. И тут его факел осветил массу, почти перегородившую туннель.

Подойдя ближе, Сандер увидел, что это не обвал, скорее просто какой-то ржавый металлический предмет, заполнивший туннель от пола до крыши, оставив только узкие проходы по сторонам. Через эти проходы и прошли пеканы. Они с Фейни тоже смогут протиснуться, а вот Рин не сможет.

Передав факел девушке, Сандер порывлся в своём мешке. Он выбрал самый тяжёлый молот и подошёл к проржавевшей массе.

Под первым же ударом металл раскололся, подняв облако ржавой пыли. Сможет ли он пробить проход? Сандер не был в этом уверен. Но нужно постараться. Несмотря на холод, вскоре Сандер вспотел. Пришлось остановиться и снять куртку из шкуры и рубашку. И спина и плечи, отвыкнув от ежедневной работы, болели.

Но он продолжал ударять и вскоре вошёл в ритм, известный ему с детства. Шаг за шагом пробивал он проход слева. К счастью, немного приходилось по-настоящему разбивать. Рин осторожно протискивался вслед за Фейни, которая держала факел. На полпути факел догорел, и она зажгла второй.

Металл оказался хрупким. Сандер догадывался, что здесь, под землёй, его съела влага. Остановливаясь, чтобы передохнуть, он рассматривал обломки, стараясь догадаться, что же это такое. Он решил, что это какое-то транспортное средство: оно перевозило людей или вещи под поверхностью города.

От ударов поднимались облака пыли, все кашляли, наконец Фейни оторвала полоски ткани и обвязала их себе и Сандеру вокруг рта и вокруг пасти Рина, смочив эти тряпки водой из бутылки.

От ударов в голове Сандера звенело. Если чудовище последовало за ними, ему нетрудно будет их найти.

Наконец обрушилась последняя металлическая плита, перед ними снова открытый путь. Сандер проголодался и хотел пить. Но с этим придётся подождать, а пока нужно уходить как можно быстрее.

Вскоре путь раздвоился. Фейни опять позвала пеканов.

На этот раз ответа не было. И хоть они поднесли факел к самой земле, никаких следов не увидели. Сандер повернулся к Рину. Впервые с того времени, как они спустились под землю, койот действовал уверенно.

Он опустил голову, принялся к обломкам металла, осмотрел землю под ними. Потом резко рывкнул и пошёл по одному из путей. К счастью, больше металлических пробок не встретилось. Но туннель шёл под уклон, на стенах виднелось всё больше пятен сырости, видно было, что тут не раз побывала вода.

Сандер внимательно смотрел на стены. Возможно, они с годами ослабли, и даже маленькое сотрясение от прохода их группы может вызвать обвал, завалить их и убить. По его требованию они пошли как можно быстрее. Но ему всё равно казалось, что идут они мучительно медленно, он всё время напряжённо прислушивался, теперь уже не в ожидании чудовища, напавшего на дом. Скорее он ожидал услышать шум падающей кровли.

Фейни показала вперёд. Там виднелась груда развалин, такая же, как наверху, и она преграждала весь туннель. Но над ней в крыше виднелась дыра, и груда образовывала неровную площадку под ней.

В дыре торчала голова, на них смотрели блестящие глаза. Стало ясно, что пеканы, не задумываясь, воспользовались этим выходом, хотя он и казался опасным. Голова Кая исчезла, и Рин двинулся вперёд.

Койот осторожно, одну за другой ставил лапы, пробираясь вверх по груде обломков; из-под его лап катились ручейки гравия и маленьких камней. Он останавливался, принимался к следующей части груды, как будто чутьё говорило ему, выдержит ли груда его вес.

Сандер и Фейни двигались за медленно поднимавшимся Рином. Койот тяжело дышал, длинный язык высывался из полураскрытых челюстей, с него капала слюна. Он тщательно и осторожно делал каждый шаг.

Всё вверх в каскадах гравия и пыли. Ещё немного, и голова его высунется в отверстие. Сандер полз за ним, высоко держа факел, стараясь помочь Рину. Снова покатились гравий, вместе с ним жёсткий песок, такой, какой покрывал морское дно, которое они пересекли. Теперь голова и плечи Рина скрылись в отверстии. Мышцы его напряглись, он яростно скрёбся, цепляясь за края отверстия когтями.

Сандер отпрыгнул в сторону, чтобы избежать обвала, вызванного движениями койота. Но вот Рин просунул сверху голову в дыру и резко залаял, как будто торопил людей проделать то, что сделал он.

Кузнец зажёл второй факел, затем третий. Он поставил их в обломках древком, чтобы как можно лучше осветить предательскую поверхность. Достал из мешка верёвку и сказал Фейни:

— Я пойду наверх. Когда поднимусь, привяжи мешки и держись в стороне, пока я их не вытяну. Потом я брошу тебе верёвку. Привяжи её к поясу и поднимайся.

Привязав к поясу верёвку, он посмотрел вверх. Последний обвал мелкого гравия и камней, к счастью, обнажил несколько крупных обломков, которые обещали более надёжную опору. Сандер испытал самый нижний из них, потом осторожно встал на него.

Камень был узок, едва предоставив место ногам. Сандер встал на цыпочки, нащупывая руками опору. Дважды он соскользнул, прежде чем сумел закрепиться. Осторожно подтягиваясь, сумел добраться до второго камня. Рин смотрел вниз, лаял он всё громче. Он поддерживал и ободрял Сандера.

Последний участок подъёма был самым трудным. Рин обрушил края отверстия, и Сандеру пришлось продвигаться по очень неустойчивой поверхности. Он долго оставался на месте, стараясь дышать ровно, укрепить нервы, потом двигался дальше. Сандер никогда не признавался в этом, но подниматься на высоту не любил, даже когда это было легко. Он достаточно соображал, чтобы не оглядываться, концентрировал всё внимание лишь на том, что впереди. На месте оставаться бесконечно он не мог; ничего не оставалось, как поверить в собственные силы и сделать последнюю попытку.

Он погрузил обе руки в обломки в поисках опоры. Обломав ногти и почувствовав резкую боль в пальцах, просунул их между камнями. Но, наконец, нашёл опору, которая не поддалась под его весом, и начал подтягиваться.

Казалось, всё под ним рушится. Каким-то образом ему удалось опереться одним коленом и двинуться дальше. Он всё ещё был в нескольких дюймах от выхода, и больше не на что было опереться.

Голова Рина качнулась вниз. Без предупреждения щёл-

кнули его челюсти, койот ухватился за кожаную куртку Сандера у плеча и потянул. Челюсти прихватили и тело, Сандер закричал от неожиданности.

Резкое движение койота рвануло его вверх, и Сандер выскочил из дыры и упал на землю под сияющей полной луной.

После этого было уже легко поднять узлы, найти небольшой камень, чтобы привязать его к верёвке и опустить её Фейни. С помощью верёвки, которую тянул Сандер, поднималась девушка гораздо легче и быстрее.

Оказавшись наверху, они смогли оглядеться. К западу поднималась линия берега. К востоку находилось плато — должно быть, прежний остров, а на нём разрушенный город. Туннель, по которому они прошли, когда-то проходил подо дном моря, соединяя остров с континентом.

Но они оказались теперь на совсем открытом месте. Чудовище, возможно, и не последовало за ними под землю. Однако если его соплеменники населяют развалины, они легко заметят маленький отряд и выследят его.

Поднимая мешок, Сандер почувствовал, что весь дрожит. Сказывались усилия в туннеле, голод, напряжённый подъём. Но сначала найти прежний берег, отыскать убежище — он должен заставить себя.

Здесь, на открытой местности, они смогли снова привязать мешки к Рину. Сандер возился с верёвкой, перепаковывая поклажу. У них ещё оставались факелы, но их лучше не зажигать, чтобы не привлечь враждебных глаз. Придётся идти при лунном свете.

Беспрерывно спотыкаясь, Сандер шёл рядом с Рином, Фейни шла по другую сторону от койота. Пеканы опять исчезли. Кузнец предположил, что они направились к берегу.

Он пытался справиться с дрожью рук, стыдясь показывать Фейни свою усталость.

К счастью, местность спускалась постепенно. Карабкаться на рифы не приходилось. На берегу они по щиколотку погрузились в песок, перед ними простиралось нагромождение скал, между которыми росла трава. Сандер поднял голову, чтобы поискать деревья. Они же росли на этом берегу, который они оставили, только немного южнее, казалось, целую вечность назад...

Однако никаких деревьев он не увидел. Местность была

открытой, хотя там и тут виднелись такие же груды обломков, как и на острове. Им стало ясно, что город занимал огромную площадь, не только на острове, но и на материке.

— Нужно побыстрее найти убежище. — Голос Фейни звучал напряжённо. — Не знаю, сколько я ещё продержусь на ногах.

Он был благодарен ей за эти слова, потому что и сам не знал, сколько ещё сможет идти. Но какая-то внутренняя гордость мешала ему признаться в этом.

В конце концов они оба схватились за верёвку, увязывавшую мешки на спине Рина, так что койот поддерживал их, и выбрались на открытое пространство, поросшее кустами.

Снег лежал полосами, отражая лунный свет. Но ветер прекратился, ночь была очень тихой. Сандер взрогнул, Пальцы его онемели, и он с трудом отвязал мешки. Они упали на землю. Из-за одной груды обломков появились пеканы. Кай тащил в пасти обвисшую тушку. Он положил её к ногам Фейни. Это был очень крупный заяц.

Рин, освободившийся от поклажи, принялся к добыче, низко зарывал и целенаправленно дивнулся в сторону. Сандер знал, что он сам позаботится о своей пище. Кузнец рассматривал площадку, на которой они оказались. От моря-пустыни их отделяло по крайней мере два холма. Они не могут провести ночь без тепла и пищи.

Он наклонился, чтобы нарубить ветвей кустов. Сухие ветки легко обламывались. Немного спустя на площадке горел небольшой костер, и на нём жарилась освежёванная тушка зайца.

Глава 9

Два дня они прожили в этом лагере. Никаких опасностей тут не обнаружилось, никаких следов чудовища с острова или его родичей. Сандер охотился, с помощью пращи подбивая зайцев и карликовых оленей, которые были даже меньше Кайи. Животные держались так смело, что, как думал Сандер, здесь на них никогда не охотились: ещё одно доказательство, что местность эта безопасна.

Дни становились всё холоднее, ночами приходилось дремать урывками, постоянно подкладывая дров в костёр.

Снова выпал снег, не сильно, но достаточно, чтобы покрыть землю. Сандеру не нравилось, что теперь их следы, ведущие к лагерю, отчётливо выделяются на белых просторах. Он пытался использовать все уловки, чтобы запутать следы, но вынужден был признаться, что всё безуспешно.

У них не было возможности по-настоящему обработать заячьи шкуры. Но они вычищали их, как могли, и сворачивали в связку. Сандер понял, что у них нет достаточно тёплой для этого климата одежды, и скоро придётся использовать шкуры, необработанные и пахнущие, для дополнительного тепла.

Фейни подолгу сидела, зажав в руках подвеску, такая сосредоточенная, что почти не замечала происходящего. Дважды она сообщала, что снова встретилась с тем, что она называла «ищущим мозгом». И оба раза, она была в этом уверена, мозг даже не подозревал о ней. И, к её крайнему разочарованию, не было возможности выяснить его источник. Что касается Сандера, то он этим был только доволен. Он не доверял тому, что по-прежнему считал невозможным.

Хотясь, он одновременно разыскивал металлы. Но всё, что осталось после Тёмного Времени, давно было взято Торговцами. И ему часто встречались ямы, появившиеся не во время катастрофы, изменившей мир, а гораздо позже.

Размер этой покрытой развалинами площади был поразителен. Сколько же людей жило здесь? Гораздо больше, чем насчитывается в любом Кочевье. Сандер ходил вслед за Рином на берег другой реки, теперь забитой обломками камня; когда-то она уходила к отдалённому морю по другую сторону острова.

Человек и животное одинаково опасались воды; Рин стоял на страже, а Сандер наполнял бутылки. Однако до сих пор им не встретилось никаких следов земноводных. Здесь была рыба — одну Сандер поймал на импровизированную удочку: длинное узкое существо, поразившее его своим сходством с змеей. Сандер тут же отпустил её, зная, что не сможет есть холодное скользкое мясо.

Однажды около реки он нашёл голову. Не голову или череп живого существа, а каменную голову. Размером в два его кулака, она, очевидно, была очень старой, с обло-

манной шеей. Это была птичья голова, со свирепым гордым взглядом, который чем-то привлёл его.

Он принёс её с собой, чтобы показать Фейни. Та внимательно осмотрела скульптуру, поворачивая её в руках.

— Это, — уверенно сказала она, — символ власти или господства. Хороший знак, что ты нашёл её.

Сандер рассмеялся. «Я не имею дела со знаками, шаманка. У моего племени другие обычаи. Но это хорошо изготовленная вещь. Для того, кто её делал, она имела особое значение, я могу это понять, потому что и сам делал кое-что подобное...»

Она могла и не слышать его, сидя с сосредоточенным, отчуждённым видом.

— Здесь когда-то было большое здание, — сказала она. — Очень высокое... очень-очень высокое. А это часть большой птицы с распростёртыми крыльями. Птица сидела над дверью и... — Фейни выпустила голову из рук и потёрла глаза. — Да, у неё было значение, — повторила она. — Это тотем великого народа и большой земли.

— Этой земли? — Сандер оглянулся на груды развалин. — Ну что ж, если это и тотем, то он не помог им в конце.

Фейни медленно протянула руку и снова коснулась отбитой головы. «Все тотемы оказались бесполезны в Тёмное Время, кузнец. Потому что земля и море, ветер и огонь обернулись против человека. И что могли тотемы сделать с гибелью целого мира?»

Она снова взяла голову и поставила её на камень, подкрепив булыжниками. Потом наклонила голову.

— Тотем мёртвых, — негромко проговорила она, — мы снова воздаём тебе почести. Если у тебя сохранилась какая-то власть, помоги нам. Потому что мы одной крови с людьми, которые сделали тебя для защиты своих городов. — И она сделала жест, который Сандер не понял.

Пусть Фейни имеет дело с силами и тотемами, его больше интересует практика и повседневность. Но, глядя на свою находку, Сандер думал, что хорошо бы облепить её глиной, изготовить форму, в которую можно было бы налить, скажем, расплавленную медь, и изготовить символ, связанный с прошлым. Но голова слишком тяжела, чтобы нести её. Лучше он понесёт те обломки металла, что нашёл на корабле.

Он испытывал нетерпение. Они слишком долго отды-

хают. Припасов у них достаточно, часть мяса он высушил над костром. Оставаться здесь дольше — значит ничего не добиться.

— Этот указатель, вещь, которая на тебе, куда он указывает? — спросил он у девушки.

Она снова повернулась на северо-запад. Но идти в этом направлении — значило пробираться через разрушенный город. Он чувствовал бы себя спокойнее и увереннее, если бы они направились прямо на запад. Он считал, что в этом направлении развалины должны скоро кончиться.

Но несмотря на нетерпение, Сандер ещё два дня пополнял припасы. С каждым утром становилось всё холоднее. Но таких бурь, какую они пережили раньше, не было. Наконец на пятое утро они выступили. Солнце светило ярко и ощутимо согревало, и они радовались этому теплу.

Как обычно, пеканы убежали вперёд и скоро исчезли среди груд развалин и обломков, оставляя местами ясные следы, чтобы можно было идти за ними. Но Рин оставался с Сандером и девушкой.

Фейни всё время держала в руке подвеску. Время от времени она с такой уверенностью указывала направление, что Сандер принимал её указания без всяких возражений. Он хотел бы внимательнее осмотреть этот овал с его блеском, который он вначале принял за драгоценные камни. Он не сомневался, что Предки могли изготовить настоящий указатель направления, но не сомневался и в том, что тайну его раскрыть не сумеет. Но однажды он спросил:

— Как эта штука говорит с тобой, как она показывает, что нужно идти направо или налево?

— Не знаю. Я вообще мало о ней знаю. Посмотри. — Она поманила его к себе. — Смотри, но не трогай. Не знаю, как на него подействует дух другого человека.

Подвеска была овальной формы, но не плоской, толщиной примерно с первый сустав мизинца. Металл, из которого она была изготовлена, не потускнел. Вероятно, это один из тех сплавов, которые ставят в тупик кузнецов. По краю вделаны камни, с ровными обточенными гранями. Камни разного цвета, всего их двенадцать. Но хоть камни и яркие, всё внимание Сандера привлекло другое. В металле двигалась светлая линия, она постоянно перемещалась.

— Смотри, — сказала Фейни. Она резко повернула влево. Линия на подвеске тоже повернулась, её конец указывал туда же, что и раньше, но теперь упирался уже в другой камень.

— Мой отец, — негромко сказала она, снова поворачиваясь так, что светлая линия касалась того же камня, что и прежде, — знал многое. Кое-чему он сумел научить мою мать, а она позже научила меня. Но он умер, прежде чем я появилась в мире. Это было его величайшее сокровище. Он клялся, что благодаря какому-то волшебству Предков оно может указать дорогу к месту, откуда оно появилось. Чем ближе подходишь, тем ярче становится указательная линия. И это правда, потому что я слежу за ней с самого начала пути. Я знаю, что в том месте, которое мы ищем, сокровищница знаний. Может, Предки догадывались о конце своего мира и подготовили убежище, которое уцелело даже в катастрофе Тёмного Времени.

Сандера поразила светящаяся линия. Правда, что она движется вместе с движениями Фейни. И он мог поверить, что это указатель. Кем же был её отец? Торговец, который случайно наткнулся на сокровища, о которых и не подозревал? Или выходец из Кочевья, Помнящий которой обладал знаниями, каких нет у других?

— Твой отец, он был Торговец?

— Нет. Хотя в Педфорд он пришёл с Торговцами. Он был искатель, но не металлов, а других людей. Не для того, чтобы поработить их, как Акулы, но чтобы узнать, что они сохранили от дней Предков. Он многое записал, но, — вид у Фейни был несчастный, — когда его хоронили, мать положила ему на грудь книгу, в которую он всё записывал. Книгу, которую он сам написал, — на листках коры и обработанной шкуры. Моя мать знала, что это его величайшее сокровище, поэтому его нужно было похоронить с ним, чтобы Потом он мог им воспользоваться, как другой воспользуется своими инструментами. Потому что мой отец говорил, что записанные слова — это самое великое орудие...

Сандер покачал головой. Но это просто глупо. Как можно чёточки, которые она проводила в пыли веткой, сравнить с орудиями труда или оружием, которым можно защитить свою жизнь?

— Так говорил мой отец! — Фейни гордо подняла голо-

ву, будто подслушала мысли Сандера. — Но если его записи лежат с ним, то у меня есть это. — Она сжала свою подвеску. — И я думаю, что это лишь малая часть других удивительных вещей.

В этот день Сандер то и дело на ходу через плечо поглядывал на подвеску Фейни. Им приходилось делать обходы, иногда даже возвращаться из-за груд развалин. И каждый раз светящаяся линия поворачивалась, указывая в одном направлении, куда бы они ни двигались.

Сандеру казалось, что конца городу не будет. Откуда появилось столько людей? Сколько им пришлось работать, чтобы возвести такое количество огромных зданий? Сколько нужно было привезти камня? Он всё больше удивлялся.

Во времена переходов Кочевье иногда встречало остатки старых городов. Племя обычно обходило эти места: на них лежало табу, потому что часто они вызывали смертельную болезнь. Молодёжь раз или два пыталась отыскать в них металлы. Но то, что они находили, оказывалось проржавевшим и бесполезным. Лучше было надеяться на Торговцев, которые готовы на любой риск, лишь бы раздобыть металл, который потом приносили в Кочевья.

Но ни один город, который встречал Сандер, не длился бесконечно! Или почти бесконечно. Однако если тут и был раньше металл, то его давно уже весь выбрали. В кустах гнездились птицы, они оставляли свои следы на изношенных каменных плитах. В это время года все гнезда опустели, зато они были хорошо видны на сбросивших листву ветвях.

Дважды Сандер использовал свою пращу. Однажды ему повезло, и он подбил гигантского зайца. Они зажарили его на обед, сберегая сушёное мясо. Пеканов не было видно. Рин принимался к камням и иногда глухо рычал, как будто улавливал неприятный запах. Каждый раз Сандер настораживался и осматривал местность в поисках засады. Больше всего он боялся встретиться с таким чудовищем, как на острове.

Но следы, которые отыскивал койот, должно быть, были старые. А деревья, которые могли бы привлечь лесных людей, не было.

В поисках пищи возле ночного лагеря Сандер сделал открытие, которое потрясло его. В углублении лежали

кости, и это были не человеческие кости. Скалящийся череп, мощная челюсть, опирающаяся о камень, и всё это вдвое больше по размеру, чем у человека. И в одной пустой глазнице торчала стрела.

Сандер осторожно освободил стрелу. Она не очень отличалась от его стрел. Металл хорошо выделан — признак работы опытного кузнеца. Но знаков на стреле Сандер не знал. Он присел, внимательно осматривая скелет.

Это, несомненно, были останки одного из чудовищ. Но ему казалось, что лежат они уже не один год. Он удивился, почему охотник не взял свою стрелу. Их не бросают так легко, и первое, о чём думает всякий охотник, уложив добычу, как вернуть своё оружие. Может, чудовище было подстрелено на расстоянии, было живым, хотя и смертельно раненным, потом добралось сюда и здесь упало.

Сандер внимательно осмотрел окружающую местность и сделал второе открытие — зияющую дыру в одной из насыпей. Позже оползень почти засыпал её, но не настолько, чтобы нельзя было разглядеть. Вероятно, Торговцы, искавшие сокровища, подверглись нападению чудовища. Он попытался восстановить случившееся.

Вероятно, люди так пострадали от нападения чудовища, что бежали, унося с собой мёртвых и раненых. Следы схватки, пусть и старой, вселяли тревогу.

Он попытался очистить стрелу. Тонкий слой ржавчины легко стереть песком. А любое прибавление к его скудному арсеналу будет весьма полезно.

Сандер всё ещё не был удовлетворён. Свистом он подозвал Рина. Койот, обнюхав скелет, яростно зарычал, оскалив зубы. Но когда Сандер провёл его к отверстию, тот не проявил интереса. Значит, запах давно исчез. Но тут Сандер увидел кое-что новое — возле груды мусора лежали глубоко врезы колёс.

Это можно было понять только так: сюда подвозили телегу, несколько меньшую, чем те, в которых Кочевье путешествовало по равнинам. И телегу тяжело наргузили, не зря она оставила такую ясную подпись на земле. Значит, искатели не бежали без памяти, они забрали с собой то, что нашли.

Но если это территория какого-то племени Торговцев, они в опасности. И хоть внешне они никак не напоминают охотников за металлом, у них нет телеги, грузы можно

навыючить только на койота и пеканов, но Торговцы настолько ревнивы, что могут без предупреждения напасть на любого человека, вторгшегося на их территорию, не дожидаясь никаких объяснений.

Раскопки были старые, судя по оползню и костям чудовища. Однако это вовсе не означает, что искатели ушли отсюда. Город настолько огромен, что его можно обыскивать долго и во многих местах.

Значит, придётся опасаться и этого. Сандер знал, что Рин не подпустит ни одного незнакомца, пока Сандер сам не поручится за него. Он мог напасть даже на Фейни, если бы его не задержали пеканы, а тем временем Сандер принял Фейни мирно. Значит, нужно полагаться на койота. Он и предупредит, и защитит. Кузнец не хотел обмениваться стрелами с Торговцами. Ему нужны знания. Те Торговцы, которых он встречал, были настроены дружелюбно, хотя и отчаянно торговались. Они не похожи на Морских Акул, для которых любой человек — добыча с того момента, как они его увидят. Сандер надеялся, что если им встретится группа Торговцев, Рин заблаговременно предупредит их, и они сумеют доказать, что не представляют угрозы.

Когда он сообщил о своей находке Фейни, та не встревожилась.

— Может, это племя Гавы. Он приходит весной на берег... приходил на берег, — поправилась она, — чтобы вести торговлю в Педфорде. Наш кузнец, Эвольд, говорил, что у него очень хороший металл.

— А что вы отдавали взамен? — Кочевье предлагало обработанные шкуры, шерсть. И то и другое Торговцы брали с готовностью. Интересно, что могли предлагать родичи Фейни, отчего Торговцы несли туда металл. Ему казалось, что в деревне не может быть ничего привлекательного.

— Солёную рыбу и соль, — быстро ответила она. — Наши люди отправлялись за ней в морскую пустыню. И иногда у нас бывал излишек зерна и сушёных фруктов. Моя мать предлагала травы, которых не было у их лекарей. Мы не такие бедняки, как ты считаешь, кузнец!

— Я разве так сказал? — возразил он. — У каждого племени свои обычаи.

— Может, и не сказал, но это было у тебя в мыслях, —

убеждённо ответила Фейни. — В своём набеге Морские Акулы увезли не только людей. Я всё думаю, почему они на нас охотятся, зачем увозят на своих кораблях? — Она спрашивала, не дожидаясь ответа. — Мы слышали о них, и не только от Торговцев, но и от своих стариков. Они охотились на нас и на юге. Некогда наше племя было многочисленнее, но мы потеряли многих юношей и девушек, их захватили Акулы. Это часть «нашей» памяти, кузнец, хотя у нас и нет ваших Помнящих.

— Я слышал об Акулах только от Торговцев, — признался Сандер. — Они появляются только на берегу, а в глубине суши мы их не встречали. Если только Белые их родичи...

— Белые?

— Они приходили, когда я был совсем маленьким. Станный народ. Сразу нападают, как будто их жизнь зависит от нашей смерти. Мы не смогли даже вступить с ними в переговоры, чтобы установить границы пастбищной земли, как с другими Кочевьями. Нет, они просто всех убивали: детей, женщин, мужчин, даже койотов. Койотов они очень боялись. Приехали они в своих повозках с севера. И повозки тащили не койоты, а странные животные, похожие на оленей, но очень большие, с огромными разветвлёнными рогами. Они действовали так, будто хотели захватить весь мир, уничтожить все остальные Кочевья. Когда наши люди узнали их кровожадное безумие, Кочевья объединились, и все вместе мы встретились с ними на поле, и там умерли они и их животные. Когда они увидели, что мы побеждаем, их женщины перерезали своих детей и потом убили себя. И своих животных тоже прирезали. Ни одно Кочевье не забудет эту бойню.

В их повозках мы находили странные вещи. Но было решено, что всё, что они привезли с собой, проклято, потому что они вели себя как безумные. Поэтому их имущество было свалено большими кучами. На них мы положили их тела и тела их животных. Затем всё это подожгли, и от них остался только пепел. А потом все Кочевья, которые собрались, чтобы защитить свои земли, решили на совете, что на этой земле теперь лежит проклятие и все Помнящие должны знать это. И с тех пор ни одно Кочевье там не кочевало.

Своих мёртвых мы похоронили в могилах на краю

этого поля крови, чтобы их дух мог уберечь нас. Но некоторые верят, — добавил он, — что никакой души у человека нет, что когда он перестаёт дышать, остаётся только тело, как изношенная одежда. Однако многие думают по-другому. Теперь, когда какое-нибудь Кочевье кочует по северу, все молодые воины, все девушки, готовые выбрать спутника по шатру, вместе с Помнящими все едут к этим могилам. И здесь звучат рассказы о Белых и их безумии.

— А почему они называются Белыми?

— Волосы у них, даже у молодых, были светлые, и кожа, хоть они и ходили под солнцем, очень белая. Но самое странное — их глаза, они у всех одного цвета, без зрачков, как шары из полированного серебра. Внешне они выглядели как люди, не то, что эти лесные создания или чудовище, которое напало на нас в доме, так что в этом смысле их можно считать нашими родственниками. Но в остальном — нет, они нам не родня.

— И Морские Акулы тоже, — твёрдо сказала Фейни. — Внешне они люди, как мы, но в них дух дьяволов тьмы.

Они держали прутья, на которых над костром жарилось мясо. Уже стемнело. Рин исчез. Но Сандер понимал, что койоту тоже нужно наполнить желудок, даже если в темноте таится множество опасностей. Кузнец вздрогнул, рука его легла на самострел: в тени развалин что-то шевельнулось. Фейни взяла его за руку.

— Это Кай и Кайя, — сказала она. — Хоть ты и не доверяешь теням, в них могут скрываться и друзья. — И она негромко позвала своих спутников.

Глава 10

Фейни положила руку на голову сначала Кая, потом Кайи и по очереди посмотрела в глаза пеканов. Потом заговорила:

— Они никого не нашли. Пока судьба нам благоприятствует.

Может и так, мрачно подумал Сандер, но всё же ему было тревожно среди этих нагромождений обломков, где легко могло спрятаться целое Кочевье. Расслабляться было нельзя.

Ночью они снова дежурили по очереди. На рассвете, подбрасывая время от времени в костёр дрова, Сандер

сидел и смотрел на Рина, спокойно прислушиваясь к журчанию реки внизу, к звукам ночи.

Нападение началось внезапно — только что ничего не было, а в следующее мгновение оно началось, — и пришло не из окружающей тьмы, а прямо из его мозга. Сандер не мог даже вскрикнуть, ему нечем было защититься. Он почувствовал, что находится в другом месте, очертания которого расплывались, постоянно изменяясь, и он никого не видел — не видел того, кто его призвал, преодолев его сопротивление с такой же лёгкостью, с какой взрослый мужчина преодолевает сопротивление ребёнка.

Он не смог бы найти слов, чтобы описать это ощущение. Сами его мысли были безжалостно отняты у него, они просеивались, просматривались, отдавали всё, что нужно было знать напавшему. Сандер видел смутные картины: разрушенные здания, какое-то движение среди них. Но когда он пытался рассмотреть подробности, всё ускользало, расплывалось, изменялось.

Но вот опять только костёр и ночь вокруг. Рин поднял голову, в глазах койота отражался огонь. Рядом поднялись пеканы, они оба повернулись к Сандеру. И лишь девушка продолжала спокойно спать.

Сандер услышал негромкое, глубокое рычание Рина, свист пеканов. Кузнец поднял руки, потёр лоб, он чувствовал себя слабым и испуганным. Ни один Помнящий даже не намекал, что такое может случиться с человеком. Сандер сомневался в утверждениях Фейни об «ищущей мысли» — может, именно это она имела в виду, эту невидимую, непреклонную волю? Кто «искал» его и с какой целью? Сандер чувствовал, что подвергся насилию. Кто-то бесцеремонно вторгся в его мозг.

Кай засвистел, обнажив зубы. Кузнец вздрогнул от такой открытой враждебности. Рин — Сандер быстро взглянул на койота. Животное продолжало негромко рычать. Но когда Сандер пристально взглянул в глаза Рину, рычание смолкло. Кузнец, который никогда не пытался общаться с койотом так, как Фейни со свими пеканами, понял, что Рин тоже ощутил это чуждое вторжение в его мозг, но теперь понял, что Сандер снова стал самим собой.

Кузнец хотел разбудить Фейни, расспросить её, что могло вызвать это нападение. Ведь это было явно дейст-

вие какого-то шамана, а не обычного человека. Но когда улеглись страх и первое отчаяние, он почувствовал растущий гнев. Никто не должен знать, как им воспользовались. Он почувствовал какое-то презрение при этом исследовании его мыслей, как будто он совсем мало что значил для того, кто на мгновение захватил над ним умственный контроль. Нет, он не будет её спрашивать.

Вместо этого Сандер начал рыться в своём мешке. При этом он про себя повторял тайные рабочие слова. Смутно он припоминал, что говорил как-то отец. Есть такие места, сохранившиеся от времён Предков, где чуждые влияния могут подчинить себе человека, заставить выполнять неведомую службу. Защитой может послужить одна из тайн кузнецов.

Сандер нащупал куски проволоки, найденной на корабле. Предварительно измерив, он начал сплетать их, сгибая как мог сильно. Потом приспособил сплетённую ленту, окружив ею голову, так что часть её лежала прямо на лбу над глазами. Примерив, он снял кольцо и стал закреплять концы.

Железо — холодное железо — у него есть значение, восходящее к временам Предков. Если его обработать определённым образом, оно может защитить. У него никогда не было причин проверять эту легенду (впрочем, в Кочевье многие носили амулеты из холодного железа; он сам изготовил немало таких амулетов по заказам). Но в глубине души он считал её суеверием, не имеющим под собой оснований; просто людям нравятся такие игрушки, они дают им ощущение безопасности.

Теперь же... теперь он понял, что существуют враги... или враг, которого нужно опасаться больше, чем чудовища, Белых или ревнивых Торговцев.

Закончив грубую диадему из ржавого металла, он начал плести новую из мелких кусков, связывая их прочной верёвкой. Это для Рина. Он не знал, подвержен ли койот таким нападениям, какое испытал он сам, но лучше принять все предосторожности.

Оставались Фейни и пеканы. Сандер решил, что животные его к себе не подпустят. Они выносят его и койота только потому, что их приняла Фейни. А девушка — она казалась возбуждённой, даже довольной, когда уловила «ищущую мысль». Ясно, что она приветствовала этот

контакт. Вероятно, это результат её подготовки как шамана. Но если шаманы принимают такие контакты как нормальные и правильные!.. В этот момент он готов был оставить девушку и убежать во тьму.

Гнев и страх охватили его. Но он не поддастся этим чувствам. Они продолжают путь вместе — если только Фейни не даст ему оснований поверить, что она более близка к этим... к этому... ищущему, чем к Сандеру и другим людям.

Металл сжал кожу лба. Сандер продолжал мысленно твердить слова власти, которые произносят при изготовлении металлического орудия или оружия. Он подбросил дров в костёр. Пеканы спокойно сидели рядом с Фейни. То, что вторглось в их лагерь, ударило по нему и отступило.

Сандер засунул своё добро в мешок и прочно завязал его. Над холмами, тянувшимися вдоль реки, разгорался рассвет. Сандер надеялся, что сегодня они наконец выйдут из города или найдут то, что ищет Фейни. Ему всё больше не нравился этот лабиринт насыпей и развалин. Если душа действительно существует, то души мёртвых бродят тут сотнями. И поскольку ни один человек не воздавал почести их могилам, они разгневаны, и их ничего не сдерживает.

Сандер поспешил отбросить такие мысли. Он не верит в земную душу мёртвых. Он не позволит себе превратиться в ребёнка, который боится темноты, потому что его воображение населяет тьму чудовищами. Нет... нет... и нет!

Фейни пошевелилась, медленно открыла глаза. Сандер с беспокойством заметил, что у неё такое же выражение лица, как когда она держит свою подвеску, замкнувшись в своём внутреннем мире.

— Оно здесь... он здесь... — Голос её смолк. Она замигала, как будто очнувшись от яркого сна. Потом села, и лицо её озарилось пылом, какого он никогда у неё не видел. Возбуждение, которое она испытала, поймав «ищущую мысль», было лишь бледной тенью этого.

— Сандер, оно здесь! Ты меня слышишь? — Она схватила его за руку и энергично затрясла. — У меня было видение! — Лицо её всё ещё озарялось возбуждением и радостью. — Мы скоро придём туда — в тайное место. И там нас ждёт кто-то очень важный.

— Кто? — решительно спросил он.

На лице её появилось недоумение, прогнавшее радостное выражение.

— Не помню. Но это настоящее видение. Мы найдём то, что ищем!

Её энтузиазм испугал его. Неужели все эти дни у неё были сомнения, хотя она и говорила с такой уверенностью, глядя на свою подвеску? Неужели на самом деле она не была уверена, что подвеска приведёт их туда, куда им нужно? Так, наверно, и есть. Но он ничего не сказал. Ясно, что теперь она вполне уверена в успехе.

— Что это на тебе? — спросила она. Она смотрела на диадему, закрывавшую его лоб. — Это сделано из металлической проволоки? Зачем ты это сделал? Почему надел?

— Это моя тайна, — флегматично ответил Сандер. Он не собирался рассказывать ей, что случилось. — Кузнецкая тайна.

Она приняла его объяснение. И ничего не спросила, когда он надел и на Рина изогнутый металл, хотя он видел, что девушка внимательно наблюдает за ним.

Пеканы удалились со своей обычной скоростью. После еды Сандер снова нагрузил вещи на койота, позаботившись, чтобы груз можно было сбросить одним рывком верёвки. Если им будет угрожать опасность, Рину не должен мешать груз.

Фейни пошла впереди, не отрывая взгляда от подвески. Груды мусора становились меньше, расстояние между ними увеличивалось, появились кусты, потом деревья. Вскоре деревья стали попадаться всё чаще. Они продолжали идти вдоль реки, местность постепенно опускалась, и утёсы больше не нависали так высоко над водой.

Через некоторое время они вышли на широкую ровную полосу, испещрённую колеями телег. Рин принялся, но не зарычал. Для опытного взгляда Сандера было ясно, что все колёса старые, оставлены на земле уже очень давно. Но их было так много, они часто пересекались, показывая, что в прошлом в город и из города происходило большое движение. К тому же глубина колеи говорила о тяжёлом грузе.

Следов койотов не было видно. Зато они увидели множество следов знаменитых больших собак Торговцев. Впервые после того, как они вышли из лагеря, Сандер

нарушил молчание, хотя он и видел, что Фейни погружена в свои мысли, может, заново переживая сон, который назвала «видением», и забыла о присутствии Сандера и Рина.

— Если твой знак указывает туда, мы не одни, кто мог найти сокровище. Торговцы прочесали весь город, и здесь их было множество.

Девушка покачала головой. «Думаю, ни один Торговец не знает, чего мы ищем. Это не металл, не работа рук Предков. Скорее это работа мысли Предков. Торговцев это не заинтересует.»

— Неужели ты знаешь все кланы Торговцев? — возразил он. — Мы, на равнинах, знакомы с четырьмя племенами, они приходили к нам регулярно, всего не больше тридцати человек. Их женщин мы никогда не видели. А сколько приходило в Педфорд?

— Я помню двадцать, — быстро ответила она. — И мой отец — но он не Торговец. Могут быть и другие, такие как он, искатели знаний.

— Но он путешествовал с Торговцами, — настаивал Сандер. — А ведь известно, что чужим они не позволяют путешествовать с собой.

— Мать рассказывала, что те, с кем он пришёл, обращались с ним странно, как будто они его боялись. Но он был не такой человек, у которого всегда наготове оружие, который легко заводит ссоры. Мать говорила, что вождь Торговцев был доволен, когда они уходили, а отец решил остаться с нами на зиму. Но он сказал, что уйдёт с ними, когда они придут снова. Он хотел пройти дальше на юг и посмотреть, что там. И они не отказывали ему, когда он говорил об этом.

Сандер немного устал от этого загадочного отца, который лёг в могилу ещё до того, как Фейни появилась на свет. Похоже, он произвёл такое впечатление на мать Фейни, что она приняла его в свой дом и обращалась с почтением и страхом, которые весьма необычны для её пола.

Женщины Кочевий сами выбирают себе напарников. Да и выгоняют их, если недовольны договором. Его отца выбирали дважды. Но во второй раз он отклонил предложение, потому что у него уже был сын, которого он мог обучить своей профессии. И ни один кузнец не захочет делить свою власть, когда руки его ослабеют и не смогут

держат большой молот. Сандер рос в окружении мужчин: отца, его брата, своего дяди, у которого был острый язык, но узкий мозг, и ни одна женщина не смотрела на него одобрительно.

Любой шатёр с радостью снабжал кузнеца хорошо выработанной одеждой, порцией печёных мясных лепёшек, шерстяными одеялами в обмен на то, что мог изготовить отец. Так что в их шатре никогда не гостил ни голод, ни холод, хотя в их повозке и не было женского ткацкого станка или кухонных горшков.

Но мужчине принадлежит только его оружие и его инструменты, всё остальное принадлежит женщине. Она снабжает приданым дочь, когда той наступает время выбирать, она советует выбирать мудро и с мыслью о будущем, выбирать среди старших, а не среди молодых, чьи достоинства ещё не определились.

Таковы ли обычаи среди людей Фейни? Если это так — а Сандер думал, что так, — то женщины Педфорда должны были отшатнуться от чужака, такой союз не мог принести безопасности, он был бы краток. Однако их шаманка приняла его, говорила с ним с необычным уважением, заботилась о нём до самой смерти. Неизвестный путник, должно быть, обладал чем-то привлекательным.

— Обычно шаманки не вступают в брак, — продолжала Фейни. — Их власть не должна быть ограничена, не должна направляться на одного мужчину. Но так же необходимо, чтобы у шаманки была дочь, которой она могла бы передать свои знания. Поэтому, когда моя мать выбрала незнакомца издалека, жители поселка согласились. Но она обнаружила в нём гораздо больше, чем ожидала. А когда он умер, она оплакивала его не только по обычаю, но от всего сердца.

Сандер чувствовал себя неудобно. Как будто без приглашения владельца зашёл в отгороженную часть шатра. «Ты говоришь, что шаманка должна иметь дочь. А если будет сын?»

Фейни рассмеялась. «Этого никогда не случится, кузнец. У нас есть свои тайны, и мы можем обойти даже природу. Первая из моего клана, та, что пережила Тёмное Время, обладала знаниями, новыми даже тогда. Она передала их своей дочери, и от дочери к дочери они дошли до меня. Мы не рождем сыновей, только дочерей, и только

одну в каждом поколении. Потому что такова наша воля. Положение может измениться, если мы захотим, но мы не хотим. В доме шаманки нет места для мальчика.»

Местность становилась всё более открытой. Но вдруг она оборвалась крутым откосом. Река устремлялась вперёд быстрее, с рёвом. Они увидели могучий водопад, полузакрытый туманом водяных брызг, его длина скрывалась пенными лентами.

По другую сторону ущелья местность становилась более ровной, конкреции острых скал менее заметными. Сандер остановился в отчаянии, увидев, что их ждёт впереди. Какая-то могучая сила исковеркала и изорвала землю. В потоках лавы застыли каменные блоки, путаница металла, заржавевшего и выветрившегося. Эта смесь предметов, изготовленных человеком, и захватившей их природы, создавала непреодолимую преграду.

Но колеи направлялись прямо туда, хотя Сандер готов был поклясться, что никакое колесо не способно пересечь эту мешанину. Фейни изумлённо смотрела на этот барьер.

— Волна, волна, которая пришла из моря, — прошептала она. — Волна высотой в гору. Она унесла с собой большую часть города. Здесь она обрушила самый сильный удар. Говорят, такая волна унесла корабль моих предков далеко в глубь земли. Удивляюсь, как они выжили. Может, та волна была меньше.

— Неважно, как это получилось. — Сандер перешёл к делу. — Мы должны пройти через это, раз твой указатель говорит, что идти нужно туда.

Она взглянула на подвеску и кивнула. «Дорога прямо перед нами. Но это, — она указала на колеи, — свидетельствует, что и другие нашли дорогу, достаточно большую для телег.»

Сандер не стал говорить, что на такой дороге их может поджидать засада. В этот момент он не видел другой возможности преодолеть эту невероятную массу впереди.

— Смотри! — показала Фейни. — Здание!

Вначале он поразился тому, что увидел. Но потом понял, что это не целое здание, а просто отдельные блоки, возможно, соединённые металлическими сухожилиями, которыми Предки связывали каменные массы; и некоторое количество этих блоков сохранилось, образуя почти сплошную поверхность.

Поражала невероятность катастрофы, обрушившейся на эту землю. Всю жизнь Сандер слышал рассказы о Тёмном Времени, о титанических силах, поразивших мир Предков. Видел развалины городов, море-пустыню. Но только здесь, глядя на эти огромные камни, принесённые морем на потрясённую землю, оставленные здесь отхлынувшей волной, он, наконец, представил себе всю ярость, которая обрушилась на мир и людей. Как говорила Фейни, трудно поверить, что человек мог выжить в Тёмное Время. Даже песни Помнящих не могли отразить отчаяния бежавших, которых догоняла вода, глотали трещины, открывавшиеся в земле под их ногами.

Фейни закрыла лицо руками.

— Это... — он понял, что она не может найти слов. Да и он ничего не мог сказать в этот момент.

Он обнял её за дрожавшие плечи и привлёк к себе, два маленьких человеческих существа стояли перед картиной смерти целого мира.

Наконец Сандер с трудом оторвал взгляд от невероятной стены.

— Не смотри туда, — сказал он. — Смотри на колени, может, ты права и они нас выведут к цели.

Он решительно смотрел только вниз. Кое-где телегам приходилось перебираться через камни. Дорога отвернула от водопада. И на него Сандер не мог смотреть. Какое-то ужасное очарование заключалось в этом падении воды: человек, слишком пристально смотревший на это, мог последовать за водой. Они, спотыкаясь, почти бежали, а гром в ушах звучал всё отчётливей.

Сандер заметил, что Рин бежит, опустив нос, как на охотничьей тропе. Койот, казалось, даже не замечал нагромождения обломков. Конечно, сообразил Сандер, для его мозга, пусть и очень умного, но всё же животного, всё это не имело никакого смысла. Только для человека, который так много утратил, это зрелище — страшный удар из прошлого.

Тропа сузилась. Теперь они нахоились прямо против водопада, и гром стоял такой, что они не расслышали бы ни слова, даже если бы и попытались приободрить друг друга. Осталась только одна колея, и та проходила в опасной близости к обрыву. Сандер прижался к стене, за ним пробиралась Фейни. Их одежда, волосы, лица — всё промокло от водяных брызг, они продвигались боком, стара-

ясь держаться как можно дальше от края. Рин бежал впереди, но они продвигались медленно. У Сандера кружилась голова, он боролся с желанием приблизиться к краю пропасти. Если он это сделает, то погибнет.

Фейни так крепко вцепилась в его рукав, что костяшки её пальцев побелели. В другой руке она сжимала подвеску, губы её двигались, будто она повторяла какие-то слова силы.

Путь, казалось, продолжался вечно. Дважды они опускались на животы и ползли, продолжая держаться за стену, потому что массы камня и проржавевшего металла выступали на дорогу. Но колея продолжалась, и Сандер с уважением подумал о тех, кто осмелился пройти этим путём.

Они миновали водопад, и теперь справа расстиралось озеро, испещрённое островами и рифами из застывшей лавы. По другую сторону озера, чуть видную им, виднелся проход, похожий на устье другой реки, как будто озеро имело два стока.

Наконец, к их общему облегчению, между ними и озером начала подниматься вторая стена обломков. Тут Сандер увидел, что дорога в этой части, по крайней мере частично, расчищена человеческими руками. На стене виднелись следы инструментов, обкалывавших камни или убиравших металл. Расчищенное место было едва ли шире телеги, маленькой телеги, а работа для этого потребовалась такая, что Сандер вполне мог поверить, что в конце пути их ждёт награда, достойная такого труда. Миновав водопад, Сандер побежал рысцой, Фейни легко бежала рядом. Он вспотел, сердце его колотилось, он по-прежнему смотрел только на дорогу перед собой. Она пошла под уклон.

Но вот они миновали ту часть, где дорога была высечена людьми. Впереди было видно, что дорога опускается почти к самому берегу озера.

На этой стороне озера не имелось никакой растительности. В этой мрачной смертоносной массе не могли закрепиться даже самые неприхотливые кустарники. Но на другом берегу стояли деревья в жёлтой и красной осенней листве, а вдоль берега тянулась зелёная полоса тростника.

Здесь они встретились с Рином и пеканами. Животные терпеливо ожидали их.

Глава 11

Рин издал призывный вопль, и Сандер побежал, хотя и продолжал смотреть на дорогу, чтобы не попасть ногой в глубокую колею. Поза койота свидетельствовала о возбуждении и настороженности. Рин устремил морду ввысь, туда, где гигантская волна беспорядочно нагромодила то, что вынесла на сушу.

Когда пеканы увидели приближающихся людей, они запрыгали в сторону и исчезли среди трещин и ям. Рин издал последний предупреждающий лай и направился туда же. Среди фантастического нагромождения камней, изогнутых и перевитых металлических балок, застывших в озёрах лавы, имелось множество мест, где можно было легко спрятаться. Сзади гремел водопад. Сандер напрягал слух после предупреждения Рина, но, кроме грохота водопада, ничего не слышал. Кузнец поднялся на груды обломков, осторожно испытывая каждую опору, прежде чем ступить на неё всем весом, потом протянул руку Фейни.

Вместе они достигли места, где большой камень откололся от скалы. Щель была забита массой обломков, которые выглядели очень ненадёжно. Тут было слишком много острых краёв, чтобы удобно устроиться. Однако пеканы распластались именно здесь, для поддержки цепляясь когтями за камни. Рин скорчился тут же, прижавшись животом к неровной скале и металлу, и неподвижно застыл. Его серо-коричневая шкура так хорошо сливалась с фоном, что Сандер понял: это один из обычных его охотничьих приёмов. Койот может так терпеливо лежать часами над норой кролика или на тропе, ведущей к водопою.

Для Сандера и девушки едва осталось место рядом с койотом. Устроившись, Сандер подготовил самострел. Рин смотрел на дорогу, по которой они пришли. Уши его торчали, и Сандер ощущал в нём глубокую дрожь, хотя вслух зверь не рычал.

Сандер прижался губами к растрепавшимся волосам над ухом девушки.

— Твои пеканы знают, какая опасность приближается? — Не впервые он пожалел, что у них с Рином нет более совершенного способа общения. Он считал, что Фейни может прочесть мысли своих пушистых или хотя бы догадаться о том, что означают их действия.

Она повернулась и пристально посмотрела на Кая. Пекан злобно оскалил зубы.

— Что-то приближается, — прошептала она, — и не с одной стороны. Видишь, Кайя смотрит вперёд, а Кай назад? Мы оказались между двумя опасностями.

Сандер сосредоточился. Это всё, что ему нужно. У него есть десяток стрел, меч-нож и праща, с которой он охотился. Камень, выпущенный из неё, может быть очень опасен, нужно только получше нацелиться. Он подготовил стрелы, потом освободил от груза Рина.

Долгое время казалось, что тревога ложная. Однако Сандер знал, что животные слышат лучше него. Может, они учуяли что-то. И вот...

Звук, который он услышал, вернул его во времена детства. И вместе с ним пришёл страх, такой же острый, как лезвие меча, прижатое к телу. Этот рёв некогда так мучил уши воинов Кочевья, что они забивали их травой, чтобы заглушить звук.

Боевой рог Белых! Тот, кто однажды его услышал, никогда этого не забудет. Он перекрыл грохот водопада так легко, как будто звуков воды вовсе не существовало.

Ему ответило кваканье, гулкие крики, ещё более паразитальные для ушей людей. Потому что их испускало не человеческое горло.

Вверх по тропе от озера большими прыжками двигались земноводные, похожие на речных жителей в пустыне. Тела их были одеты в такие же панцири, каждое в руке держало копьё с зазубренным наконечником. Огромные раковины, из которых были сделаны их шлемы, так нависали над мордами копыеносцев, что сверху Сандер мог видеть только эти шипастые шишаки.

Земноводные прыгали в ямы и трещины и замирали там. Подобно Рину, они обладали врождённой маскировочной окраской, которая делала их почти невидимыми. Сандер был уверен, что они подготовились к нападению.

Снова послышался звук боевого рога. И появилось одно из тех огромных рогатых животных, которые служили Белым и погибли вместе с ними на равнинах. Но на этот раз животное не тащило телегу, на нём сидел всадник, засунув сапоги за ленту, которой было обвязано туловище животного. Белый приближался осторожно, его животное медленно переступало. Сделав два или три шага по откры-

тому месту, зверь застыл на месте, потом попятился и зарычал.

В руке всадник держал зазубренный меч, вдвое длиннее того, что был у Сандера. Голова, покрытая заострённой кожаной шапкой, медленно поворачивалась справа налево и затем обратно. Только когда снова прозвучал рог, передавая приказ, всадник тронул своё животное. Фейни протянула руки и положила их на морды пеканов, чтобы они молчали. Снова Сандер ощутил дрожь в теле Рина. Но они застыли, не издавая ни звука.

Второй огромный олень (если это, конечно, олень) появился в поле зрения, за ним ещё. Однако всадники двигались так осторожно, что было ясно: они ожидают засады. Никто из земноводных не шевельнулся. Когда Сандер посмотрел в их сторону, то хоть он и видел, как они размещались, всё же с трудом смог различить одного или двух, да и то только потому, что запомнил, в каких щелях они спрятались.

Глаза Белых обыскивали неровные стены. Наконец один из них начал спуск, на спине у него висел длинный боевой рог. Отряд был маленький, всего шесть человек. Это вполне могли быть разведчики перед таким нападением, как на Кочевье, когда Сандер был ещё ребенком.

Их верхняя одежда была сшита из длинных неряшливых шкур, грязных, со спутанным мехом, которые были плотно перевязаны широкой полосой грязной материи. Белые, казалось, друг с другом не разговаривали, но когда они остановились, их руки были подняты, а пальцы двигались, возможно, передавая некие сведения друг другу.

Им определённо не нравилось то, что они видели или чувствовали впереди, но какая-то чрезвычайная необходимость заставляла их стремиться туда. Предводитель двинулся вперёд, положив руку на рукоять меча. Но копья спрятавшихся земноводных вдвое-втрое длиннее этого оружия. Каждое водное существо может дотянуться до всадника, прежде чем тот ответит.

Сандер, глядя на врага, заметил слабое движение в одном из углублений: там готовились к нападению. Ему захотелось крикнуть, предупредить Белых. Только воспоминание о том, что случилось на равнинах больше десяти лет назад, заставило его промолчать. Тогда Белые были подобны демонам, они убивали без милосердия, а потом

убили и себя, лишь бы не вступить в контакт с людьми Кочевья. Их абсолютная безжалостность была частью традиций клана, и потому в обычных условиях Сандер и пальцем не пошевелил бы, чтобы им помочь. Но они всё же одного вида с людьми его племени, а те, что ждут там с копыями, не принадлежат к известному ему миру.

Руки Фейни опустились на плечи кузнеца. Она с силой прижала его к месту, так что он не смог бы без борьбы выпустить стрелу, а это выдало бы их обоим отрядам.

Её губы отчётливо произнесли «нет». Непроизвольно в нём вспыхнули неприязнь и страх. Ему вовсе не нравилась очевидная способность Фейни читать его мысли.

Предводитель Белых осторожно продолжал продвигаться. И тут словно ниоткуда появилось копьё. Только быстрый рывок животного спас всадника от попадания. Земноводные выскакивали из укрытий, прыгали вперёд, их копыя образовали сплошную стену. Очевидно, Белые не смогут напасть: Сандер не видел у них другого оружия, кроме того, что они держали в руках.

Человек с рогом, находившийся в нескольких корпусах животного за предводителем, сделал первое движение. Он снял со спины рог и прижал его круглый мундштук к губам, уложив длинную металлическую трубу на шею животного. Щёки его раздулись, и он издал могучий звук.

Мощь этого звука заставила Сандера закрыть уши руками. Он чувствовал, как дрожит Рин, как будто удары плетей падали на тело койота. Фейни отпустила кузнеца. Она обхватила руками головы пеканов, сжимая их ладонями, хотя животные дёргались и вырывались.

На земноводных звук произвёл ещё более сильное воздействие. Двое выронили копыя и упали на землю, они бились в мучениях, размахивая руками и ногами. Остальные отступили, и их отступление перешло в бегство, как только они оказались на безопасном расстоянии от всадников. Белые прищипорили своих животных и подъехали к бьющимся в судорогах водным существам. Предводитель наклонился и ударил лежащих по шее, после чего они перестали дёргаться. Оба отряда скрылись в облаке пыли, уходящем за поворот дороги, откуда раньше появились земноводные.

Сандер даже не шевельнулся, чтобы вывести свой отряд из укрытия. Он по-прежнему подозревал, что Белые —

только разведчики, а за ними движется такое же племя, какое когда-то напало на Кочевье.

Однако Рин расслабился, а пеканы, наконец, вырвались из рук Фейни и испускали крики, торопя своих спутников. Сандеру пришлось признать, что за Белыми никто не следует, по крайней мере близко. А если это правда, то чем скорее они покинут эту спорную землю, тем лучше.

Он задержался у одного поверженного земноводного, хоть ему и не хотелось заглядывать под коричневый шлем на морду мёртвого существа. Он только поднял копьё и дальше пошёл уже вооружённым.

Древко было для него слишком длинное, но он считал, что его можно будет обрезать. Зазубрины острия были сработаны так искусно, что он, вопреки своему желанию, отдал дань восхищения изготовившему их кузнецу. Но остриё оказалось не из металла, а скорее из искусно вырезанной кости. Он взрогнул от одной мысли о том, как оно должно рвать тело. Колючки тонкие. И несомненно, они должны отломиться, когда копьё будут вытаскивать, неминуемо приводя к загноению раны.

Освобождённые от рук и воли Фейни, пеканы быстро запрыгали к повороту тропы и исчезли вслед за Белыми и водными существами. Сандер сомневался в правильности их решения следовать дальше. Если за ними идёт отряд Белых, они вполне могут оказаться в тисках между двумя группами смертоносных врагов. Но почему-то он не смог предложить отступить.

Если им вторично удастся найти укрытие среди скал, они могут спастись. Но человек не должен слишком легко рисковать, надеясь только на удачу.

Над ними по-прежнему возвышались груды обломков. Звуков боевого рога больше не слышалось. Однако, повернув за угол и увидев озеро, они стали свидетелями последнего этапа схватки.

Белые ездили взад и вперёд по берегу. Очевидно, они не собирались преследовать в озере тех, кто плыл там с лёгкостью и естественностью водных существ. Сбежавшие земноводные оставляли на поверхности треугольные следы, больше ничего не было видно, даже голов.

Ущелье ближе к побережью становилось более ровным и сильно расширялось. Сандер быстро принял решение оставить дорогу и повернуть налево, к холмам. Быстрый

подъём может оказаться их единственным спасением, если их всё же заметят Белые.

И вот они выступили, иногда короткими перебежками, иногда передвигаясь на четвереньках. Рин тоже прижался к земле. Камни резали их одежду, руки, но это ничего, если им удастся пробраться мимо всадников и земноводных незаметно.

Белые, очевидно, отказались от преследования земноводных. Они собрались всей группой вместе, и Сандер видел, как в беззвучном разговоре мелькают их руки.

Наконец отряд всадников разделился. Двое направили своих животных назад, туда, откуда пришли, и Сандер, Фейни и Рин прижались к земле за ближайшим выступом. Кузнец осторожно приподнял голову. Пока его страхи оправдывались. Эти всадники, которые двинулись назад, на восток, отправились либо с донесением, либо за подкреплениями. Спасение их отряда в том, чтобы как можно скорее миновать тех, кто остался на берегу озера.

Лучше всего держаться неровной холмистой местности. Животным Белых, более крупным и тяжёлым, чем Рин, нужен простор для манёвра. Они не могут ползти, прижимаясь к земле, как койот.

Но пробираться по высотам можно только очень медленно. Единственное преимущество здесь — обилие укрытий.

К счастью, Белые не собирались производить тут разведку. Возможно, они опасались других противников, помимо водных существ, которых так легко обратили в бегство. Ведь эта местность как будто создана для засад. Горстка воинов Кочевья, с достаточным запасом стрел, легко могла бы перебить целое племя Белых. Сандер был уверен, что не видел у них ни одного самострела. Если бы они были у всадников, те использовали бы их против земноводных.

Наконец они пробрались мимо всадников. Сандер взмахом руки разрешил Фейни и Рину встать. Теперь их отделяла от всадников настоящая баррикада из камней и ржавого металла. За ней они уже могли идти в рост, хоть и не очень быстро, но всё же быстрее, чем раньше.

Дважды Сандер взбирался на баррикаду. В сущности это был огромный пласт сплавленных обломков, обрушившийся с высоты и образовавший основание холма. Из укрытия Сандер осматривал дорогу.

Он видел, что колея по-прежнему идёт вдоль берега озера, всадники медленно продвигались в том же направлении. Было ясно, что они не торопятся.

Но вот предводитель соскочил со своего скакуна, остальные последовали за ним. Животные направились к берегу, где на отмелях виднелись ещё не тронутые морозом водяные зелёные растения. Опустив головы, животные срывали их листья и жадно жевали. А всадники сели у выступа скалы и открыли седельные мешки.

Сандер вдруг понял, что тоже очень голоден. Но задерживаться здесь они не могут. Чем большее расстояние ляжет между ними и этими разведчиками, тем спокойнее он будет.

Теперь их отряд со всеми возможными предосторожностями двигался через огромные массы обломков, принесённые и оставленные древней волной. Сандеру очень хотелось испытать куски металла, которые он видел в развалинах. Какое здесь богатство! Почему Торговцы роются в развалинах города, где металл весь проржавел? Или они проложили дорогу сюда как раз для того, чтобы поживиться этим богатством?

Но никаких следов раскопок не было видно. И Сандер понимал, что вести их тут очень рискованно. Время от времени под ударами ветра сверху падали обломки. Поэтому он всё время поглядывал вверх и обходил горы обломков, казавшиеся ему неустойчивыми.

Наконец они остановились, потому что так устали, что не могли уже двигаться дальше. Разделив мясо и воду, Фейни глубоко вздохнула. Рин лежал, проглотив свою порцию в один глоток, и тяжело дышал. Обувь людей очень пострадала от неровной местности, от камней, через которые приходилось перебираться. Сандер развязал свёрток с необработанными заячьими шкурами и привязал их на ноги, мехом внутрь: он надеялся хоть немного сохранить остатки обуви.

Фейни потёрла икры своих стройных смуглых ног. «Никогда не ходила по такому пути, — заметила она. — Колеи достаточно плохи, но ползание вверх и вниз ещё хуже. И сколько нам ещё предстоит такого пути?»

Сандер знал не больше её. Повсюду валялись камни, застывшая лава, охватившая принесённые морем обломки. Некоторые вершины вздымались высоко, как горы,

очевидно, поднявшиеся примерно в то же время, когда нахлынуло море. Кошмарная земля, и Сандер благодарил судьбу, что они зашли так далеко, отделавшись всего лишь поцарапанной ногой и несколькими синяками на руках. А теперь они должны найти убежище до наступления ночи. Даже драгоценный свет Предков не сможет вести их по такой местности.

Огромное озеро — за весь путь они так и не достигли его западного берега — всё время дразнило Сандера, когда он поднимался на гряды застывшей лавы, чтобы разведать дорогу. Но приключения Белых послужили достаточным предупреждением. Приближаться к этой населённой воде глупо. Ради безопасности придётся держаться этих пустынных мест.

Незадолго до заката они нашли место, которое, как считал Сандер, им подойдёт. Два обширных оползня образовали массивные стены. Между ними находилась полоска относительно ровной земли. Разжечь костер они не решились, даже если бы удалось найти дрова. Фейни призвала своих пеканов и свернулась между ними, и, может, ей так было теплей, чем у костра. А у Сандера был Рин.

Животные лежали спокойно, не проявляя тревоги. С удовольствием быстро съели куски сушёного мяса, предложенные Сандером. По-видимому, пеканы всё же нашли какую-то добычу в этой пустынной земле. Никто из троих не собирался уходить на ночь. Когда окончательно стемнело, Сандер взял у Фейни её свет Предков. Закрывая его рукой, он прошёл к нижнему краю стены, давшей им убежище.

Тут он выключил свет и посмотрел на восток. Если Белые прошли по колеям дальше, они могут остановиться на ночь и развести костёр. Но никакого пламени он не увидел.

И лишь когда он снова повернулся на запад, готовый вернуться назад, в убежище, он заметил искорку, которая могла быть только костром. Он был уверен, что Белые не проехали мимо них в том направлении. Поэтому не Белые зажгли этот маяк. Огонь показался ему сигнальным, потому что разожжён был очень высоко. И тут огонь начал мигать.

Именно так извещают Кочевья, когда приближается опасность для стад. Только эти мигания никак не походи-

ли на условный язык, которому он был с детства обучен. Сандер повернулся, снова взглянул на восток.

Да, его догадка была верной! В ответ там высоко замигала другая огненная точка. Белые? Почему-то он в этом сомневался. Люди, которые сегодня разогнали земноводных, не похожи на тех, кто едет старой, знакомой тропой. Но кто ещё может здесь сигнализировать?

Торговцы? Это казалось более вероятным. Всё, что помнил Сандер относительно тщательно охраняемых мест Торговцев, всплыло в его памяти. Они могли разместить часовых на высотах, и эти часовые заметили проход и Белых, и отряда Сандера. Враждуют ли Белые с Торговцами, как они оказались врагами Кочевий на равнинах?

Он отчаянно надеялся на это. Так его положение и положение Фейни стало бы хоть чуточку менее опасным. Общий враг может сдружить даже чужих в опасное время.

Свет на востоке последний раз мигнул и исчез. Повернув голову, Сандер увидел, что огонёк на западе тоже погас. Сандер осторожно вернулся в свой лагерь и сел рядом с койотом. В тишине он слышал ровное дыхание Фейни. Она уже спала.

Но Сандер не сразу последовал её примеру. Что-то мешало ему, нависая над ним во тьме. Это место смерти — смерти не только людей, но и их стремлений, их мечтаний, всего, чего они добились. Если и существует душа, то где лучше ей бродить со своим жалобным шёпотом, со своей жадой жизни и страхом смерти, такой смерти, которую не может постигнуть мозг, когда весь твой мир погибает в одно мгновение?

Когда утром при свете солнца они впервые внимательно осмотрелись вокруг, Сандера вновь охватил ужас. Он похолодел не только от ночной росы. Казалось, он слышит крики, вопли тех, кто умер здесь тогда.

Сандер строго приказал себе вернуться к здравому смыслу. Губы его зашевелились: он повторял тайные кузнечские слова. Человек собственными руками делает своё оружие и орудия — после того, как мысленно представит их себе. Те, кто пользуются ими, со временем умирают и ложатся в могилы. Таков естественный порядок жизни. Мёртвые — погибшие здесь в Тёмное Время — они погибли давно. И вещи, которые они делали, Сандер не пони-

мал. Может, он и в родстве с ними, очень далёком, но он не из их клана, у них не может быть власти над ним.

Он боролся со своим воображением, старался забыть обломки здания, которое казалось частично нетронутым. Предки обладали огромными знаниями, но и они не помогли им спастись в Тёмное Время. Какая польза им была от этих знаний, когда против них обратились суша и море?

Он начал обдумывать свои стремления, приведшие его сюда. Далеко в прошлом остались издевательские слова дяди. Они больше не будили в нём пламя гнева. Среди этих искалеченных гор собственная жизнь казалась такой маленькой и незначительной. Но это е г о жизнь. И если впереди их действительно ждёт то, что обещает Фейни, — мудрость Предков, тогда он больше не будет маленьким. Он сгибал и разгибал пальцы, думая о том, что мог бы ими сделать, какие существующие только в его воображении предметы смог бы изготовить из неизвестных металлов...

Сейчас уже неважно, вернётся ли он снова к старикам Кочевья, которые провозгласили его слишком неопытным и молодым, чтобы занять место отца. Важно то, что он будет з н а т ь — знать, как пользоваться искусством, о котором он до сих пор только мечтал.

Он положил голову на бок Рину и решительно отбросил окружающие ужасы, сосредоточив свои интересы только в настоящем.

Глава 12

Утром они спустились к озеру, Сандер наполнил бутылки, а Фейни и пеканы в это время сторожили. У воды был странный металлический привкус. Но Фейни сказала, что пить эту воду можно, минералы в ней могут даже оказаться полезными, потому что она использовала такие для лечения. Земноводных не было видно. Однако Сандер заметил на одном из островков, вдаль от берега, груды камней с дырой внутри сразу над водой. Он посчитал, что это жилище водных обитателей.

Они снова отошли от более лёгкой дороги с колеями к основаниям холмов. Холмистая равнина опять начала сужаться, рано или поздно они вынуждены будут вернуться на дорогу. Сандер продолжал прислушиваться. Их

шаги, в обёрнутой шурами обуви, и шаги животных почти не производили шума. Но даже случайное падение камня казалось теперь таким громким!

Дорога снова начала подниматься. Начиная с этого места колёси оказались забиты камнями, а по сторонам виднелись следы расчистки. Им пришлось вернуться на дорогу, потому что идти по острым скалам с любой стороны стало слишком рискованно. Можно было легко сорваться и упасть.

Сандер ускорил шаг, он хотел как можно быстрее выбраться из этого узкого места, где их так легко обнаружить. Где-то наверху, там, где он ночью заметил огонь, может находиться сторожевой пост. Он не сомневался, что их заметили. Но всё же надеялся, что их не остановят.

После узкого места холмы по обеим сторонам дороги начали снижаться. С одной из вершин, через которую пролегла дорога, они смогли рассмотреть местность впереди. Им предстояло преодолеть ещё несколько подъёмов, но небольших, и по сторонам валялось уже гораздо меньше оставленных волнами обломков.

Вдалеке виднелись заросли деревьев в жёлто-красной листве, зелёные сосны, поля, покрытые ярко-зелёной травой. И... поражённый Сандер остановился.

Нечто среднее между посёлком Педфорд, с его деревянными и каменными стенами, и временным лагерем Кочевья с шатрами и телегами. Селение окружала канава, в которую были отведены воды реки, впадавшей в озеро. Сразу за канавой располагались высокие земляные стены, увенчанные частоколом из брёвен с заострёнными верхушками. Бревна были такие толстые, каких он раньше никогда не видел.

Внутри ограды стояли крытые повозки, гораздо больше тех, что используют в своих переходах Кочевья на равнинах. Повозки были выстроены кругом, в центре которого стояла башня, сложенная из неотёсанных камней, примерно в два раза выше самого высокого шатра. Перед шатрами горели костры для приготовления пищи, от которых поднимались столбы белого дыма. Всюду ходили люди, стадо животных под присмотром всадника выходило из лагеря по подъёмному мосту, переброшенному через ров.

Собаки! Тогда это крепость Торговцев! В отличие от

Кочевий, Торговцы держали у себя и других животных. Собаки, так называются их животные, приходится дальней родней Рину, но они другие, уши у них не стоят торчком, а болтаются по сторонам головы. И масть у них не одинаковая, они пятнистые, с бурыми, рыжими и чёрными лапами. Не бывает двух одинаковых собак. Торговцы редко ездят на них верхом, в своих походах они перевозят на них грузы. Но такого количества собак Сандер раньше никогда не видел.

В кольцо собак брели существа, похожие на оленей, но размером больше, чем те олени, на которых приходилось охотиться Сандеру. Выйдя из поселка, собаки разбежались, по-прежнему охраняя оленей, в разных направлениях, носом к земле, как это делает охотящийся койот. Пастух ехал за стадом в общем направлении дороги.

Пеканы, стоя по обе стороны от Фейни, испустили свой боевой свист. Но она тут же положила руки им на морды. Ясно, что пеканов удерживали не эти руки, а воля девушки. Рин смотрел с интересом, но не рычал. Он знал Торговцев и дружил с собаками, которых те приводили с собой.

Собака, на которой ехал всадник, неожиданно залаяла и побежала. А позади Сандера раздался резкий и ясный голос:

— Стоять на месте, если не хотите, чтоб вам перезали глотки, глупцы!

Приказ был отдан таким тоном, что Сандер не сомневался: говоривший выполнит своё обещание. Он опустил руки, показывая, что в них нет оружия: оно висело у него на поясе. И почувствовал жгучий стыд оттого, что его так легко застал врасплох невидимый часовой.

Всадник подъехал очень быстро, потому что собака бежала изо всех сил. Пеканы начали открыто рычать. Но Фейни держала их под контролем. Рин залаял, собака ответила глубоким басом.

Сандеру очень хотелось повернуться, чтобы увидеть того, кто стоял сзади, но он понимал, что шевелиться глупо: может последовать немедленная расплата.

Всадник остановился перед ними. Он был одет в кожаные брюки и овчинную куртку жителя равнин. Лицо его почти полностью покрывала чёрная борода, а волосы и уши закрывала шапка из жёлто-белого меха. В руках он

держал самострел с наложенной стрелой, и выражение у него было совсем не приветливое.

— Кто вы? — резко спросил он, взглянув сначала на Фейни, потом на Сандера. При этом от время от времени бросал опасливые взгляды на пеканов.

— Я Сандер, кузнец. А это Фейни, шаманка из Педфорда... — ответил Сандер, внешне очень уверенно. Он надеялся, что ему удастся сохранить эту уверенность.

— Кузнец и шаманка, — повторил всадник. — И почему вы в пути? Вас изгнали из Кочевья? — Вопросы он задавал откровенно враждебно.

— Ты Джон Красный Плащ, — вдруг заговорила Фейни. — Я видела тебя в Педфорде. Пять сезонов назад.

Враждебность Торговца не уменьшилась.

— Я был там. Но Торговец во время путешествия бывает во многих местах. А что делает здесь шаманка из Педфорда? Ты привязана к своему племени Великой Волей, которой ты повинешься. Что, Педфорд решил переселиться?

— Нет. Жители Педфорда мертвы, Торговец Джон. И я не знаю, скольких захватили Морские Акулы.

Продолжая держать самострел наготове, Торговец внимательно взглянул на девушку.

— Морские Акулы? Они напали на Педфорд?

— Они убивали, они жгли, они грабили, — ответила она с выражением отчаяния.

— А он... — Торговец чуть повернулся и указал на Сандера. — Кузнец не из твоего племени. Как он оказался здесь? И почему? Житель Кочевья не покидает равнин без основательной причины.

— У меня есть причина, — возразил Сандер. — В Кочевье не может быть двух кузнецов. Поэтому я пришёл в поисках знаний — знаний о металлах.

Взгляд Торговца стал свирепым. «А ты смел, кузнец, если признаёшься, что пришёл воровать наши тайны.»

— Меня не интересует, где находят металлы, — ответил Сандер. — Как их обрабатывать — вот что мне нужно.

— Так может сказать любой человек, если его застанут там, где он не должен быть.

— Значит, вам принадлежит всё это? — Фейни указала на землю вокруг.

— То, что здесь имеется, наше по праву открывателей. Ты, — рывкнул он на Сандера, как будто продолжительный разговор ослабил его положение, — сними мешки, — он

указал на поклажу на спине Рина, — я посмотрю, что ты успел украсть...

Хоть он и не знал, какая сила стоит за этим человеком, Сандер решил больше не играть роль робкого просителя. Он достаточно хорошо знал обычаи Торговцев: если с ними не торговаться, проиграешь обязательно. Он сложил руки на груди.

— Ты здесь вождь? — спросил он. — Ты не вождь моего Кочевья, даже не член совета, что бы ты ни говорил. Я не выполняю приказы чужих... я кузнец, я владею волшебством металлов. Таким, как я, не приказывают без причины. И с шаманкой так не обращаются, — добавил он.

Человек презрительно засмеялся.

— Если она шаманка Педфорда, а Педфорда из-за Акул больше не существует, значит её утверждения о связи с Силой ложны. А что касается тебя, кузнец, — он произнёс это весьма насмешливо, — нужны не только слова, чтобы доказать это.

Пеканы зарычали, Рин на этот раз тоже, а собака ощерилась и оскалила зубы.

— Сдерживай своих зверей, — приказал Торговец, — или увидишь их мёртвыми. Идите не торопясь. Посмотрим, что скажут о вас Планировщики.

Фейни взглянула на Сандера. В её взгляде он прочёл предупреждение. Пеканы продолжали рычать, но она, положив руки им на головы, пошла к поселку.

Сандер последовал за ней. Ему ничего иного не оставалось. За собой он услышал шорох и понял, что его опасения были справедливы: сзади выехали три всадника на собаках и взяли их в кольцо.

Несколько собак подбежали к отряду, который двигался по дороге ко рву. Собаки лаяли и рычали. Рин и пеканы, оскалив зубы, в любой момент были готовы ответить. Но нападения так и не последовало, потому что всадник отогнал собак похожими на лай окриками.

Навстречу им из посёлка выходили люди. Одни из них крикнул всаднику:

— Эй, Джон, кого это ты поймал? Это не дезертиры из Орды.

— Всё равно чужаки, как бы они ни выглядели, — ответил всадник. — Но если тебе не терпится поторговаться с Ордой из-за ударов, скоро получишь возможность. Заметили сигналы.

Фейни остановилась на мосту. «Торговец, мои спутники не войдут. Приведи сюда Планировщиков.»

— Дохлых животных легко перетанцить...

Девушка подняла руки и громко хлопнула. Она смотрела прямо в глаза угрожавшему. Он, казалось, пытался заговорить, но что-то мешало ему.

— Я сказала, и Власть со мной, Джон Красный Плащ! Разве я не знаю твое настоящее имя? Я могу приказывать тебе. Отправляйся и приведи того, с кем я могла бы поговорить.

Сандер видел, как Торговец напрягается: его воля боролась с волей девушки. На лице его появилось гневное выражение, но он слез с собаки и тяжело пошёл по мосту. Все расступались перед ним.

Лицо у Фейни было сосредоточенное, такое выражение у неё бывало, когда она смотрела на подвеску. Сандер не очень верил в её «Силу». Но вот человек, который не привык полагаться на слова шаманки, как люди её племени, выполняет её приказы против своей воли.

Окружавшие стояли с замкнутыми лицами. Хотя перед ними находился посёлок, явно основанный довольно давно, в молчаливой толпе не было видно ни женщин, ни детей. Сандеру совсем не понравилось молчание и выражение лиц этих людей. Исчезло жизнерадостное открытое дружелюбие, которое проявляли Торговцы, появляясь в Кочевье. Такой недружественный приём заставил Сандера вспомнить все предупреждения о том, как Торговцы ревностно охраняют свои территории.

В мире, где любой незнакомец, если он, конечно, не откровенно враждебный Белый или Морская Акула, встречается гостеприимно, становится гостем, расспрашивается о его путешествиях и землях, где побывал, такая откровенно враждебная встреча была необычна. Но Сандер — кузнец, этого никто не сможет отрицать. А в любой цивилизации человек, обладающий таким мастерством, получает хороший приём. Он переводил взгляд с одного лица на другое, надеясь увидеть лоб с такой же, как у него, татуировкой. Разве у них нет кузнеца? Человек, обладающий тайнами его профессии, товарищ по профессии, мог бы принять его в посёлке.

Но ни на одном лбу не было знака молота. И всё же Сандер повторял про себя рабочие слова, которыми мог бы доказать свою принадлежность к тайнам металла.

Толпа снова расступилась, и Сандер опять увидел Джона. С ним шёл человек весьма пожилого возраста. Он шёл неуверенно, опираясь на палки, которые сжимал в руках. Голову он держал неподвижно и под странным углом. Должно быть, это причиняло ему боль. Но несмотря на скорченное тело, шёл он быстро, так что не отставал от Джона, шаги которого были гораздо длиннее.

Среди всех Торговцев только у этого человека на лбу была татуировка, и на мгновение Сандеру показалось, что это молот. Но тут же он понял, что человек с таким хрупким телом не может заниматься работой по металлу. А татуировка его изображала вовсе не молот. Она показалась Сандеру странно знакомой. Поначалу он никак не мог вспомнить, где видел профиль этой гордой птицы со свирепым взглядом. Потом вспомнил отбитый кусок камня, который нашёл у реки, символ, как сказала Фейни, великой и гордой страны.

Человек со знаком птицы остановился перед Сандером и его отрядом. Он долго по очереди рассматривал людей и животных. Потом заговорил глубоким низким голосом, который казался слишком мощным для такого тщедушного тела.

— Ты, — он вначале указал на Фейни, — обладаешь Силой. Ты, — он повернул голову и взглянул на Сандера, — кузнец с равнины. Но вы идёте вместе, и с вами эти спутники. Какое дело собрало такой разношёрстный отряд?

— Я из Педфорда, — ответила Фейни. — Но Педфорда больше нет. Пришли Морские Акулы и... — она сделала жест отрицания.

— Говорят, — заметил старик, — что власть истинной шаманки может защитить тех, кто в неё верит.

— Было время Великой Луны, — стойко ответила Фейни, хотя взгляд её помрачнел. — Я ответила на её зов. И в это время они ударили.

Губы старика зашевелились, он как будто пережёвывал её слова, словно по вкусу их мог определить, правдивы ли они.

— А ты, кузнец, как ты себя называешь, что увело тебя с равнин, от твоего Кочевья и родственников?

— Мой отец умер. — Сандер отвечал правдиво, не находя причин для обмана. — Я молод, и мой дядя заявил, что я слишком юн, чтобы стать кузнецом, хотя сам отец наз-

вал меня так. И в Кочевье нет места для двух кузнецов — поэтому я и ушёл.

— Нетерпение юности, да, кузнец? Не смог отказаться от гордости, решил лучше отказаться от родства? — Сандеру показалось, что в словах старика прозвучала лёгкая насмешка. Он мужественно сдержался.

— Есть ещё стремление к знаниям.

— Знания! — Слово прозвучало очень резко. — Какого рода знания, кузнец? Знания сокровищ, которые ты смог бы разграбить, чтобы купить себе дорогу назад? Не так ли? Знания металлов, которые ты смог бы добыть и лишить Торговцев средств к жизни!

Рычание, похожее на рычание Рина, послышалось в толпе. Прежде чем Сандер смог ответить, старик продолжил;

— А что ты успел наgrabить, кузнец? Покажи свою поклажу.

Сандер хотел было возразить, но понял, что тем самым вызовет схватку, которая ничем хорошим для него не кончится. Он мрачно направился к Рину, отвязал поклажу и развязал мешок, в котором находились его инструменты и небольшие куски металла, найденного на корабле. Джон схватил кусок изогнутой проволоки.

— Значит, он и правда... — начал он торжествующе, но затем поднёс кусок к глазам и в растерянности уронил его. Потом порывлся в мешке. — Смотри сам, Планировщик!

Он поднёс к глазам старика руку с кусками металла.

— Где ты это взял? — спросил тот.

— Мы нашли в море-пустыне корабль. Металл из него, — объяснил Сандер. Планировщик, должно быть, сам был кузнецом, или у него был обученный глаз кузнеца, иначе он не смог бы понять, что этот металл отличен от того, что можно найти в городе.

— И весь тот корабль из металла? — спросил Планировщик.

— Весь. В его брюхе мертвецы, и они не скелеты.

К его удивлению, Планировщик кивнул. «Похоже на то, что Гаффред открыл в горах в прошлом году. Это корабль для плавания под водой.»

И это, как ни странно показалось Сандеру, привело к концу враждебность приёма. Фейни повторила, что её животные не войдут в посёлок, что вызвало новый взрыв сомнений среди Торговцев. Но наконец договорились, что

Сандер остановится у кузнеца (кузнец посёлка был ранен, и на время посёлок оказался без работника), а Фейни позволят оставаться снаружи, в одном из шатров.

Сандеру не хотелось разлучаться с девушкой. Она убеждала этих людей, что они просто идут вместе, двое лишённых родства, но ничего не сказала о том, что они ищут. Он пошёл за ней, ничего не говоря о цели их путешествия, о том, куда вёл их указатель из времени Предков. Но ему показалось, что Торговцы считают, что их связывает нечто большее, чем простая целесообразность совместного пути, и рассматривают его как заложника, чтобы помешать Фейни уйти.

Сандер знал, что это неправда. Ничто не мешает девушке уйти ночью. И если девушка действительно исчезнет, ему придётся нелегко. К тому же он знает о приближении Белых. Но когда он упомянул о них, то обнаружил, что Торговцы вполне уверены, что сумеют защититься.

Приветствие, с которым Кабосс, кузнец, встретил Сандера, вряд ли можно было назвать полным энтузиазма. Кабосс осмотрел его инструменты с видом человека, который в прошлом уже отказался от такого бесполезного набора. Но куски проволоки, однако, заинтересовали его. И он подробно расспросил Сандера обо всём, что тот увидел на корабле.

Одна из рук Кабосса была перевязана, и, сгибая и разгибая пальцы, он каждый раз болезненно морщился. Он дал Сандеру поесть — такого вкусного, хорошо приправленного тушёного мяса Сандер не ел с самого ухода из Кочевья, — а потом провёл его в кузницу. Там он показал грудку инструментов, требовавших починки. Грудка накопилась из-за болезни кузнеца. Подобно всем Торговцам, он долго спорил из-за условий, но наконец они заключили удовлетворивший Сандера договор, и он с удовольствием принялся за работу.

Рина поместили в конюшню и дали много сушёного мяса. Облизав лапы, сбитые за время пути, койот уснул.

Сандер внимательно отнёсся к работе, хотя времени у него было мало: в поселке торговцев он появился уже в конце дня. Но одновременно он думал и о том, что может ожидать их в будущем. В то, что Фейни согласится остаться здесь, даже если ей дадут все родственные права, он не верил. И он тоже не останется, если она уйдёт.

Кабосс — кузнец и, выздоровев, вступит в свои права. Сандер оставил своё племя, не желая ещё многие годы быть подмастерьем. И он не собирался выступать в этой роли в чужом племени. И несмотря на то, что говорил ему здравый смысл, он верил в слова Фейни о складе знаний. Подвеска почти убедила его в этом. Ничего подобного он никогда не видел и не слышал.

Семья у Кабосса была не большая. Его подруга по дому выглядела старше своего избранного мужчины. Молчаливая женщина с седыми волосами, она была одета так, чтобы показать значительность своего дома. На ней было толстое ожерелье из хорошо отполированной меди, четыре серебряных кольца и пояс из серебряных звеньев на тёмно-зелёном платье. Говорила она мало и только со служанкой, которая суежилась вокруг очага. На лице у неё всегда было недовольное выражение, как у хозяйки, которой трудно угодить.

Никакого подмастерья не было. Кабосс упомянул о подмастерье, младшем сыне своего брата, но он несколько дней назад отправился с экспедицией на север на поиски металла.

Отвечая на вопросы, Сандер рассказал немного об их путешествии, о встрече с земноводными и о нападении чудовища в доме на древнем острове. Эта часть рассказа очень заинтересовала Кабосса.

— Значит, они ещё встречаются! — заметил он. — Когда-то они были так опасны, что мы даже не могли охотиться. Мы устроили большую облаву, объединившись с кланом Мининга и кланом Харта, и за день убили двенадцать чудовищ. С тех пор они больше нас не тревожили, и мы думали, что их больше нет. А тут грозит опасность и со стороны тех, кого ты называешь Белыми. Речные жители — они не в счёт. На суше с ними легко справиться.

Женщина неожиданно наклонилась вперёд на своём мягком сидении. Она пристально смотрела на Сандера, как будто ничего сказанного Кабоссом не слышала. Затем указала на голову гостя.

— Скажи, незнакомец, почему ты носишь на голове это железо?

Сандер совсем забыл об изогнутой проволоке, которую надел на голову, надеясь избежать повторения встречи с тем, что Фейни назвала «ищущей мыслью». Он с некоторым удивлением коснулся её рукой.

Женщина не стала ждать, пока он ответит, она продолжала:

— Ты ищешь защиты «холодного железа», не так ли, незнакомец? К тебе приходило нечто, чего ты не понимаешь, чего не ждёт ни один человек?

Кабосс посмотрел на неё, потом снова на Сандера. Он слегка отодвинулся от молодого человека.

— Тронутый духом!

Улыбка женщины была неприятной. «Удивительно, что ты сам этого не видишь, Кабосс. Да, он тронутый духом. А такому не место под моей крышей. Потому что он может открыть дверь тому, кого мы не видим и не слышим. Пусть он уходит к той, кто признаётся, что говорит с тем, кого нет. Отведи его к ней, Кабосс. Сделай это ради безопасности не только этого дома, но всего клана.»

— Его сюда прислал Планировщик Альберт... — начал Кабосс.

— Дом мой, а не Планировщика Альберта. И если узнают, кому ты дал приют, у нас будет больше недругов, чем друзей.

Кабосс неохотно встал и поманил Сандера. «Дом принадлежит ей, — хмуро сказал он. — Поэтому и выбор её. Пойдём, кузнец.»

Так Сандер снова оказался в изгнании. Объяснения шёпотом со стражниками у ворот оказалось достаточно, и он с навьюченным Рином вышел в ночь.

Всё ещё ошеломлённый быстротой случившегося, он двинулся к шатру, отведенному Фейни. И не удивился, найдя его пустым, даже её мешок исчез. Он велел койоту взять след. Койот опустил нос к земле и с лёгкостью взял след.

Глава 13

То, что Кабосс так легко изгнал его из посёлка, даже не сообщив об этом Планировщику, беспокоило Сандера. В дороге он обдумывал такую быструю перемену в отношении к нему. Женщина очень ясно выразила свои чувства. Значит, Торговцам приходилось встречаться с таким вторжением в мозг. Они знают и о «холодном железе», которое давно уже стало легендой. Сандер никогда не слышал, чтобы о нём упоминали в его Кочевье. Может, если бы он надел там свою диадему, это тоже вызвало бы

вопросы, но женщина из племени Торговцев сразу определила, что это такое, — защита от невидимого.

Но ведь Планировщик очень ясно приказал, чтобы он оставался у Кабосса.

Может, старик делал это слишком настойчиво? Мысли Сандера устремились в этом направлении. Допустим, Торговцы догадались, что не простой случай привёл их с Фейни сюда. Думая прежде всего о поисках скрытых сокровищ, они с готовностью ухватятся за мысль, что эти незнакомцы что-то ищут. И легче не добиваться у них ответа силой. Гораздо проще под каким-нибудь предлогом отпустить, а потом пойти за ними по следу.

Сандер нисколько не сомневался, что собаки Торговцев возьмут след с такой же лёгкостью, с какой это делает Рин. Может, они уже садятся на собак, чтобы отправиться за ними.

Остаются ещё Белые. Достаточно ли опасно их вторжение, чтобы Планировщик не решился отрывать часть людей и отправлять их по следу Сандера и девушки? Кузнец мог только догадываться обо всём этом.

Сам он не видел необходимости в тайне. Если существуют какие-то знания, почему бы не открыть их всем желающим? Он бы не отказал Торговцам в их доле. Но что, если за ними пойдут Белые? Сандер отрицательно покачал головой, хотя этого никто не мог увидеть. Нет, этих врагов он не хотел наделять ничем из возможных находок Фейни.

Рин явно шёл по свежему следу. Впервые Сандер задумался об отношении к нему Фейни. Девушка даже не пыталась подождать его. Неужели она так мало ценит его помощь в путешествии? При этой мысли он почувствовал приступ гнева. Как будто он ниже её, и от него больше нет пользы. Может, подвеска подала ей тайный знак, что она близка к цели, и его общество больше не необходимо. Он возмущался при мысли, что его использовали, а теперь отбросили.

Почти поверив в это, он не торопил Рина. Пеканы — слишком опасные противники. И если он нужен был Фейни только временно, девушка сможет натравить их на него. В конце концов они не родичи — он и она.

Время от времени он оглядывался на тёмное пятно посёлка Торговцев. Там ничто не шевелилось. Однако это

не означает, что за ним не наблюдают. Может, они хотят, чтобы он ушёл подальше, прежде чем начать преследование с собаками.

В этой части долины негде укрыться. С одной стороны посёлка холмы, с другой — изгиб реки. Рин двинулся к воде, время от времени фыркая и принохиваясь. Ночь стояла морозная и ясная. Сандер закутался в меховую куртку, натянул капюшон, который обычно лежал на плечах, на голову и плотно затянул пояс.

Он устал, отвыкшие руки и плечи тупо ныли от работы, когда он старался произвести впечатление на Кабосса своим мастерством. А до этого было напряжение и усталость от их блужданий по развалинам со всеми тревогами по пути.

Сандер знал, что долго бороться со сном он не сможет. На ходу он опускал голову, но тут же просыпался. Как могла Фейни уйти так далеко? Впрочем, она не работала у горна сегодня.

Рин дошёл до речного берега и остановился, обнюхивая землю на несколько шагов вправо, потом влево. Наконец он коротко взлаял, и Сандер понял, что те, за кем они идут, спустились в воду. Он удивился безрассудности Фейни: она ведь знает, что в реке живут земноводные.

Куда уходит отсюда след — на запад или на север? Сандер старался преодолеть тяжкую усталость тела и мозга, которая мешала принять решение. С того времени как они выбрались из моря-пустыни, подвеска постоянно указывала на запад. Он не верил, что направление может резко измениться.

Поэтому Фейни и пеканы спустились в воду, просто чтобы сбить со следа преследователей с собаками. Если они двинутся вверх по течению, они должны будут снова взять след, когда девушка выйдет из воды. Но выйти они могут и на другом берегу. Тогда у него лишь половина шансов отыскать их.

Толчком колена он направил Рина вверх по течению. Ночь лунная. Но луна убывает, и света от неё мало.

Выходя из кустарника, Сандер неожиданно очнулся от дремоты. Проволока, которую он надел на голову, — она тёплая! Нет, даже горячая! И становится всё горячее! Он поднял руки, чтобы сорвать её, и остановился. Именно этого хочет неизвестный. Холодное железо. Нет, горячее

железо, железо, которое обжигает, сжигает кожу. Эта боль должна заставить его лишиться себя защиты.

Чтобы так нагреть железо, нужно поместить его в раздуваемое мехами пламя. Его нельзя так нагреть в холоде ночи. Это невозможно! Сандер запел тайные кузнецкие слова. Лента на голове не раскалена, но тот, другой, хочет, чтобы он так думал! Каким-то образом Сандер понял это. Значит, жар — это иллюзия, сновидение. Оно послано, чтобы лишиться его защиты.

И если эта попытка — только сновидение, значит жар на самом деле не существует. Сандер решительно опустил руки, борясь с болью. Это... н е с у щ е с т в у е т!

Он начал петь кузнецкую песню. В хвалёную Силу Фейни он не верит. Но в э т о верить приходится, иначе он его бы не чувствовал. И он упрямо говорил своему болевшему, корчившемуся телу: э т о н е с у щ е с т в у е т! Нет огня, нет горна, значит нет и жара. Холодное железо... х о л о д н о е железо.

Эти два слова смешивались с другими.

Х о л о д н о е железо!

Он не вполне уловил, когда жар начал спадать. К этому времени он был почти без сознания, изо всех сил цепляясь за одну мысль: железо х о л о д н о е.

Рин остановился. А может, койот давно уже стоял, пока Сандер боролся за жизнь. Кузнец не знал. Но чувствовал, как сползает с седла. На четвереньках он прополз под нависающие ветви сосны, глубоко погружая руки в толстый ковёр из старых иголок. Свернулся и, истощённый этой невообразимой борьбой, быстро уснул.

Спал он без сновидений, а когда проснулся, солнечный свет озарял изгиб реки, видневшийся ему между ветвями. Сандер сразу вспомнил странное нападение. Быстро снял ленту, пощупал кожу на лбу в поисках ожогов. Но их не было. Он снова надел проволочный венок. Может быть, если бы он позволил этой вере закрепиться в своем мозгу, ожоги были бы. Ему по-прежнему трудно было признать, что такое возможно.

Но кто знает, какие чудеса совершали Предки? Сандер не мог представить себе ничего похожего на подвеску Фейни. И ещё отец Фейни, которого она никогда не видела, не Торговец, но человек, который по собственной воле путешествовал в поисках знаний. Сандер не знал другого такого человека. Кочевье бродит по равнинам из-за скота,

на котором основано всё его богатство. Торговцы совершают долгие переходы ради выгоды. Но человек, который бродит, просто чтобы увидеть, что лежит по ту сторону холма или за долиной, — этого Сандер не понимал.

Рин! Сандер осмотрелся. Рин не разделил с ним ложе из хвои, как обычно делал во время их походов. Отпечатков его лап тоже не было. И ведь Рин всё ещё навьючен грузом. Кузнец осторожно спустился к реке, на узкую полоску гравия. Наклонился, сбросил капюшон и плеснул холодной воды на лицо. И сразу совсем проснулся от этого шока.

Поскольку другого выхода не оставалось, Сандер свистнул. Если Рин близко, он ответит. Сандер прислушался, но никакого ответа не последовало. Только одно он увидел на хвое — железную ленту, которую он изготовил для койота. В ней застрял клоч желтоватого меха, как будто Рин в боли сорвал её лапами.

Может, койот убежал от собак Торговцев? С одной собакой он справился бы. Но если их была целая свора, Рин вполне мог бежать, потому что такое количество врагов ему не под силу.

Но тогда почему Торговцы не захватили Сандера? Его укрытие под сосной было не настолько скрыто, чтобы собаки его не заметили.

Возможно, Рин ушёл на охоту. Но в глубине души Сандер сомневался в этом. Кузнец снова надел капюшон, плотно затянул его. У него оставался самострел, нож — и всё. Ещё только одежда, которая на нём. И нос подсказывал ему, что её давно пора выстирать. Его вещи, инструменты, пища — всё исчезло вместе с койотом.

Сандер не собирался возвращаться в посёлок Торговцев. Чутья Рина у него нет, но он всё же чувствовал, что ответ на все загадки находится на западе. К тому же путь на запад уводит его из опасных мест, где обитают земноводные — тут он бросил опасливый взгляд на воду в поисках треугольных следов — да и Белые могут поджидать здесь в засаде.

Сандер напился, стараясь приглушить голод в пустом желудке, потом поднялся на низкий берег. Дороги не было, поэтому он решил не терять из виду реку, чтобы не заблудиться. Время от времени он призывно свистел, надеясь, что койот вернётся или ответит.

Солнце поднималось, Сандер отбросил капюшон. Ему, как жителю равнин, не нравилась эта лесистая местность, хоть деревья росли и не часто. Со стыдом он припомнил, как у Педфорда решил, что лес даст более надёжное убежище, чем открытая равнина.

Он шёл вперёд, самострел наготове, стрела наложена на тетиву, напрягая слух, чтобы уловить малейший звук. Лёгкий ветер шелестел в листве деревьев, раз или два Сандер слышал птичьи голоса. Он вполне мог быть единственным человеком в этой пустынной стране. Но тут он увидел у дороги полосу грязи. Здесь вырвали с места кусок дёрна.

И на глине отпечаталась рука — маленькая рука. Осмотревшись, он увидел и другие признаки того, что здесь Фейни вышла из воды, поскользнулась на глине и удержалась рукой. То, что она не позаботилась скрыть свои следы, свидетельствовало, что по какой-то причине девушка считала преследование из посёлка невозможным. Или так торопилась, что не могла это сделать.

Осознав, что она не могла уйти очень далеко, Сандер принялся искать другие следы и нашёл — сломанный конец ветки, свисающий с дерева, несколько свежих листьев, упавших на прошлогодний ковёр палой листвы. След уходил от воды вверх по склону, направляясь к югу, туда, где всё гуще росли деревья.

Через молодую поросль Сандер вышел на древнюю дорогу. Тут не было ни следа разрушений. Возможно, этот маленький участок земли совсем не пострадал в Тёмное Время. Конечно, дорога растрескалась, в трещины нанесло земли, и там теперь росла трава. Но идти было легко. Сандер находил не только следы Фейни и пеканов, но в двух местах на них, несомненно, наложились следы лап, которые могли принадлежать только Рину! То, что койот бросил его и пошёл за кем-то другим, потрясло Сандера.

Он знал, что пеканы подчиняются Фейни, что она может общаться с ними гораздо лучше, чем он с Рином. Но он не мог поверить, что у шаманки имеется способ воздействовать на койота и сознательно увести его от Сандера. Может, подумал он, для неё это была единственная возможность уйти от преследования.

Он теперь знал, куда увели Рина, и от этого его решимость найти Фейни возросла ещё сильнее. Он шёл вперёд, не быстро, сосредоточенно, и его не свернуть с пути.

Те, за кем он следовал, держались старой дороги и шли так открыто (по крайней мере, это он заключил по следам), как будто считали преследование невозможным. Дорога начала круто подниматься.

Сандер был голоден, но это больше не имело значения; впрочем, однажды ему попалась кучка орехов, собранных белками, он подобрал их и жевал на ходу. Орехи были вкусные, но далеко не так сытны, как тушёное мясо, которое он ел в доме Кабосса. Теперь тот обед казался далёким, как во сне.

Кузнец поднялся на вершину подъёма и увидел перед собой длинный спуск. В воздухе висела лёгкая дымка: это был даже не дым, скорее щупальца тумана. Но они не закрывали того, к чему вела старая дорога. Опять руины, но не груды мусора, в которых нельзя даже распознать жилище людей. Нет, осталось достаточно, чтобы различить здания. И Сандеру показалось, что у него на глазах странный туман опускался на стены без крыш, на разбитые фронтоны, всё более и более сгущаясь.

Он был убеждён, что это и есть то место, которое искала Фейни. Длинными шагами он пошёл вниз, чтобы как можно быстрее дойти до руин. Ноги ныли, в животе урчало, солнце спускалось к западу, и всё вместе это говорило о том, что день скоро подойдёт к концу.

Подойдя ближе, он увидел, что дорогу в нескольких местах перегораживают груды камня, и не видно было никаких попыток их убрать. Больше того, он увидел несколько хороших больших кусков металла, и удивление его всё возрастало. Ведь это совсем близко от посёлка Торговцев. Почему они не побывали здесь?

Но то, что сокровище лежало так открыто, насторожило его. Сандер остановился, осмотрелся в поисках следов тех, кого искал. Ничего не увидел и прошёл назад, пока не заметил следов одного из пеканов (по размеру следа он решил, что это Кай), этот след уходил направо. Здесь оказалась вторая дорога, более узкая, она резко поворачивала на север, уходя от руин.

Кусты и деревья ещё более сузили дорогу, оставалась едва четверть первоначальной ширины — она теперь больше походила на пешеходную тропу. Но на ковре из листьев виднелись отчётливые следы. Фейни, пеканы, Рини.

Сандер не мог сказать, присоединился ли койот к девушке или по-прежнему шёл по её следам.

Дорога дважды поворачивала и закончилась на мощёной площадке, напомнившей Сандеру ту, на которой был построен дом Торговцев в забытом островном городе. Три здания, вернее, их остатки, окна, глядевшие на него пустыми глазницами, за которыми лежала пустота. Три здания стояли с трёх сторон площади, дорога вела к четвёртому.

Сандер сделал первый шаг на эту площадку, и тут же покачнулся и опустился на колени. Боль от металла на голове была такой мучительной, что он ничего больше не чувствовал, не мог ни о чём думать. Только инстинкт заставил его упасть назад. Он лежал, тяжело дыша, не в силах оправиться от шока. Боль исчезла так же внезапно, как и возникла.

Немного погодя он сел на корточки и, совершенно ошеломлённый, стал смотреть на сцену перед собой. Оказывается, он пробирался через густой кустарник, через деревья, обходил кругом, только чтобы обнаружить, что тут установлена невидимая преграда, которая реагирует на его «холодное железо» мгновенно и злобно. Посмеет ли он сделать ещё одну попытку?

Ни в какой легенде Помнящих, ни в каких рассказах Торговцев нет ни малейшего упоминания о чём-нибудь подобном. Он не видел никакого движения в защищённом пространстве. Но Фейни, пеканы, Рин, несомненно, прошли здесь.

Внимательно присмотревшись, он заметил несколько следов на том пространстве, куда он не смел теперь войти, иначе его буквально сожёт с ног боль в голове. Итак, у него есть доказательство, что они там. Но как ему последовать за ними?

Сандер верил, что ему нужно только снять диадему и сделать шаг. Но врождённая осторожность предупреждала против этого. Сдаваться неизвестному совсем не соответствовало его природе.

Он попробовал прежний трюк: говорил себе, что боль нереальна. Не помогло. Эта сила была гораздо значительней, а его воля к сопротивлению, вероятно, ослабла в первой схватке.

Но он должен идти вперёд. И не может, оставляя на

голове ленту. Выбор прост. Упрямое желание выяснить, что скрывается за всем этим, не давало ему возможности отступить. Медленно, с ощущением, что сдаётся врагу, Сандер снял с головы диадему и повесил её на пояс, рядом с лентой Рина.

Встав на ноги, он медленно пошёл вперёд; осторожно, держа в руке самострел, шёл, как разведчик на вражеской территории. Впрочем, у него было ощущение, что против того, что он здесь найдёт, стрелы бесполезны, как бы хорошо он ни нацелился.

Он подошёл к тому месту, где его ударило. Сначала ничего, вообще ничего. Потом...

Сандер застыл, сжав зубы. Мысль — это не его мысль! Теперь бежать он не мог: его держали так же прочно, как и сети лесных людей. Против воли, против самого своего страстного желания он шёл вперёд, прямо к центру здания.

Может, в этом причина, почему его покинул Рин? А Фейни и пеканы? Тоже увлечены той же силой?

Сандер шёл, шатаясь, воля его сражалась с телом, он никогда не думал, что такое возможно. Об этой ли «силе» так часто говорила Фейни? Но он не мог поверить, что знакомая ему девушка создавала э т о!

Тут он увидел, что его влечёт не к стенам разбитого здания. Скорее, к яме в площади. Теперь он видел, что это отверстие сооружено не одновременно со зданиями. Края его были обрамлены камнями, но камни обработаны весьма грубо по сравнению с едва не рухнувшими зданиями.

Мысль о том, что его тянет под землю, придавала ему добавочные силы для борьбы, но всё же вырваться он не смог. И даже не мог поднять руки, чтобы надеть диадему, которую так безрассудно снял.

Сандер достиг грубо проделанного отверстия. И увидел начало лестницы, а его порабощённое тело начало спуск. Тут Рину, должно быть, пришлось нелегко. Но он прошёл здесь: Сандер уловил резкий запах животного.

Внизу не было темно, факелы не нужны. Добравшись до дна, Сандер увидел перед собой коридор. Тускло-белые стены потрескались, но не раскололись. Через равные интервалы на стенах висели длинные светящиеся стержни. Не все горели, некоторые были изогнуты и темны. Но всё же горело достаточно, чтобы всё хорошо видеть.

Кроме этих светящихся стержней, на стенах ничего не было, ни одной двери, коридор продолжался всё дальше и дальше. Но в конце его виднелся тот же странный туман. И что за ним, Сандер не видел.

Ему совсем не дали времени для размышлений, ноги понесли его вперёд. Когда он поворачивал голову и смотрел назад, то обнаруживал, что непонятный туман сгустился и сзади, да так густо, что он уже не видел лестницу.

Коридор был широк — шестеро людей могут пройти в ряд — и высок: Рину здесь наверняка не пришлось ползти, прижимаясь к полу. Стены же были покрыты каким-то скользким блестящим налётом, хотя ноги и не скользили. Пол был сделан из маленьких, тесно пригнанных красных квадратиков.

Коридор заполнял вполне свежий воздух, никакой затхлости, как в туннелях старого города. Время от времени Сандер ощущал лёгкий сквозняк.

Коридор кончился в поперечном зале, широком и хорошо освещённом такими же стержнями. Зал уходил направо и налево, и концы его скрывал тот же туман.

Но и здесь Сандеру не позволили самому принимать решение. Решение приняли за него. Он механически повернул налево и опять пошёл в неизвестность.

Глава 14

Хотя по сторонам направо и налево уходили более узкие коридоры, Сандера заставляли идти прямо по широкому проходу. Наконец он оказался у начала лестницы, снова ведущей вниз. Тут уже было заметно, что местами потолок обвалился. Стены подпирали металлические балки. Такие же балки виднелись наверху, поддерживая треснувшую облицовку.

Сандер снова начал спуск. Неужели кто-то из Предков переждал Тёмное Время в подземной норе? Он вспомнил о разрывавших поверхность землетрясениях. Они делали такое невозможным. В этой части, где виднелись следы разрушений, было полутемно, горели только немногие стержни. Но никаких перемен: только кое-где стены сильнее потрескались.

На ходу он считал ступеньки — двадцать. Он мог лишь догадываться, насколько глубоко оказался под землёй.

Подпорки, хотя внешне и грубые по сравнению с гладкими стенами, были установлены прочно и надёжно. Кто-то проделал большую работу, чтобы этот подземный переход стал безопасным.

Но кто проделал? Торговцы? Все следы охоты за металлом Сандер видел только на поверхности, и то, что здесь истратили столько отличного металла на подпорки, наполняло его удивлением. Так потратить высоко ценившийся на рынке продукт (теперь он видел, что все подпорки одинаково прочны и не подвержены ржавчине) — это не похоже на обычаи Торговцев.

Тумана, который закрывал вверху перспективу, здесь не было. И яснее стала видна монотонность коридора. Чужая воля продолжала вести кузнеца вперёд.

Он миновал небольшую повозку (если можно назвать повозкой сооружение, к которому невозможно привязать никакое животное) у стены. Два сидения впереди и поворотный опорный круг для прицепа перед ними. Всё из металла.

В возбуждении от такого изобилия металла, да ещё в таком отличном, неповреждённом состоянии, Сандер на мгновение забыл, что он пленник и руки его связаны плотнее, чем верёвкой.

Первый ужас от происшествия прошёл. Он больше бесполезно не сопротивлялся, мозг его был занят поиском ответов на вопросы. Он понимал, что может никогда не найти ответа, но какое-нибудь предположение поможет ему позже. Ни в одной легенде Помнящих не говорилось о такой невероятной ситуации, когда воля другого может управлять телом человека, заставлять его совершать действия. Правда, знания Помнящих о днях Предков очень отрывочны.

Племя Сандера не было исконным на этой земле в легендарное время. Поэтому ни один член его не мог знать, что было сделано здесь. То, что иногда можно привести в действие древние машины, например, такую повозку, это он мог понять. Потому что работа одного человека может быть повторена другим при наличии терпения и нужных инструментов. Именно эта надежда и привела его на север.

Но управлять мыслями человека — это совсем другое дело. Для него вторжение в мозг было таким же чуждым, как и чудовище на острове. Он решил, что у него только

один шанс — позволить ведущей его силе поверить, что он совершенно покорён, пока он не сможет узнать, кто скрывается за этой силой.

Подпорок больше не было видно. Сандер миновал часть коридора с разрушениями. Теперь на стенах не было видно ни одной трещины, и все стержни ярко горели. При их свете Сандер увидел в конце коридора дверь, окружённую сиянием.

И тут он что-то услышал — резкий лай Рина! И это был не тот звук, которым койот приветствует Сандера после долгого отсутствия. Но в одном Сандер прав: койот ждёт его. Он прошёл в дверь и зажмурился, потому что внутри было гораздо светлее, чем в коридоре.

Он оказался в комнате среднего размера, в очень странной комнате, потому что боковые стены кончались на уровне его головы, от них к высокому потолку отходили столбы. Комната была пустая, и не просто пустая, ни одного промежутка в стенах, кроме той двери, через которую он вошёл. Однако Сандер был уверен, что эта комната — часть гораздо большего помещения.

И в этот момент принуждение, которое привело его сюда, исчезло с быстротой щелчка сухого прутика. Но Сандер был уверен, что если он попытается пойти назад, ему это не позволят.

Он слышал лай Рина, который доносился отсюда. Значит, из этой комнаты должен быть выход куда-то внутрь. Сандер начал методично осматривать стены. Глаза его не видели ни малейшей щёлки, но он проводил пальцами по скользкой поверхности. Он начинал у самого пола, присев, потом распрямлялся, вытягивая руки над головой.

Стены изготовлены не из камня: они такие гладкие, каким не может быть камень. Прохладные на ощупь. Но в некоторых местах он ощущал слабое тепло. Некоторые из этих мест были чуть шире кончиков пальцев, которыми он ощупывал стену, другие он мог бы закрыть ладонью.

И находились они только на стене, противоположной двери, обнаружил Сандер, после того как завершил обход маленькой комнаты. Так как это было всё, что он обнаружил, Сандер вернулся к ним и принялся исследовать более внимательно.

Руки! Они расположены как руки. Если большее пятно накрыть ладонью, а пальцы расставить как можно шире.

они коснутся концами маленьких пятен. Одна рука направо, другая налево, но чтобы одновременно дотянуться до них, нужно прижаться к стене и расставить руки как можно шире. Сандер принял такое положение и прижал ладони к невидимым тёплым пятнам.

Ударил жар. У Сандерахватило хладнокровия не отдёргнуть руки сразу. И тут же он понял, что жар этот далеко не так силён, как казалось вначале. И вздрогнул, потому что над головой послышался бестелесный голос, как будто прямо над ним находился некто невидимый.

Произносил он по большей части непонятный набор звуков. Но, к своему величайшему удивлению, Сандер расслышал отдельные слова из тайной кузнецкой песни — самой большой тайны его профессии. Тишина, потом снова тот же поток звуков.

Сандер облизал языком губы. Кузнец? Ну, что ж, он попытается. Всё ещё прижимая пальцы к горячим точкам, Сандер заговорил сам, он запел рабочую песню, в которой содержались слова, которые он только что услышал.

Стена — стена повернулась! Часть пола, на которой он стоял, тоже повернулась, неся его в одну сторону. Это было настолько неожиданно, настолько не походило на всё им испытанное, что он долго не мог оторваться от стены, чтобы посмотреть, куда она его перенесла.

Наконец, с дрожью, кузнец заставил себя осмотреться. Он стоял теперь в другой комнате, вероятно, чуть большей, чем первая. Но в этой стоял стол, с крышкой, как стекло, только он никогда не видел стекла таких размеров. Ножки стола были изготовлены из металлических трубок. Рядом стояли два стула из того же материала, тоже на металлических ножках.

Из центра стола вырастал ящик длиной примерно с руку, шириной с предплечье. На его крышке имелось множество кнопок, все разных цветов. И опять никакой двери. А когда он провёл пальцами по стене, которая так бесцеремонно доставила его сюда, никаких теплых точек не обнаружил.

В недоумении он осторожно подошёл к столу. На каждой кнопке был нарисован значок, похожий на те, что Фейни называла «письмо». О назначении этого ящика он не мог догадаться. Наклонился и начал рассматривать

кнопки. Может, они управляют другой дверью: здесь всё возможно. Больше он не сомневался, что Фейни пришла к концу своего поиска. Тут действительно находятся чудеса, каких нет во всем мире.

Один ряд кнопок красный, от тёмно-алого до почти розового. Второй демонстрировал все оттенки зелёного цвета, третий — жёлтого, и последний — коричневого, самая крайняя кнопка почти белая. Сандер слегка коснулся каждого ряда. Никакого тепла. Но он ничуть не сомневался, что у этот предмет служил важной цели. И тоскливо подумал, сколько же комбинаций из различных цветов можно тут составить.

С того времени как принуждение оставило его, он чувствовал страшную усталость. К тому же очень хотелось есть. Если ему не удастся вырвать у этого ящика его тайну, он может оказаться здесь пленником навсегда. А сколько времени нужно, чтобы умереть от голода?

Он упрямо отказывался признавать поражение. Если выход в этом ящике, он его найдёт!

Он начал с первого ряда, потом второй, потом оба сразу. Он нажимал кнопки во всех возможных комбинациях. Затем испытал третий и четвёртый ряды. Сандер заставлял себя не думать, что могут понадобиться целые часы такой работы.

Он сел на стул, наклонился и сильно надавил на первую кнопку в красном ряду. И когда добрался до середины ряда, получил первый ответ. Но не тот, на какой надеялся. Стена не отодвинулась, не поднялась, не ушла в пол. Вместо этого кнопка, на которую он нажал, ушла вровень с крышкой ящика и больше не поднялась.

Сандер с надеждой смотрел на окружающие стены, а не на ящик. И потому его внимание привлёк только щелчок. В стенке ящика открылось отверстие, и оттуда выскользнул коричневый брусок, за ним другой, оба размером с мизинец. Кнопка поднялась. Сандер вопросительно смотрел на предметы, лежавшие на столе.

Больше всего удивил его исходивший от них запах. Мясо, зажаренное над костром под присмотром самого внимательного повара. Но почему... что... как?

Он осторожно взял ближний брусок. Тёплый, на ощупь как хорошо прожаренное мясо. Больше сопротивляться восхитительному запаху он не мог и безрассудно впился в него зубами.

Пережёвывая, он никак не мог определить, что это. Какой-то хлеб? Нет, вкус как у хорошо приправленного мяса. И всё же это не то, о чём говорят вкус и запах.

И хоть он понимал, что брусок может быть начинён наркотиком или смертоносной травой, он не мог заставить себя отказаться. Всё равно, что в его голодном состоянии отказаться от жареной рыбы. В два приёма он прикончил брусок и впился в следующий.

Странно. Куски маленькие, но у него появилось чувство сытости, хотя теперь сильнее захотелось пить. Он посмотрел на оставшиеся кнопки. Может, у ящика и на это есть ответ?

Теперь он начал действовать более методично. Ещё одна красная кнопка дала ему брусок, похожий на предыдущие, но со вкусом печёной рыбы. Зелёная линия выдала три печенья, различных по форме. Он положил их рядом с рыбным бруском. В жёлтом ряду действовала только одна кнопка. Когда он нажал её, ящик выдал ему маленькую чашку из какого-то тонкого блестящего материала, полную до края светло-коричневой жидкостью. Он коснулся языком — сладко. В четвёртом ряду подалась предпоследняя кнопка. Ящик выдал чашку чуть большего размера, с той же жидкостью, но покрытой густыми сливками. Так у Сандера появилось некоторое количество хоть и не воды, но всё же жидкости с запахом, который он никогда не испытывал раньше. Он выпил её залпом, несмотря на то, что она оказалась горячей. И сладкой. Но жажду его утолила.

Он тщательно спрятал рыбный брусок и печенье в карман. Ложки у него не было, поэтому сливки он просто слизал с чашки.

Сработают ли снова кнопки, дадут ли ещё продовольствия? Сандер попробовал ту же комбинацию, но больше ничего не появилось. Может, они действуют только раз? И сначала каждая кнопка давала еду, но за долгое время припасы кончились, и, может, он сейчас извлёк последние крохи.

Конечно, это какая-то машина, но как она действует, он не мог догадаться. Она была слишком мала, чтобы скрывать у себя внутри продукты и готовить их. Сандер встал, заглянул под стол. И там тоже ничего не увидел.

Есть и пить больше не хотелось, но он по-прежнему

пленник. Если передвинуть к стене стул, сможет ли он заглянуть за перегородку?

Пытаясь передвинуть стул, он обнаружил, что тот передвигается, но только вблизи стола, чтобы можно было удобнее сесть.

Сандер пожал плечами. Он догадывался, что тут лёгких ответов не бывает. Потребуется и терпение, и вся его способность думать, чтобы понять тайны этой комнаты. Рин... если бы койот откликнулся, он бы знал по крайней мере, в какую сторону пробиваться, какую из стен нужно преодолеть.

Он свистнул, и звук показался странно громким и сильным. Прислушавшись, ничего не услышал, кроме своего дыхания. Потом... откуда-то издалека... донёсся лай. Но направления он определить не смог.

И снова Сандер начал терпеливо ощупывать поверхность стен. Теперь он знал, что искать. Но на этот раз поиски оказались бесплодными. Хотя он и осмотрел все стены дважды, никаких тёплых мест не обнаружил.

Наконец Сандер вернулся к столу, бросился на стул, поставил локти на поверхность стола, положил голову на руки и постарался систематически обдумать проблему. Он может поклясться, что на стенах нет этих загадочных тёплых точек. Несколько раз он подпрыгивал, пытаясь добраться до верха стены. Но стена скользкая, держаться не за что, и он всякий раз срывался. Как же отсюда выбраться?

Причём Сандер был уверен: выход есть. И, вероятно, так же хитроумно спрятанный, как и вход. Но какова цель этого места? Похоже, тот, кто конструировал это (если, конечно, это не делал совершенно чуждый или свихнувшийся разум), хотел, чтобы выбраться было трудно. В этой ситуации есть какие-то элементы испытания.

Испытание... Он обдумал эту мысль, и она ему понравилась. Во всяком случае всё им испытанное в неё укладывается. Какова цель испытания, он не знал. Может, измеряется разумность испытуемого, сила его воображения. Главное, как выйти из этого испытания.

Пока ему удалось методом проб и ошибок и с помощью здравого смысла решить две проблемы. Он нашёл первую дверь и снабдил себя едой и питьём. Оба ответа потребовали только настойчивости и терпения. Теперь перед ним стояли более трудные вопросы, требующие большего, чем простое экспериментирование.

Стены не имеют дверей, и он знал, что любая попытка пробить их окончится неудачей. Что остаётся? Пол.

Снова он решил, что ему лучше послужит осязание, а не зрение. Сандер опустился на четвереньки в ближайшем углу, тщательно осмотрел пол и начал ощупывать его дюйм за дюймом. Пол был не такой гладкий, как стены, но необыкновенно ровный. Вначале Сандер обошёл все четыре стены, надеясь, что одна из них покажет, что находится за ней.

Ничего не обнаружив, он занялся серединой комнаты. Наконец, убедившись, что осмотрел всю поверхность пола, сел спиной к стене и снова задумался.

Он вошёл через стену, ту, которая теперь напротив. Но вернуться через неё не может. Он осмотрел три остальные стены и пол. Ничего.

Он заставил себя ещё раз всё обдумать. Четыре стены, пол и высокий потолок, которого стены не касаются. Стол, ящик, который накормил его, два стула, которые нельзя передвинуть к стене.

Стол... стулья... ящик... Он всё испытал. Может, всё-таки тайна в центре комнаты? Вновь почувствовав надежду, он встал. Снова стулья передвинуть не удалось. А кнопки... да, они предназначены для доставки пищи, а не для открывания двери, как он вначале надеялся. Остаётся стол.

Нажимая изо всех сил, он не смог сдвинуть его ни на дюйм. Металлические ножки казались просто стоящими на полу, но их невозможно было сдвинуть, будто они были вплавлены в него.

Стол, стулья, ящик...

Сандер заставил себя сесть на стул и подумать. Цвета кнопок перед ним — красный, зелёный, жёлтый, коричневый... Красный с начала времён у его племени связывается с силой — или опасностью. Красный огонь уничтожает, если его не укротить, лицо человека в гнев краснеет.

Зелёный успокаивает глаз. Это цвет растительности, жизни. Жёлтый... жёлтый — это золото, сокровища, солнечный свет, тоже сила, но менее разрушительная, чем у красного цвета. Коричневый — это земля... то, что нужно обрабатывать, что само собой не делается.

Зачем он тратит время, обдумывая значение цветов? Нужно найти выход!

И всё же он не мог оторвать взгляда от этих рядов:

красный, зелёный, жёлтый, коричневый. Они дали пищу, для остальных его целей они бесполезны.

Коричневый — жёлтый, цвет золота, лежащего в земле... зелёный, цвет того, что растёт на земле... красный — огонь, который может уничтожить жизнь на земле. В его мозгу начал возникать рисунок. Он пытался отбросить эту глупость, подумать, что же ему теперь делать. Но так ли уж глупы его мысли? Фейни бы так не сказала. Она бы приняла эти капризы его мысли. Сандер никогда не верил — в глубине души — в то, что нельзя увидеть, коснуться, испытать на вкус, услышать самому.

Но в этом путешествии он встретился с таким, что не мог воспринять. Как кузнец он работает руками, но то, что он делает, вначале возникает в его мозгу. Он действует по образцу, которого не видит ни один другой человек. Значит, он тоже имеет дело с невоспринимаемым.

Неужели после всех испытаний последних часов он должен отказаться от использования воображения? Оно единственное, что может принести ему освобождение. Тот голос из воздуха — он использовал кузнецкие слова. Правда, они перемешивались с другими, которых Сандер не понимал, но в нескольких он был уверен. Это предзнаменование. Он должен ему поверить и испытать свои догадки, какими бы дикими они ни казались.

— Коричневое, — произнёс он и нажал самую тёмную кнопку в этом ряду. — Золото. — Он поискал самую яркую кнопку. Она напомнила ему цвет раскалённого металла, когда он устремляется в форму. — Зелёное. — Теперь не самую тёмную, а среднюю, похожую на свежую весеннюю зелень. — Красное. — Кнопка цвета пляшущего пламени.

Раздался скрипучий звук. Часть одной из стен поднялась вверх, открывая узкий проход. Сандер даже не удивился. Нажимая кнопки в избранном им порядке, он чувствовал, что решил ещё одну часть загадки.

Он уверенно двинулся вперёд и через отверстие снова прошёл на встречу с неведомым.

Глава 15

Но он оказался не в другой комнате, как ожидал, а в узком коридоре со слепыми стенами. Сандер пошёл по нему с новой уверенностью, которую ему дало удачное

решение загадки выхода. И не удивился, когда в дальнем конце коридора часть стены перед ним раздвинулась без всяких усилий с его стороны.

Сандер вошёл. Вокруг слышался гул, щёлканье, другие звуки. Он пошёл медленнее, стараясь понять, что это такое. Сандер понимал, что того, кто создал этот странный лабиринт, победить нелегко и самострел его не испугает. Самострел и нож так же далеки от того, что он видел, как они сами, в свою очередь, далеки от необработанного камня, которое хватает в битве первобытное существо.

Приняв решение, Сандер спрятал самострел в чехол и пошёл дальше с пустыми руками. Усилившийся свет заставил его сощуриться. Он не понимал, где находится; металлические решётки, стекло, прочные квадратные основания, от которых отходили решётки, всюду вспыхивают огоньки.

И только одно знакомое зрелище. Навстречу огромными прыжками мчался Рин. Он так громко выражал свою радость, как будто почувствовал огромное облегчение.

Язык животного коснулся щеки Сандера. Сам он ухватил койота за плечи. Во всём этом необычном окружении койот казался единственной связью со знакомым Сандеру миром.

И тут он снова услышал голос из воздуха. Но на этот раз не смог уловить даже отдельных слов. Машины — если эти основания с решетками и бегающими огоньками были машинами — располагались у стен, пространство в центре оставалось свободно. Сандер прошёл туда, по-прежнему положив руку на спину Рина. Ничего знакомого он там не увидел. Чудесные машины продолжали удивлять его.

Для чего они? Теперь он видел, что не все их огоньки светятся. Больше того, одни основания растрескались, на них лежали обрывки решёток, резкий звук других заставлял его морщиться, когда они проходили мимо, а койот при этом протестующе взывал.

И ни следа никого живого. Сандер несколько раз позвал Фейни по имени. Ответа не было, только машины продолжали гудеть и щёлкать.

— Кто ты? — Впервые осмелился он задать вопрос Голосу. Ответа также не было.

Вместе с Рином, поглядывая по сторонам, каждую

минуту ожидая нападения из-за машин, Сандер пересёк помещение. Здесь оказался выход, а за ним он увидел совсем другую картину.

В центре огромной комнаты, находилось пустое овальное пространство. Вокруг него располагались два ряда кресел, тоже расположенных овалом. Сам овал представлял собой углубление, заполненное, как с первого взгляда подумал Сандер, исключительно чистой, прозрачной водой. Но тут же он понял, что на самом деле это прозрачное стекло.

Оставив Рина, Сандер прошёл между двумя креслами (толчок показал, что кресла прочно прикреплены к своим местам) и остановился, глядя на стеклянную поверхность, теперь тусклую и тёмно-синюю по цвету. Сандер был уверен, что она, как и ящик с кнопками, играла здесь важную роль. Само расположение кресел свидетельствовало, что когда-то тут собирались люди и смотрели на эту прозрачную поверхность.

Это не было зеркалом, потому что он, хотя и стоял совсем рядом, в нём не отразился. И нигде не было никаких кнопок, как на ящике в предыдущей комнате. Сандер медленно прошёл по рядам кресел, пока не добрался до одного, в левом ряду. Тут он впервые заметил отличие. У этого кресла оказались очень широкие ручки, усаженные кнопками, и на каждой кнопке были нарисованы те символы, которые Фейни называла «письменами».

Сандер осторожно опустился в это кресло. Очень удобно, кресло как будто приняло удобную для него форму. Он принялся рассматривать кнопки. Они должны иметь какое-то отношение к стеклянной поверхности, лежавшей рядом с его изношенными башмаками, в этом он был уверен. Но какое именно?

По каждой широкой ручке проходило два ряда кнопок. Расположены они были так, что человек, положивший локти на ручки, легко мог достать до любой из кнопок пальцами. Был только один способ что-то узнать — действием. И он нажал указательным пальцем правой руки ближайшую кнопку.

К его разочарованию, ответа не последовало. Но ведь это только первая кнопка. Многие из них за долгие годы вполне могли выйти из строя. Он надеялся, что действует ещё достаточно, чтобы он понял, зачем здесь собирались люди и смотрели на эту матовую тусклую поверхность.

Он нажал следующую кнопку в ряду — с тем же результатом. Но третья дала поразительный ответ. На поверхности появились огненные точки, светлые линии соединили их, затем выросли светлые пятна, неправильные по форме и различного размера. Сандер наклонился, стараясь понять, что они изображают.

Их было четыре, нет, пять, — больших светлых пятен. Два соединены узкой полоской, ещё два соединены полосой более широкой. Были и меньшие пятна, одни близко к большим, другие дальше. Яркие огоньки разбегались по всей поверхности в полном беспорядке.

Сандер внимательно изучал рисунок, но, к сожалению, так и не смог ничего понять. Он нажал следующую кнопку, и в овале появился новый рисунок. Линии переместились, образуя совсем другие очертания. Но яркие огоньки совершенно исчезли, а светлые пятна поблекли.

— Наш мир...

Сандер быстро повернулся, рука его легла на рукоять ножа. Ему не понадобилось рычание Рина, хотя в тот момент он удивился, почему койот не предупредил раньше. На этот раз голос был не бестелесным и доносился не из воздуха. Эти слова произнёс человек. Он ковылял по комнате, рассматривая Сандера так же настороженно, как и Сандер его.

Незнакомец выглядел весьма непривлекательно. Негогда высокий, теперь он согнулся, плечи обвисли. Слишком худые руки и ноги и разбухший живот подчёркивались облегающим костюмом. Голова была покрыта редкой щетиной, как будто её побрили, а потом волосы отрасли на дюйм. На верхней губе белела седая полоска усов, в остальном лицо было лишено растительности. Кожа на лице и руках с распухшими пальцами белая, почти такая же, как у Белых, но с сероватым оттенком.

В одной руке он держал небольшую трубку, направляя её на Сандера. При этом одну руку он поддерживал другой. Сандер решил, что это оружие. Кузнец заранее чувствовал уважение к оружию, которое под стать окружающему.

— Наш мир... — повторило привидение в сером и гулко закашлялось.

Сандер услышал визг койота и посмотрел в его направлении. Сандер видел однажды, как Рин напал на быка и

продержал это злобное животное, пока не появились всадники Кочевья. Этот самый Рин прижался к полу и скулил, как будто его побили. Сандер почувствовал приступ гнева.

— Что ты сделал с Рином!

Незнакомец улыбнулся. «Животное получило урок. Я Максим — ни одно животное не смеет скалить на меня зубы. Я тебя предупредил, парень. — Он сделал широкий жест, обводящий не только помещение, в котором они находились. — В моём распоряжении такие силы, о которых вы, варвары снаружи, даже не имеете представления. Я Максим, Избранный! Были такие, кто предвидел, кто подготовился... Мы, мы одни спасли знания человечества. Мы одни!» — Голос его перешёл в тонкий вопль, отчего Рин снова завизжал, а Сандер почувствовал глубокое беспокойство. Кузнец понял, что граница между здравым рассудком и безумием уже пересечена этим скорченным человеком.

— Да, да, — продолжал тот, — мы сохранили, мы выдержали, мы здесь единственный разум, единственная оставшаяся цивилизация. Варвар, хорошо посмотри на меня, я — Максим! Здесь, — узловатым пальцем он постучал себя по лбу, — больше знаний, чем ты можешь получить за две жизни. Ты хочешь их украсть? Невозможно. Они заперты здесь. — Он снова коснулся своего лба. — Ты даже не понимаешь, что тебе нужно, настолько деградировал ваш род. Ты даже не человек больше, не то, что Предки!..

Голос его становился всё более резким. Достаточно было одного взгляда на Рина, чтобы понять, что в распоряжении этого сумасшедшего действительно имеется грозное оружие. Сандер не сомневался, что безумец с готовностью использует его против всякого. А что случилось с Фейни и пеканами? Сандер был уверен, что это и есть та сокровищница, которую она разыскивала. Но встретила ли она Максима и заплатила ли за это? Он представил себе, как Фейни встречает смерть от этих рук.

— Чего ты хочешь? — между тем спрашивал Максим. — Чего ты просишь у Максима? Способов убийства? Я могу показать тебе такие, что твой разум растворится в ужасе. Мы знали их, да, знали их все! У нас есть болезни. Достаточно засеять ими землю, и люди будут умирать, как отравленные насекомые. Мы можем сохранить тело человека живым, чтобы оно служило нам, но уничтожить его

волю, даже его разум. Мы можем стереть с лица земли целый город, нажав на одну кнопку! Мы хозяева. Это место создано нами, потому что мы знали, что некоторые должны спастись, что наша цивилизация должна выжить. И она сохранилась, и мы живы...

Он замолк, возбуждение покинуло его болезненное лицо. Он казался опустошённым, как будто сам стал жертвой болезни, разрушающей мозг, которой только что грозил.

— Мы живы... — повторил он. — Мы живём дольше, чем все люди до нас. И после этого наши дети... Как ты думаешь, варвар, сколько мне лет? — вдруг спросил он.

Сандер отказался делать догадки, которые могут оказаться ошибочными, он побоялся разбудить злую волю этого безумца.

— У каждого, — он говорил, осторожно подбирая слова, — своя продолжительность жизни. Я не знаю твоей.

— Конечно, нет! — человек кивнул. — Я один из Детей. Я прожил почти двести лет, если измерять время годами, к которым привыкли люди.

Может, даже, и правда, решил Сандер. И сколько ещё наследников этого худшего наследия Предков всё ещё живёт?

— Почти двести лет, — повторил Максим. — Видишь ли, я мудр. Я понимал, что нельзя рисковать, выходя в мир и смешиваясь с варварами. Я говорил им, что они поступают неправильно. Ланг... Да, я предупреждал Ланга, что случится. — Он рассмеялся. — И оказался прав. Варвар, знаешь ли, отчего умер Ланг? От боли в животе. Небольшая операция излечила бы его. Она рассказала мне. Та, что назвалась дочерью Ланга. Конечно, солгала. Никто из нас не стал бы путаться с варварами. Солгала, но я не мог отплатить ей за ложь, потому что у неё трансмиттер Ланга.

Мы с самого начала были так запрограммированы, что среди нас не могут возникать ссоры. Нас было так мало, и могло получиться так, что мы на долгие поколения окажемся запёртыми в этом комплексе. Поэтому между нами не должно было возникать ссор, недоразумений. У каждого из нас для защиты был трансмиттер. Видишь, варвар, как всё было хорошо придумано? Никаких столкновений не могло возникнуть.

И Дети. Подобно Лангу, у каждого с рождения был свой

трансмиссивтер. Всё было тщательно продумано. Большой Мозг в запечатанном помещении, он всё знает. Всё. Уже довольно давно он не вступает ни в какой контакт. Но в этом и нет необходимости. Я, Максим, знаю всё необходимое.

— А эта девушка, что рассказала тебе о смерти Ланга, — Сандер не сомневался, что это Фейни, — где она?

Максим рассмеялся. «Она солгала мне, понимаешь? Никто не смеет лгать мне. Если захочу, я вижу мысли человека. Когда она пришла, я понял, что будут и другие. Я использовал... — он замолк и настороженно посмотрел на Сандера. — Я привёл тебя сюда, варвар. Это забавно, очень забавно. У нас есть старое помещение для тестирования, интересно было смотреть, как ты выбираешься. Ну, ей не нужно было этого делать, ведь у неё трансмиссивтер Ланга. А ты проявил некоторую хитрость, не человеческую, конечно, но забавную. Мне захотелось привести тебя сюда. Остальные — они все хотели мои сокровища, но их легко было остановить. Ну, а поскольку ты прошёл через барьеры, я понял, что тебя нужно доставить сюда.»

— Я здесь, — заметил Сандер. — Но девушка... Что ты с ней сделал?

— Сделал? — смех его перешёл в хихиканье. — Ничего, совсем ничего. Не было необходимости. У Большого Мозга своя защита. Я выслушал её, указал нужное направление и разрешил уйти. И больше мне о ней не нужно думать. Она мне даже была благодарна. Я... — на его морщинистом, распухшем лице появилось озадаченное выражение. — Что-то в ней было. Но ни один варвар не обладает тайной, которую не смог бы разгадать Максим! Контролировать зверей — это я тоже могу. Смотри, как твой могучий зверь боится меня. Никаких проблем. Я знаю, как и тебя сделать полезным. У тебя, конечно, нет трансмиссивтера, так что тебя легко подчинить.

— Но он у меня есть! — Правду ли он говорит или нет, Сандер не знал. Но он был уверен, что должен сделать собственный шаг перед лицом этой карикатуры на человека.

— У тебя его не может быть! — Человек говорил раздражительным, капризным тоном, как упрямый ребёнок. — Ланг унёс с собой последний. Оставил меня. Я ему повторял снова и снова, а он меня оставил. Он был глуп. Самый

молодой из Детей. Должно быть, что-то исказило наследственный механизм. И у Ланга был только один трансмиттер. Они не действуют долго, не больше пятидесяти лет. Потом их нужно перезаряжать. Так что даже если у тебя он есть, то не действует. Может, трансмиттер Робара. Но он ушёл задолго до Ланга. Не пытайся обмануть меня, варвар! Помни, я Максим, и всё знание Предков принадлежит мне!

— Я тебе покажу. — Сандер сунул руку за пазуху. Трубка в руке Максима нацелилась на него, но придётся рискнуть. Он достал проволочную ленту.

Максим захихикал. «Это не трансмиттер, варвар! Ты и в самом деле не разумнее зверя. Трансммиттер! Ты даже не знаешь, что означает это слово. И она не знала. Она считала это волшебством, к какому привыкла в своей первобытной жизни. А ты показываешь мне виток проволоки и называешь это трансмиттером!»

С риском вызвать ответное действие со стороны Максима Сандер надел проволоку на голову. Возможно, это ему поможет, раз уж этот выживший наследник Предков считает его суеверным и подобным ребёнку.

— Это холодное железо, — торжественно заявил он. — А я из числа тех, кто его обрабатывает, значит оно мне повинуется. — И он запел кузнецкую песню.

Максим проявил слабый интерес. «Это формула, — заметил он. — Но неправильная. Вот какой она должна быть. — В голосе его появились интонации Помнящего, когда он повторял слова. — Вот теперь она правильная. Значит, обрывки старого знания вы всё-таки сохранили, варвар? Но что такое холодное железо? Это выражение не имеет смысла. Ну, я достаточно потратил времени. Пошли!»

Он нажал на одну сторону трубки. Сандер мгновенно дёрнулся вперёд, почувствовав то же принуждение, что привело его сюда. Но руки его вцепились в подлокотники кресла.

Железо — холодное железо. Его кузнецкая вера в Старые Знания, несколько поколебленная встречей с Максимом, — единственное оставшееся у него оружие.

Он сосредоточился на том, чтобы не отрывать руки от кресла, постарался не думать о боли от разогревающегося кольца. Нет... нет... и НЕТ!

Лицо Максима исказилось, вспыхнуло. Он открыл рот, показав бледный язык и жёлтые сточенные зубы.

— Ты пойдёшь! — выкрикнул он.

Сандер цеплялся за кресло. Боль подходила к пределу, которого он не сможет выдержать, ему придётся сдаться. Но если он это сделает, то проиграет навсегда. Он не знал, почему он так в этом уверен, но он знал это.

Воздух между ним и Максимом начал светиться. Сандер держался за кресло, пальцы его, казалось, окаменели. Он должен...

В воздухе мелькнула рыжевато-коричневая тень, лапы опустились на согнутые плечи Максима. Худой человек был сбит на пол и лежал на спине неподвижно, а морда койота была нацелена на его горло.

Трубка вылетела из рук Максима, невероятное напряжение исчезло. Сандер умудрился прохрипеть приказ Рину не убивать. Он не может позволить койоту хладнокровно убить человека. Этот человек безумен, он стар. И сейчас гораздо важнее найти Фейни и предупредить её. Сандер не мог и догадаться, в какую ловушку Максим направил девушку. Но он подозревал, что в конце западни их обоих ждёт смерть.

Он использовал часть своей верёвки, чтобы связать Максима. Потом посадил тощее тело в одно из кресел и опять привязал верёвкой.

Закончив, Сандер повернулся к Рину.

— Ищи Фейни! — приказал он.

Койот продолжал рычать на Максима. Сандер подошёл, хлопнул его по плечу, потянул за ухо.

— Фейни! — повторил он.

Даже в этом месте должен сохраниться запах девушки, а Рин — лучший следопыт. С последним угрожающим рычанием койот повернулся от Максима к Сандеру. Он заскулил и прижался к плечу кузнеца. Сандер ясно понимал причину удивления животного. Рин не понимал, почему Максима нужно оставлять в живых, и рассуждал он здраво. Но Сандер не мог убить беспомощного теперь человека и не мог позволить Рину сделать это.

Можно убить, защищая собственную жизнь или жизнь своих родичей. Он противостоял бы земноводным или Белым и не испытывал бы никаких угрызений совести, видя, как попадают в цель стрелы. Отвратительное чудовище, которое они встретили на лесной поляне, страшный

великан с острова — эти существа вызывали в Сандере глубокий ужас. Но не для него убийство расслабленной фигуры в кресле. Голова Максима свесилась, её удерживала на месте только верёвка Сандера.

Сандер наклонился и поднял обронённую Максимом трубку. На одной её стороне виднелось пять точек. Он не представлял себе, какими силами управляет эта трубка, и не имел желания экспериментировать. Теперь важнее всего вовремя найти Фейни, пока она слепо не пришла навстречу гибели.

— Фейни! — В третий раз Сандер повторил её имя, оттаскивая Рина от пленника.

Койот рывкнул и побежал. Он обогнул кресла и двинулся прямо, Сандер бежал за ним, чтобы не отстать. Рин дивгался так уверенно, что Сандер понял: он знает, куда идёт. Возможно, он был свидетелем того, как злобный древний сторож этого места направил девушку в путь.

Сандер не мог согласиться с тем, что Максим единственный обитатель этого убежища. Хотя тот упомянул ещё только два имени, причем оба эти человека умерли, это вовсе не значило, что вся колония, которая должна была пережить Тёмное Время, исчезла. И он не был уверен, будучи свидетелем первой встречи койота с Максимом, что Рин сможет предупредить его. Лишь потому, что Максим был полностью поглощён борьбой с Сандером, Рин смог восстать.

Они переходили из одного зала в другой. Некоторые были заполнены установками, другие явно предназначались для обитания, в них стояли диваны и другая мебель странной формы.

Сандер задержался в комнате с ещё одной машиной для доставки пищи. Она была больше первой, с большим количеством кнопок. Сандер стал уверенно нажимать кнопки и получил много различных брусков и печенья, чашки с напитками и смог не только снова поесть и покормить Рина, но и сложить остальное в мешок и налить полную кожаную бутылку. Как машина может из ничего производить пищу, оставалось для него загадкой, но пища эта показалась вкусной не только человеку, но и койоту. А в данный момент Сандера больше интересовал результат, чем средства к его достижению.

Наконец они миновали последние комнаты и оказа-

лись вновь в длинном коридоре с такими же гладкими стенами и тусклыми светящимися стержнями. Воздух оставался свежим, время от времени чувствовался лёгкий сквозняк. Сандер продолжал удивляться знаниям, которые необходимы для сооружения и сохранения такого убежища.

Когда-нибудь он вернётся в комнату со стеклянным бассейном, чтобы ещё раз взглянуть на светящиеся пятна и полосы. Если Максим прав, второй рисунок показывает их нынешний мир, а первый — каким был мир до Тёмного Времени.

Сандер помнил, какие огромные изменения произошли в линиях. Но если изменения так велики, как могло это убежище сохраниться практически нетронутым? Он понимал, что после того как обитатели убежища пережили катастрофу, изменившую мир, у них были свои средства защиты от банд грабителей, которые приближались к границам убежища. Но он не мог представить себе, какая защита способна выдержать землетрясения, вулканы и поднявшееся море.

Коридор, казалось, тянулся бесконечно. Время от времени Рин опускал нос к полу и каждый раз легко лаял. Они на верном пути!

Глава 16

В конце коридора начался пологий спуск. Здесь светящиеся стержни попадались реже, между ними лежала густая тень. Вначале наклон был небольшим, но постепенно становился всё более крутым. Похоже, Предки запрятали здесь то, что особенно хотели предохранить от землетрясений и других катастроф.

И воздух стал хуже. Чувствовался острый запах, от которого Сандер время от времени начинал кашлять. Он вспомнил угрозу Максима: то, что ищет Фейни, имеет свою собственную защиту, и эта мысль заставила его действовать осторожнее. Как это назвал Максим — Большой Мозг? Может ли машина «думать»? Сандер пожалел, что мало слушал Помнящих. Есть ли в их легендах намёки на это?

Только было Сандер подумал, что им придётся спускаться бесконечно, к самому центру земли, дорога выпря-

милась. Светильники на стенах были покрыты толстым слоем пыли. Под ногами тоже скрипела пыль. Но на ней виднелись следы. Даже в слабом свете Сандер различил отпечатки лап пеканов и следы Фейни.

Здесь было ощутимо холоднее. Он натянул капюшон, плотнее завязал пояс. Дыхание в неподвижном воздухе образовывало лёгкие облачка. Рин отступил, теперь он шёл рядом с Сандером, не вырываясь вперёд. Время от времени он беспокожно рычал.

В тени впереди что-то шевельнулось. Сандер остановился, сунул трубку Максима за пояс, достал свой самострел. Рин зарычал, потом возбуждённо и предупреждающе залаял. В ответ послышался звон. В обычной обстановке Сандер бы сказал, что слышал звуки удара лёгкого молота о металл.

В тусклом свете он увидел, что навстречу им движется не живое существо. Оно очень напоминало большой котёл, в котором Кочевье готовит пищу для осеннего пира. Котёл двигался на колёсиках, медленно и равномерно. Но то, что торчало из котла, заставило Сандера удвоить осторожность. Виднелось множество движущихся суставчатых рук, все разной длины, кончались эти руки клешнями с мощными зубами. Руки непрерывно двигались, подметая пол, подбирая обломки у стен, а клешни звонко щёлкали. Очевидно, такого противника не уложишь никакой стрелой, как бы тщательно ни нацелиться.

Рин зарычал, протиснулся мимо Сандера и оскалил зубы на гремящий металлический предмет. Но койот держался подальше от рук, которые теперь потянулись к нему, щёлканье клешней стало громче, они раскрывались и закрывались всё быстрее.

Койот плясал на пределе досягаемости рук, каждый раз щёлкая зубами и каждый раз отступая. Сандер достал трубку Максима. Если у этой штуки есть какая-то сила, это их единственный шанс против движущейся машины.

По-прежнему держа в левой руке привычный самострел, кузнец осмотрел трубку, которую сжимал в правой, и нажал пальцем на её боковую поверхность. Но предварительно свистом отозвал Рина, потому что не знал, что произойдёт дальше.

Из трубки вырвался луч света и попал прямо в центр движущегося котла. На мгновение показалось, что он

никак не подействовал. Сандер попятился, Рин рядом с ним, потому что щёлкающие руки с клещами продолжали приближаться.

Потом, в том месте где луч коснулся металла, появилось красное пятно, оно всё увеличивалось и всё больше краснело. Луч прожигал корпус машины. Машина, казалось, ничего не чувствовала, напротив, она стала двигаться ещё быстрее. Одна из рук ухватила за лёгкий пыльный столб, челюсти напряглись и перерезали его с лёгкостью, с какой нож прорезает хлеб.

Сандер снова свистнул, приказывая койоту отступить. Он и сам хотел повернуться и бежать, но если это оружие Предков должно быть остановлено, он должен отступать медленно и держать трубку на одном светящемся месте.

Теперь в этом ярком круге появился более тёмный центр. Должно быть, луч прожёт наружный корпус машины. Сандер продолжал пятиться, твёрдо держа трубку и стараясь уравнивать свой шаг с движениями машины.

И вдруг — вспыхнуло пламя, такое яркое, что он на мгновение ослеп. Сандер вскрикнул и ухватился за Рина. Он ничего не видел, но, держась за койота, попятился назад до самого спуска, по которому сошёл в этот коридор. Только здесь он понял, что дребезжание и грохот, производившиеся машиной, стихли. Луч всё-таки остановил её.

Но Сандер продолжал пятиться и частично поднялся по спуску, мигая и стараясь вернуть себе способность видеть. Он отгонял от себя внушавшую ужас мысль, что ослеп навсегда.

Рин высвободился из-под руки Сандера и убежал, несмотря на приказ. Сандер услышал дребезжание и рычание койота. Потом Рин вернулся и толкнул Сандера в плечо. Тёплый металл коснулся руки кузнеца. Он отложил оружие и нащупал какой-то стержень. Провёл по нему пальцами и на конце обнаружил раздвинутые застывшие клещи.

Он вывел эту машину из строя! Но слепота мешала ему по-настоящему почувствовать радость победы. Что если он больше никогда не сможет видеть!

Сандер решительно отбросил эту мысль. Двигающаяся машина остановлена. И отступать больше не нужно. С ним Рин, койот предупредит его, если на пути снова появится угроза. Лучше идти вперёд, чем прятаться в слож-

ном комплексе, где он оставил Максима. Если безумец обнаружит, что Сандер беспомощен, тогда защититься от него будет невозможно.

Крепко держась за упряжь Рина, Сандер снова двинулся вперёд. Его уверенность возросла, когда он смутно уловил свет с одной стороны. Должно быть, он видит одну из настенных ламп.

Рин продвигался медленно, потом с визгом остановился. По-прежнему держась за упряжь, Сандер свободной рукой пощупал пол. Металл со звоном ударился о металл. Они дошли до разрушенной машины.

Сандер наклонился и пощупал обеими руками. Он нащупал грудь горячего на ощупь металла. Медленно и осторожно сдвинул куски в сторону. Глаза начали слезиться, слёзы скользили по покрытым пылью щекам. Теперь они видел достаточно, чтобы идти увереннее.

Он пошёл дальше, по-прежнему держась за Рина и нащупывая дорогу металлической рукой с клешней, чтобы не споткнуться. Глаза болели, но он старался не трогать их грязными руками. Одна ли только уничтоженная машина бродила по этим пустынным путям? Если его оружие не истощилось, он теперь готов ко встрече и с другими. Он помнил предупреждение Фейни об её источнике света: у инструментов и оружия Предков ограниченный срок жизни, возможно, он истратил всю жизненную силу трубки Максима в этой встрече.

Сандер чихал и кашлял. Дым, должно быть, от уничтоженного часового с клешнями, жёг ему горло, забивался в нос. Рин тоже чихнул в ответ. Но вот сквозь туман кузнец различил свет очередной лампы. Это зрелище подбодрило его. Максим сказал, что то, что ищет Фейни, хорошо защищено. Может, эта машина — часть защиты?

Кузнец ощупал металлическую руку, осторожно коснулся пальцами клешни. Страшное оружие, подобное тому, каким хвастался Максим: будто бы строители этого места владели смертоносными болезнями. Что за люди они были? Белые, Морские Акулы просто убивают. Но не на расстоянии и при этом рискуют своей жизнью. А самка, которой их отдали лесные люди, и чудовище на острове. Они из плоти и крови. И поэтому их можно понять. Но этот металлический ползун, другое оружие, которое с безумным удовлетворением перечислял Максим...

Теперь Сандера угнетали не дым и пыль, Его затошнило от отвращения к тем, кто построил это логово. Неужели они все были безумны? И Максим лишь получил своё безумие в наследство?

Коридор неожиданно повернул. Воздух стал чище, хотя лампы, когда Сандер смотрел на них, по-прежнему затягивал дым. Он нащупывал дорогу металлической рукой, напряжённо прислушиваясь. И вскоре услышал какую-то вибрацию, удары в затылке воздухе. Где он слышал подобное? Ощущение было смутно знакомо. В лесу! Когда их захватили лесные люди!

Но здесь нет деревьев, над головой только крыша коридора.

— Рин? — Он произнёс кличку койота вслух, потому что знакомое звучание связывало его с другим живым существом.

Койот молчал, только его нос на мгновение коснулся щеки Сандера. От него исходило напряжение, чувство опасности, так ясно этого Сандер никогда не ощущал. Но койот молчал. Не было даже глухого внутреннего рычания, которое Сандер чувствовал при прикосновении к телу койота. Кузнец порывлся в куртку, извлёк проволочное кольцо и надел Рину на голову.

Они снова двинулись вперёд, всё время ощущая теперь ритм огромного сердца, бившегося почти так же, как и сердце самого Сандера. Кузнец моргал запылёнными глазами. Наконец он остановился, достал бутылку с водой, смочил запасную рубашку и протёр ею закрытые глаза. После третьей попытки зрение прояснилось, и он смог осмотреть пыльный коридор.

С исчезновением дымки он увидел впереди дверь. Она была закрыта, и на ней не было ни ручки, ни запора. На всей дверной поверхности виднелось лишь небольшое круглое отверстие на уровне глаз. Дойдя до двери, Сандер вложил в отверстие пальцы и попытался нажать, надеясь, что дверь при этом поднимется или отодвинется. Но она оставалась неподвижной.

Может, оружие Максима расчистит им дорогу?

Сандер нащупал оружие Предков. В его использовании был определенный риск. Применение луча может вызвать расплату. Но он не сдастся и просто так не уйдет. Фейни должна была пройти тут. Как она это сделала? Дар ее отца? Он же провел ее благополучно мимо уничтоженного

часового. Сандер снова пощупал пальцами углубление в двери. Конечно, это только догадка, но углубление по размеру вполне подходит для подвески Фейни.

Но у него такой подвески нет. Сандер подошёл ближе к лампе и стал изучать трубку Максима. Вот точка, нажатие на которую привело к уничтожению машины. Но здесь есть ещё четыре точки.

Был только один способ проверить — попробовать. Знаком приказав Рину отойти, чтобы его не затронула возможная катастрофа, вызванная безрассудством попытки, Сандер всунул трубку в отверстие двери и нажал первую кнопку.

Ничего не произошло! Но Рин испустил вопль, опустил морду и зажал её лапами. Сандер быстро отпустил кнопку. Не этим ли Максим подчинял себе койота?

Рин яростно мотал головой, грозно и низко рыча. Потом посмотрел на Сандера и оскалил зубы.

Кузнец почти решил не трогать остальные кнопки. Он не хотел, чтобы на него обрушился гнев Рина. И он не знал, как объяснить койоту, что он вызвал это мучение не сознательно, а исключительно по незнанию.

Снова попробовать применить силу трубки? Да. Но сначала он должен подготовиться, чтобы не ослепнуть, как в первый раз. Сандер обернул голову влажной рубашкой, заправив концы под капюшон. Он отослал Рина назад, потом вставил трубку в углубление. И нажал кнопку.

Даже сквозь повязку он ощутил белую вспышку. Послышался звон металла. И прямо в лицо ему ударил горячий воздух с ядовитым дымом.

Но он услышал ещё кое-что. Спутать этот свирепый свист с чем-нибудь ещё просто невозможно. Пеканы! И судя по звуку, они прямо перед ним.

Сандер стянул повязку с глаз. Дверь раскололась надвое и открылась щель, достаточная для пеканов и даже для Рина. Но весь проход всё равно не открылся. Оттуда струился свет, болсе яркий, чем в коридоре. Он освещал Кая и Кайю, пригнувшихся, готовых к схватке. За ними лежала груда предметов, ярко освещённых, назначения которых он сразу понять не мог.

И он совсем не хотел причинить вред пеканам. Преодолевая сухость в горле, Сандер громко крикнул:

— Фейни!

Вибрация стала сильнее, громче звучали удары, так же громче раздавался боевой свист пеканов. Но девушка не отвечала.

Может, она ранена, захвачена одной из защитных машин, о которых говорил Максим, и тем вызвала гнев пеканов? Или нарочно поставила их здесь сторожить, чтобы ей не помешали? Каков бы ни был ответ, он не устранит Кая и Кайю.

Они же должны почувствовать его запах, вспомнить, что он был принят Фейни, путешествовал с ней. Но поможет ли ему это знакомство? Сзади он услышал топот лап Рина. Животные не должны сцепиться.

Сандер отступил на несколько шагов, внимательно глядя на пеканов. Они не делали попыток выйти из-за двери, которую он раскрыл. Он порывлся в мешке с пищей и достал несколько маленьких лепёшек, вкус которых так напоминает мясо, одну из которых с аппетитом съел Рин. Сандер бросил каждому пекану по три лепёшки.

Кайя принялась первой. Нащупала одну из лепёшек языком и тут же проглотила целиком. Вторую она зажала в зубах, прежде чем самец соизволил заметить свои. Они ели, по-прежнему глядя на Сандера и продолжая свистеть. Но подобрали все крошки, как будто очень проголодались.

Сандер понимал, что не может притронуться к ним, как делала девушка. Но он присел на корточки, достал ещё две лепёшки и протянул их животным. Они схватили пищу, а он сознательно спокойным голосом заговорил:

— Фейни?

Может, он и на самом деле глуп, как говорил Максим, что пытается общаться с пеканами при помощи голоса. Что может означать это повторяющееся имя для животных, которые продолжали смотреть на него так внимательно, что их взгляд даже слегка пугал его? Но он терпеливо повторил:

— Фейни?

Кай присел на задние лапы, его голова высоко вознеслась над сидевшим кузнецом. В таком положении пекану достаточно одного движения, чтобы добраться до Сандера когтями и клыками. Кайя смотрела, но не садилась.

— Фейни... Кай... Кайя... — Сандер попытался связать три имени. Он не мог даже представить себе, что происходит в таком далёком от человека мозгу пеканов.

Кайя перестала свистеть. Она наклонила голову и облизала правую лапу. Но самец не изменил своей боевой позы.

— Фейни... Кай... — Теперь кузнец использовал только два имени, глядя прямо на самца. Для этого требовалось большое усилие воли: выпустить Кайю хоть на мгновение из поля зрения — большой риск.

Кай встал на четыре лапы. Хотя Сандер не мог прочесть выражение его морды, он чувствовал, что зверь удивлён. И ещё что-то, помимо удивления. Страх? Сандер не был уверен.

Сознательно идя на риск, Сандер медленно встал и сделал шаг вперёд. «Фейни!» — сказал он в четвёртый раз с уверенностью, которой на самом деле не ощущал.

Кайя попятилась. Она взглянула на самца, потом снова на человека. Издала звук — не предупреждение. Кай свистнул, показав клыки. Но Сандер, ободрённый действиями самки, сделал ещё один шаг.

Самец тоже встал на четыре лапы, попятился, всё ещё посвистывая, но теперь и он отступал. Кайя повернулась и уходила. Наконей самец сдался, хотя всё ещё подозрительно посматривал на Сандера.

Рин последовал за кузнецом. Он с трудом протиснулся в щель. Но пеканы больше не угрожали им. По-видимому удовлетворённые, они повернулись спиной к Сандеру и уходили куда-то, скользя между грудками непонятных металлических и стеклянных предметов, заполнявших помещение.

Свет тут был очень яркий, у Сандера вновь заболели глаза. И эта комната жила. Не той жизнью, с какой он был знаком, но жила. Её заполняла какая-то энергия. Эта энергия заставляла светиться разноцветными огнями какие-то трубки; огни, яркие, резкие или спокойные, окружали некоторые установки. В комнате было тепло и влажно, и Сандер откинул капюшон, расстегнул куртку.

У него не было никакого желания рассматривать окружающее. Игра цветов, тёплая чуждая атмосфера вызывали отвращение. Как только он отыщет Фейни, нужно будет немедленно уйти отсюда! Он ощущал, как мурашки бегают по коже от потоков невидимой энергии.

С ленты на его голове срывались искры. Она постепенно нагревалась. Но он её ни за что не снимет! Холодное

железо спасло его дважды, и он цеплялся за него теперь, когда его окружало нечто совершенно непонятное, такое, что он даже не решался осмотреть его внимательнее.

Пеканы привели его к маленькой комнатке по другую сторону помещения. Она была едва ли больше просторного шкафа. Стены прозрачные, через них можно было заглянуть внутрь. И там, прижимая к груди подвеску, сидела Фейни.

Хотя её глаза были широко открыты, и она смотрела прямо на него, Сандер понял, что она его не видит. Но что она видит? Несмотря на жару, его вдруг охватил озноб. На её лице быстро менялись выражения. Страх, ужас, отвращение...

Волосы её стояли дыбом, будто каждая прядь заряжена энергией. На верхней губе и на лбу собирались капельки пота и скатывались по щекам, будто она непрерывно плакала. Всё её тело было охвачено ужасным оцепенением, выдававшим невероятное напряжение.

Кайя поцарапала стену шкафа, но в искажённом лице Фейни ничего не отразилось. Она как будто застряла в кошмаре и не могла оттуда выбраться.

Внезапно тело её начало хаотически дёргаться. Сандер видел, как её рот открывался в крике. Но он ничего не слышал. Тогда он подбежал к двери и схватил ручку. Нажал изо всех сил, но дверь не подалась.

Она будто была поймана в прошлом, без всякой надежды на спасение. Глаза её закатились, голова дёргалась. Сандер достал одну из стрел, всунул остриё в щель двери и попытался открыть.

Тело Фейни дёргалось так, будто она абсолютно не контролировала свои мышцы. Лицо её утратило всякий след разума, челюсть расслабленно отвисла, с нижней губы свесилась ниточка слюны.

Сандер сражался с дверью. Стрела в руках треснула, но всё же он добился небольшого успеха. Он схватил вторую стрелу и навалился изо всех сил в появившуюся узкую щель. Остриё стрелы застряло, он продолжал давить на него.

Послышался громкий треск, и вся передняя стена шкафа подалась. Вместе с ней упала и Фейни. Сандер успел подхватить её неподвижное тело и мягко опустить на пол.

На мгновение он со страхом подумал, что девушка

мертва. Потом ощутил пульс на тонком запястье, увидел, как поднимается и опускается грудь в частом мелком дыханье. Глаза её закатились, и он сквозь щель видел только белки.

Не вставая, он выполз из шкафа и вытащил за собой девушку из этой тюрьмы. Временное убежище он отыскал в углу комнаты, подальше от этого дьявольского шкафа и всех непонятных машин. Тут он уложил её головой на сложенной куртке. Руки её так сильно сжимали подвеску, что ему пришлось действовать медленно и осторожно, но изо всех сил, чтобы разжать их палец за пальцем. Он теперь был уверен, что сама подвеска представляет собой часть опасности, обрушившейся на неё.

Она по-прежнему дышала часто и неглубоко, как будто долго бежала, кожа у неё была холодной и влажной, несмотря на жару. Пеканы подошли к ней, Кайя растянулась во всю длину, согревая её своим одетым в мех телом.

Фейни что-то пробормотала, голова её начала метаться по импровизированной подушке. Она громко заговорила, но он не понимал ни слова. Лишь изредка узнавал слова, которые доносились из воздуха.

Он достал запасную куртку, накрыл ею девушку, потом зажал голову и влил несколько капель воды в рот. Она закашлялась, подавилась и вдруг открыла глаза.

Глава 17

— Мертвы! — Голос её звучал резко. — Мертвы!

Хоть она смотрела прямо на него, Сандер понял, что она видит что-то другое, не его лицо, может быть, даже не эту комнату.

— Нет! — Девушка вздохнула. В её голосе прозвучала решимость. — Нет!

Фейни попыталась сесть, Сандер схватил её за плечи, мягко, но настойчиво уложил снова. Он испугался. В глазах, устремлённых на него, не было ничего знакомого. Может, заключение в этом шкафу-тюрьме сделало её такой же безумной, как Максим?

— Тебе не нужно ничего делать, — он старался говорить спокойно, — если ты не хочешь...

Рот её дёрнулся, как будто ей трудно было говорить.

— Нет! — проговорила она и добавила: — Кто ты? Одна

из машин... машина?... — Она снова напряглась, тело её оцепенело. — Нет! Ты не сможешь меня заставить! Не сможешь!

— Фейни! — Как и с пеканами, Сандер начал произносить её имя, настойчиво, изо всех сил пытаясь вернуть её в сознание. — Я Сандер, а ты Фейни, Фейни!..

— Фейни? — Она произнесла это вопросительно. И от этого вопроса Сандер ещё больше похолодел. Если она не помнит собственного имени... Что это дьявольское место сделало с ней? Он наполнился таким гневом, что хотел сорваться с места и разбить всё вокруг.

— Ты — Фейни. — Он разговаривал с ней, как с маленьким ребёнком, подавив гнев в голосе. — Я — Сандер.

Она лежала неподвижно, глядя на него безо всякого выражения. Затем, к его облегчению, взгляд её сфокусировался. Она как будто всматривалась сквозь густую завесу. Облизала губы.

— Я — Фейни, — медленно произнесла она и глубоко вздохнула. Он увидел, как она расслабилась, повернула голову на бок и закрыла глаза. Заснула.

Но они должны уходить отсюда! Может, ему удастся поднять её на Рина... Щекочущее кожу, колющее ощущение, которое появилось в этой комнате, становилось всё сильнее. Что-то в этой комнате... покусывает — единственное слово, которое смог найти Сандер... покусывает его мозг! Он поднёс руки к металлическому кольцу. Оно было тёплое... даже горячее... он должен снять его... так будет лучше... гораздо лучше...

Кузнец отдернул руки. Снять его! Вот чего хочет этот... это невидимое! Он быстро оглянулся через плечо. Таким сильным было ощущение чьего-то присутствия, что он ожидал увидеть Максима или кого-то другого похожего, приближавшегося к нему между установками.

Холодное железо...

Сандер быстро подозвал Рина и, когда койот присел рядом, поднял Фейни и привязал её к спине животного. Кайя зарычала при первых попытках потревожить девушку, но, очевидно, поняла, что Сандер не причинит ей вреда. Кузнец прочно привязал неподвижное тело; девушка лежала, свесив руки по обе стороны шеи Рина.

Убедившись, что она не свалится, Сандер двинулся по кошмарной комнате, населённой чьей-то недоброй волей. Может ли неизвестный овладеть волей животных, повернуть Рина и пеканов против него?

То, что животные испытывали неприятное, пугавшее их ощущение, он хорошо видел: они непрерывно свистели, пеканы всё время поворачивали головы, как будто искали врага. Рин рычал, но шёл вперёд, не задерживаясь.

Они миновали разбитый шкаф, в котором нашли де-вушку. Оставив его позади, Сандер облегчённо вздохнул. Он не знал, чего ожидать от него и уже начинал думать, что в этом месте не может доверять собственным чув-ствам и порывам.

Перед ними возникла наружная дверь, и пеканы прос-кочили в щель. Однако она была слишком узка для Рина, несущего Фейни. Сандер отвязал мешок с инструментами и, как сделал в туннеле под городом, достал свой самый тяжёлый молот.

Изо всей силы он обрушил удары сначала на одну часть двери, потом на другую: с резким скрипом они подались, и Рин смог протиснуться. Сандер не вернул молот в ме-шок, он продолжал нести его в руке. Знакомое ощущение тяжести в руке давало ему большую уверенность, чем самострел или трубка Максима. А уверенность ему была очень нужна. С того момента, как она произнесла своё имя, Фейни больше не приходила в себя. Сандер был уве-рен, что сон её не естественный. Он хотел увезти её как можно дальше от того места, где нашёл.

Они миновали груды металла, оставшуюся от механи-ческого часового. В другое время Сандер захотел бы изу-чить эти останки, но теперь он чувствовал, что чем мень-ше общего у него будет с тем, что принадлежит этому лабиринту, тем лучше.

Рин поднялся по рампе. Сандер одной рукой поддер-живал Фейни, а в другой нес молот. Подъём казался вдвое длиннее спуска. Хорошо снова оказаться на свежем воз-духе, наполнить им легкие, не чувствовать острого резко-го запаха, пропитавшего всё внизу.

В верхнем коридоре Сандер решил зайти в ту комнату, где нашёл большую пищевую машину. Хотя пеканы прог-лотили лепёшки, он догадывался, что они не наелись. И, может, удастся получить что-нибудь, что подкрепило бы Фейни.

Рин уверенно шёл вперёд, и Сандер не сомневался, что койот возвращается по их пути. Ощущение давления, покусывания становилось тем слабее, чем дальше он от-

ходил от комнаты вниз. Если центр влияния на мозг там, может, у него есть границы, хотя оно проникало и наружу, когда привело его сюда. И он не собирался снимать свою железную защиту, чтобы проверить его силу.

Они добрались до комнаты, которую он искал. Тут он отвязал Фейни, снял её с койота и снова положил на пол, подсунув под голову сложенную куртку, второй курткой накрыв сверху. Её кожа оставалась холодной, не открывая глаз, она изредка вздрагивала.

Сандер отчаянно нажимал кнопки машины, бросая мясные лепёшки животным. Они быстро хватали их. Но вот ему повезло: очередная кнопка выдала большую чашку, полную горячей жидкостью, по вкусу похожей на наваристый суп.

Прижав голову Фейни к своему плечу, Сандер позвал её по имени, но она что-то раздражительно бормотала, слабо отбиваясь. Но он поднёс к её губам чашку, и она отхлебнула.

Он продолжал негромко уговаривать её, а она пила и наконец открыла глаза, как будто просила ещё. Он быстро получил из машины вторую чашку и поддерживал голову Фейни, пока она не допила вторую порцию до последней капли.

— Хорошо, — прошептала она. — Хорошо. Мне так холодно.

Она дрожала, крупная дрожь пробегала по всему телу. Сандер не просто укрыл её, но и надел на неё куртку. Потом отвязал от койота толстое мягкое седло и накрыл им девушку, хоть от него и сильно несло потом.

Укрыв её как можно лучше, он подозвал пеканов, и они послушно уселись по обе стороны от Фейни, отдавая ей тепло своих тел. И только теперь он подошёл к машине и поел сам.

Он устал, ему трудно было вспомнить, когда он в последний раз спал. А это испытание внизу отняло у него все силы. Можно ли им оставаться здесь? Если Рин и пеканы посторожат...

За всё время пути по многочисленным помещениям комплекса Сандер не встретил никаких следов других обитателей. Комнаты, предназначенные под жилые квартиры, были пусты. Но Сандер не мог поверить, что Максим — единственный оставшийся в живых обитатель этого убежища. А у любого местного жителя наверняка есть

оружие и знания, превышающие все возможности Сандера. Чем скорее они уберутся из этого подземелья, тем лучше. Но голова Сандера упала на грудь, и он с трудом заставил себя открыть глаза. Слишком много опасностей поджидает их. В таком состоянии он с ними не справится. Нужно отдохнуть.

Он сделал ещё одно усилие и подал сигнал Рину. Койот подошёл к дальней двери и лёг поперёк входа, положив голову на лапы. Сандер знал теперь, что он будет дремать, но при первых признаках опасности поднимет тревогу.

Сандер вытянулся, не выпуская из рук молота, по другую сторону от Кайи. Запах пеканов успокаивал, он казался естественным и нормальным, это часть мира, который он знает и которому верит, он не принадлежит этому подземелью.

— Сандер...

Он повернул голову. Его разбудил голос, полный тревоги. Фейни сидела, куртка сползла с её плеч, лицо у неё было осунувшееся, как после тяжёлой болезни.

— Сандер! — Она протянула руку и затрясла его за плечо, Кайи между ними не было.

Он сел и помотал головой.

— Что... — начал было он.

— Нужно уходить! — В глазах её было загнанное выражение. — Нужно предупредить их...

— Их? — повторил Сандер. Но его тоже охватило возбуждение, он вскочил на ноги.

— Торговцев... остальных... всех остальных, Сандер. Твоих людей... всех! — Слова её полились таким потоком, что он с трудом воспринимал их. Настала его очередь положить руки ей на плечи, успокоить, посмотреть в этот дикий взгляд.

— Фейни, предупредить о чём?

— Мозг! — выпалила она. — Я ошибалась... О, как я ошибалась! — Она схватила его за руки, сжала до боли. — Мозг... он... он захватит мир... он этого хочет. Мы все будем «тварями», его тварями, будем выполнять все его желания. Это он призвал Белых... он приводит их сюда, чтобы учить... они узнают тут чудовищные вещи. Как убивать, разрушать, уничтожать...

Она опять дрожала. «Он был сделан Предками, они снабдили его всеми своими знаниями, потому что предвидели катастрофу и конец своего мира. Но когда всё было

готово, что-то переменялось. Может, Тёмное Время исказило то, чего хотели люди. Они... они не могли быть такими злыми. Не могли! Если бы я так думала... — Она покачала головой. — Сандер, если бы я поверила, что в моём мозгу есть их наследие, я добровольно поднесла бы нож к своему горлу. Этот... этот Мозг, он помнит только плохое. Он хотел, чтобы я служила ему. И он превращал меня... превращал во что-то, когда ты пришёл. Мы должны уходить отсюда! Я знаю, он контролирует тут всё, и...»

Она внезапно замолкла, внимательно посмотрев на Сандера. «Но тебя он не удержал. Может, потому что у тебя нет этого?» — Она указала на подвеску, которую Сандер так и не взял у неё: он не знал, не повредит ли ей это.

— Он легко может овладеть человеком. Он... он обещал мне... — губы её задрожали, — всё, что я захочу. Я должна была пройти в пункт непосредственной связи и открыть свой мозг. Но он вливал в меня... только ненависть... Сандер, я думала, что ненавижу Морских Акул, но я не знала глубины, чёрной мерзости настоящей ненависти, пока он не показал её мне. И он хочет, чтобы мы все служили ему. Некоторых людей он подчиняет очень быстро. Шаманы Белых уже стали его слугами. Ты понимаешь, он призывает их сейчас... учиться!

Здесь и так есть большие запасы, а многое можно изготовить. Он научит как. И тогда он высвободит смерть. Потому что он не хочет никого оставить в живых... вообще ничего живого!

— Но что он такое? — спросил Сандер.

— Я думаю, — она говорила медленно, дрожа, руками прикрывая рот, будто боялась вслух произнести то, что думала, — что эта машина — часть того, что когда-то было человеком... или людьми. Это полужизнь. И за долгие годы она становилась всё более и более чуждой людям, более и более чудовищной. Те, кто здесь оставались... Пока они присматривали за Мозгом, он отчасти продолжал выполнять то, для чего был предназначен. Но их оставалось всё меньше, они слабели, а он становился всё сильнее и наконец перерезал все нити, связывавшие его с людьми. Тогда одни из них, как мой отец, ушли посмотреть, что случилось с миром, потому что он не успел овладеть ими.

А те, что остались... Ты видел одного из них, по имени Максим?

Сандер кивнул.

— Он теперь просто живая тварь, хотя сам он и не знает этого. И он служит мозгу глазами и ушами. Ведь машине нужны люди для связи с внешним миром, чтобы приводить свежие мозги... Сандер, он питается человеческим мозгом! Он отбирает у людей все их знания, всю душу. А потом заполняет тем, чем хочет, — ненавистью и смертью.

— Что он пытался сделать и с тобой. Но как же ты спаслась? — спросил Сандер.

— Я прирождённая шаманка, меня учили. Не как шаманов Белых, которые используют человеческую кровь и ужас, чтобы подчинить себе всех; я поддерживаю жизнь, а не борюсь с ней. Он не смог добраться до той части меня, которая ему всего нужнее, до источника моей Силы. Но он мог бы прорваться, если бы не пришёл ты. А ты, Сандер, почему он не победил тебя?

— Холодное железо — в нём сила кузнеца. — Он не был уверен, что именно лента на лбу спасла его, но думал, что это так.

— Холодное железо? — удивлённо повторила она. — Не понимаю... — Снова в её глазах вспыхнул страх. — Наружу... Сандер, мы должны уходить! Он не позволит нам уйти просто так, и я не знаю, какая Сила в его распоряжении.

Щелчком пальцев Сандер подозвал Рина и упаковал ношу. Потом снова поднял Фейни ему на спину.

— А этот Мозг может подчинять себе животных? — Он подумал, не станут ли пеканы слабым местом в их отряде?

— Нет. — Она покачала головой. — Их мозг слишком чужд, он вне пределов его досягаемости. Кай и Кайя пытались помешать мне идти. Я... использовала свою Силу против них. — Лицо её исказилось, когда она взглянула на пеканов.

— Но Максим использовал это против Рина. — Сандер протянул трубку. — Нажимаешь кнопку, и Рину становится больно. — Он указал на одну из точек на боку.

— Как ты её получил?

— Отобрал у Максима, — довольно сказал Сандер. — И оставил его связанным. Он всё внимание обратил на меня, и Рин свалил его. — Сандер воздавал должное тому, кто заслужил похвалу. — И тебя нашёл Рин.

— Пошли отсюда... быстрее!

Сандер согласился с её доводами. Он не знал, верить ли

тому, что она рассказала. Отбирать у человека разум и заполнять его... Но он знал, что в распоряжении Предков было такое, что он и представить себе не может, и потому согласился поскорее уходить из этого места. Он не хотел больше никаких знаний, связанных с этим убежищем. Истерия Фейни, её страх говорили, что можно заплатить слишком дорого за попытку узнать, что лежит по ту сторону Тёмного Времени. Он готов был уходить как можно скорее.

Кузнец не помнил всего их пути, но вполне полагался на чутьё койота. По пути Фейни немного пришла в себя. Сандер замечал в комнатах, через которые они проходили, вещи, способные его заинтересовать, в других обстоятельствах он остановился бы и осмотрел их куда внимательнее.

Но Фейни даже не смотрела по сторонам. Она смотрела прямо перед собой, как будто её лихорадочное желание вырваться отсюда могло ускорить их шаг.

— Сколько же людей всё ещё живёт здесь? — спросил Сандер, после того как они долго шли молча. Он всё время прислушивался, ему казалось, что они не смогут уйти так легко, что кто-нибудь или что-нибудь поджидает их в засаде.

— Не знаю. Несомненно, очень мало. А Мозг нуждается в большем количестве. Думаю, есть такие операции, которые он не может выполнять сам, но которые необходимы ему для жизни. Поэтому он и хочет контролировать больше безмозглых людей. А остальных... остальных он убьёт. Он ненавидит... — Слёзы полились из её глаз, и она не вытирала их. — Он болен ненавистью, распух от неё, как загнивает и распухает ядовитая рана. Он оскверняет всё!

Всё же Сандер по пути рассматривал комнаты. И снова не видел никаких следов обитания. Может, Максим действительно последний слуга Мозга? Но Максим не считал себя таковым... он говорил о «Большом Мозге», что тот перестал общаться с людьми.

Теперь у кузнеца появился новый повод для беспокойства — бегство проходило слишком гладко. Он ожидал препятствий. Фейни утверждала, что этот Мозг обладает огромной властью, если он контролирует здесь всё, то, несомненно, готовится захватить их.

И так как вокруг ничего не двигалось, не происходило,

его беспокойство, как ни странно, только возрастало. Фейни по-прежнему смотрела только вперёд. Сандер бросал взгляды на койота, на пеканов. Они бежали быстрее, хотя Сандер и не торопил их. Животные явно насторожились, он видел, что они используют собственные методы для проверки окружающего. Но они не предупреждали о засаде или нападении.

Наконец отряд прибыл в комнату с овальным бассейном и расставленными вокруг него креслами. Сандер готов был к встрече с Максимом. Но кресло, к которому он привязал безумца, опустело, и не было видно разрезанных или разорванных верёвок. Сандер взвесил в руке молот.

— Он исчез. Но я же оставил его здесь.

Впервые за всё это время Фейни слегка повернула голову и посмотрела на Сандера.

— Мы должны найти выход, — сказала она, и в голосе её прозвучала странная нота, это походило на приближение нового припадка истерии. — Выход, он может быть закрыт.

Рука её двинулась к подвеске и тут же отдёргнулась. «Это... может, я смогу его использовать. Но оно... принадлежит этому месту. И через него тоже можно управлять.»

— Тогда не трогай! — ответил он. — Рин, Кай и Кайя найдут выход. Я скорее положусь на их чувства, чем на свои.

Животные перешли в комнату с решётками. Неповреждённые решётки ярко светились. Рин опустил голову и завыл: такой вой Сандер слышал у него только один раз, когда коснулся не той кнопки на трубке. Койоту вторили крики пеканов. Животные рвали лапами уши, на их пастях появилась пена. Сандер и сам почувствовал странную боль в голове. Фейни закрыла уши, лицо её исказилось от боли.

Сандер знал только один ответ на это. Хотя тело его вдруг стало неуклюжим, потеряло координацию, спотыкаясь, он направился к ближайшей светившейся установке. Поднял молот, хотя рука не слушалась его, будто повинаясь чужой воле, и обрушил его на решётку.

Брызнули искры. В воздухе появился резкий неприятный запах, а Сандер подошёл к следующей решётке и нанёс удар по ней, потом к следующей, и ещё, и ещё...

Он двигался по сужившемуся миру, в мозгу его держа-

лась только одна мысль — уничтожить это чуждое влияние. Иногда он промахивался и не мог разбить решётку одним ударом, шатался, наносил три, четыре слабых удара, пока не добивался своей цели. Один ряд он уже расчистил. Теперь его цель — первая установка во втором ряду. Диадема на голове превратилась в огненный обруч, мысли его путались. Только инстинкт заставлял его двигаться. Третья... и ещё...

Потом, так же внезапно, как и началось, нападение закончилось. Сандер, тяжело дыша, опустился на колени. Голова кружилась. Но свет, от которого жгло глаза, погас.

— Сандер!

Крик заставил его очнуться и обернуться.

Максим поднимал свою трубку. Лицо его было искажено, в выпятившихся глазах не оставалось ничего человеческого.

И Сандер сделал величайшее усилие в своей жизни, поднимая молот. Максим стоял слишком далеко, чтобы ударить. Не было времени выстрелить, схватиться за трубку, заткнутую за пояс. Он взмахнул молотом над головой и отчаянно бросил его, уже чувствуя себя жертвой Максима.

Пушистая ярость мелькнула мимо: это прыгнул Кай, задев Сандера за плечо. Толчок, хоть и очень лёгкий, сбил кузнеца с ног. Он ударился об одну из машин, но, падая, увидел, как молот всё же попал ручкой Максиму в грудь.

Тот пошатнулся. Сандер ощутил на руке палящий жар. И тут Кай сделал последний прыжок, сбил Максима и трубка вылетела у того из руки. Максим гортанно закричал, но крик его внезапно прервался.

Глава 18

На них обрушилась волна (Сандер не мог найти другого слова, чтобы самому себе облегчить понимание непонятного, того, что заполняло воздух, не давало двинуться) гнева... ненависти... как будто ожили сами стены, превратились в плоть огромного существа. Пекан отпрянул, морда его была окровавлена. Он пятился, рыча, ударяя по воздуху вытянутыми лапами, будто ему угрожало нечто невидимое.

Сандер покачнулся. Он устоял только потому, что опирался на край одной из машин; могучий гнев посылал

импульсы силы, обрушивавшейся как физические удары. Проволока на голове опять раскалилась, но Сандер боролся. Он по-звериному оскалил зубы. И хрипло и вызывающе запел кузнецкую песню.

Он не животное, он человек! И останется человеком. Шаг за шагом продвигался он вдоль установки, держась за неё. Внимание его было сосредоточено на молоте, который лежал недалеко от распростёртого тела. Сандер приказывал себе не смотреть на него. Может, Кай и убил Максима, но дорогу к этому открыл ему удар Сандера.

Сандер наклонился, сомкнул пальцы вокруг рукояти молота. И почувствовал, что одержал небольшую победу.

Он человек!

Он осторожно оглянулся. Рин и пеканы собрались вместе. Все они скалили зубы. Койот щёлкал зубами в воздухе, на углах его пасти собирались белые клочья пены. Пеканы заняли боевую стойку, хотя никакого врага не видели.

Фейни сидела на седле очень прямо. Лицо её осунулось от напряжения и боли. Откинув голову, она тоже произносила слова, которые он не мог понять. Он подошёл к ней, с видимым напряжением преодолевая какое-то невидимое сопротивление, она взглянула ему прямо в глаза.

— «Он» нас не выпустит, — просто сказала она.

— Я знаю дверь...

— Если он захочет, дверей не будет.

Сандер не хотел соглашаться с её уверенностью. Но прежде чем он смог заговорить, она схватила свою подвеску.

— «Он» позволит мне подойти, с этим я смогу добраться до «него»...

Казалось, после её слов давление на них слегка уменьшилось. гнев, нависавший, как осязаемое облако, начал рассеиваться.

— Нет! — Сандер поднял молот.

— Я смогу договориться...

Он читал правду в её глазах. Она знала, что если пойдёт, то погибнет... погибнет, как та человекоподобная оболочка, которую Кай убил, чтобы спасти их всех.

— Я той же крови, что и его слуги. Он будет меня слушать...

— Никого он не будет слушать, — возразил Сандер. —

Он безумен, ты сама могла прочесть это в его мыслях. Ты никого не спасёшь, ничего не добьёшься.

— Чтобы получить меня, он будет торговаться. — Фейни не хотела соглашаться с его отказом. — Я договорюсь, чтобы он тебя выпустил, тебя и их... — Она указала на животных. — На свободе вы сможете всех предупредить. Белых нельзя пропускать сюда, Торговцы должны подготовиться.

— Если это существо всевидяще и всезнающе, — упрямо возразил Сандер, — оно никого не освободит, чтобы мы не разнесли такое предупреждение. Зачем ему это?

— Тому есть причина, — медленно объяснила Фейни. — Если я приду к нему добровольно, сама сниму все барьеры, он получит больше, чем если бы добивался меня силой. Он хочет меня целой, не искалеченной. Ты для него не представляешь ценности, ты только встревожил его своей яростью. Он позволит тебе уйти, ведь он считает, что это ненадолго, что он скоро соберёт достаточные силы. Понимаешь, я смогу выиграть для тебя время!

Сандер покачал головой. «Ты не сможешь заключить с ним сделку. Послушай... — Голова у него работала лучше, он был похож на бегуна, к которому пришло второе дыхание. — Ты знаешь, где он?»

Она, должно быть, поняла его намерения. «Нельзя! У него совершенная защита, добраться до него можно только с его разрешения.»

— Но ты ведь можешь пройти...

— Да, если я сдамся добровольно. Он одержит победу, и ты сможешь этим воспользоваться.

— Да, но по-своему. — Сандер взмахнул молотом. — Он может нас подслушать? — Он переводил взгляд от одной разбитой машины к другой.

— Не думаю. Он пытается подчинить нас своей воле и считает себя неуязвимым. — Её бледные щеки слегка порозовели.

Сандер снова взмахнул молотом. Держа его в руке, он не боялся неизвестного. Эта «тварь» считает себя неуязвимой, но без Максима она не смогла защитить даже часть своего владения. И Максим умер так, как никто из его поколения, он был убит разгневанным животным.

У кузнеца не было никаких планов, только намерения. Предложение Фейни сдать — вероятно, это следствие того, что она испытала в закрытом шкафу. Сандер знал

одно: врагу доверять нельзя. Даже попытка договориться означала поражение, потому что Мозг, правящий здесь всем, такую попытку примет как признание слабости. Он пообещает всё, что угодно, и нарушит обещание, как только ему будет это выгодно.

Но он верил, что Фейни имеет доступ к нему. Он поднял руку, провёл ладонью по проволоке на лбу. Древнее суеверие неразумно, однако оно действует. Если он сможет выдержать боль, у них появится шанс — небольшой, но появится.

— У тебя есть план. — Фейни не спрашивала, но утверждала. Наклонившись вперёд, она внимательно смотрела на него.

— Не план. — Сандер покачал головой. — Мы мало знаем, чтобы составить план. Можем только идти... и надеяться на какую-нибудь случайность...

— Мы? Но ты не сможешь! Он тебя не пропустит!

Сандер снова коснулся ленты. «Нельзя ничего узнать, пока не попробуешь. Ты говоришь, животными он управлять не может?»

— Пеканами не может. Они удержали бы меня. Но что он может направить против нас, если встревожится, я не знаю.

Он вспомнил многорукую металлическую машину. Теперь он знает, как с ними справляться. И у него теперь две трубки: одну он раньше отобрал у Максима, вторую старик принёс сейчас. Сандер сходил за ней к телу.

Вернувшись, он вложил первую трубку в руки Фейни. В нескольких словах объяснил, как ею пользоваться.

— Ты твёрдо решил? — спросила девушка, когда он закончил.

— Другого выхода нет. Человек всегда держится за жизнь. Я считаю, что мы погибнем, если не укротим его.

— Говорю тебе: я смогу уговорить его выпустить вас, если пойду к нему добровольно.

— Ты согласишься пойти к нему, — ответил Сандер. — Но я пойду с тобой. Может, он будет знать, что я с тобой, но вот что мы сделаем: ты пойдёшь впереди, чтобы он подумал, что ты убегаешь от меня, а я за тобой охочусь. Причём ты должна быть не очень далеко впереди: мы должны быть рядом друг с другом, чтобы он не успел взять тебя и отрезать меня.

Фейни помолчала. Потом соскользнула со спины Рина.

— Это приведёт тебя к смерти, кузнец. Но будь уверен.

Хотя я пойду добровольно, он меня в своих целях не использует. У меня есть это. — Она показала трубку. — Оно может быть обращено и в ту сторону, и в эту. А он не сможет использовать искалеченное тело. А как наши спутники?

— Они тоже, — ответил Сандер. Он снял поклажу с Рина. — Это мы оставим здесь. — Он не добавил, что, возможно, им никогда не понадобятся эти припасы. На грудь вещей он положил свой самострел, хотя нож оставил у себя, главным образом потому, что носил его так долго, что почти не осознавал, что он висит у него на поясе.

Кузнецкий молот — вот наследие, из которого он теперь черпал силы, молот представляет всё нормальное и правильное в мире, который кузнец знает, и трубка — часть этого мира — вот теперь его оружие. Вернее, его инструменты, потому что он не смотрел на предстоящее как на битву, скорее, как на дело, как на необходимый ремонт плохо изготовленной вещи.

— Ты идёшь добровольно? — Фейни спрашивала, как вождь, готовящийся связать воина кровной клятвой.

— Добровольно, — подтвердил Сандер.

Она повернулась к животным. Пеканы подошли к ней, и она положила руки им на головы. Они лежали неподвижно, потом встали и лизнули её в щеку. Рин следил за ними. Но вот он тоже встал, подошёл к Сандеру и толкнул кузнеца в плечо носом — их старый сигнал, что пора идти.

— Они тоже идут добровольно, — сказала Фейни.

Как и предложил Сандер, она пошла впереди. Он позволил ей и пеканам отойти на длину прохода, потом они с Рином пошли следом. Фейни снова сжимала в руках подвеску. Она не возвращалась тем же путём, что шла сюда. Пройшла прямо, спустилась вниз по короткому спуску между разбитыми Сандером установками.

Через несколько минут она остановилась у чёрной каменной стены. Протянула к стене руку с подвеской. Часть стены повернулась, открывая проход.

Коридор оказался довольно узким. Рин едва смог протиснуться туда. Света не было. Как только они оказались внутри, дверь закрылась. Сандер слышал лишь звуки шагов тех, кто шёл впереди.

Коридор извивался, иногда Сандер, который шёл всле-

пую, сильно ударялся об углы. Но коридор был один, никаких боковых ответвлений, поэтому он шёл уверенно, зная, что Фейни впереди.

Наконец перед ним показался свет, и Сандер подумал, что девушка открыла вторую дверь. Он заторопился, чтобы дверь не закрылась и они с Рином не остались в темноте. Помещение, в котором они оказались, было совсем не похоже на все другие.

Перед ним была стеклянная стена, очень похожая на ту поверхность, на которой появлялись линии и пятна; Максим говорил, что это очертания миров: мира Предков и нынешнего. Но тут стояло только одно кресло, причём спинкой оно было повернуто к этой стене. В кресле сидела Фейни, пеканы лежали у её ног. Они тихо рычали.

Руки её лежали на подлокотниках кресла, но никаких кнопок здесь не было. И когда Сандер подошёл, она сняла с шеи цепочку, на которой висела подвеска, и отбросила её от себя, как будто убирала всё, что могло помешать господствующему здесь Мозгу.

Сандер поймал подвеску в воздухе за цепочку. Он сам не может надеть эту вещь, но оставалась надежда, что её можно будет использовать как оружие. Девушка достала из-за пояса трубку и её тоже отбросила. Она просто сидела в кресле, беззащитная и одинокая. И вдруг — в кресле сидела уже не Фейни.

Черты её лица исказились, задёргались, отчасти даже стали внешностью кого-то другого.

— Подойди ко мне!

Ничего соблазнительного в этом приказе не было. Да, это был именно приказ, небрежно произнесённый, с высокомерием того, кто не привык ожидать неповиновения. И такова была сила этого приказа, что Сандер даже произвольно сделал шаг к Фейни-Которая-Не-Фейни.

Мгновенно рядом с ним оказался Рин и вцепился зубами ему в плечо с силой, которая причинила боль. И эта боль нарушила чары.

Фейни улыбнулась, но такой улыбки Сандер на человеческом лице не видел.

— Варвар... — Она рассмеялась — Твоя борьба за людей... ты... — Тон её изменился, стал холодным и далёким. — Вы, варвары, оскверняете землю. Вы ничто, вы недостойны жить там, где когда-то жили настоящие люди.

Сандер слышал её слова. Пусть это существо, овладевшее Фейни, говорит, не встречая возражений. Ключ к его местонахождению должен быть где-то здесь. Но сможет ли он найти его вовремя?

— Отдай своё оружие, варвар, — с холодным презрением сказала Фейни. — Ты думаешь, его можно использовать против м е н я? Дурак, я уже тысячу раз мог уничтожить тебя, превратить в ничто. Я допустил тебя сюда только потому, что ты можешь послужить мне... пока. Как служит мне эта женщина...

Рин отталкивал Сандера от Фейни. Но голова койота была устремлена к стене за креслом. Кузнец видел, как койот насторожил уши. И хоть, казалось, Рин смотрел на Фейни, отталкивая Сандера от девушки, всё его внимание было устремлено на стену за креслом.

Сандер крепче сжал рукоятку молота.

— Ты мой, варвар...

В этом голосе звучало достоинство, разрывавшее Сандеру слух. И что это за дымка собирается над креслом, в котором сидела Фейни? Или глаза обманывают его? Металл на лбу начал нагреваться. Дышать стало тяжело.

Он никому не принадлежит! Только себе! Силой холодного железа, которое может обрабатывать только кузнец, он принадлежит себе!

— Варвар, я должен взять твою жизнь по твоей доброй воле. Поэтому...

Сандер боролся за каждый глоток воздуха. Он должен действовать, больше ждать нечего.

Холодное железо. Он боролся с давлением, прижавшим его, пытавшемся заставить его пресмыкаться, как не должен вести себя человек.

— Холодное железо! — воскликнул он.

В давлении произошла лёгкая перемена, как будто пытавшееся контролировать его существо было чем-то удивлено.

Сандер двинулся — но не к креслу Фейни, куда его тянуло, а к стене. Напрягая все силы, с большим напряжением, чем когда он боролся с Максимом (а ведь тогда он считал, что большего просто не может быть), он обрушил молот на блестящую поверхность.

Послышался треск, по поверхности стены от того места, где молот соприкоснулся с нею, побежали трещины.

И тут же давление усилилось, оно хотело раздавить его.

Нет! Он не позволит остановить его. Тело его качалось. Он чувствовал, как его поддерживают Рин и пеканы, они все собрались к нему. Он ударил вторично, в то же место.

Звон падающего, разбивающегося стекла. В стене образовалась дыра размером в кулак. В ответ Сандер упал на колени под ударом такой силы, какого никогда впоследствии не мог описать.

Но он упрямо полз вперёд, всю свою волю направив на борьбу с давлением, с мыслью, что если сдастся, то он погибнет. И он дополз до стены!

Молот он выронил, пока медленно, напряжённо поднимал руки. Просунув пальцы в отверстие, Сандер ощутил, как рваные края впились в его плоть. Убедившись, что взялся прочно, он всем весом навалился на руки.

На какое-то мгновение он почувствовал страх и боль, ему показалось, что у него не хватит сил. Потом стекло — если это было стекло — лопнуло, осыпав его голову и плечи дождём осколков. Порыв воздуха вырвался из-за стены, воздуха с тем же запахом, что чувствовался ниже, когда он разбил шкаф с Фейни.

Сандер ощупью поискал молот. Правая рука скользила от его же крови. Он боялся, что не удержит оружие. Но есть ещё левая рука — да!

Он поднял руку, неуклюже держа в ней молот. Но даже и такой удар обломил ещё часть стенки. Образовался проход — проход к Мозгу, хотя пройти в него можно было только на четвереньках, чувствуя себя почти раздавленным давлением.

Сандер переполз через высокий порог стенки. Он упал вперёд и оказался в другом помещении. Там никого не было. Он тупо замигал от удивления. Фейни всегда говорила о нём, о твари, и Сандер ожидал увидеть нечто похожее на тело, может быть, как у той машины в коридоре. Но увидел только ряды высоких шкафов. На них мигали огоньки.

Он испытывал некоторое облегчение, За этим порогом давление исчезло. Если это логово врага Фейни, то тут защиты нет, может быть, считалось, что сюда никто не сможет пройти.

— Незаконное и незарегистрированное проникновение...

Голос исходил не из уст Фейни. Он был похож на тот.

что бормотал незнакомые слова, когда он пробирался по подземелью. Где то, что он ищет? В одном из этих шкафов?..

— Тревога, защита первой степени...

Он не понимал значения этих слов. Но наверняка это угроза. Не пытаясь встать, Сандер достал из-за пояса трубку и нацелился на шкаф с наибольшим количеством огней. И в то же время услышал громкий лязг. Из тени к нему двигался металлический предмет.

— Схватить и подвергнуть допросу... — вопил голос, а металлическое создание приближалось к Сандеру.

Он прижался к разбитой стенке. Посмеет ли он повернуть оружие против этой машины? Если ею управляют откуда-то...

Последовала вспышка яркого света. Шкаф, на который он нацеливал трубку, загорелся. Сандер не стал больше ждать, он повернул трубку к другому наиболее активному шкафу. Что-то схватило его за ногу. Из двигавшейся машины змеей извивалась лента. Она захватила его ногу. Другая устремилась к его телу. Откуда-то сзади мелькнула пушистая молния. Послышалось рычание, и третья лента перехватила Кая в полёте.

Сандер продолжал удерживать луч на цели. Взорвался второй шкаф. Кая присоединилась к самцу, её тоже схватили, но теперь лентам было не до Сандера.

Сандер вытянулся, насколько позволяла удерживавшая его лента, и направил луч вдоль ряда шкафов. Третий, четвёртый, пятый... Неожиданно полоса, державшая его, развернулась и безжизненно упала на пол. Сандер вскочил, чтобы уничтожить ещё больше панелей. Но когда он направил на них луч, тот уже не действовал. Но и на панелях больше не светились огоньки. Запах горелого стал удушающим. Сандер попытался использовать раненую руку. Если получится, остальные он разобьёт молотом. Где логово этого существа? Если оно не...

Сандер подавился и закашлялся, глаза его слезились, в горле болело. При каждом вдохе воздух болезненно глубоко проникал в нос и горло. Он должен убираться отсюда... даже если и не окончил работу...

Сквозь дым Сандер двинулся назад, переходя от одной полурасплавленной панели к другой, в поисках входного отверстия. Выбравшись, он сразу увидел Фейни. Она те-

перь не сидела в кресле, а лежала на полу, куда соскользнула без чувств. Он бросился к ней, но пеканы его опередили, Кайя принялась облизывать лицо девушки, трогать тело лапами, испуская негромкое ворчание.

Сандер похолодел. Неужели... неужели он убил Фейни? Он подошёл к ней. Кайя предупредительно заворчала, но позволила ему коснуться девушки, кровь от пореза на его руке оставила следы на её плечах и руках.

Глаза её были закрыты, лицо пусто и лишено выражения, но она жива!

Он сел, опустив голову на руки и положив раненую руку на сидение кресла. И тут он увидел подвеску, которую заткнул себе за пояс. Он одной рукой достал её и положил на грудь Фейни, где она всегда висела.

Веки Фейни дрогнули. Она смотрела на него, как будто не видела, как и в тот раз, когда очнулась от своих ужасов. Потом взгляд её прояснился. Она узнала его!

— Он... он искалечен!

Сандер вздохнул. Значит, победа всё же не полная.

— Как сильно? — спросил он.

Она ответила немного спустя: «Он... часть его умерла... но те, кто знает как, могут ещё воспользоваться оставшимся.»

— Нет! — Он вспомнил, что привело его сюда. Этот Мозг может любого сделать хозяином расколотого мира. Но нет человека, достаточно сильного и мудрого, кто мог бы воспользоваться его знаниями.

— Нет, — повторила она вслед за ним.

— Твоё оружие, чтобы спасти людей... — сказал он.

— Твои знания кузнеца, — подхватила она.

— О н не принадлежит нашему миру, — медленно проговорила она. — То, что делало е г о нашим врагом, ушло. Пусть он остаётся. Он не принадлежит нам.

Сандер подумал о Торговцах, о Белых, которых призвал Мозг.

— Он не должен принадлежать никому.

Она кивнула, затем с трудом встала. И тут же с озабоченным видом склонилась к его руке.

Позже они сидели на полу у груды своих изношенных дорожных вещей. Сандер подальше утащил тело Максима. Фейни обработала его рану своими мазями, но немало ещё дней пройдёт, прежде чем он снова сможет работать молотом.

В помещении было холодно, вся жизнь ушла из него. Фейни потрогала первую трубку Максима, которую отбросила в комнате с креслом.

— Мозг не может отремонтировать себя сам. И не думаю, чтобы остался кто-нибудь, кто бы смог бы служить ему. Максим был последним. Но найдутся другие, кто захочет попробовать.

— В ней ещё осталась сила, — кивнул Сандер в сторону трубки. — Может, её хватит, чтобы закрыть наружный вход.

Фейни притронулась к подвеске, всё ещё висевшей у неё на шее. «Не думаю, чтобы здесь кто-нибудь оставался. Если мы сможем сделать это... запечатать вход... никто не найдёт его. Белые в точности не знают, чего ищут. Их шаманы руководствовались сновидениями... посланными Мозгом.»

— Машина или человек? — вслух подумал Сандер.

Фейни вздрогнула. «И то, и другое. Но как могли Предки сделать это!.. И он ещё жив, хоть ты и уничтожил то, что давало ему силу. Если так... какой ужас ожидает его... быть заключённым бесконечно долго.»

— А как твоё племя? — спросил Сандер.

— А твоё? — возразила девушка.

Кузнец ответил первым. «Моё проживет. У него есть кузнец, не такой хороший, как мой отец, но люди ему верят. Они мои родичи. Но мне трудно сейчас вспомнить лицо, которое мне захотелось бы увидеть.»

— А я всё ещё связана, — Фейни держала подвеску. — Может, мы сумеем запечатать одну опасность. Но есть и другие. Как смогу, я помогу своему клану, хотя нет со мной большой силы. Я подвела Педфорд, поэтому за мной долг.

— Как же ты его отплатишь?

— Многие пути ведут на юг. Если там в плену мои люди, они имеют право рассчитывать на меня.

Сандер шевельнулся, рука его, когда он двигался, начала тупо болеть, несмотря на наложенную Фейни повязку. Путешествовать с одной здоровой рукой трудно.

— Значит, на юг. Как только обезопасим то, что находится здесь.

Девушка нахмурилась. «Это не твой долг, кузнец!»

Сандер улыбнулся. «Наверно. Но я выбрал общий путь.

Да и какая разница, куда пойдёт человек без родства? У меня появилась мысль, шаманка. Мы пришли сюда в поисках знаний. И нашли их, хотя и не так, как думали.»

— Что ты хочешь этим сказать, кузнец?

— Вот что. Мы долго жили на остатках знаний Предков, всё время оглядываясь назад. Но почему? Не бывает ночи без звёзд, и наша ночь может быть освещена нашими усилиями. Мы сами по себе, мы не принадлежим Предкам. Мы должны учиться самостоятельно, не пытаться оживить то, что было известно Предкам. Может, встретив их, мы и не захотели бы считать их своими родичами. Я не родич Максиму!

— Не родич... — повторила она. — Да, ты прав, кузнец! И я не родственна тем людям, накопившим знания, которые Мозг пытался передать мне. Мы начнём сначала, сами осветим свою ночь и будем надеяться на лучшее.

— Начнём сначала, — согласился Сандер и добавил: — На юг, Фейни, раз тебя ведёт туда долг. Посмотрим, нельзя ли победить Морских Акул нашими средствами. В конце концов разве мы не победили здесь нечто гораздо более могучее?

— Кузнец, ты веришь в своё достоинство.

Сандер, оберегая раненую руку, встал. Здоровую он положил на плечо Рину.

— Человек никогда не потеряет собственное достоинство, — спокойно ответил он. — А если он хорош в своей профессии, что ещё нужно?

Фейни рассмеялась. «Ну, может, одна или две вещи ещё и нужны, Сандер. Но они, несомненно, появятся в своё время. Ночь никогда не длится вечно.»

Оглавление

Зеркало Мерлина 3

Нет ночи без звезд 181

**Издательство
«Зеленоградская
книга»**

издает собрание

**сочи-
нений
Андрэ
Нортон**

Книги

Андрэ

Нортон

**ЭТО ПРОСТО
ФАНТАСТИКА!**

**По вопросам реализации
обращайтесь по тел (095) 536-50-94**

Андрэ Нортон
НЕТ НОЧИ БЕЗ ЗВЁЗД

литературно-художественное издание

Ответственный редактор
Голованев М. В.

Художественный редактор
Прилипка К. В.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Сдано в набор 01.05.93. Подписано в печать 17.06.93.
Формат 84×108/32. Бумага типографская. Печать высокая.
Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 16,7. Физ. п. л. 11.
Тираж 100 000 экз. Зак. № 1026. С 9.

Набор и верстка АО «Музыка сфер»
ОДИГО ВФО. Одинцово, Можайское ш., 77.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Мининформпечати РФ.
127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

